ТЯЖЕЛАЯ ИНДУСТРИЯ В СССР

УГОЛЬ, НЕФТЬ, ЖЕЛЕЗО И МЕДЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПРОФ. А. Д. БРЕЙТЕРМАНА, ПРОФ. А. В. БЕНЕДИКТОВА,
ДОЦ. М. Б. ВОЛЬФА, ПРОФ. В. Э. ДЕНА И В. С. КЛУПТА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. Э. ДЕНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1313
26

Гиз № 11632.
Ленинградский Гублит № 18846
21 л. Отп. 3.050 экз.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	5
1. Проф. А. В. Венедиктов. Организация железной и угольной промышленности	7
2. Доц. М. Б. Вольф. Каменноугольная промышленность	130
3. В. С. Клупт. Нефтяная промышленность	160
4. Проф. В. Э. Ден. Железорудная и железоделательная промышленность	245
5. Проф. А. Д. Брейтерман. Медная промышленность	319

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Современное состояние отдельных отраслей хозяйственной жизни СССР получает в настоящее время в нашей экономической литературе довольно полное освещение. В этом отношении в особенности следует указать на выходящие уже несколько лет под ряд ежегодники — «Русская промышленность (с 1924 г. — Промышленность СССР) в ... году» (издание ред.-изд. отдела ВСНХ) и «Народное Хозяйство СССР за ... год» (изд. «Экономической Жизни»). Эти издания имеют, однако, в виду дать, главным образом, отчет о состоянии той или другой отрасли народного хозяйства только за данный операционный год, без сколько-нибудь подробного установления связи с прошедшим развитием.

Между тем, в настоящее время, когда хозяйственная жизнь СССР недавно пережила сильнейшее потрясение, от которого она за последние годы стала быстро оправляться, представляется особенно важным рассмотреть в известной исторической перспективе характер и размеры этого потрясения и сменившего его процесса восстановления хозяйства. Настоящий сборник и ставит себе задачею дать описание современного состояния некоторых крупнейших отраслей хозяйственной жизни страны в таком историческом освещении. Этими отраслями являются наиболее важные составные части горной и металлургической промышленности СССР: каменноугольная, нефтяная, железоделательная и медная промышленность.

Если предлагаемый сборник встретит сочувственное отношение и если окажется, что он действительно отвечает назревшей потребности, авторы его имеют в виду выпустить такие же сборники и по некоторым другим отраслям хозяйственной жизни.

Уже до войны, в связи, главным образом, с образованием крупных предпринимательских объединений, при изучении хозяйственной жизни отдельных стран все более выдвигались на первый план вопросы, касающиеся организации промышленности. За время

войны, вследствие вызванного ею напряжения всех хозяйственных сил и последовавших, в связи с этим, глубоких организационных преобразований в промышленности, значение этих вопросов еще более увеличилось. Но в особенно сильной степени интерес к ним возрос в СССР, где, после революции и осуществленной ею национализации промышленности, в центре внимания стали вопросы организационные. Вот почему и в настоящем сборнике, при изучении отдельных отраслей промышленности, уделено внимание и этим вопросам, а по двум основным отраслям нашей промышленности, весьма тесно, к тому же, между собою связанным,—каменноугольной и железоделательной,—вопрос об организации промышленности выделен в самостоятельную статью проф. А. В. Венедиктова.

Как всякий коллективный труд, предлагаемый читателю сборник не вполне однороден. Хотя все статьи стремятся к одной цели — дать описание современного состояния данной отрасли промышленности в СССР под указанным выше углом зрения, — тем не менее на их характере не могли не отразиться и личные научные интересы и взгляды составителей. Отсюда некоторая неоднородность в трактовке предмета, отчасти, впрочем, вызываемая и особенностями как отдельных отраслей промышленности, так и имеющихся по ним материалов.

Издание предлагаемого сборника по независящим от авторов обстоятельствам задержалось (сборник был закончен авторами в рукописи в первой половине 1925 года), что при настоящем бурном развитии нашей промышленности не могло не повести к устарелости некоторых данных. Не имея возможности внести в текст сколько-нибудь существенные исправления и в полной мере использовать вышедшую за последнее время литературу, авторы были вынуждены ограничиться лишь наиболее существенными дополнениями и изменениями.

Проф. В. Э. Дан.

Январь 1926 года.

Проф. А. В. ВЕНЕДИКТОВ.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖЕЛЕЗНОЙ И УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Мировая война и Октябрьская революция являются теми гранями, за каждой из которых начинается новая страница в истории организации русской тяжелой индустрии. «Механизированный рай ничем не обузданного хозяйства» [1] сменился системой военно-принудительного капитализма — с тем, чтобы уступить свое место новой системе, отрицающей самые принципы капиталистического хозяйства. Но при всем отличии основных начал до-октябрьской и после-октябрьской экономики, организационные формы довоенной и, в особенности, военной промышленности были использованы — с соответствующими изменениями — при построении советской промышленности. Именно в тяжелой индустрии центральный аппарат, созданный как самой промышленностью (синдикаты «Продамета» и «Кровля»), так и государством («Расмеко» и Особое Совещание по топливу), был использован в большей мере, чем в какой-либо другой отрасли. Не следует преувеличивать значение и пределы этого использования, но и нельзя абсолютно отрицать «преемственность» старых и новых форм промышленной организации. [2]

История советского организационного строительства может и должна поэтому изучаться в сопоставлении — и в противопоставлении — с довоенной и военной структурой русской промышленности. Насколько позволяли узкие рамки настоящего очерка, мы стремились осветить, по возможности, все основные этапы организационного развития железной и угольной промышленности—от первых монополистических соглашений XIX в. до трестов, синдикатов и конвенций наших дней.

---

[1] Эта характеристика довоенного капитализма принадлежит Rathenau, «Die neue Wirtschaft», 1921, S 24.

[2] Ср. различные мнения, высказанные по вопросу о преемственности старых и новых органов хозяйственного управления страной Г. В. Цыперовичем («Синдикаты и тресты», изд. 3-е, П. 1920, стр. 158 — 159; «Главкизм», 1924, стр. 4—6) и Н. И. Бухариным («Экономика переходного периода», М. 1920, стр. 70—71).

Литература и источники.

Специальных исследований по организации железной и угольной промышленности, за исключением работы проф. Л. Б Кафенгауза («Синдикаты в русской железной промышленности», М. 1910), доведенной до 1909 г., не имеется. Довоенная структура железной и угольной промышленности довольно подробно освещена, однако, в общих исследованиях о довоенных синдикатах и трестах и об иностранных капиталах в России (работы Н. Ванага, проф. И. М. Гольдштейна, проф. О. С. Загорского, В. С. Зива, Е. С. Лурье, П. В Оля, проф. П. И. Фомина и Г. В. Цыперовича), а также в трудах, посвященных общеэкономической характеристике названных отраслей тяжелой индустрии (работы Ип. Гливица, проф. В. Э. Дена, П. Жигалко, Г. В. Мерцалова, проф. П. И. Фомина и др.). Ценный материал дают также: 1) Свод ответов обществ «Продуголь», «Продамета», «Проволока» и «Кровля» по опросному листу Совещания о синдикатах и трестах при Министерстве Торговли и Промышленности, СПБ, 1912, и Справка относительно работ Междуведомственного Совещания о трестах и синдикатах при Министерстве Торговли и Промышленности, СПБ, 1913 г.; 2) Статистический Ежегодник на 1914 г, изд. Совета Съездов, СПБ, 1914 и др. издания Совета Съездов, цитированные в гл. I; 3) сб. «Русские биржевые ценности», под ред. проф. М. И. Боголепова, П. 1915, и 4) в особенности, доклады правлений и протоколы общих собраний горных и металлургических предприятий за последние годы до войны (1910—1913 гг.).

В меньшей мере освещены в указанных выше исследованиях концентрационные процессы военного времени. По вопросу же о формах и методах военного регулирования железной и угольной промышленности (1914—1917 гг.) нет ни специальных исследований ни каких-либо обзоров, обнимающих весь период войны. В работах Н. А. Данилова («Влияние великой мировой войны на экономическое положение России», П. 1922), П. Каратыгина («Общие основы мобилизации промышленности для нужд войны», М. 1925) и С. Н. Прокоповича («Война и народное хозяйство», изд. 2-е, М. 1918) организационные проблемы русской военной промышленности вообще обойдены молчанием. В работе А. А. Маниковского («Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.», М. 1920—1923, ч.ч. I—III) освещен, главным образом, вопрос о технико-производственном приспособлении механических и машиностроительных заводов к производству снарядов, винтовок, пулеметов и патронов и дана лишь самая общая характеристика деятельности Особого Совещания по обороне и военно-промышленных комитетов в области заготовок названных предметов боевого снабжения. Равным образом, и в работе проф. В. И. Гриневецкого («Послевоенные перспективы русской промышленности», М. 1919) почти нет данных о военной организации промышленности. Единственным источником для изучения истории военного регулирования железной и угольной промышленности являются официальные издания и материалы Особых Совещаний по обороне и по топливу, Центрального и Московского военно-промышленных комитетов, Всероссийских Союза Городов и Земского Союза, стенографические отчеты Гос. Думы, Гос. Совета и Экономического Совета, «Собрание Узаконений», сборники законодательных актов и несколько отдельных статей, указанных в гл. II и III.

Равным образом, и для изучения организационных форм советской промышленности наиболее ценный материал дают Труды Съездов СНХ, стенографические отчеты заседаний Пленума ВСНХ, Отчет ВСНХ VIII Съезду Советов, «Русская промышленность» за 1921—1924 гг. (изд. ВСНХ), Труды Комиссии СТО «На новых путях» (т. III), «Собрание Узаконений» и ряд сборников декретов и распоряжений по промышленности, изданных ВСНХ, указанные в гл. III—V Отчеты отдельных регулирующих орга-

нов (Главметалла и др.) и журналы «Народное Хозяйство» (позднее «Социалистическое хозяйство») за 1918 — 1925 гг., «Плановое Хозяйство» за 1925 г., «Вестник промышленности, торговли и транспорта» за 1922 — 1925 гг., «Экономическое Обозрение» за 1923 — 1925 гг., «Синдикат» за 1923 — 1924 гг. и «Бюллетень конвенции металлосиндикатов» за 1923 — 1925 гг. Литературные указания даны в примечаниях к главам IV — VI.

ГЛАВА I.

Довоенная организация железной и угольной промышленности.

История довоенной железной и угольной промышленности России проходит в своем развитии, в общем и целом, те же этапы, которые были пройдены одним—двумя десятилетиями ранее американской и западно-европейской тяжелой индустрией.[1] Первыми по времени объединениями в России были неформальные соглашения—весьма кратковременные и непрочные, аналогичные тем основанным лишь на честном слове «соглашениям джентльменов» (gentlemen's agreements), которые явились начальной формой монополистических организаций в американской стальной промышленности. Таковы соглашения уральских заводов с крупнейшими торговыми фирмами на Нижегородской ярмарке о ценах на кровельное железо или соглашения 80-х годов прошлого столетия между проволочно-гвоздильными заводами Петербурга, Москвы, Либавы, Варшавы и Риги, предшествовавшие более оформленным соглашениям (конвенциям) в той же отрасли промышленности.[2] Тот же характер носили, повидимому, и тайные соглашения каменноугольных предприятий 1895 г.[3] или более поздние соглашения углепромышленников Домбровского бассейна.[4]

[1] Интересующихся историей объединения американской и западно-европейской железной и угольной промышленности отсылаем к Report of the Commissioner of Corporations on the Steel Industry, p. I Organisation etc. U. S. S. C., 1911; Jones, The Trust Problem in the United States, 1921; Macrosty, The Trust Movement in British Industry, 1907 (нем. пер. 1910); J. Morgan Rees, Trusts in British Industry 1914 — 1921, L. 1922, Konzerne der Metallindustrie, herg. v. Vorstand des Deutschen Metallarbeiter Verbandes, 2. Aufl., 1924; Liefmann, Kartelle und Trusts, 6. Aufl. 1924. Bezard-Falgas, Les syndicats patronaux de l'industrie métallurgique en France, 1922.

[2] Проф. Л. Б. Кафенгауз, «Синдикаты в русской железной промышленности», М. 1910, стр. 50 — 54.

[3] На «тайные соглашения» 1895 г. указывает Бирюкович, «Промышленные синдикаты», «Вестник Европы», 1895 г., № 2, и вслед за ним Г. В. Цыперович, «Синдикаты и тресты», П. 1920, стр. 32; Р. Арский, «Революция 1905 г., ее предпосылки и движущие силы», Л. 1925 г., стр. 73; ср. проф. И. М. Гольдштейн, «Экономическая политика», М. 1913, в. I, стр. 221.

[4] Справка относительно работ Междуведомственного Совещания о трестах и синдикатах, стр. 9 (приложение к представлению М-ва Торговли и Промышленности от 7/III 1913 г., № 3949).

На смену бесформенным соглашениям приходят формальные конвенции — с более сложной организацией и определенными условиями, обеспеченные неустойкой, но сохраняющие оперативные функции за членами конвенции и тем самым открывающие путь к непрерывному обходу принятых ими на себя ограничений (продажи «на ушко»). Примером подобной конвенции является конвенция железопрокатных, проволочных и гвоздильных фабрикантов, подписанная в Вильне 15/27 сентября 1886 г. 15 заводами Центрального, Северного и Прибалтийского районов. Конвенция имела своей целью «согласовать цены на проволоку, штифты и т. д. с фабричной себестоимостью посредством установления общих для всех продажных цен для того, чтобы устранить наблюдавшееся в последнее время вследствие конкуренции понижение цен». Общее собрание членов конвенции должно было устанавливать обязательные для всех участников продажные цены и условия продажи, каждый раз на срок от 3 до 6 месяцев. В обеспечение исполнения принятых на себя обязательств члены конвенции должны были внести залог в размере от 2 до 6 тыс. руб. [1] Несмотря на формальный и более строгий характер приведенной конвенции, она не просуществовала даже и намеченного в ней «предварительно» одногодичного срока и распалась вскоре после основания. Ту же судьбу испытала и другая, заключенная взамен нее, аналогичная конвенция. Причиной расторжения всех конвенций неизменно являлось несоблюдение их условий договорившимися предприятиями и продажа конвенционных изделий ниже установленных цен.

Распадение конвенции дает стимул к переходу к высшей форме объединения (синдикату), лишающей его участников возможности столь легкого нарушения конвенционных обязательств. Три члена конвенции 1886 г. заключают в Риге 23/III 1890 г. соглашение о передаче торговли проволокой и гвоздями общей продажной конторе в Петербурге и Либаве — с контингентировкой сбыта по квотам. Заключенное первоначально на три года, это соглашение оставалось в силе до середины 90-х годов. [2] Аналогичные продажные конторы были основаны гвоздильными предприятиями Прибалтийского и Западного районов в Вильне, Либаве, Варшаве и Риге. Все они носили ограниченно-территориальный характер, но в 1903 г. объединились в акционерное общество «Гвоздь», охватившее заводы всей России. Из других конвенций должны быть отмечены конвенция трубопрокатных заводов, заключенная тремя существовавшими в России

[1] Устав конвенции напечатан в приложениях к работе Л. Б. Кафенгауза, стр. 237 — 245.

[2] Устав «Агентства русских проволочных и гвоздильных заводов для Петербурга» от 23/III 1890 г. напечатан в приложениях к книге Л. Б. Кафенгауза, стр. 246 — 248.

трубопрокатными заводами и действовавшая 3—4 года (до конца 90-х годов), конвенция южных рельсопрокатных заводов, заключенная в середине 90-х годов в целях распределения казенных и частных заказов на рельсы, и конвенция фабрикантов иголок, образовавшаяся в 80-х годах и распавшаяся вследствие судебного приговора, не признавшего законной силы за конвенцией. Таким образом, монополистическое движение 80-х и 90-х годов носило крайне непрочный и узко-территориальный характер.[1]

Создание устойчивых монополистических организаций, хотя и базирующихся на производстве отдельных районов, но охватывающих большую часть общеимперского сбыта соответствующих продуктов, начинается лишь после кризиса 1900—1902 гг., когда процесс синдицирования распространяется на южнорусскую индустрию. В последней сложились наиболее благоприятные для развития синдикатов условия: концентрация производства на небольшом числе предприятий, преобладающее участие иностранного и банковского капитала, широкое применение акционерной формы предприятий и т. д.[2]

В 1891 г. на долю каменноугольных предприятий, добывавших свыше 5 м. п. в год, приходилось 47,8% всей добычи Донецкого бассейна, в 1901 г.—79,6%. В то время как на Урале в 1901 г. из 75 доменных заводов лишь 10 производили более 1 м. п. чугуна в год, на Юге ни один из 15 заводов не производил менее 1 м. п.[3]

Преобладающее значение как в угольной, так и в железной промышленности Юга России с момента их возникновения принадлежало иностранному и, в первую очередь, франко-бельгийскому капиталу. К концу XIX в. из 88 каменноугольных предприятий Донецкого бассейна с общей производительностью в 531,5 м. п.

---

[1] История конвенционных и синдикатских соглашений конца XIX в. наиболее полно освещена проф. Л. Б. Кафенгаузом (стр. 51—62), имевшим возможность использовать архив Московского металлического завода. В более ранних работах имеются лишь отрывочные сведения об отдельных конвенциях (акад. И. И. Янжул, «Промысловые синдикаты», СПБ, 1895, стр. 120, прим. 2; А. Л. Рафалович, «Промышленные синдикаты за границей и в России», СПБ, 1904, стр. 49).

[2] Мы оставляем в стороне другие факторы, обусловливавшие синдицирование железной и угольной промышленности (высокий органический состав капитала, покровительственные пошлины, централизацию сбыта в лице казны и отчасти городов, локализацию производства в определенных географических районах и т. д.), как имевшие общее значение и для остальных районов. Об условиях, благоприятствовавших созданию синдикатов в русской тяжелой индустрии — см. Л. Б. Кафенгауз, стр. 28—34; проф. В. Э. Ден, «Каменноугольная и железоделательная промышленность», СПБ, 1907, стр. 42—48 и 163—164; проф. И. М. Гольдштейн, «Благоприятна ли русская действительность для образования синдикатов и трестов», М. 1913, стр. 7 сл. или его же «Экономическая политика», М. 1913, в. I, стр. 225 сл.

[3] В. Э. Ден, стр. 43 и 163—164.

14 крупнейших предприятий с производительностью свыше 5 м. п. каждое и с общей производительностью в 287,5 м. п. (54%) находились в руках иностранного капитала. Среди южнорусских металлургических предприятий лишь два предприятия (Сулинский завод Пастухова и Общество Брянских заводов) можно было назвать чисто русскими. Все остальные работали полностью или в преобладающей части на иностранные капиталы. Главным образом, на счет южнорусской тяжелой индустрии должен быть отнесен тот усиленный приток иностранных капиталов, который имел место во второй половине 90-х годов (после денежной реформы С. Ю. Витте) и в результате которого доля иностранного капитала в горной промышленности (в целом) к 1900 г. достигла 56,4% всех иностранных капиталов, вложенных в русские акционерные и паевые промышленные предприятия (438 милл. руб. из 777).[1]

Что же касается степени распространения акционерной формы, то, в противовес Уралу, на Юге в начале XX в. имелось лишь одно крупное единоличное металлургическое предприятие, в 1905 г. также преобразованное в акционерное общество (Сулинский завод). В каменноугольной промышленности на долю акционерных компаний в 1902 г. приходилось 86% всей добычи Донецкого бассейна.[2]

Концентрация производства на небольшом числе предприятий упрощала переговоры и согласование интересов немногочисленных участников будущих синдикатов. Иностранный капитал был заинтересован в создании организации, облегчавшей возможность информации и контроля над далекими от него предприятиями[3] и в то же время обеспечивавшей бóльшую устойчивость этим последним. Акционерная форма позволяла устранить препятствия личного характера, продолжавшие играть крупную роль на Урале.

Не менее благоприятным фактором для синдицирования южнорусской промышленности являлось наличие сильной предпринимательской организации в лице Съездов горнопромышленников Юга России, возникших еще в 1874 г. и создавших навыки к объединенной защите промышленных интересов как тяжелой индустрии своего района в целом, так и отдельных ее отраслей

---

[1] Б. Ф. Брандт, «Иностранные капиталы», ч. II, СПБ, 1899, стр. 46—65, 116—118 и 228—235; М. И. Туган-Барановский, «Русская фабрика в прошлом и настоящем», М. 1922, стр. 260—263 и 266; В. С. Зив, «Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности», П. 1917, стр. 8; П. В. Оль, «Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России», Л. 1925, стр. 14, 19—22, 26 и 30—32.

[2] В. С. Зив, стр. 6, 57 и 75.

[3] Ср. «Русские биржевые ценности», под ред. проф. М. И. Боголепова, П. 1915, стр. 182—183.

(каменноугольной и железоделательной).[1] Коротко говоря, все необходимые для объединения центростремительные силы были уже налицо, и нужен был лишь толчок, чтобы привести их в движение. Таким толчком явился кризис 1900—1902 гг.[2] Под непосредственным впечатлением кризиса руководители южной металлургии первоначально задаются мыслью объединить сбыт всей металлургической продукции, включая чугун,[3] и, лишь встретив противодействие со стороны отдельных — отчасти комбинированных, отчасти обеспеченных старыми казенными заказами рельсопрокатных заводов,— становятся на путь создания специальных синдикатов по отдельным видам железа.

Летом 1902 г. учреждается «Общество для продажи изделий русских металлургических заводов» («Продамета»),[4] в качестве

---

[1] В узких рамках настоящей главы, посвященной истории предпринимательских объединений производственно-коммерческого типа (конвенций, синдикатов и трестов), мы лишены возможности остановиться на организации и деятельности Съездов горнопромышленников Юга России, равно как и на организации и деятельности Съездов горнопромышленников Урала, сыгравших видную роль в процессе синдицирования южнорусской и уральской промышленности. Отсылаем интересующихся этим вопросом к работам проф. П. И. Фомина—«Краткий очерк истории Съездов горнопромышленников Юга России», Х. 1908, и «Горная и горнозаводская промышленность Юга России», т. I, Х. 1915, стр. 367—391; А. А. Вольского, «Представительство русской промышленности и торговли в настоящее время и основы представительства, необходимого в ближайшем будущем», 1906, стр. 8—12; Е. С. Лурье, «Организация и организации торгово-промышленных интересов в России», СПБ, 1913, гл. II и III; А. О. Гушка, «Представительные организации торгово-промышленного класса в России», СПБ, 1912 (отрывочные сведения — passim).

[2] О кризисе 1900—1902 гг. и его влиянии на процесс синдицирования южнорусской тяжелой индустрии—см. сообщение М-ва Финансов о причинах кризиса и об отсутствии препятствий со стороны правительства к «объединению промышленников», не преследующему «искусственного, ненормального повышения цен на изделия» («Вестник Финансов», 1901 г., № 47, стр. 343—346); Б. Ф. Брандт, «Торгово-промышленный кризис в Западной Европе и России (1900—1902 гг.)», ч. II, СПБ, 1904, стр. 151—205; Л. Б. Кафенгауз, стр. 63—75; проф. А. Ю. Финн-Енотаевский, «Капитализм в России», т. I, М. 1925, стр. 99—101.

[3] О проектах, предшествовавших учреждению «Продаметы»,—см. «Труды XXVI Съезда горнопромышленников Юга России», I. Харьков, 1902, т. I, Доклад подкомиссии по вопросу «Обсуждение современного положения железной промышленности Юга России», составленный М. С. Шимановским, стр. 7—20. Доклад принят Съездом в заседании 15/XI 1901 г. (протокол 12-го заседания, стр. 91).

[4] Организационная структура и деятельность «Продаметы» освещены в литературе полнее, чем структура и деятельность какого-либо другого синдиката. См. Л. Б. Кафенгауз, стр. 80—90; Ип. Гливиц, «Железная промышленность России», СПБ, 1901, стр. 132—137; его же, «Потребление железа в России», СПБ, 1913, стр. 36—46; П. И. Фомин, «Украина», Х. 1923, стр. 130—131; его же, «Горная и горнозаводская промышленность Юга России», Х. 1924, т. II, стр. 110—118; П. Жигалко,

продажной конторы 12 южнорусских предприятий, передавших «Продамете» исключительное право продажи в России листового железа (соответствующие стереотипные договоры были заключены «Продаметой» с вошедшими в синдикат заводами в октябре 1902 г.). В ноябре 1902 г. новая группа заводов, в которую вошла и часть участников по листовому железу, передала той же «Продамете» исключительное право на продажу бандажей и осей. В июне 1903 г. аналогичный договор был заключен на продажу балок и швеллеров, в апреле 1905 г. — на продажу чугунных водопроводных труб, с 1 января 1909 г.—на сортовое железо, и в декабре 1909 г.—на рельсы.[1] В конечном результате вокруг «Продаметы» сгруппировалось 30 предприятий, в том числе 16—на Юге России, 7 — в Царстве Польском, 3 — в Прибалтийском районе, 2—в Центральном и 2—на Урале. Из этих 30 заводов, состоявших контрагентами «Продаметы» к 1910 г., лишь 2 завода (Южнорусский Днепровский и Таганрогский) входили в соглашение по всем пяти продуктам, 5 заводов — по четырем продуктам, 6 заводов — по трем продуктам, 8 заводов — по двум продуктам и 9 заводов — по одному продукту.

Таким образом, «Продамета» являлась продажной конторой пяти синдикатов — с различным, хотя и перекрещивающимся, составом участников и с особым для каждого продукта распределением квот в общем сбыте между участниками данного соглашения. По важнейшему продукту — сортовому железу — доли участия отдельных предприятий колебались между 0,03% и 10,10% (Донецко-Юрьевский завод; фактически доля последнего, с момента присоединения к нему состоявших членами той же

«Железная промышленность СССР», X. 1925, стр. 100 сл.; П. Товбин, «Вопросы металлоторговли и кооперация» — в «Бюллетене Конвенции металлосиндикатов», 1925 г., № 6—7, стр. 82; В. С. Зив, «Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности», стр. 94—97; «Русские биржевые ценности», под ред. М. И. Боголепова, П. 1915, стр. 182—187; Д. Трахтенберг, «Учет, распределение и сбыт металла при современных условиях», «Торг.-Пром. Газ.», 1918 г., № 58. Ценный материал дают также Свод ответов обществ «Продуголь», «Продамета», «Проволока» и «Кровля» по опросному листу Совещания о синдикатах и трестах, изд. М-вом Торговли, стр. 3—9, и Справка относительно работ Междуведомственного Совещания о синдикатах и трестах, стр. 8. См. также Статистический Ежегодник на 1914 г., изд. Совета Съездов, стр. 181—182. В своем изложении внутренних взаимоотношений «Продаметы» с ее контрагентами мы основываемся, главным образом, на договоре по сортовому железу, заключенном на срок с 31/XII 1912 г. по 31/XII 1914 г. По тому же типу были построены и остальные договоры.

[1] В том же 1909 г. некоторые из участников русского рельсового синдиката (общества Южнорусское Днепровское, Русско-Бельгийское и «Русский Провиданс») вступили в состав международного рельсового синдиката, получив в нем 7,2% участия в мировом экспорте рельсов (Л. Б. Кафенгауз, стр. 140).

«Продаметы» Урало-Волжского и С.-Петербургского заводо составляла 18,35%).

О степени охвата «Продаметой» отдельных отраслей железоделательной промышленности можно судить по следующим данным. Доля «Продаметы» в общероссийском сбыте по листовому и универсальному железу в 1904 г. составляла 37%, в 1905 г.—69,5%, в 1913 г.—83% и в 1916 г.—84%; по сортовому железу: в 1909 г.—81%, в 1913 г.—88% и в 1916 г.—84%; по бандажам и осям: в 1904 г.—49%, в 1912 г.—88%, в 1913 г.—83% и в 1916 г.—40%; по балкам и швеллерам: в 1904 г.—66%, в 1912 г.—95%, в 1913 г.—91% и в 1916 г.—85,5%; по рельсам: в 1910 г.—47%, в 1911 г.—70%, в 1913 г.—84% и в 1916 г.—15%. По чугунным трубам доля «Продаметы» с 16% в 1905 г. поднялась до 87% в 1907 г.—с тем, чтобы в 1908 г. упасть до 62% и в 1909 г.—до 44%, С апреля 1910 г. соглашение не возобновлялось. Итак, доля участия «Продаметы» в общеимперском сбыте систематически возрастала от года к году до войны и стала понижаться лишь в связи с переходом всей металлопромышленности к работам на оборону.

В ответ на п. 16(18) произведенной М-вом Торговли и Промышленности в 1910 г. анкеты о синдикатах: «Вызвало ли образование соглашения появление новой конкуренции» —правление «Продаметы» могло со спокойной уверенностью заявить: «новых металлургических предприятий за время действия соглашения не возникало».[1] Число же действовавших заводов подверглось даже некоторому сокращению: с 207 в 1903 г. до 173 в 1910 г., в том числе на Юге с 23 до 21 и на Урале с 112 до 94.[2]

Преобладающее влияние принадлежало в «Продамете» французскому и бельгийскому капиталу. Так, по отношению к сортовому железу доля участия 11 предприятий с французскими и бельгийскими капиталами составляла 52%, листовому железу—63%, балкам—73%, рельсам—69%, осям—55% и бандажам—58%. Кроме указанных 11 предприятий, находившихся почти исключительно в обладании франко-бельгийского капитала, последний принимал участие — на ряду с русским капиталом — в 5 других предприятиях. Если учесть долю участия в «Продамете» и этих 5 предприятий, удельный вес франко-бельгийского капитала повысится до 74% для сортового железа, до 86%—для листового железа, до 96%—для балок, до 100%—для рельсов, до 72,5%—для бандажей и до 68%—для осей. На долю 8 предприятий с германскими капиталами приходилось лишь 17%

---

[1] «Свод ответов», стр. 8.

[2] Статистический Ежегодник на 1914 г., изд. Совета Съездов, стр. 177.

участия по сортовому железу, 14% — по листовому железу, 4% — по балкам, 27,5% — по бандажам и 32% по осям (в двух предприятиях этой группы, на ряду с германским, участвовал, впрочем, и франко-бельгийский капитал). На долю же 3 предприятий с чисто русскими капиталами приходилось лишь 8% участия по сортовому железу и ни одного процента по другим видам синдицированных изделий. [1]

Участие иностранного капитала в металлургических предприятиях Юга России осуществлялось почти исключительно иностранными и находившимися под их контролем русскими банками (см. ниже). Равным образом, и предприятия других районов, входившие в состав «Продаметы», находились под контролем банков, чем в значительной степени и обусловливалось их вхождение в синдикат. В соответствии с этим, и деятельность «Продаметы» развивалась при ближайшем участии французских, бельгийских, германских и русских банков.

«Продамета» была организована в форме обыкновенного акционерного общества с капиталом в 900 000 р. Ее участники — «контрагенты» — были обязаны состоять ее акционерами. Решающее значение в направлении политики «Продаметы» принадлежало, однако, не общему собранию акционеров, а совещаниям контрагентов, образованным особо по каждому отдельному синдицированному продукту.

Стереотипные договоры исчерпывающе определяли взаимоотношения контрагента с «Продаметой» и тем самым со всеми остальными участниками соглашения по данному продукту. Каждый контрагент передавал «Продамете» исключительное право продажи синдицированного продукта «на комиссионных началах», [2] сохраняя за собой право лишь на прием самых мелких заказов (напр., по сортовому железу — не свыше 15 000 пуд. в месяц). Напротив, сама «Продамета», по постановлению общего собрания контрагентов, могла приобретать те же изделия и от несиндицированных заводов. Продажные цены назначались «Продаметой» франко-рынок и брутто кредитные, без партионных скидок и премий за платеж наличными. Расчет с контрагентами производился по общей средней основной цене локо-завод, общей для всех заводов или, по крайней мере, для заводов данной группы. Сообразуясь с конкуренцией внесиндикатских заводов или ураль-

[1] См. таблицы участия отдельных предприятий в «Продамете» у В. С. Зива, стр. 95 — 96, и в Статистическом Ежегоднике на 1914 г., изд. Совета Съездов, стр. 181.

[2] По своей юридической природе синдикатские договоры являлись, однако, не договорами комиссии, а договорами товарищества, как это и было признано С.-Петербургским Коммерческим Судом 13/I 1913 г. по делу «Продугля» с его контрагентами (см. нашу ст. «Картели и синдикаты» в «В. Гр. Пр.», 1915 г., № 5, стр. 122 — 123).

ского синдиката «Кровля», «Продамета» назначала различные цены для отдельных районов, резко понижая их в районах, в которых ей приходилось сталкиваться с «Кровлей» и другими конкурентами.[1] С заводами же «Продамета» рассчитывалась по общей средней основной цене, вследствие чего для завода становилось безразличным, по какой цене сама «Продамета» продавала товары данного завода. С этой целью «Продамета» принимала на себя все скидки и премии, данные отдельным покупателям, премии за платежи наличными, расходы по учету покупательских векселей, расходы по привлечению заказов,[2] премии в пользу отдельных контрагентов (за качество, трудные сорта и т. д. — но не за отказ от производства отдельных договорных продуктов), а также стоимость провоза изделий. При этом в отношении сортового железа все заводы были разделены на 4 группы (южную — 15 заводов, польскую — 6, прибалтийскую — 3, и центральную — 1) и по листовому железу — на 2 группы (польскую и южную, включая в последнюю Выксунский и Урало-Волжский заводы). Подобное разделение было вызвано тем, что заводы отдельных районов находились в неодинаковых географических условиях и при значительной разнице в провозных платах отказались бы удовольствоваться одинаковой для всех решительно заводов средней ценой локо-завод. Путем разбивки заводов на группы — с тем, чтобы расходы по провозу изделий этой группы ложились только на данную группу — и производился учет географического положения завода в целях их нивелировки.

Расчеты по общей средней основной цене производились, однако, лишь два раза в год. Для снабжения же заводов оборотными средствами «Продамета» производила с ними предварительные расчеты — не позднее 15 числа второго месяца, следующего за составлением счета, по частным заказам и четвертого месяца — по казенным заказам. Сравнение этих предварительно уплачиваемых цен со средними основными и производилось два раза в год — с соответствующими доплатами в пользу контрагента или «Продаметы».

Каждому контрагенту «Продамета» была обязана предоставить заказы в количестве, отвечающем его доле (квоте) в общем сбыте. В пределах 20% этой квоты допускались, однако, колебания («терпимость») в ту или другую сторону. Если в результате контрагент не дополучал причитающейся ему доли заказов, то по окончательному расчету он получал за каждый пуд недобора 25 коп. от «Продаметы» — и обратно: за каждый пуд пере-

[1] См. таблицу цен «Продаметы» у проф. И. Х. Озерова,—«Горные заводы Урала», М. 1910, стр. 212. Ср. также А. Н. Митинский, «Горнозаводский Урал», СПБ, 1909, стр. 205—207.

[2] Вознаграждение самой «Продаметы» по продаже сортового железа составляло $1^1/_2$—2% с сумм-нетто (§ 49 договора).

бора был обязан уплачивать 25 коп. в пользу «Продаметы». Тем самым «Продамета» получала известную возможность — в пределах допускаемой договором «терпимости» (20%) — расширять или сужать производство отдельных контрагентов. На практике, однако, вмешательство «Продаметы» в производственную деятельность заводов осуществлялось в порядке особых соглашений с отдельными предприятиями об отказе их от выработки тех или других продуктов (договоры с Никополь-Мариупольским обществом, с Сулинским и Тароховицкими заводами).

Сосредоточив в своих руках контроль над $^4/_5$ железоделательной промышленности, «Продамета» разбила всю территорию страны на районы и учредила в каждом из них свою контору, (в Сибири и Ср. Азии роль контор выполняли представительства и агентства). На конторы было возложено привлечение заказов от потребителей своего района, ведение всех переговоров с заказчиками и производство расчетов с ними за поставленный металл. Получаемые заказы передавались конторами непосредственно заводам—в соответствии с состоянием долевого счета каждого из них на каждый день. В определенные дни недели конторы сообщали о всех переданных ими заводам заказах Центральному Распределительному Бюро (в С.-Петербург), которое составляло ведомости состояния долевого счета каждого завода (с учетом перебора и недобора) и рассылало их конторам для руководства при дальнейшем распределении заказов. Заказчики могли получать разъяснения и справки по вопросам, касающимся их заказов, только лишь из «Продаметы»—и, если заказчик почему-либо сносился с заводом, последний обязан был пересылать запрос управлению «Продаметы» или конторе, передавшей ему заказ. Счета выписывались на имя заказчика на бланках управления «Продаметы» [1] и пересылались заводами конторам для вручения заказчикам. Из 59 §§ обширного договора по сортовому железу (аналогичный характер носили и договоры по другим синдицированным продуктам) лишь один представлял изъятие из общей тенденции нивелировки заводов: § 40 обязывал «Продамету» «на всех счетах, посылаемых покупателям, указывать название контрагента, исполнившего заказ». Это была единственная *связь завода с рынком*, дававшая ему возможность поддерживать свою марку в глазах рынка.

Необходимо в заключение указать, что большую часть синдицированной продукции «Продамета» сдавала не непосредственно потребителю, а торговым фирмам. Так, например, в 1912 г. на долю торговых фирм приходилось свыше 55% всех заказов (по весу),

[1] «Продамета» имела корреспондентские счета почти во всех банках, направляя им все отправочные документы на incasso. Сосредоточение всех расчетов с заказчиками в руках «Продаметы» позволило ей свести потери на кредите с 0,17—0,25%, в 1903—1906 гг., до 0,01—0, 02% в 1906—1908 гг. и до 0,0%—в 1908/9 г. («Свод ответов», стр. 8).

на долю железных дорог и казны—около 25%, на долю металлообрабатывающих заводов, не входивших в синдикат,—около 15%; заказы коммунальных и кооперативных предприятий играли ничтожную роль. По отношению к отдельным видам синдицированных изделий (сортовому и листовому железу, балкам и швеллерам) доля торговых фирм была еще значительнее. Синдикат отдавал при этом предпочтение крупным торговым фирмам, которые, в свою очередь, образовывали в некоторых районах (напр., в Москве, Баку и отчасти в Петербурге) союзы, монополизировавшие сбыт изделий «Продаметы» в своем районе. В 1912 г. железо «Продаметы» сбывалось через 1312 фирм, из коих 541 имели оптовые склады железа и забирали 52,5 милл. пуд. — в 17 раз больше, чем остальные 771 фирма. Среди оптовиков преобладающее значение принадлежало также более крупным фирмам: около $^1/_3$ всего оптового сбыта (16,2 милл. пуд.) приходилось на долю 9 крупнейших оптовиков, около $^1/_3$ (16,7 милл. пуд.) — на долю 46 средних оптовиков и немногим более (19,7) — на долю остальных 486 оптовиков.

На уральской металлургии кризис отразился значительно позднее, чем на южной промышленности. Призыв представителей Совещательной конторы железозаводчиков о создании общероссийского синдиката, обращенный к XII Съезду горнопромышленников Урала в начале 1904 г., не встретил никакого сочувствия, равно как и выработанный Комиссией самого Съезда проект монополистического объединения уральской промышленности не нашел отклика на Съезде.[1] Лишь резкое падение спроса на кровельное железо на Нижегородской ярмарке 1904 г. побудило уральские заводы заключить в декабре 1904 г. конвенцию о контингентировке сбыта, ценах и условиях продажи.[2] Конвенция, систематически нарушавшаяся ее членами, распалась, однако, уже к концу 1905 г. В 1906 г. цены вновь упали, понизившись с фиксированного конвенцией уровня — около 2 р. 15 к.—до 1 р. 75 к.—1 р. 85 к. Лишь после этого уральскими заводами было основано акционерное общество «Кровля» с капиталом в 300 000 руб., начавшее функционировать с 1 января 1907 г. — на тех же приблизительно основаниях, на каких функционировала «Продамета».[3] Первый договор, вступивший в силу с 1/I 1907 г., был заключен 13 заводами. Однако, уже

[1] Съезд ограничился отвлеченным пожеланием: «признать желательным осуществление соглашений по листовому кровельному железу» («Труды XII Съезда горнопромышленников Урала 15 — 22 января 1904 г.», ч. I, стр. 12—23, 59, 129—131).

[2] Ср. Свод постановлений возглавлявшего «конвенцию» Комитета от 12 и 13 января 1905 г. по п. 5 соглашения.

[3] Данные о «Кровле» см. в работах Ип. Гливица, «Железная промышленность России», стр. 137 — 139; Л. Б. Кафенгауза, стр. 94—102; И. Х. Озерова, «Горные заводы Урала», стр 118, 212, 214 — 217;

к концу 1909 г. 5 заводов вышло из синдиката, а при возобновлении договора на новый срок (с 1/I 1912 г.) отпало еще 3 завода, и в синдикате осталось лишь 5 заводов. В результате доля «Кровли» в общероссийском сбыте кровельного железа, поднявшись с 48% в 1907 г. до 56,5% в 1908 г., — в 1909 г. понизилась до 54%, в 1910 — до 38%, в 1911 г. увеличилась до 47% — с тем чтобы в 1912 г. вновь упасть до 36%.[1] Казенные заводы не вступили в синдикат, так как Горное Управление находило «не вполне соответственным достоинству казенных предприятий вступление в какие бы то ни было синдикаты». Но так как у казенных заводов не было коммерческого аппарата, они сдавали свое кровельное железо на продажу частным комиссионерам, а эти последние нередко передавали его той же «Кровле».[2]

Организация «Кровли» была значительно проще в сравнении с организацией «Продаметы». Во главе «Кровли» стоял Совет общества, включавший представителей всех заводов. Исполнительным органом являлись правление и назначенный Советом управляющий. В 1908 г. при «Кровле» образовался второй синдикат — по продаже черной и белой жести, с участием заводов всех районов. Потребители белой жести обязались покупать для лужения черную жесть у «Кровли» — до тех пор, пока на рынке не появится несиндицированная русская черная жесть. Делами этого синдиката ведал особый Совет по жести.[3] Независимо от этого, «Кровля» с начала своей деятельности брала на себя комиссионную продажу несиндицированных товаров (оцинкованного железа, сортового железа, белой жести). Договор «Кровли» с контрагентами был построен, в общем и целом, на аналогичных основаниях с договорами «Продаметы».

Постепенное падение роли «Кровли» — в противовес непрерывному возрастанию влияния «Продаметы» — объяснялось целым рядом причин. Одной из важнейших явилось создание земской организации по торговле кровельным железом, образованной в 1909 г. 18 губернскими земствами, во главе с Московским, внесшими паевые взносы по 10 000 рублей.[4] За первые три года

А. Н. Митинского, «Горнозаводский Урал», стр. 203 — 207; «Русские биржевые ценности 1914 — 1915 гг.», стр. 187 — 189. Ценные сведения дает также цитированный выше «Свод ответов», стр. 2—9.

[1] Статистический Ежегодник на 1914 г., изд. Совета Съездов, стр. 182.

[2] И. Х. Озеров, стр. 216—217.

[3] Синдикат по жести просуществовал всего лишь два года и распался в виду возникновения новых лудильных заводов, борьба с которыми для синдиката оказалась невозможной—в виду ввоза из-за границы черной жести (Н. Орехов, «Производство и сбыт жести, черной и белой» — «Бюллетень Конвенции металлосиндикатов» 1924/25 г., № 1—2, стр. 50—52).

[4] Закупка земствами кровельного железа началась уже с конца XIX века. Совместные закупки земств через Московское губернское земство явились одной из причин распадения конвенции уральских заводов 1905 г., предшествовавшей «Кровле» (Л. Б. Кафенгауз, стр. 183 и 187).

(по 1/I — 1912 г.) организацией было закуплено, правда, всего лишь 4,1 м. п. кровельного железа. Но с преобразованием ее с 1/I 1912 г. в товарищество на вере, она значительно развила свои операции. В 1912 и 1913 гг. товариществом было закуплено 4,7 м. п., в 1914 г. — свыше 3,5 м. п.[1] За те же 1912 и 1913 гг. «Кровлей» было продано 13,2 м. п., в 1914 г. — 5,0 м. п.[2] К началу войны земские закупки достигали уже почти 30% всего уральского кровельного железа, при чем в состав т-ва входило 25 губернских земств (Московское — в качестве полного товарища и остальные — в качестве пайщиков). Продажные цены т-ва за 1913 г. оказались ниже на 20 — 25 коп. против оптовых рыночных цен и на 30 — 40 коп. ниже против рыночных цен на местах.[3]

В 1912 г. т-ву удалось предотвратить вступление в «Кровлю» двух больших уральских заводов — путем заключения с ними крупных сделок, что повлекло за собою выход из «Кровли» трех заводов при возобновлении договора «Кровли» с ее контрагентами в июне того же 1912 г.

Вместе с тем, на деятельности «Кровли» отражалась и конкуренция «Продаметы», назначавшей для Урала и других районов сбыта изделий «Кровли» боевые цены.[4] В ответ на цитированный п. 16 (18) анкеты М-ва Торговли и Промышленности о синдикатах правление «Кровли» сообщало: «Созданная соглашением устойчивость в сбыте кровельного железа несомненно способствовала увеличению производительности заводов, в соглашении не участвующих, в частности ю ж н ы х». Вслед за тем правление меланхолически добавляло: «Применяемые сильными синдикатами бойкотные меры для привлечения «outsider'ов» недоступны «Кровле», как организации сравнительно слабой, почему она и должна ограничиваться мирными переговорами с конкурентами». Не меньшую роль сыграло и относительно незначительное участие в уральских предприятиях иностранного и банкового капитала, расширившееся лишь за годы промышленного подъема накануне войны.

Как было уже отмечено, местные г в о з д и л ь н ы е с и н д и к а т ы в 1903 г. организовали общероссийский синдикат «Гвоздь» (с капиталом в 500 000 рублей), объединивший 32 завода и сосредоточивший в своих руках почти весь сбыт железной и стальной проволоки, гвоздей и мебельных пружин. Как чистые, так и комбинированные заводы, входившие в синдикат, обяза-

[1] Статистический Ежегодник на 1914 г., стр. 182 — 183.
[2] Отчеты Ревизионной комиссии общества «Кровля» за 1913 и 1914 гг.
[3] Статистический Ежегодник на 1914 г, стр. 182; Л. Б. К а ф е н г а у з, стр. 178 — 203; И. Х. О з е р о в, стр. 118 — 119 и 217; Г. В. Ц ы п е р о в и ч, стр. 107 — 109. Ср. С. П Ф а р м а к о в с к и й, «Земство в роли торговца», СПБ., 1909, стр. 5 сл.
[4] См. стр. 17.
[5] «Свод ответов», стр. 9.

лись не приобретать и не продавать проволоку, железо и сталь в кругах помимо синдиката, последний же обязался поставлять его по цене, одинаковой для всех контрагентов. Объединив почти все производство, «Гвоздь» резко поднял цены, создал гвоздильный голод и вызвал учреждение новых гвоздильных заводов. Конкуренция последних повлекла за собой нарушение договора со стороны части членов синдиката. «Гвоздь» распался — и цены пали на 30%. Его преемником явилось акционерное общество «Проволока», образованное в 1909 г. шестью крупнейшими заводами (с капиталом в 200 000 р.) и начавшее обратную политику: понижение цен в целях разорения мелких заводов и привлечения остальных в синдикат. При возобновлении синдиката в 1913 г. на новый срок в него вошли уже 9 заводов.[1]

Почти одновременно с «Продаметой» (в 1902 г.) возникли синдикаты по продаже железных труб и специальных чугунов. Первый из них, носивший негласный характер и управлявшийся из Берлина (большинство заводов находилось в немецких руках), помимо своих представительств организовал в Москве контору под фирмой т/д. «Трубопродажа», являвшуюся «простым агентом берлинского центра».

Синдикат по продаже специальных чугунов (ферро-мангана и др.) был образован 6 южными заводами, производившими около 90% всех вырабатываемых в России специальных чугунов, — путем заключения участниками синдиката договора с петербургским т/д. Ад. Лессинг, которому каждый из заводов передал исключительное право на продажу его специальных чугунов по всей России.

Таким образом, из продуктов основной металлургии несиндицированным остался лишь чугун, потребность в чем, остро ощущавшаяся в момент кризиса, отпала после образования «Продаметы», в состав которой вошли мощные комбинированные заводы, сосредоточивавшие в своих руках 75% выплавки южного чугуна.

В 1908 г. было открыто «Общество для продажи руды Юга России» («Продаруд»), учрежденное 6 южными чисто рудными предприятиями, отпускавшими свыше 80% всей поступавшей на рынок руды.[2]

Синдикатские функции, до известной степени, выполнял и образованный в 1902 г. «Комитет по распределению заказов на подвижной состав, рельсы, скрепления и др. железнодорожные

[1] Л. Б. Кафенгауз, стр. 102 — 109; у него же напечатан синдикатский договор «Проволоки» с ее контрагентами (стр. 249 — 263); А. Л. Рафалович, стр. 45 — 46; Г. В. Цыперович, стр. 60.

[2] Л. Б. Кафенгауз, стр. 78—79, 90—91 и 93; А. Л. Рафалович, стр. 44 — 45. По мнению И. М. Гольдштейна, «Продаруд» существовал скорее номинально («Экономическая политика», вып. I, стр. 244).

принадлежности». Его предшественницей явилась Особая Комиссия, распределившая в 1900 г. казенные заказы на рельсы и подвижной состав на предстоящее трехлетие — в связи с обращенной промышленниками к правительству просьбой не сокращать казенных заказов для нужд железных дорог.

Те же функции выполнял и Комитет, при чем, во избежание перепроизводства, он выдавал заказы лишь заводам, работавшим для казны до 1902 г. Другие заводы отстранялись от заказов, даже если бы они были готовы предложить более выгодные для казны условия. Комитет устанавливал, по соглашению с заводами, процент участия в казенных заказах каждого завода. Поскольку в ту же долю участия засчитывались, однако, и заказы, получаемые заводами от частных железных дорог, правительственная регулировка тем самым распространялась и на частные заказы. Цены назначались одинаковые на все трехлетие вперед. Комитет носил чисто бюрократический характер, но действовал в тесном контакте с представителями заводов и с образованными этими заводами синдикатами («Продамета», «Продвагон», паровозостроительный синдикат).[1]

Одновременно с проектом синдицирования южной металлургии и под влиянием тех же причин (кризис 1900—1902 гг.) была поставлена на очередь и проблема синдицирования южной каменноугольной промышленности. Первоначально речь шла лишь о создании экспортного синдиката — конторы по продаже каменного угля в государства Балканского полуострова и южного побережья Черного моря (XXVI, экстренный, и XXVII Съезды горнопромышленников Юга России — 1901 и 1902 гг.). Позднее вопрос ставится, однако, уже в более общей форме, и XXVIII Съезд в ноябре 1903 г. рекомендует, в качестве «способа лечения промышленности», установление гарантирующих нормальную прибыль продажных цен — «путем урегулирования добычи минерального топлива в соответствии с потреблением его». «То и другое может быть достигнуто исключительно путем самопомощи донецких шахтовладельцев, учреждением для сего особых союзов».[2]

Осуществление этой идеи приняли на себя крупнейшие предприятия Донецкого бассейна, находившиеся под контролем франко-

[1] Стенограммы Совещания о положении металлургической и машиностроительной промышленности, СПБ, 1908, стр. 247—261; Л. Б. Кафенгауз, стр. 114 сл.; И. Х. Озеров, «Как расходуются в России народные деньги», М. 1907, стр. 52—57; А. Н. Митинский («Горнозаводский Урал», стр. 197—198), называет Комитет «казенным синдикатом».

[2] Труды XVI Съезда горнопромышленников Юга России, X. 1902 г., т. I, стр. 117, и доклад № IV, стр. 16—17; Труды экстренного Съезда, X. 1902, стр. 9, и доклад № II, стр. 19; Труды XVII Съезда, X. 1903, стр. 75, и доклад № II, стр. 8 и 14—17; Труды XXVIII Съезда, X. 1904, стр. 70, и доклад № III, стр. 18—19.

бельгийского капитала. 11 мая 1904 г. был утвержден устав «Общества для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна» («Продуголь»), с капиталом в 1 000 000 р.[1] «Продуголь», однако, открыл свои действия лишь в начале 1906 г., когда был подписан (в Париже) синдикатский договор с его контрагентами — копями, возобновленный в 1908 г. сроком по 31 декабря 1918 г. При основании «Продугля» в него вступили 14 крупнейших предприятий, в которых принимал участие почти исключительно иностранный капитал. Позднее число участников «Продугля» возросло до 19 (и даже до 20). Из этих 19 предприятий — 15 (с 81% участия в «Продугле») находилось полностью или в подавляющей части в руках иностранного капитала, и лишь 4 (с 19% участия) — в руках русского капитала. В первый год деятельности «Продугля» (1906 г.) его доля в общей добыче донецкого угля составляла 44,8%, в 1910 г. она поднялась до 64,9%, но вслед за тем начала снижаться: в 1911 г. — до 58,6% и в 1912 г. — до 58,8%.[2]

Члены синдиката передали «Продуглю» исключительное право на продажу всего добываемого ими каменного угля и кокса,[3] за исключением топлива: 1) расходуемого на самопотребление копей, 2) отпускаемого в арендуемые контрагентами имения, 3) жертвуемого с благотворительной целью, и 4) расходуемого промышленными предприятиями контрагента, точно перечисленными в его договоре с «Продуглем» (тем самым открывалась возможность участия в «Продугле» металлургических комбинатов). За указанными исключениями, копи могли отпускать лишь мелкие партии угля (не свыше 5% добычи и не более 15 000 пуд. в месяц) и для заграничной отправки, но не в порты Черного, Мраморного и Балтийского морей.

«Продуголь», как и «Продамета», формально выступал в качестве комиссионера своих контрагентов, но с правом определения, по своему усмотрению, условий и цен продажи, а равно условий

---

[1] История «Продугля» наиболее полно освещена в работах проф. П. И. Фомина, «Украина», X. 1923 г., стр. 112—115; «Горная и горнозаводская промышленность Юга России», т. II, X. 1924 г., стр. 109—110; проф. И. М. Гольдштейна, «Синдикат «Продуголь» и кризис топлива», М. 1913 г., стр. 7 — 23; В. С. Зива, «Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышлениости», П. 1917, стр. 68 и 97 — 99. См. также Н. Ванаг, «Финансовый капитал в России накануне мировой войны», М. 1925, стр. 112 — 114 и 125 — 127. Ценный материал дают цитированные выше «Свод ответов», стр. 2 — 9, и «Справка», стр. 1 и 7 — 9.

[2] В. С. Зив, стр. 99; П. И. Фомин («Украина», стр. 115,) приводит еще более низкие цифры: 1911 г. — 55,2%, 1912 г. — 54,2% и 1913 — 52,2%. См. также Н. Ванаг, стр. 127.

[3] Продажа брикетов оставалась свободной, но синдикатский договор предусматривал передачу продажи таковых «Продуглю», если бы производство их «достигло количества, могущего вызвать конкуренцию на рынке». Сбыт антрацита вообще не затрагивался договором.

платежа. При этом «Продуголь» имел право либо открывать склады от своего имени, либо разрешать одному или нескольким контрагентам открыть склады от их имени, но с сохранением за «Продуглем» полного контроля над этими складами и с продажей угля из них по ценам и условиям «Продугля». В ряде районов «Продуголь» поручил продажу специальным агентам и торговым фирмам, предоставив им исключительное право на сбыт всего поступавшего от «Продугля» в данный район топлива и подчинив их вместе с тем крайне жестким условиям.[1]

Для каждого контрагента была установлена доля участия («общий квантум») в общем сбыте синдиката, в соответствии с которой «Продуголь» определял ежегодно «индивидуальный условный тоннаж» данного контрагента, т.-е. норму вывоза им угля на рынок — в пределах «совокупного общего условного тоннажа», определенного на данный год для всех контрагентов в целом. Соблюдение «квантума» каждым контрагентом приурочивалось к трехмесячным срокам. Если за какой-либо квартал вывоз данным контрагентом топлива на рынок оказывался ниже цифры, соответствующей его «квантуму», то в следующем квартале «Продуголь» обязан был покрывать этот недобор усиленными заказами или, по постановлению Совета и с согласия контрагента, компенсировать его денежным вознаграждением. Контрагент, отправивший уголь в количестве свыше переданных ему «Продуглем» нарядов, обязан был уплачивать «Продуглю» попудное вознаграждение, размер которого определялся арбитражной комиссией, при чем контрагент должен был все же привести свои поставки в следующем квартале в соответствие с его «квантумом». За каждый пуд, проданный помимо «Продугля», контрагент обязан был платить пеню в размере 10 коп. с пуда.

Все поставки топлива, произведенные по нарядам «Продугля», должны были оплачиваться последним контрагенту по условным ценам («основным ценам»), точно определенным в договоре с контрагентом. Разница между «основными ценами» и действительными продажными ценами, по коим реализовался уголь, зачислялась на счет «фонда переходных сумм» по каменному углю и по коксу и распределялась между всеми контрагентами два раза в год (30 июня и 31 декабря) — пропорционально произведенным ими за соответствующий период отправкам угля. В вознаграждение за труды и расходы по продаже «Продуголь»

[1] Проф. И. М. Гольдштейн («Синдикат «Продуголь» и кризис топлива», стр. 10—12) приводит отдельные §§ из договора «Продугля» с крупной углеторговой фирмой, являвшейся единственным агентом синдиката по сбыту угля в Московском районе. Ту же политику вел и Рейнско-Вестфальский угольный синдикат по отношению к германским углеторговым фирмам.

имел право взимать комиссию в размере не свыше 3% суммы поставки. [1]

Вряд ли деятельность какого-либо синдиката вызвала столько ожесточенных нападок со стороны потребителей, как деятельность «Продугля». «Продуголь» обвиняли в искусственном сокращении добычи угля — в целях создания недостатка минерального топлива на рынке и повышения цен на него. Особенно резкий характер эти обвинения получили во время «угольного голода» 1912 — 1913 гг., когда к числу обвинителей «Продугля» присоединились и отдельные его члены. Так, правление общества Прохоровских каменноугольных копей указывало в своем докладе общему собранию акционеров в октябре 1913 г., что производительная способность копей превышает 30 милл. п., между тем как «Продуголь» в 1912 г. предоставил об-ву наряды на 19 милл. п. и в 1913 г. — на 20,5 милл. п. В том же духе высказались правления двух других копей. [2] Факт резкого расхождения производительной (добывной) способности копей и действительной их добычи должны были признать и представители «Продугля» — в докладе об «угольном голоде», представленном Совещанию при М-ве Торговли и Промышленности в январе 1913 г. В то время как в 1903 г. цифры добывной способности и действительной добычи Донецкого бассейна составляли 1 102 милл. п. и 810 милл. п., а в 1906 г. (год образования «Продугля») — 1264 милл. п., и 955 милл. п., — в 1908 г. они равнялись 1 507 милл. п. и 1 115 милл. п., в 1910 г. же достигли наиболее резкого расхождения: 1 567 милл. п. против 1 018 милл. п. Представители «Продугля» категорически отрицали наличность какого-либо «искусственного уменьшения добычи» и влияния на таковое синдиката и ставили колебания добычи, главным образом, в зависимость от колебаний спроса железных дорог. [3]

---

[1] В сведениях, сообщенных М-ву Торговли по анкете о синдикатах, «Продуголь» указывал, что получаемое им фактически вознаграждение не превышает $1^3/_4 - 2\%$ («Справка», стр. 8).

[2] В С З и в, стр. 68.

[3] Доклад уполномоченного Съезда горнопромышленников Юга России Н. С. Авдакова о положении Донецкой каменноугольной промышленности (об угольном голоде), сделанный в Совещании под председательством м-ра торговли и промышленности по вопросу о топливе 15/I 1913 г. (изд. Совета Съездов промышленности и торговли), СПБ., 1913, стр. 2 — 5 и 18. Н. С. Авдаков был не только уполномоченным Съезда, но и одним из главных руководителей «Продугля». В записке «Потребление топлива железными дорогами за 1911—1916 гг.», П. 1916, Совет Съездов вновь обвинял министра путей сообщения С. В. Рухлова в снижении цен на уголь до уровня, делавшего их «убыточными» для угольных предприятий и тормозившего приток капиталов в угольную промышленность, а также «в резких скачках в колебании спроса на донецкое топливо за ряд последних лет, переходе от угля к нефти и обратно, закупке иностранного угля» и т. д. (стр. 27).

Этот выпад «Продугля» против железных дорог был ответом на предъявленные Управлением казенных жел. дор. к «Продуглю» обвинения в создании угольного голода. М-во Путей Сообщения с самого начала деятельности «Продугля» вело с ним ожесточенную, но не всегда выдержанную борьбу, то переходя в решительное наступление против «Продугля», то идя на крупные уступки.[1] Когда в 1907 г. «Продуголь» поднял цены почти до 10 коп. за пуд (в то время как в 1905 г. цена на уголь не превышала $6^1/_2$ — $7^1/_2$ коп.), М-во решило опереться на уголь с мелких (крестьянских) шахт, но потерпело поражение и вынуждено было дать заказ «Продуглю» на 160 милл. п. по 9 коп. и выше за пуд.[2]

Повидимому, под влиянием этой неудачи министр путей сообщения возбуждает осенью 1908 г. «принципиальный вопрос о допустимости, при заключении казной договоров о поставках, поддержания, с некоторыми убытками для казны, тех или других фирм с целью борьбы с монопольными организациями». Несмотря на возражения Гос. Контроля, Совет М-ров «пришел к заключению, что при сдаче казенных подрядов и поставок необходимо всемерно противодействовать синдикатам и трестам».[3] В 1913 г. М-во Путей Сообщения закупило за границей по значительно более высоким ценам, чем цены «Продугля», около 80 милл. п. угля для нужд казенных железных дорог. Но в том же 1913 г. казенные железные дороги были принуждены закупить у «Продугля» свыше 300 милл. п., с поставкой в течение 3 лет.[4]

В связи с обострением «угольного» голода в 1912 — 1913 гг. и отчасти по инициативе Гос. Думы, М-во Путей Сообщения внесло в Гос. Думу проект об организации казенных копей в Донецком бассейне — в целях создания «регулятора рыночных цен на угольном рынке». На первое время М-во имело, однако, в виду ограничиться добычей не более 25 — 35 милл. п. в год ($10^0/_0$ общего потребления донецкого угля казенными жел. дор.)

---

[1] По утверждению Г. В. Цыперовича, «Продуголь» имел тесные связи с Хозяйственным Комитетом М-ва Путей Сообщения, дававшим «Продуглю» ценную информацию при торгах на поставку угля жел. дорогам («Синдикаты и тресты в России», стр. 131 — 132).

[2] Г. В. Цыперович, стр. 131.

[3] Справка относительно работ Междуведомственного Совещания о трестах и синдикатах, стр. 1.

[4] Совет Съездов не замедлил приветствовать эту меру как способствующую устойчивости угольного рынка (Доклад Совета Съездов о мерах к развитию производительных сил России IX очередному Съезду представителей промышленности и торговли, П. 1915, стр. 105.) С неменьшей экспрессией, однако, представители Совета Съездов бичевали «патриотическое действие» министра путей сообщения, уплатившего, по их подсчетам, при покупке угля за границей около 20 милл. золотом «для поддержания угольных предприятий немецких и английских» (С. С. Хрулев, «Финансы России и ее промышленность», П. 1916, стр. 67).

и испрашивало всего лишь 2 милл. р. 26/III 1914 г. проект был принят комиссией Гос. Думы о путях сообщения, но не получил дальнейшего движения в виду войны. [1]

Рост цен на уголь и отказ синдиката от увеличения квантума отдельных его членов вызвали резкий раскол в его среде, и в 1912 г. Южно-Русское Днепровское и Государево-Байракское общества предъявили в суд иск о признании их свободными от исполнения договора с «Продуглем». 19 января 1913 г. Петербургский коммерческий суд, по делу первого из названных обществ, объявил синдикатский договор «Продугля» недействительным — в виду его противоречия ст. 1180 Уложения о наказаниях (главной целью договора суд признал «устранение конкуренции») [2] «Продуголь» обжаловал решение суда, но, когда Сенат поставил вопрос о возбуждении уголовного преследования против правления синдиката, поспешил договориться с истцами. Последние отказались от исков, и гражданские дела были прекращены. По указанию Сената и по ордеру министра юстиции, прокурор Харьковской судебной палаты начал, однако, предварительное следствие «о стачке углепромышленников Донецкого бассейна». Одновременно была назначена правительственная комиссия для обследования деятельности синдиката, с участием представителей М-в Военного, Морского и Путей Сообщения. Правительственная кампания против «Продугля» вызвала, если верны сообщения германских газет, вмешательство французского правительства, давшего понять, что принудительный роспуск или судебная ликвидация синдиката грозит тяжелыми финансовыми потерями французским финансовым группам, заинтересованным в Донецкой

[1] Горный Департамент, напротив, представляя смету на 1914 г. и, намечая, по требованию Гос. Думы, меры борьбы с кризисом топлива, предостерегал против придания «преувеличенного значения казенному каменноугольному хозяйству». М-во Путей Сообщения, однако, под давлением той же Гос. Думы внесло 10/III 1914 г. второй проект об устройстве казенных нефтяных промыслов на Апшеронском полуострове для снабжения топливом казенных жел. дорог. М-во полагало при этом, что «наиболее действительным средством борьбы с повышательным настроением на нефтяном рынке должно быть признано оборудование собственных нефтяных промыслов» («Промышленность и торговля в законодательных учреждениях 1913—1914 гг.» изд. Совета Съездов промышленности и торговли, П. 1914, стр. 73 — 79). Война сняла с очереди и этот проект. Совет Съездов резко протестовал против «всемерного и безграничного поощрения Думой государственной власти в роли хозяйственного предпринимателя» (ibidem, стр. XVI). С еще более резкой критикой выступили отдельные представители Совета Съездов (ср. С. С. Хрулев, цит. соч, стр. 89—87). Столь же энергично протестовал официальный орган Совета Съездов и против попыток расширения «казенного предпринимательства» во время войны («Промышленность и Торговля», 1917 г. № 3, стр. 55—59).

[2] По делу Государево-Байракского общества было вынесено аналогичное решение (см. нашу статью «Картели и синдикаты» в «Вестнике Гражд. Права», 1915, № 4, стр. 142).

промышленности.[1] Начавшаяся война и принудительное регулирование углепромышленности лишили вопрос о «Продугле» прежней остроты. В конце 1915 г. синдикат фактически распался, хотя возглавлявшее его акционерное общество формально продолжало существовать и в 1916 — 1917 гг.

Почти одновременно с «Продуглем» (в 1907 — 1908 гг.) образовались Черемховский и Забайкальский синдикаты в Сибири, установившие нормы добычи угля (первый — 80 м. п., второй — 25 м. п.) и разграничившие районы сбыта. Поставка угля для Сибирской жел. дор. была представлена Черемховскому синдикату, для Забайкальской жел. дор. — Забайкальскому.[2]

Углепромышленники Домбровского бассейна ограничились конвенционным соглашением между крупнейшими предприятиями, повлекшим за собой, однако, такой рост цен, что для М-ва Путей Сообщения одно время представлялся более выгодным ввоз иностранного угля с оплатой его пошлиной (9,75 коп. заграничный уголь и 10,6 — 10,8 коп. — домбровский). Лишь получение разрешения на выписку угля из силезских копей повело к снижению цен.[3]

С образованием «Продугля», «Продаметы», «Кровли», «Гвоздя» и др. железных синдикатов закончился первый период синдикатского движения, вызванного кризисом 1900 — 1902 гг. Вслед за тем наступает вторая фаза в развитии монополистического движения. 13 мая 1907 г. в Петербурге, по инициативе «Продаметы», созывается совещание металлургических заводов, на котором обсуждается проект металлургического треста, призванного объединить всю южнорусскую металлургию.[4] 11 марта 1908 г. (н. ст.) в Брюсселе было подписано предварительное соглашение о слиянии 9 крупнейших южных металлургических предприятий в «Акционерное общество металлургических заводов, рудников и копей». Одним из главных оснований к созданию треста, помимо стремления использовать общие выгоды концентрированного и комбинированного производства, являлась необходимость в «санировании» ряда металлургических

---

[1] В. С. Зив, стр. 98.

[2] Г. В. Циперович, стр. 43.

[3] Справка относительно работ Междуведомственного Совещания о синдикатах и трестах, стр. 9. А. Кон включает в составленную им таблицу: «Капиталистические монополии в довоенной России», сверх указанных нами синдикатов и конвенций, угольный синдикат Урала, но не дает никаких сведений ни о времени его образования, ни об его составе («Финансовый капитал», М. 1925, стр. 75). Ни в одном из известных нам источников мы не нашли, однако, никаких указаний на существование подобного синдиката.

[4] Доклад правления общества Брянского завода общему собранию акционеров 3/V 1908 г. (цит. по В. С. Зиву, стр. 103).

предприятий путем объединения их с более здоровыми и сильными предприятиями. Из 9 предположенных к трестированию обществ лишь 4 (Южно-Русское Днепровское, Русско-Бельгийское, Новороссийское и Брянское) являлись «первоклассными» предприятиями и переходили к тресту по более или менее правильной оценке. Оценка остальных была явно преувеличена. Так, акции и облигации Донецко-Юрьевского общества расценивались почти в $2^1/_2$ раза выше их биржевой цены, акции Урало-Волжского общества — в 8 раз (при биржевой оценке всего капитала общества в 937 000 руб., трест предполагал уплатить за них 7 500 000 р.). По такой же повышенной оценке предполагалось включить в трест и три других завода («Провиданс», Макеевский и Таганрогский). Как эти последние, так и Урало-Волжский завод за все время своего существования не выдавали дивиденда, Донецко-Юрьевское же общество прекратило выдачу дивиденда с 1908 г. и к моменту возникновения проекта находилось в ликвидации. Общий капитал треста должен был составить свыше 170 милл. руб.: 59,75 милл. руб. привилегированных акций, 51,45 милл. руб. обыкновенных акций, итого 111,20 милл. руб. акций и 60 милл. руб. облигаций. Новый трест должен был объединить в своих руках 82% южной металлургии или 45% общеимперской металлургии. По отдельным видам продуктов доля треста в общеимперском производстве поднималась до 52,5% (чугун), 73% (железнодорожные рельсы) и даже до 75% (балки и швеллера). Включение в трест металлургических комбинатов должно было дать ему собственные каменноугольные копи, железные рудники и все виды железоделательного производства.[1]

Как только проект получил огласку, он вызвал против себя бурю протестов как со стороны Гос. Думы, представлявшей интересы аграриев, и ряда земских и городских самоуправлений, так и со стороны других отраслей промышленности и, в первую очередь, со стороны уральской металлургии. Гос. Дума и земства, а также города, опасались повышения цен на сельскохозяйственные орудия и другие металлоизделия, Совет Съездов металлозаводчиков Северного и Прибалтийского районов боялся повышения цен на продукты основной металлургии, представители же Урала усматривали в тресте «гибель» всей уральской промышленности.[2]

[1] Л. Б. Кафенгауз, стр. 204 сл.; Н. Ванаг, стр. 61 — 63.

[2] В Междуведомственном Совещании, созванном 26 — 31 мая 1908 г. при М-ве Торговли и Промышленности для выяснения мер, необходимых для поднятия металлургической и машиностроительной промышленности, представители Урала не щадили красок для изображения последствий образования треста для Урала: «Для Урала он сулит гибель»... «На нас надвигается новое несчастие — это трест»... «Если на нас обрушится грозный трест, он нас немедленно раздавит»... «Момент появления на рынке неограниченного треста знаменует начало гибели всей остальной железоделательной промышленности»... «Будет применяться обычный прием

В Гос. Думу был внесен запрос о тресте — со ссылкой на ст. ст. 913 и 1180 Улож. о наказаниях, «воспрещающие всякие синдикатские соглашения и родственные им союзы». Председатель Совета Министров П. А. Столыпин, в ответ на личное обращение к нему представителей думского большинства, заявил, однако, что трест не осуществится, так как со стороны правительства не будет сделано «никаких поблажек в смысле взыскания пошлин, которые должны были составить сумму в несколько миллионов рублей», в виду чего авторы проекта отказались от проведения его в жизнь.[1]

Таким образом, проект грандиозного треста, охватывавшего всю южную индустрию, не осуществился. Поставленные его авторами цели были, однако, в значительной степени осуществлены уже к началу войны—путем усиленного комбинирования и объединения южных металлургических предприятий. Соответствующие предпосылки для такового были подготовлены дальнейшей концентрацией производства на Юге Росси и ростом влияния иностранного капитала — в особенности же все возраставшим подчинением тяжелой индустрии банкам. Те процессы, которые резко отличали южнорусскую промышленность от уральской уже до кризиса 1900 — 1902 гг., еще более усилились в период депрессии 1905 — 1908 гг. и последовавшего за ней предвоенного промышленного подъема. В 1913 г. на долю каменноугольных предприятий с добычей свыше 5 милл. пудов приходилось уже 88% всей добычи Донецкого бассейна (вместо 76,9% в 1901 г.). Число металлургических заводов, выплавлявших более 10 милл. пудов чугуна в год, увеличилось с 2 в 1900 г. до 9 в 1913 г., а их доля в общеимперской выплавке — с 17,2% до 53,1%, в выплавке же Юга — с 33,2% до 78,9%. Из 1630 м. р.,

экспортной политики; в южном районе цены будут повышены, рынки же, довлеющие остальным районам, будут залиты железным металлом по расценке ниже расценки местных цен» (Стенограммы Совещания, СПБ, 1908, стр. 51, 198 — 199, 205, 220). Защитники треста недоумевали, почему представители Урала возражали не против существующих синдикатов, регулирующих цены, а против треста, имеющего целью регулировать производство, и подчеркивали, что, по признанию самих уральцев, проектируемое трестом понижение себестоимости «создает опасность для заводов, которые понизить себестоимости не могут» (стр. 207). Один же из сторонников треста (Ю. П. Гужон) открыто заявил, что оппозиция представителей Урала объясняется крушением сделанной за три недели до Совещания попытки «сговориться с Уралом» — в виду отказа руководителей будущего треста дать «гарантию» в том, что трест не вторгнется в рынок сбыта уральской металлургии и даст «жить» Уралу (стр. 229 — 236). Это заявление осталось неопровергнутым.

[1] Запрос и сообщение председателя Совета Министров по вопросу о металлургическом тресте напечатаны в приложениях к брошюре инициатора запроса — члена Гос. Думы П. В. Каменского, «Значение торгово промышленных трестов на Западе и у нас», М. 1909, стр. 75 — 76.

вложенных иностранцами в русскую промышленность до революции, на долю горной промышленности в целом приходилось 834 м. р. (51,2%) — против 438 м. р. в 1900 г., в том числе на долю каменноугольной промышленности 160 м. р. (9,8%) и на долю металлургической — 269 м. р. (16,5%). При этом на долю предприятий с иностранными капиталами в 1913 г. приходилось 70% общей добычи угля в Донецком бассейне против 54% в 1899 г. В железорудной промышленности на предприятия с преобладающим влиянием иностранного капитала падало 87% всей криворожской добычи руды и 100% добычи керченской руды. 12 металлургических предприятий с почти исключительно иностранными капиталами (в том числе крупнейшие предприятия — Русско-Бельгийское и Южно-Русское Днепровское) выплавили в 1913 г. 67% южнорусского чугуна и дали 58% южно-русского готового продукта. На ряду с тем иностранный капитал принимал участие и в 6 других южнорусских металлургических обществах. Вне его влияния на Юге оставалось лишь 2 акционерных предприятия. [1]

Расширение влияния иностранного капитала в южнорусской промышленности стояло в связи с тяжелым положением, создавшимся для нее в результате кризиса 1900 — 1902 гг. и повторного кризиса 1905 г. При ближайшем участии иностранных [2] и связанных с ними русских банков было произведено «санирование» ряда предприятий (обществ Донецко-Юрьевского, Таганрогского, Брянского и др.), повлекшее за собой как усиление участия в них иностранного капитала вообще, так и, в особенности, усиление процесса «сращивания» их с банковым капиталом. В результате к моменту войны из 28 металлургических обществ с капиталом в 230 м. р., работавших до войны на Юге, под контролем банков находилось 20 — с капиталом в 214 м. р. (93%), в том числе под контролем франко-бельгийского капитала — 17 с капиталом в 180 м. р. (84%). В железорудной промышленности из 4-х чисто железорудных

[1] В. С. Зив, «Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности», стр. 8, 20, 59 и 77; П. В. Оль, «Иностранные капиталы в России», II. 1922, стр. 8 и 14; Н. Ванаг, стр. 13, 68—73 и 117—122. Н. Ванаг, в частности, относит все 100% выплавки южно-русского чугуна на долю иностранного капитала (стр. 69). Несмотря на расхождение данных, приводимых названными авторами, все они рисуют, в общем и целом, одну и ту же общую картину участия иностранных капиталов в русской тяжелой индустрии. В названных работах даны также сведения об участии иностранных капиталов в угольной и железной промышленности других районов

[2] Главным образом, через банковский концерн Banque de Paris et des Pays-Bas, Société Générale и Banque de l'Union Parisienne, на долю которого вместе с 5 подчиненными ему петербургскими банками, по подсчетам Agad'a, приходилось 55% общей суммы капиталов промышленности, находившейся под банковским контролем (цит. по Н. Ванаг, стр. 41).

обществ — 3 (с 65% всех капиталов) находились в распоряжении банковского — французского — капитала. В чисто каменноугольной промышленности доля банковского капитала составляла 80% всех акционерных капиталов, из коих 76% приходилось на долю франко-бельгийского капитала. Независимо от того, франко-бельгийский капитал участвовал в каменноугольной промышленности через 10 металлургических комбинатов, владевших копями в Донецком бассейне.

Внедрение иностранного капитала в тяжелую индустрию и «сращивание» ее с банками перекинулось и на Урал, при чем главными проводниками иностранного влияния явились русские банки, связанные с иностранными финансовыми кругами (в особенности, Азовско-Донской банк, проведший в 1912 — 1913 гг. финансовую реорганизацию Богословского и Лысвенского горных округов). Среди акционерных металлургических предприятий Урала к началу войны лишь два оказались вне непосредственного контроля банков.[1]

Как уже было отмечено, крушение идеи единого металлургического треста не помешало авторам проекта достичь поставленных ими целей в порядке комбинирования и объединения отдельных предприятий южнорусской тяжелой индустрии.[2] Так, например, Донецко-Юрьевское общество, реорганизация которого являлась одной из целей треста, было санировано при содействии той же финансовой франко-бельгийской группы, которая должна была явиться главным участником треста. Вслед за этой реорганизацией Донецко-Юрьевское общество приобрело предприятие С.-Петербургского общества железопрокатного и проволочного заводов, обеспечив тем самым сбыт своих полупродуктов, и завод Урало-Волжского металлургического общества, что дало ему возможность овладеть Приволжским рынком.[3] То же Донецко-Юрьевское обще-

[1] Н. Ванаг, стр. 68—69; 74 — 79 и 117—122. Ср В. С. Зив, стр. 8—17, 37 — 42, 59 — 63 и 75 — 76.

[2] Процесс комбинирования тяжелой индустрии освещен в работах П. И. Фомина, «Украина», стр. 122 — 123; И. М. Гольдштейна, «Благоприятна ли» и т. д., стр. 24 — 25; В. С. Зива, стр. 14 — 15, 19 — 22 и 25 — 28; Н. Ванаг, стр. 64 — 68, 74 — 79 и 115 — 117; Г. В. Мерцалова, «Каменноугольная промышленность», вып. II «Богатства России», под ред А. Т. Арского, М 1924, стр. 48—52; П. Жигалко, стр. 96—98; П. И. Пальчинского, «Введение в горную экономику», П. 1925, стр. 36 — 37 и 51 — 61, и в нашем «Слиянии акционерных компаний», П. 1914, стр. 34 — 44. Наиболее интересный материал дают, однако, цитируемые ниже доклады правлений и протоколы общих собраний отдельных акционерных обществ.

[3] Доклады правления Донецко Юрьевского общества общим собраниям акционеров: 30/III 1910 г., 31/I 1911 г., 9/VIII 1911 (27/VIII 1911 г.) и 23/XII 1911 г.; протоколы общих собраний акционеров того же общества 27/VIII 1911 г. и 23/XII 1911 г.

ство и ряд других металлургических предприятий (общества Южно-Русское Днепровское, Брянских заводов, Рутченковское горнопромышленное, Таганрогское, Русско-Бельгийское и др.), под влиянием колебаний цен на уголь и политики «Продугля», усиленно приобретают в 1910 — 1913 гг. каменноугольные рудники.[1]

В результате доля комбинированных («смешанных») предприятий в общей добыче Донецкого бассейна увеличилась с 13,72% в 1902 г. до 24,47% в 1912 г.[2] На ряду с тем, металлургические заводы приобретают собственные железные рудники (объединение железорудных предприятий с металлургическими в широких размерах применялось, впрочем, и ранее).[3] Доходность этих комбинированных предприятий была неизменно выше доходности всех остальных доменных заводов — как чистых, так и обеспеченных лишь одной рудой, а также, за единичными исключениями, выше доходности и передельных заводов.[4]

Обеспечивая себя собственным углем и рудой, доменные заводы Юга стремятся в то же время сосредоточить в своих руках весь процесс металлургического производства, непрерывно увеличивая процент чугуна, отпускаемого

[1] Доклады правлений общим собраниям акционеров: Донецко-Юрьевского общества — 31/I 1911 г., Русско-Бельгийского общества — 4/XII 1913 г.; протоколы общих собраний акционеров: Южно-Русского Днепровского общества — 31/III 1912 г., общества Брянских заводов — 10/IX 1912 г., Таганрогского общества — 17/XII 1911 г., Рутченковского горнопромышленного общества — 9/X 1912 г.; ср. доклады правления Тульских чугунноплавильных заводов общим собраниям акционеров 14/VI 1913 г. и 25/I 1914 г.

[2] П. И. Фомин, «Украина», стр. 123 Еще больший процент участия металлургических предприятий в общей добыче Донецкого бассейна указывает Г. В. Мерцалов для 1913 г.: 11 металлургических предприятий сосредоточивали в своих руках в 1913 г. добычу 451 3 м. п. угля и антрацита и производство 162,9 м. п. кокса, тогда как на долю 38 чисто каменноугольных предприятий (акционерных) приходилось 621,8 м. п угля антрацита и 93,9 м. п. кокса. Кроме указанных 11 металлургических комбинатов, в Донецком бассейне действовало 6 других акционерных предприятий, соединявших добычу каменного угля и антрацита с добычей железной руды или каменной соли, с производством соды, стекла и т. п. В 1913 г. на их долю приходилось 65,7 м. п. угля и антрацита и 4,4 м. п. кокса («Каменноугольная промышленность», стр. 47 — 48).

[3] Доклады правлений общим собраниям акционеров: Донецко-Юрьевского общества — 30/III 1910 г.; Южно-Русского Днепровского общества — 31/III 1912 г. Последнее обладало, кроме того, собственными марганцовыми рудниками (ср. доклад правления общему собранию акционеров 25/X 1916 г.).

[4] См. таблицу доходности акционерных металлургических предприятий Юга России за 1895 — 1909 гг., приведенную в ст. проф. П. И. Фомина «Металлургическая промышленность Юга России» (сб. «Металлургические заводы Юга России», X. 1923, стр. 14) и основанную на данных статистического бюро Съезда горнопромышленников Юга России, и у Ип. Гливица «Железная промышленность России», стр. 48 — 49).

в передел своим собственным цехам: в 1913 г. они отпускали им 76% своего чугуна, в 1916 г. — уже 83%.[1]

Таким образом, к началу войны южная металлургия сосредоточивается в руках немногих комбинатов, объединенных в «Продамете» через свои железоделательные заводы и в «Продугле» — через свои каменноугольные копи. В других районах вертикальное комбинирование развивается в несколько менее интенсивной форме. На Урале, впрочем, большинство заводов с самого начала являлось комбинированными предприятиями, обеспеченными собственной рудой и лесными дачами, некоторые же, сверх того, и собственным углем. В Центральном районе четыре металлургических предприятия (в том числе, общество Выксунских горных заводов) владели собственными рудниками.[2]

Война, с ее колебаниями цен и перебоями в снабжении топливом и металлом, дает новый стимул к усилению комбинационного процесса, при чем, с одной стороны, проявляется тенденция к экспансии металлургических заводов за пределы чисто металлургического производства, с другой же — усиливается стремление металлообрабатывающих заводов к обеспечению себя собственными металлургическими, железорудными и топливными предприятиями.[3] Тот и другой процессы одинаково обусловливались привлечением металлургии к работе на оборону. Металлургические заводы в погоне за выгодными казенными заказами начинают ставить у себя механические производства (главным образом, снарядное) и, в соответствии с этим, сокращают отпуск металла металлообрабатывающим заводам. Если механические и машиностроительные заводы и до войны имели основания жаловаться на суровые условия поставок, диктуемые им «Продаметой»,[4] то во время войны их зависимость от последней стала ощущаться еще острее и стала еще настоятельнее толкать их на путь приобретения собственных металлургических заводов. Наиболее характерным является в этом отношении пример Сормовского

---

[1] Г. В. Мерцалов, «Железная промышленность» в сб. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. 3, 1920 г., стр. 17.

[2] В. С. Зив, стр. 78 — 79.

[3] Правление общества Тульских чугунно-плавильных заводов в своем докладе общему собранию акционеров 20/V 1917 г., специально подчеркивало, что обществу удалось достичь благоприятных результатов за 1916 г. «только при наличии своих собственных каменноугольных копей, снабжавших заводы топливом в полной мере по умеренной цене».

[4] Ср. доклад правления общества Русско Балтийского завода общему собранию акционеров 15/XI 1912 г. В 1913 г., в период обострения «железного голода» представители «Продаметы» официально заявили, что металлургические заводы, в виду загруженности их заказами, не в состоянии принимать заказов на некоторые сорта железа и стали (напр., листовой) на срок ближе 6 месяцев.

и Коломенских заводов, установивших еще до войны, и в особенности во время войны, тесную связь с обществом Выксунских горных заводов,[1] а в 1916 г. приобревших еще более мощную металлургическую базу на Урале — Белорецкий завод с колоссальными запасами железной руды (гора Магнитная). На ряду с тем, Сормовский и Коломенские заводы предприняли меры к обеспечению себя лесными дачами и каменноугольными рудниками.[2] Дальнейшей экспансии этого концерна, финансируемого Международным Банком при участии иностранного капитала и возглавляемого одним из наиболее активных представителей русской дореволюционной промышленности — инж. А. П. Мещерским (мы встретимся ниже с проектом грандиозного треста, предложенным им Советской власти в 1918 г.), помешала лишь Октябрьская революция.

ГЛАВА II.

Регулирование железной и угольной промышленности во время мировой войны.

Мировая война внесла коренные изменения в промышленную политику участвовавших в ней держав. От полного невмешательства в условия производства, снабжения и сбыта и строгой охраны коммерческой и промысловой тайны предприятий, гарантировавшей неприкосновенность всех сношений предприятия с его клиентелой и поставщиками, воюющие государства — одни ранее, другие позднее — переходят к жесткому регулированию промышленности, работающей на оборону, а затем и всей промышленности в целом.

Позднее других и без определенного плана вступает на тот же путь Россия. Правда, уже в августе 1914 г. при Министер-

[1] Связь с Выксунскими заводами была утрачена накануне революции — в виду перехода их к М-ву Путей Сообщения, привлекшему позднее к участию в них Стахеевский концерн.

[2] Доклад правления чрезвычайному общему собранию акционеров общества «Сормово» 3/VIII 1916 г. См. также «Исторический очерк деятельности т/д. Вогау и К° с 1840 по 1916 г.», М. 1916, стр. 31 (контрольный пакет акций общества Белорецких заводов был приобретен Сормовским и Коломенскими заводами в 1916 г. у т/д. Вогау и К°). Попытки обеспечения себя минеральным топливом Коломенский завод делал еще в 1906 г., настаивая в Совещании, образованном при М-ве Торговли и Промышленности для рассмотрения вопроса о мерах обеспечения промышленности жидким топливом и каменным углем, на предоставлении Коломенскому заводу, совместно с Выксунскими горными заводами, нефтеносных площадей в Баку. Эта попытка вызвала резкий отпор со стороны представителей нефтяной промышленности и не увенчалась успехом («Журнал Особого Совещания», СПБ. 1907 г., стр. 242 — 245 и 450 — 451).

стве Торговли и Промышленности создается междуведомственный Комитет по урегулированию снабжения минеральным топливом. Не наделенный никакими полномочиями по регулированию угольной и нефтяной промышленности, он ограничивается «академическим» обсуждением вопросов о замене английского угля для Петрограда отечественным и т. п., не считая себя в праве не только принимать решения, но даже брать на себя разработку каких-либо мероприятий помимо заинтересованных Министерств.[1]

Столь же неопределенна была компетенция образованного в начале войны при Отделе Промышленности М-ва Торговли Совещания с участием представителей заинтересованных ведомств и металлообрабатывающей промышленности. Совещание имело своей задачей выяснение размеров потребности металлообрабатывающих предприятий в заграничных металлах, содействие в получении ими иностранной валюты по льготному курсу, устранение затруднений в вывозе металлов из иностранных государств и облегчение внеочередной перевозки этих металлов на заводы. Никаких функций по регулированию металлопромышленности Совещание не выполняло.[2]

М-во Торговли и Промышленности в первый год войны вообще не стремилось к созданию каких-либо регулирующих органов с определенными функциями и полномочиями и предпочитало им «частные совещания» с представителями отдельных отраслей промышленности или отдельных районов. Подобные совещания с начала войны созывались, например, министром торговли еженедельно «для выяснения текущего положения дел».[3] Вряд ли можно привести более яркий пример укоренившейся привычки к «патриархально-келейному вершению» государственных дел!..

[1] Положение о Комитете по урегулированию снабжения минеральным топливом вообще не было распубликовано. Официальный отчет Отдела Промышленности за 1915 г. не упоминает о нем совершенно. Беглые указания на него мы нашли лишь в «Обзоре главнейших финансово-экономических мероприятий правительства в связи с войной» в «Вестнике Финансов» 1915 г., № 2, стр. 47, в изданных ГУТ'ом материалах по истории топливоснабжения России: «Топливоснабжение России за время войны и революции», М. 1922 г., стр. 1, и в «Трудах Съезда представителей военно-промышленных комитетов 25—27 июля 1915 г.», изд. Ц. В.-П. К., П. 1915 г., стр. 50.

[2] Единственное указание на это Совещание мы нашли в официальном обзоре деятельности М-ва Торговли и Промышленности за первый год войны, перепечатанном из «Прав. Вестника» в «Изв. Моск. Воен.-Пром. Комитета», 1915 г, № 6—7, стр. 2—6, и в ряде №№ «Торг.-Пром. Газеты» за 1914 г. (№№ 180, 193 и др.) и 1915 г. (№№ 72 и 216). Указанный выше официальный Отчет Отдела Промышленности за 1915 г. совершенно о нем не упоминает, хотя деятельность Совещания прекратилась лишь в конце сентября 1915 г. — с образованием аналогичного Комитета при Ц. В.-П. К. (см. ниже — стр. 54)

[3] «Промышленность и Торговля», 1915 г., № 5, стр. 230.

Равным образом, ничем не проявил себя и междуведомственный Комитет при Военном М-ве, предусмотренный законом 4/IX 1914 г.[1] о заготовлении в военное время необходимых для армии предметов и материалов. Закон 4/IX 1914 г. обязывал все промышленные предприятия, работающие на снабжение армии и флота, принимать и исполнять заказы Военного и Морского Министерств преимущественно перед всеми остальными заказами, хотя бы и ранее поступившими — с освобождением предприятия от ответственности перед всеми другими его заказчиками. Проведение этой меры в жизнь возлагалось на образованный под председательством главного интенданта Комитет[2] из представителей М-в Военного, Морского и Торговли и Промышленности и представителей промышленности и торговли (Собр. Узак. № 274, ст. 2372).[3] Вслед затем (17/X 1914 г.) заводоуправления были обязаны: 1) сообщать уполномоченным Военного и Морского М-в обо всех принимаемых ими — как казенных, так и частных — заказах, и 2) следовать указанной этими уполномоченными очереди работ. 15/IV 1915 г. тот же порядок был распространен на заводы, вырабатывающие предметы верхнего строения путей для М-ва Путей Сообщения, заказы которого отступали лишь перед заказами Военного и Морского М-в.

Несмотря на образование названных Комитетов, правительство, вплоть до отхода русской армии из Галиции (весна 1915 г.), вызванного острым недостатком боевого снабжения, не принимает в сколько-нибудь широком объеме мер к «мобилизации» промышленности для работ на оборону. Соответствующие предложения, сделанные некоторыми металлообрабатывающими заводами (Сормовским, Коломенским, Брянским и др.) военному ведомству осенью 1914 г., были им отклонены, и названные заводы по собственной инициативе предприняли ряд подготовительных работ по постановке снарядного производства в крупном масштабе. Но, с другой стороны, и обращения самого

[1] Все военно-экономическое регулирование проводилось почти исключительно в порядке верховного управления (с применением ст. 87 Осн. Зак. или без такового), либо распоряжениями соответствующих министров — председателей Особых Совещаний по обороне, по топливу, по продовольствию и по перевозкам. В виду нормативного характера этих актов мы пользуемся в применении к ним общим термином «закон».

[2] Проф. А. Ф. Макшеев в ч. III своего курса «Военного хозяйства» (П. 1915), доведенной до сентября 1915 г., ограничивается простым изложением закона 4/IX 1914 г. и сообщает лишь об одном приказе главного интенданта, основанном на данном законе и относящемся к заготовке сукна и сапог (стр. 222 — 225).

[3] Все акты цитируются нами по «Собранию Узаконений», «Сборникам указов и распоряжений Временного Правительства», вып. I—II, П. 1917—1918, или по сб. «Законодательные акты, вызванные войной 1914—1917 гг.», т.т. I—V, 1915—1918 гг., изд. О. И. Авербах.

Военного М-ва к отдельным предприятиям и организациям не всегда встречали необходимый отклик с их стороны.[1]

Лишь по отношению к углепромышленности повышение потребности в угле для нужд железных дорог, флота и военной промышленности — при одновременном прекращении ввоза иностранного угля и некотором снижении производительности Донецкого бассейна, потерявшего при первых мобилизациях часть своих рабочих, — побуждают правительство к более раннему и более энергичному вмешательству. Закон 4/III 1915 г. передает все дело распределения топлива министру путей сообщения, наделяя его правом: 1) требовать от всех казенных и частных учреждений и предприятий сведения о запасах топлива и о потребности в топливе, а также о всех договорах на поставку топлива, и 2) передавать топливо, заготовленное для казенных учреждений, другим — казенным или частным—учреждениям и предприятиям, работающим на оборону (Собр. Узак. № 77, ст. 634). 31/III 1915 г. полномочия министра путей сообщения были еще более расширены. Ему было предоставлено право давать принудительные заказы на заготовку и поставку топлива преимущественно перед всеми другими заказчиками, секвестровать предприятия — в случае их отказа от приема или неисполнения принудительных заказов — и назначать общие и частные реквизиции топлива (Собр. Узак. № 141, ст. 1091).

Изъятие регулирования топливной и, в первую очередь, угольной промышленности из ведения М-ва Торговли и Промышленности и передача его в ведение М-ва Путей Сообщения объяснялись тем, что регулирование угольной промышленности решено было осуществить путем разрешительной системы железнодорожных перевозок донецкого угля.[2] Этот метод регулирования применялся при периодически повторявшемся в Донецком бассейне недостатке в подвижном составе еще задолго до войны. В 1879 г. М-во Путей Сообщения, по ходатайству Съезда горнопромышленников Юга России, подразделило потребителей донецкого угля на несколько категорий,

---

[1] Проф. В. И. Гриневецкий, «Послевоенные перспективы русской промышленности», М. 1919, стр. 32 и 35 О слабом внимании, уделенном вопросам регулирования промышленности Советом Съездов, свидетельствует и «Отчет о деятельности Совета Съездов со времени созыва восьмого очередного Съезда», П. 1915 (ср. перечень вопросов, обсуждавшихся в 320 заседаниях Совета с 6/V 1914 г. по 1/V 1915 г., перечень ходатайств, возбужденных Советом за тот же период перед правительством, и список составленных им в связи с военным временем докладных записок — отр. 3 — 4 и 63 — 76).

[2] Проф С. В. Бернштейн-Коган, «О принятой ныне системе распределения донецкого угля и желательных в ней изменениях» — «Известия Особого Совещания по топливу», 1917 г., № 2, стр. 104—105.

предоставив железным дорогам, сахарным заводам и некоторым другим промышленным предприятиям (привилегированные потребители) право на преимущественное получение нарядов на вагоны для вывоза топлива. Выдача нарядов была возложена на избираемую Съездом «Комиссию выборных», замененную в 1888 г. Комитетом по вывозу минерального топлива (Харьковским Горнозаводским Комитетом).[1] Образованному в марте 1915 г. при М-ве Путей Сообщения Комитету по распределению топлива оставалось лишь сделать несколько шагов по пути завершения этой системы: разделить на очереди и непривилегированных потребителей, уничтожить перевозку топлива по документам на предъявителя и ежемесячно давать Харьковскому Комитету составляемые местными органами Комитета по распределению топлива (Губ. Комиссиями) списки потребителей, для погрузки в адрес коих разрешалось подавать копям вагоны. Этот порядок был установлен утв. 29/V 1915 г. Правилами о порядке и условиях распределения твердого минерального топлива между потребителями (Собр. Узак. № 159, ст. 1215). Наряды на вагоны под топливо выдавались потребителям по спискам, с удовлетворением в первую очередь предприятий, работающих на оборону или признаваемых имеющими особо важное государственное значение. Поскольку, однако, разрешительная система перевозок не затрагивала еще сама по себе коммерческих взаимоотношений потребителей с каменноугольными предприятиями, подача вагона под погрузку угля сама по себе еще не гарантировала погрузки и отправки этого угля. В целях борьбы с неиспользованием выдаваемых на вагоны нарядов и в целях обеспечения необходимых категорий потребителей углем, М-ву Путей Сообщения и было предоставлено вышеприведенным законом 31/III 1915 г. назначать реквизицию топлива. В соответствии с этим законом, М-во, приказом 18/IV 1915 г., предоставило Харьковскому Горнозаводскому Комитету право выдачи принудительных нарядов в тех случаях, когда заявки копей на отправку угля первоочередному потребителю окажутся меньше количеств угля, назначенных ему по наряду. В таких случаях потребитель получал уголь по принудительному наряду от рудников, у которых оставалось свободное топливо (так наз. «частная» реквизиция). Расчет за реквизированное таким путем топливо производился по особым ценам, утвержденным М-ом Путей Сообщения.[2]

[1] Историю Харьковского Комитета см. в «Кратком очерке истории Съездов горнопромышленников Юга России», сост. проф. П. И. Фоминым, Харьков, 1908 г., стр. 11 и 160—173, и у Е. И. Рагозина «Железо и уголь на Юге России», СПБ., 1895 г., стр. 90—101.

[2] «Топливоснабжение России за время войны и революции», стр. 3; С. В. Бернштейн-Коган, цит. ст., стр. 105. Первоначально система принудительных нарядов применялась только к донецкому углю и лишь в 1916 г. была распространена на уголь других районов.

С учреждением в августе 1915 г. Особого Совещания по топливу (см. ниже), дело регулирования топлива передается вновь в руки министра торговли, как председателя названного Совещания. Особое Совещание по топливу («Осотоп») продолжало регулировать топливную и, в частности, угольную промышленность теми же методами разрешительной системы перевозок (Правила 11/XI 1915 г.) и принудительных («преимущественных») заказов, подразделив последние на принудительные поставки в порядке предварительно заключенных договоров (в тех случаях, когда поставщик уклонялся от выполнения заключенного им с потребителем договора) и принудительные наряды в адрес таких потребителей, с которыми договор вообще не был заключен (Правила 24/XII 1915 г.). «Преимущественные» заказы (реквизиции) непрерывно возрастали и в 1916 г. доходили уже до $^1/_3$ всего вывозимого из Донецкого бассейна угля. При назначении реквизиционных цен Осотоп исходил из расчета себестоимости угля — притом не ниже средней себестоимости копей малой рентабельности, имевших сравнительно дорогое производство. К этой себестоимости делались надбавки на амортизацию и на предпринимательскую прибыль. Подобной политикой цен Осотоп стремился создать стимул для повышения производительности копей. Особенно упорную борьбу ему пришлось вести с М-вом Путей Сообщения, противившимся повышению цен. Долгосрочные контракты на поставку угля, заключенные по довоенным ценам или по ценам первого года войны, оказались тягостными для большинства копей уже к концу 1915 г., и Осотопу пришлось взять на себя посредничество по пересмотру контрактов копей с железными дорогами в целях повышения фиксированных в этих контрактах цен. Для копей, связанных довоенными контрактами, принудительные наряды с расчетом по реквизиционой цене, покрывающей себестоимость, амортизацию и прибыль, вообще оказались выгоднее контрактовых. Между рыночными и реквизиционными ценами все время существовало поэтому известное взаимоотношение; те и другие поддерживались приблизительно на одном и том же уровне.[1]

При таких условиях сохранение свободной торговли донецким углем оказалось в противоречии с практикуемой тем же Осотопом системой жесткого регулирования как самого распре-

[1] Обзор деятельности Особого Совещания по топливу за 7 месяцев (август 1915 г.—март 1916 г), П. 1916, стр. 3 сл ; «Известия Особого Совещания по топливу», 1916 г., № 1, стр. 12; «Топливоснабжение России за время войны и революции», стр. 2—4; «Потребление топлива железными дорогами за 1911 — 1916 гг.», изд. Совета Съездов представителей промышленности и торговли, П. 1916, стр. 33 — 35; «Горнозаводское Дело», 1917 г., № 1, стр. 15042 (ходатайство XLI Съезда горнопромышленников Юга России о применении реквизиционных цен к старым договорам с казенными жел. дорогами).

деления угля, так и цен на него. Деятели Осотопа уже осенью 1915 г. начинают выдвигать поэтому проект государственной монополии на торговлю донецким углем. В октябре 1915 г. появляются два проекта Правил об исключительной поставке минерального топлива Донецкого бассейна в казну и распределения его между потребителями.[1] Первый из них предлагает объявить донецкий уголь подлежащим «исключительно поставке в казну или по особым распоряжениям казны непосредственно отдельным лицам и учреждениям» — с приостановкой всех действующих договоров на поставку, но без устранения непосредственных расчетов между производителями и потребителями угля. Второй проект, более поздний и не обсуждавшийся уже Осотопом, устранял всякие непосредственные расчеты копей с потребителями угля. Авторы проектов говорят, однако, не о «монополии», а лишь об «общей реквизиции» угля. Предлагаемые меры «отнюдь не равносильны монополии»... «Нет надобности вводить угольную монополию, и она отнюдь не имеется в виду», гласит объяснительная записка к проекту, «но необходимо, чтобы государство приняло на себя роль посредника между производителями и потребителями угля».

Эти полуобъяснения, полуоправдания вызваны протестом против угольной монополии со стороны углепромышленников и торгово-промышленных организаций, опасавшихся усиления правительственного вмешательства в угольную промышленность.[2] Несмотря на эти протесты, Совет Министров в ноябре 1915 г. предоставляет председателю Осотопа право объявлять продажу твердого и жидкого минерального топлива «исключительным правом казны», определять цены, по коим топливо должно приобретаться казной от его производителей и отпускаться потребителям, и принимать «все меры, необходимые для приведения в действие общей или частичной продажи минерального топлива» (особый журнал Совета Министров от 3/XI 1915 г., утв. 22/XI 1915 г.—Собр. Узак. № 348, ст. 2565). Казалось бы «монополия» была предрешена. Торгово-промышленные организации усиливают, однако, свою агитацию и тотчас же вслед за утверждением особого журнала Совета Министров забрасывают председателя Осотопа новыми протестами против монополии.[3]

[1] Проект комиссии при харьковском уполномоченном Осотопа инж. Гаевском и контр-проект, выработанный в Совещании горнопромышленников Юга России 21—22 октября 1915 г., напечатаны в «Материалах к проекту общей реквизиции твердого минерального топлива в Донецком бассейне», изд. Осотопа, стр. 7—17.

[2] «Материалы к проекту», стр. 35—37 и 52 сл.

[3] Записки и телеграммы торгово-промышленных организаций напечатаны в «Материалах к проекту», стр. 52 — 83; см. также «Отчет Отделов Ц. В.-П. К. на 1/XI 1915 г.», стр. 145—149.

Дружный напор торгово-промышленных организаций дает свои результаты, и проекты «общей реквизиции» остаются без движения.

Изменение конъюнктуры угольного рынка вновь ставит, однако, проблему монополии на очередь дня. С весны 1916 г. намечается определенный перелом в соотношении между добычей и вывозом угля из Донецкого бассейна: в то время как условия вывоза стали заметно улучшаться, добыча стала падать. Это было обычным весенним снижением, но оно грозило быстрым исчерпанием накопленных за зиму запасов. Вывоз начал обгонять добычу, что при общем возрастании цен на все материалы, необходимые для горной промышленности, и заработной платы исключало возможность заключения сколько-нибудь длительных контрактов, создавало неустойчивость на угольном рынке и вело к расширению реквизиций. В августе 1916 г. для нужд одних железных дорог были выданы реквизиционные наряды на 350 копей с общей суммой требований в 36 милл. пуд. — т.-е. в $^1/_3$ всего месячного вывоза угля из Донецкого бассейна.

Тем самым существенно нарушался «весь ход коммерческой жизни» Донецкого бассейна, и в то же время ни одному потребителю уголь не мог быть твердо гарантирован в необходимом ему количестве и качестве. Вопрос *качественного* распределения донецкого угля, возникший еще до войны, получает особенную остроту именно с весны 1916 г. Нужно было найти выход из этих затруднений—и управление делами Осотопа выдвигает *новый проект монополизации торговли донецким углем*, навеянный, по утверждению его авторов, довоенным (калийный синдикат) и военным (хлебное бюро) опытом Германии. Сохраняя разрешительную систему перевозок, проект предусматривал создание особого Центрального Комитета («Центроуголь»), состоящего на $^3/_4$ из представителей угольной промышленности и наделенного правом монопольной торговли донецким топливом. В состав «Центроугля» должны были войти 10 представителей крупной углепромышленности и 5 представителей средней и мелкой углепромышленности. Кроме того, в его работах должны были принять участие—с правом *совещательного голоса*—представители заинтересованных ведомств. Представителю М-ва Торговли предоставлялось, однако, право приостановки любого постановления, равно как и проектируемые «Центроуглем» цены должны были утверждаться министром торговли. По отношению к копям «Центроуголь» являлся *монопольным покупателем* топлива—и был, в свою очередь, *обязан* покупать весь добываемый уголь, получая ссуды под излишние запасы из казны. План снабжения страны топливом должен был попрежнему устанавливаться Осотопом, и «Центро-

уголь» обязан был снабжать топливом всех тех потребителей и в том размере, в каком ему указывал план.[1]

Таким образом, проект предусматривал создание принудительного синдиката углепромышленников, но без контингентировки производства или сбыта. Углепромышленники усмотрели, однако, в «Центроугле» не синдикат, а отвергнутую ими в 1915 г. «правительственную монополию», «бюрократический орган», приглашение в который 15 их представителей—при наличии права veto Министерства Торговли—они склонны были объяснять «разве только недостатком специалистов». Состоявшееся 31/X 1916 г. в Харькове совещание углепромышленников единогласно признало проект «во всем объеме неприемлемым и осуществление его ненужным для развития донецкой каменноугольной промышленности».

Оппозиция проекту была настолько резка, что присутствовавшие на совещании представители М-ва Торговли и Осотопа поспешили заявить, что проект является лишь «делопроизводственным черновиком», «канвой», а не «выражением точки зрения Министерства».[2]

Судьба «Центроугля» оказалась аналогичной судьбе его предшественников—проектов «общей реквизиции» донецкого топлива. Лишь после Февральской революции Осотоп получает возможность осуществить свой проект государственной монополии на торговлю донецким топливом (в новой его редакции).[3] Поставленный вновь на очередь весной 1917 г., он встречает сочувствие со стороны Харьковского Съезда рабочих и сельских депутатов, как «первый шаг» по пути огосударствления горной промышленности и национализации недр, но попрежнему отвергается торгово-промышленными кругами. Лишь считаясь с предрешенностью монополии, торгово-промышленные организации выражают готовность принять участие в его разработке, «если жизнь требует его осуществления.[4]

Судьба предшествующих проектов, отсутствие у Временного Правительства твердой воли к регулированию народного хозяйства и зависимость России от франко-бельгийского капитала, широко заинтересованного в крупнейших предприятиях Донецкого бассейна,—не внушали особенной уверенности в осуще-

[1] Объяснительная записка и проект Положения о Центральном Комитете для торговли твердым минеральным топливом Донецкого бассейна, изд. Осотопа, П. 1916 г., стр. 9 сл.

[2] Протокол совещания углепромышленников от 31/X 1916 г. был напечатан лишь после Февральской революции—в «Известиях Особого Совещания по топливу», 1917 г., № 3, стр. 48—53.

[3] Проект напечатан в «Известиях Особого Совещания по топливу», 1917 г., № 4, стр. 98—105.

[4] См. докладную записку Харьковской каменноугольной биржи в «Известиях Особого Совещания по топливу», 1917 г., № 4, стр. 106.

ствлении правительственного проекта.[1] 24 июня 1917 г. Временное Правительство подтвердило, однако, полномочия председателя Осотопа на объявление продажи минерального топлива исключительным правом казны, присоединив к закону 22/XI 1915 г.[2] расширявшую полномочия казны оговорку: «с предоставлением казне права распоряжения означенным топливом» (Собр. Узак. № 200, стр. 1236), вслед за чем председателем Осотопа были утверждены (16/VII 1917 г.) «Положение о передаче донецкого топлива в распоряжение государства и о государственной монополии торговли донецким топливом» и ряд дополнительных правил и инструкций к нему (Собр. Узак. № 200, ст.ст. 1237—1239).

Все донецкое топливо, включая кокс и брикеты, было объявлено поступившим в распоряжение государства — с прекращением всех договоров на его поставку (в том числе и договоров с казной), с возвратом авансов и задатков покупателям и с запретом заклада топлива и каких-либо сделок с ним. Из действия монополии были изъяты лишь: 1) уголь для самопотребления копей; 2) топливо, предоставленное для непосредственного потребления — притом с шахт гужем, без права перепродажи (т. е. топливо для окружного населения); 3) уголь, переработанный в кокс и брикеты самим владельцем копей; 4) кокс, изготовляемый металлургическими заводами для собственных надобностей, при чем нормы потребления или расхода должны были устанавливаться Главноуполномоченным по Донецкому бассейну. Все остальное топливо должно было распределяться Главноуполномоченным по Донецкому бассейну и районными уполномоченными, согласно правилам, утвержденным одновременно с Положением о монополии. Главноуполномоченный должен был выдавать копям—сообразно составленному Осотопом плану распределения донецкого топлива между потребителями[3] — наряды на отправку угля, кокса или брикетов, в определенном количестве и в определенный адрес и сроки. В случае отказа от поставки

---

[1] Противодействие промышленников побудило Всероссийский Продовольственный Съезд (21 — 26 мая 1917 г.) принять специальную поправку к резолюции по вопросу о снабжении страны топливом — о необходимости «введения торговой государственной монополии на все виды угля и жидкого топлива» («Труды Всероссийского Продовольственного Съезда в Москве 21 — 26 мая 1917 г.», в. II М. 1918 стр. 114).

[2] См. стр. 42.

[3] По заявлению представителя М-ва Торговли и Промышленности в Экономическом Совете, одной из главных задач монополии было обезличение угля (Стенографический отчет заседания Экон. Совета 22/VII 1917 г., № 2, стр. 23) Связывавшиеся с этим обезличением топлива надежды, повидимому, не вполне оправдались (см. отчет о 8-м Съезде по топливу 4—6 декабря 1917 г. — прил. к № 7 «Известий Особого Совещания по топливу» за 1917 г., стр. 26).

без уважительных причин, предпринимателю угрожала реквизиция по половинной цене и привлечение к уголовной ответственности. Все расчеты должны были итти исключительно через Главноуполномоченного по Донецкому бассейну. Копям Главноуполномоченный должен был уплачивать устанавливаемые председателем Осотопа «покупные» цены, назначаемые применительно к себестоимости соответствующей марки угля и с начислением прибыли и амортизации. Потребителям же уголь должен был отпускаться по «продажным» ценам—с начислением $2^1/_2\%$ «на покрытие расходов государства по осуществлению монополии». Те и другие цены, согласно закона, могли расходиться, но с тем, чтобы покупные цены за основной сорт топлива не были ниже «продажных» более чем на 10%, и чтобы общая сумма «покупных» и «продажных» цен периодически уравнивалась. С этой последней целью каждые три месяца должны были производиться подсчеты той и другой суммы, при чем разница должна была погашаться соответственным изменением продажных цен.

При Главноуполномоченном был учрежден Совет по делам монополии торговли донецким топливом, с участием представителей самых разнообразных организаций, а в Харькове было образовано Особое Присутствие для рассмотрения всех споров частных лиц и учреждений с казной по делам, связанным с монополией.

Несмотря на столь суровое вмешательство государства в угольную промышленность, углепромышленники на этот раз отнеслись уже иначе к угольной монополии и, в лице своих представителей в органах Осотопа, приняли деятельное участие в проведении ее в жизнь.[1] Эта смена позиции объяснялась тем, что по мере увеличивавшегося развала народного хозяйства интересы углепромышленников все сильнее и сильнее стали страдать от реквизиционных поставок, от путаницы в расчетах за уголь, реквизируемый в пути (в особенности за уголь, перехватываемый самими железными дорогами), от хронических задержек платежей казенными потребителями, от быстрого роста себестоимости угля, приводившего к убыточности даже краткосрочных контрактов и т. д.[2] Между тем, по введении монополии Главноуполномоченный: 1) должен был уплачивать за уголь, отправленный с 1-го по 15-е — не позднее 1-го числа следующего месяца и за уголь, отправленный с 16-го по конец месяца — не позднее 15-го следующего месяца; 2) выдавал авансы в размере 25% стоимости наряда, для каковой цели ему были отпущены кредиты из казны, предо-

[1] Положение о монополии было введено в действие с 1 августа 1917 г. (пост. министра торговли и промышленности от 31/VII 1917 г.—Собр. Узак. № 200, стр. 1240).

[2] «Топливоснабжение России за время войны и революции», стр. 5.

ставлено право кредитоваться в банках и право брать авансы с потребителей.[1]

Аккуратная расплата и выдача авансов продолжались, однако, лишь первые два месяца после введения монополии. Стремительное падение курса рубля крайне усложняло установление цен на уголь; приходилось оперировать с все время отставшими от себестоимости «предварительными ценами». К тому же железные дороги и металлургические заводы крайне слабо расплачивались за поставляемый им уголь.[2] Финансирование донецкой углепромышленности все более и более переносилось на государство, а вместе с тем и основной функцией «Монотопа» (Харьковского управления монополией) все более и более становилось получение кредитов из государственного казначейства и распределение их между углепромышленниками. Эту свою функцию «Монотоп» с одинаковой энергией осуществлял при всех правительствах, сменявшихся на территории Донецкого бассейна. В начале декабря 1917 г. ВСНХ принимает постановление о переводе «Монотопу» в Харьков 17 милл. руб. для расплаты с рудниками и рабочими и утверждает «состоявшееся между «Монотопом» и нашими представителями соглашение, в силу которого расходование денег производится под контролем наших комиссаров» (Собр. Узак. № 10, ст. 159). В июне 1918 г. задолженность «Монотопа» угольным предприятиям достигает 192 милл. руб. В свою очередь, ему должны: металлургические заводы—50 милл. руб., железные дороги Украины—99 милл. руб. и железные дороги Великороссии—41 милл. руб. Промышленники ходатайствуют перед гетманским правительством о погашении «Монотопом» всего его долга углепромышленности, об отпуске наличных средств для расплаты за текущие поставки... и о ликвидации угольной монополии. Гетманское правительство ассигнует в распоряжение «Монотопа» один кредит за другим— и 29/VIII 1918 г. издает распоряжение об отмене государственной монопольной торговли донецким углем.[3] В виде временной меры сохраняется, однако, государственное распределение минерального топлива (через Главного Уполномоченного по Донецкому топливу и Комитет по топливу) и оплата его по твердым ценам.[4]

---

[1] О порядке проведения и финансирования угольной монополии— см. «Изв. Особого Совещания по топливу», 1917 г., № 5, стр. 90—92, и № 7, стр. 4—15, и постановление Временного Правительства от 27/VII 1917 г. о краткосрочных позаимствованиях министра торговли и промышленности, в качестве председателя Осотопа, в кредитных учреждениях (Собр. Узак. № 203, стр. 1275).

[2] «Топливоснабжение России за время войны и революции», стр. 5.

[3] Л. Н. Неманов, «Финансовая политика Украины», Киев, 1919 г., стр. 140—143.

[4] Я. Шафир, «Экономическая политика белых»—«Народное Хозяйство», 1921 г., № 4, стр. 31.

Если в отношении угольной промышленности правительство уже с марта 1915 г. развернуло широкую сеть мероприятий (разрешительная система перевозок и принудительные заказы), то в отношении железной промышленности оно лишь с большим трудом и в гораздо меньшем объеме проводило отдельные меры по ее регулированию. Казалось бы, внимание военного и морского ведомств должно было прежде всего направиться на металлопромышленность, как отрасль, в первую очередь, призванную к обслуживанию обороны страны. Однако, лишь поражение русской армии в Галиции в апреле 1915 г., одной из основных причин которого явился острый недостаток в снарядах и военном снабжении вообще, дало стимул к «мобилизации» промышленности и к первому реальному вмешательству государства в работу металлопромышленности.[1] Призыв к мобилизации промышленности исходил от торгово-промышленных и общественных кругов. В начале мая 1915 г. представители промышленности А. И. Путилов и В. П. Литвинов-Фалинский, поддержанные председателем Государственной Думы М. В. Родзянко, предложили Ставке привлечь к работам на оборону все частные заводы. 26/29 мая 1915 г. в Петрограде состоялся IX очередной Съезд представителей промышленности и торговли, призвавший русскую промышленность «к объединению и дружной работе для обслуживания всех нужд войны» и поручивший торгово-промышленным организациям образовать сеть военно-промышленных комитетов во главе с Центральным Военно-Промышленным Комитетом в Петрограде.[2]

[1] Образованная в начале войны Главным Артиллерийским Управлением (ГАУ) комиссия ген Ванкова (см. А. А. Маниковский, «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.», ч. I, М. 1920, стр. 17—18), равно как и учрежденная 1/I 1915 г. при ГАУ Особая распорядительная комиссия в. к. Сергея Михайловича — ограничились специальными вопросами заготовки боевого снабжения и не приняли никаких мер по регулированию самой металлопромышленности.

[2] Мы лишены возможности в рамках настоящего очерка остановиться подробно на организации, функциях и деятельности военно-промышленных комитетов. Укажем лишь, что в их состав входили представители торгово-промышленных организаций, Союзов земств и городов, научно технических обществ и организаций и т. п. Вначале Центральный Военно-Промышленный Комитет действовал в качестве органа Совета Съездов и лишь после I Съезда военно-промышленных комитетов (25—27 июля 1915 г.) превратился в формально независимый от Совета Съездов орган. Попытки Ц.В.-П.К. привлечь в состав Комитета рабочих первоначально не увенчались успехом. Избранные петроградскими заводами рабочие-выборщики, собравшись 27/IX 1915 г. для выборов представителей от рабочих в Ц. В.-П. К., вынесли бойкотистскую резолюцию. Но постановление сентябрьского собрания было опротестовано меньшевиками-оборонцами во главе с К. Гвоздевым, и на вторичном собрании (29/XI 1915 г.) последние, после ухода большевиков и левых народников, провели 10 представителей в Ц.В.-П.К. и 6 представителей в областной в.-п. комитет. Главной задачей военно-промышленных комитетов являлось содействие промышленным предприятиям в приспосо-

Гос. Дума, торгово-промышленные и общественные организации одновременно обратились к правительству с настойчивым требованием о приступе к активному регулированию промышленности и о создании специального органа с чрезвычайными полномочиями для руководства всеми работами на оборону. Из двух возможных решений вопроса: учреждения особого М-ва Снабжения или сосредоточения всего дела мобилизации промышленности в одном из существующих ведомств—Гос. Дума остановилась на втором (из опасений ломки уже имевшегося налицо аппарата военного снабжения и последующих трений между вновь учрежденным М-вом и военным ведомством). При этом, в полном согласии с торгово-промышленными кругами и общественными организациями, Гос. Дума высказалась за то, чтобы руководство всеми работами промышленности на оборону было возложено не на М-во Торговли и Промышленности, а на Военное М-во.

Именно при последнем должен был быть образован «общественный орган» совещательного характера, который помог бы военному министру «ориентироваться в том, что можно сделать и (что) где сделано»—и в то же время явился бы «контрольным органом со стороны законодательных учреждений».[1]

Под влиянием военных неудач и обнаружившихся в связи с ними серьезных недочетов в постановке военного снабжения правительство идет навстречу общественному мнению. 13/V 1915 г. в. к. Николай Николаевич протелеграфировал военному министру об утверждении государем его предположений о привлечении частной промышленности к работам на оборону и об

блении их к работам на оборону и посредничество в распределении между ними заказов на оборону. Вместе с тем, они приняли активное участие во всех созданных во время войны органах по регулированию промышленности. Комитеты возникли явочным порядком. Соответствующее Положение о них было утверждено лишь 27/VIII 1915 г. (Собр. Узак. № 248, ст. 1853). Операции военно-промышленных комитетов (а равно учр. 10/VII 1915 г. Комитета Всероссийских Земского и Городского Союзов—так наз. «Земгора») по заготовке снабжения были урегулированы впервые правилами 16/XI 1915 г. (Собр. Узак № 347, стр. 2561). О деятельности Центрального Военно-Промышленного Комитета—см. Труды Съезда (I) представителей военно-промышленных комитетов 25—27 июля 1915 г., изд. Ц. В.-П. К., П. 1915 г.; резолюции и стеногр. отчет о заседаниях II Всероссийского Съезда военно-промышленных комитетов 26—29 февраля 1916 г.—в «Известиях Московского военно-промышленного комитета», 1916 г., № 17—18 сл.; Отчеты Отделов Ц. В.-П. К. (первый отчет был издан на 1/XI 1915 г.) О выборах в Ц. В.-П. К. от петроградских рабочих и о деятельности рабочих групп при в.-п. комитетах - см. А. Шляпников, «Канун семнадцатого года», М. 1924, ч. I, стр. 77—102; ч. II, стр. 126—128, и «Революция и РКП. (б) в материалах и документах», изд. Истпарта, т. VII, М. 1924, стр. 194—206.

[1] См. доклады членов Гос. Думы Н. В. Савича I Съезду военно-промышленных комитетов 26/VII 1915 г. и В. В. Жуковского—II Съезду 26/II 1916 г. (Труды Съезда в.-пр. комитетов 25—27 июля 1915 г., стр. 87—92; «Известия Московского в.-пр. комитета», 1916 г., № 17—18, стр. 31).

образовании для этой цели Совещания при Военном Министерстве—с участием председателя Гос. Думы, ее членов и представителей промышленных кругов. Первое заседание вновь образованного Совещания состоялось уже 14/V 1915 г. Юридическое оформление Совещание получило позднее—сначала по всеподд. докладу военного м-ра, утв. 21/V 1915 г., а затем по проведенному в порядке ст. 87 Осн. Зак. указу 7/VI 1915 г. об учреждении «Особого Совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения». Особое Совещание было образовано под председательством военного министра, в составе представителей Гос. Думы и Гос. Совета, промышленности и торговли (по назначению верховной власти), представителей соответствующих министерств и чинов военного ведомства. Как высший орган, руководящий всей работой на оборону, оно было подчинено «непосредственно верховной власти. Никакое правительственное место или лицо не дает Особому Совещанию предписаний и не может требовать от него отчетов». Все полномочия, коими был наделен новый орган,[1] были, однако, предоставлены не самому Совещанию, а его председателю. Характерно, что авторы закона 7/VI 1915 г. забыли даже упомянуть, что предпринимаемые военным министром, как председателем Совещания, меры должны предварительно обсуждаться в Особом Совещании (Собр. Узак. № 167, ст. 1280).[2]

Ту же конструкцию получили и Особые Совещания по обороне, топливу, продовольствию и перевозкам, созданные законом 17/VIII 1915 г., из коих Совещание по обороне заменило собой названное Совещание по снабжению армии, а Совещание по топливу—Центральный Комитет по топливу при М-ве Путей Сообщения. При этой реконструкции, проведенной—в изъятие из обычного порядка военно-экономического регулирования—через законодательные учреждения,[3] состав Совещания был несколько расширен, при чем представители Гос. Думы и Гос. Совета вошли в них уже не по назначению, а по выбору законодательных учреждений. На ряду с ними в состав Совещаний были введены представители Всероссийских Земского и Город-

[1] Мы остановимся на них ниже—при изложении Положения 17/VIII 1915 г.

[2] До учреждения Совещания важнейшие хозяйственные вопросы обсуждались Военным Советом—органом, который, по отзыву военного министра, «не давал той пользы, которой от него должно было ожидать, по причине нахождения в его составе немалого числа членов, мало подготовленных к такой работе» (А. А. Поливанов, «Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника», М. 1924 г., т. I, стр. 152).

[3] См. Стенографические отчеты Гос. Думы (IV сессия 4-го созыва), заседание 1/VIII 1915 г. стр. 251 сл.; Стенографический отчет Гос. Совета, заседание 1/VIII 1915 г., стр. 108—146.

ского Союзов и Центрального Военно-Промышленного Комитета. Кроме того, председателям Совещаний (министрам военному, торговли, путей сообщения и главноуправляющему землеустройством и земледелием) было представлено право приглашать к участию в заседаниях представителей других организаций, в особенности торгово-промышленных, и сведущих лиц. Но и закон 17/VIII 1915 г. предоставлял все полномочия председателям Особых Совещаний, отводя самим Совещаниям чисто совещательную роль. Правда, закон упоминал уже о том, что соответствующие меры принимаются председателем «по обсуждении их в Совещании», но отнюдь не связывал председателя постановлением Совещания и предоставлял ему даже право, «в случае усмотренной (им) необходимости», принимать любые мероприятия и без предварительного обсуждения их в Совещании—с доведением их лишь до сведения Совещания в ближайшем заседании.

Аналогично были построены и местные органы Особых Совещаний. Для исполнения распоряжений председателей Особых Совещаний на местах им предоставлялось назначать своих уполномоченных, которые могли образовывать при себе «совещания из лиц, участие коих будет ими признано полезным». Предусматривалось лишь обязательное привлечение представителей мѣстных организаций Всероссийских Земского и Городского Союзов и местного военно-промышленного комитета. Эти местные Совещания играли при уполномоченном ту же роль, что и Особые Совещания—при своих председателях.[1]

Полномочия Особых Совещаний или, точнее, их председателей были очерчены очень широко уже при их учреждении, а в ходе войны подверглись и дальнейшему расширению. Закон 17/VIII 1915 г. возлагал на них общий надзор над деятельностью всех предприятий и учреждений соответствующей отрасли народного хозяйства, загрузку этих предприятий принудительными заказами, учет всех заказов—как принудительных, так и добровольных, а также учет запасов материалов и изделий, секвестр предприятий и назначение в состав их правлений представителей правительства, установление заработной платы, установление правил использования соответствующих материалов (напр., топлива) и т. д.

Особому Совещанию по топливу (в лице его председателя) было предоставлено, в частности, право назначения предельных цен на все виды топлива (Собр. Узак. № 231, ст. 1760).

Несмотря на то, что Положение о каждом из Особых Совещаний подчеркивало, что оно является «высшим государствен-

[1] О работе местных органов по топливу—см. интересный «Очерк развития петроградских топливных учреждений» А. С. Гордона в «Топливном Ежегоднике Петрограда на 1921 г.», изд. ПСНХ, П. 1921, стр. 203—213.

ным установлением», которому «никакое правительственное место или лицо» не в праве давать «предписаний», Особые Совещания по топливу, по продовольствию и по перевозкам были поставлены в известную формальную зависимость от Особого Совещания по обороне. Те же Положения обязывали председателей названных Совещаний срочно сообщать все свои постановления военному министру, а последнему, «как председателю Особого Совещания по обороне», предоставляли право «собственной властью приостанавливать все распоряжения» председателей других Совещаний и вносить их на обсуждение Совещания по обороне— с участием в его заседании председателя и членов соответствующего Совещания. Если бы и это совместное заседание не привело к соглашению, вопрос подлежал внесению в Совет Министров (ст. 18 Положений об Особых Совещаниях по топливу и по продовольствию; ст. 15 Положения об Особом Совещании по перевозкам).[1] В известных нам материалах Особого Совещания по обороне мы не нашли следов использования председателем Совещания по обороне предоставленного ему законом права. Но фактически Совещание по обороне вплоть до Февральской революции неизменно занимало первенствующее положение[2] в деле регулирования народного хозяйства и, в связи с вопросами о работе промышленности на оборону, постоянно обсуждало вопросы о снабжении заводов топливом, о железнодорожных и водных перевозках, о продовольственных затруднениях, осложнявших работу промышленных предприятий на оборону и т. д.

Придавая вновь создаваемым органам чисто совещательный характер, закон 17/VIII 1915 г. гарантировал представителям «общественности» абсолютное большинство в каждом из Особых Сове-

[1] В первоначальном проекте о реорганизации Особого Совещания по снабжению Военное Министерство предлагало даже сосредоточить в ведении Особого Совещания по обороне, сверх возложенных на него Положением 17/VIII 1915 г. функций, также и регулирование топливного хозяйства, продовольственного дела и перевозок. Гос. Дума высказалась, однако, за создание четырех Особых Совещаний и сохранила лишь за Особым Совещанием по обороне тот приоритет, на который мы только-что указали и который, по мысли докладчика комиссии Гос. Думы, должен был обеспечить военному министру «общий главный контроль» над деятельностью других Совещаний и дать ему возможность «регулировать» таковую в тех случаях, когда «их мероприятия могут вредить деятельности по снабжению армии» (см. цит. выше отчет заседания Гос. Думы от 1/VIII 1915 г., стр. 252—253.

[2] В середине 1916 г., в связи с все возраставшим обострением отношений между правительством и общественными кругами, представленными в Особом Совещании по обороне, ряд постановлений последнего, уже утвержденных военным министром, был отменен, однако, председателем Совета Министров Б. В. Штюрмером, которому Николай II секретным указом предоставил исключительно широкие полномочия (М. В. Родзянко, «Гос. Дума и Февральская революция»—в сборнике «Февральская революция», изд. Госиздата, М.—Л. 1925, стр. 17).

щаний (57% в Особом Совещании по обороне и 52%—в Особом Совещании по топливу). В действительности, однако, это формальное большинство оказалось чисто иллюзорным. За приглашаемыми в заседания Особых Совещаний сведущими лицами практика признала право решающего голоса на равных основаниях с другими членами Совещаний. Представители ведомств были дисциплинированы и обычно голосовали дружно,[1] тогда как представительство законодательных и общественных организаций страдало от абсентеизма и несогласованности действий своих сочленов. К тому же в распоряжении председателей Особых Совещаний находился «послушный бюрократический аппарат», разрабатывавший ведомственные материалы и представлявший их членам Совещания в виде готовых решений, обоснованных цифрами и фактами.[2]

В тех же случаях, когда тому или другому министру не удавалось собрать большинства в пользу своего мнения, он ни в какой мере не был связан постановлением большинства. В практике всех Совещаний встречались случаи утверждения мнений меньшинства — редкие только потому, что редки были самые случаи расхождения большинства Совещаний с их председателями. Если, однако, представительство законодательных и общественных органов в целом не играло решающей роли в Совещаниях,[3] то представителям отдельных групп и классов удалось занять сильные позиции в некоторых Совещаниях и, в особенности, в созданных последними специальных организациях. Так, напр., представители металлургической и металлообрабатывающей промышленности пользовались несомненным влиянием в Особом Совещании по обороне и в Комитете по делам метал-

[1] Как «единое стадо» (Stimmvieh)—по не совсем почтительному отзыву представителей Московского Военно-Промышленного Комитета («Изв.», 1915 г., № 27—30, стр. 3). Практика Особого Совещания по обороне знает, однако, и иные примеры.

[2] Проф. Л. Н. Литошенко, «Деятельность Особых Совещаний»—«Известия Всероссийского Союза Городов», 1915 г., № 21—22, стр. 4; М. Вишняк, «Правовые основания Особого Совещания по обороне»—«Известия Московского Военно-Промышленного Комитета», 1915 г., № 27—30, стр. 3—4. Необходимо, однако, отметить, что в работах управлений делами Особых Совещаний приняли участие широкие кадры интеллигенции, чуждавшиеся до войны министерских канцелярий или, в свою очередь, неприемлемые для последних по своей политической репутации. Наименее бюрократичным оказался состав управлений делами Особых Совещаний по топливу и по продовольствию, ряд сотрудников коих после революции принял и более активное участие в регулировании народного хозяйства.

[3] Обратное мнение А. А. Маниковского (цит. соч., ч. III, стр. 160—165) вряд ли может быть признано верным даже по отношению к первому периоду деятельности Особого Совещания по обороне, когда во главе Военного Министерства стоял А. А. Поливанов, и, во всяком случае, не может быть принято по отношению к последнему (предреволюционному) периоду, когда Военное Министерство возглавлялось А. М. Беляевым.

лургической промышленности, представители угольной и нефтяной промышленности—в Особом Совещании по топливу. Это не мешало им подчас довольно резко критиковать деятельность названных регулирующих органов, в частности деятельность их местных уполномоченных и комитетов, жаловаться на смену и несовершенство методов регулирования и требовать более непосредственного участия промышленных организаций в распределении сырья, материалов, заказов и т. д. Эта критика приобрела особенно резкий характер накануне революции, когда и представители промышленности пришли к убеждению, что «нестроения в хозяйственной области» носят не только «организационный», но и «органический» характер.[1]

С учреждением Особых Совещаний металлургическая и металлообрабатывающая промышленность оказались в ведении Совещания по обороне, при котором были организованы несколько позднее и специальные органы по регулированию металлопромышленности. Инициативу создания последних берет на себя Центральный Военно-Промышленный Комитет, при котором образуются Бюро по распределению металлов (12/VIII 1915 г.) и Комитет для заведывания снабжением заводов металлами заграничного производства (с 1/IX 1915 г.). Бюро по распределению металлов приняло на себя выяснение производительности металлургических заводов и потребности в черных металлах предприятий, работавших на оборону, а также содействие распределению черных металлов между казенными и частными заводами, обращавшимися к посредничеству Бюро. При этом Бюро либо предлагало заинтересованным сторонам войти в непосредственные сношения, либо заключало договоры по поручению той или другой стороны, либо, наконец, приобретало металл, временно не находивший спроса, в свое распоряжение. Аналогичный характер носила и деятельность Комитета по снабжению заграничными металлами, ведавшего, сверх того, русской медью и медным ломом.[2] Оба Комитета являлись посредническими органами,[3]

[1] Ср. «Промышленность и торговля», 1917 г., № 1, стр. 4; «Горнозаводское дело», 1917 г., № 6, стр. 15255.

[2] Отчеты отделов Ц.В.-П.К. на 1/XI 1915 г., стр. 25—45. Кроме того, в составе Центрального Военно-Промышленного Комитета были образованы, в числе других, заготовительно-металлургический и механический отделы и отдел по топливу.

[3] Заготовительные функции за границей осуществлялись специальными Комитетами в Америке и в Англии. Характерно, что представители общественных организаций были включены лишь в состав первого Комитета. Участие их в Лондонском Комитете было отклонено на том основании, что вся заготовка металлов в Англии должна была совершаться на основании особого соглашения с английским правительством (доклад В. В. Жуковского II Всероссийскому Съезду Военно-Промышленных Комитетов 26/II 1916 г.—«Изв. Моск. воен.-пром. комитета», 1916 г., № 17—18, стр. 32; Отчеты отделов Ц.В.-П.К. с 1/XI 1915 г. по 1/II 1916 г., П. 1916, стр. 22 и 60—61).

не обладавшими никакими принудительными функциями по распределению металлов и регулированию металлического рынка. Между тем, увеличение спроса мобилизованной промышленности на металлы и сокращение ввоза заграничных металлов и металлических изделий вызывают недостаток в металлах и подъем цен на них уже во второй половине 1915 г. Заводы, однако, ставили свое производство под контроль Бюро исключительно в силу добровольного соглашения, которое они «были вольны нарушить в любой момент» — при полном бессилии Бюро «принять против них какие-либо принудительные меры». Потребность в принудительном вмешательстве начинает ощущаться все острее, и Центральный Военно-Промышленный Комитет поднимает вопрос о переходе созданных им организаций в непосредственное ведение Особого Совещания по обороне.[1]

К этому «самоупразднению» отчасти побудило Центральный Военно-Промышленный Комитет и скрытое (а иногда и явное) противодействие, которое встречали названные органы со стороны отдельных правительственных учреждений—несмотря на то, что Положение о Комитете по снабжению заграничными металлами было официально утверждено председателем Особого Совещания по обороне 12/XI 1915 г. и что в его состав входили представители заинтересованных ведомств (Собр. Узак. № 347, ст. 2561). Прежде всего передается в ведение Особого Совещания по обороне Бюро по распределению металлов. 17/XII 1915 г. «обеспечение потребности в металлах» работающих на оборону предприятий возлагается на Уполномоченного по делам металлургической промышленности, назначаемого председателем Особого Совещания по обороне, и состоящий при нем Комитет («Расмеко») с участием представителей ведомств, общественных и торгово-промышленных организаций. Вместо наделения Комитета всеми полномочиями по учету и распределению металла, авторы Положения о Комитете ограничились, однако, тем, что возложили на него лишь выяснение потребности в металле и производительной способности металлургических заводов, содействие планомерному снабжению их сырьем, топливом и рабочей силой, а также «содействие, в необходимых случаях, правильному распределению металлов между предприятиями, работающими для нужд обороны». Права принудительного распределения в общеимперском масштабе и связанного с ним права установления предельных цен на металлы Комитет при

[1] См. представление Ц.В.-П.К. Особому Совещанию по обороне от 8 XI 1915 г., № 144/8944; Отчеты отделов Ц.В.-П.К. с 1/XI 1915 г. по 1/II 1916 г., П. 1916 г., стр. 15 -16, и доклад В. В. Жуковского II Всероссийскому Съезду военно-промышленных комитетов 26/II 1916 г. (стеногр. отчет в «Изв. Моск. в.-пр. комитета», 1916 г., № 17—18, стр. 32).

своем учреждении не получил (Собр. Узак. 1916 г. № 14, ст. 53). Правда, с утверждения председателя Особого Совещания по обороне, Комитет мог устанавливать очередь исполнения заводами заказов на металлы для нужд обороны и освобождать их от исполнения тех или других заказов, но, при отсутствии общего учета металлов и планомерного распределения их между всеми потребителями, эта очередность заказов не могла устранить все возраставшего хаоса в порядке выполнения заказов на металлы. Местными органами Комитета явились районные уполномоченные председателя Особого Совещания по обороне и состоявшие при них заводские совещания,[1] организованные еще до утверждения Комитета и осуществлявшие надзор за всеми работами промышленности на оборону. Южная металлургия оказалась, например, в ведении четырех уполномоченных: Харьковского, Екатеринославского, Ростовского и Одесского.[2] Но и заводские совещания не являлись полными распорядителями работ металлургических заводов на оборону, так как еще до них на заводах были образованы совещания приемщиков — представителей отдельных ведомств и учреждений, дававших заказы самостоятельно на места и отстаивавших свои интересы чрез командированных на заводы приемщиков. Каждое ведомство стремилось запастись как можно большим количеством металла. Металлообрабатывающие заводы, получавшие казенные заказы, старались также получить их в возможно бо́льших размерах. До утверждения Комитета по делам металлургической промышленности общее количество потребности в металлах всех ведомств вообще не выяснялось и не приводилось в соответствие с производительной способностью заводов. Заводы были завалены грудой заказов и старались исполнять не наиболее неотложные с точки зрения интересов обороны, а наиболее выгодные — в смысле количества и качества—заказы. Спекулянты и предприниматели имели большие запасы металла, и в то же время часто не хватало металла для самых неотложных нужд обороны. Для преодоления этого «хаоса» вновь учрежденный Комитет не обладал необходимыми полномочиями. Ведомства продолжали опираться исключительно на своих представителей на заводах и не желали подчиняться никакому контролю извне. Взаимоотношения Комитета с заводскими совещаниями не были точно установлены. Потребность в металлах и изделиях не была точно определена, программа прокатки попрежнему утверждалась заводскими совещаниями и совещаниями приемщиков —

[1] Порядок деятельности местных уполномоченных и заводских совещаний был определен правилами 10/IX 1915 г. (Собр. Узак. № 262, ст. 1954).

[2] Вся Россия была разделена на 12 районов. Список губерний, входивших в состав отдельных районов, напечатан в сб. ЦСУ «Россия в мировой войне 1914—1918 гг.», М. 1925, стр. 16.

и систематически нарушалась срочными требованиями фронта, поступавшими непосредственно на заводы.[1]

Правительство, однако, все еще не решалось вступить на путь планомерного распределения металлов и лишь постепенно расширяло правомочия Комитета по делам металлургической промышленности. Распределительные функции были предоставлены Комитету первоначально лишь по отношению к металлическому лому и лишь в очень ограниченной форме. Правила 18/III 1916 г. потребовали согласия Комитета на продажу лома казенными учреждениями и железными дорогами в частные руки и предоставили Комитету право реквизировать и направлять на заводы, нуждающиеся в ломе, свободные запасы лома как казенных, так и частных предприятий и учреждений (Собр. Узак. № 89, ст. 727). Вслед за тем, правила 10/VI 1916 г. обязали металлургические заводы исполнять заказы на металл лишь по удостоверениям, выданным предприятию-заказчику тем ведомством, от которого он получил заказ на оборону (Собр. Узак. № 196, ст. 1658). Поскольку такие удостоверения раздавались всеми ведомствами работавшим на них и нуждавшимся в металле предприятиям без какого-либо учета их в одном месте, правила 10/VII 1916 г. ни в какой мере не улучшали дела. Лишь Положение 6/VI 1916 г. об учреждении должности Главного Уполномоченного по снабжению металлами, наделенного более широкими полномочиями, представляло собой первую серьезную попытку регулирования металлургической промышленности и металлического рынка. Положение предоставляло Главному Уполномоченному право: 1) распределять, по соглашению с представителями ведомств и работающих на оборону общественных организаций, продукцию металлургических предприятий, в случае же недостижения соглашения с ними—представлять председателю Особого Совещания по обороне свой план распределения, и 2) давать распоряжения как по распределению металлов и лома между предприятиями, работающими на оборону, так и по выпуску его на частный рынок. В ведение Главного Уполномоченного по снабжению металлами были переданы Комитет по делам металлургической промышленности («Расмеко») и Комитет по снабжению заводов металлами заграничного производства («Металлснабжение»), перешедший еще 21/I 1916 г. из Центрального Военно-Про-

[1] «Ставка повелительно диктовала свои требования. Если Ставка требовала определенное количество металла, то никто не имел права спросить, для чего это нужно... А Ставка спрашивала металл в значительном количестве. Она требовала срочно, напр., рельсы, которые предназначались... для устройства ограды вокруг братской могилы, в период самой острой нужды в рельсах» (доклад Главного Уполномоченного по снабжению металлами и топливом Экон. Совету 24/VII 1917 г. — Стеногр. отчет № 3, стр. 4).

мышленного Комитета в Особое Совещание по обороне (Собр. Узак. № 53, ст. 350) и превращенный 6/VIII 1916 г. в Отдел по закупке металлов заграничного производства при Управлении Главного Уполномоченного. Таким образом, распределение как русских, так и заграничных металлов было объединено в ведении единого органа. Начало этому объединению было положено еще весной 1916 г. в порядке персональной унии: путем назначения Уполномоченного по делам металлургической промышленности ген. Мышлаевского, возглавлявшего «Расмеко», председателем Комитета по снабжению заводов металлами заграничного производства.

Для осуществления полученных с таким запозданием полномочий «Расмеко» не обладал, однако, соответствующим аппаратом и фактическими данными о действительной потребности страны в металлах.[1] Вместо того, чтобы с самого же начала использовать по примеру Германии—как это пытался сделать в несколько иной форме Осотоп и как это позднее было сделано самим «Расмеко»—существовавшие синдикаты («Продамету», «Кровлю» и «Медь»), сложное дело государственного распределения металлов сосредоточили в исключительном ведении бюрократического органа.[2] Интересно отметить, однако, что и I Съезд военно-промышленных комитетов в июле 1915 г. категорически отверг идею совместной работы Бюро по распределению металлов при Центральном Военно-Промышленном Комитете с «Продаметой» и «Медью»—на том основании, что «Центральный Военно-Промышленный Комитет — учреждение государственное, и потому нельзя выполнение государственных задач ставить в зависимость от соглашений с организациями, представляющими и преследующими частные интересы».[3]

Не меньшие затруднения встретились и при введении вновь принятой системы распределения металлов на местах. В пределах установленных «Расмеко» для отдельных ведомств норм

[1] Особенно тягостно отзывалась на промышленности постоянная смена методов распределения металла. Так, напр., порядок снабжения металлом каменноугольных рудников и копей Юга России с конца февраля 1916 г. по ноябрь того же 1916 г. менялся четыре раза (доклад Комиссии XLI Съезду горнопромышленников Юга России по 10-му вопросу программы «О снабжении горных и горнозаводских предприятий Юга России материалами», X. 1917 г., стр. 6—8).

[2] Идея привлечения синдикатов была не чужда Главному Уполномоченному, но не получила практического осуществления до революции.

[3] Труды Съезда военно-промышленных комитетов 25—27 июля 1915 г., стр. 214—215. Не беремся судить, было ли это решение продиктовано некоторым антагонизмом между работавшими на оборону и нуждавшимися в металле заводами, с одной стороны, и распорядителями этого металла—«Продаметой» и «Медью»—с другой, или нежеланием навлекать на Ц.В.-П.К. подозрение со стороны ведомств и влиятельных партий Гос. Думы, отрицательно относившихся к синдикатам.

фактическое распределение заказов на металлы производилось районными уполномоченными совместно с заводскими совещаниями. Контроль же за ходом работ и выпуском металла с отдельных заводов осуществлялся правительственными агентами на этих заводах, без ведома коих в принципе не мог быть отпущен ни один пуд металла. В виду расстройства железнодорожного транспорта, отсутствия вагонов и скопления все больших залежей на заводских складах, при одновременно возрастающем металлическом голоде в стране, вывоз был тем камнем преткновения, на котором рушилась вся система распределения. Исполненные, согласно программе и очереди работ, заказы отправлялись далеко не всегда в порядке их исполнения. Удостоверения «Расмеко» регистрировались крайне неудовлетворительно, и по одному и тому же удостоверению некоторые заводы ухитрялись получать металл по нескольку раз. На металлическом рынке свирепствовала спекуляция, вызванная как погоней за металлом для выполнения выгодных казенных заказов, так и прекращением отпуска металла для нужд «частного» потребителя.[1]

По данным «Продаметы», в 1913 г. заказы торговых фирм, машиностроительных заводов, городских и общественных учреждений в отношении ко всей сумме заказов составляли для сортового железа 69%, с начала войны по 1/I 1915 г.—43%. Заказы на листовое железо тех же потребителей понизились с 73% до 33%, заказы на балки и швеллера—с 85% до 35%. С 1/I 1915 г. заказы этой категории покупателей вообще к исполнению не принимались. Несмотря на это, спрос на железо и сталь со стороны казны значительно превысил возможную производительность заводов. Так, например, общая заявка ведомств южным и центральным заводам на октябрь 1916 г. составляла 16,5 м. п., распределению же подлежали лишь 13,5 м. п. В связи с недостатком отечественного металла, в особенности для частного рынка, со второй половины 1915 г. начинается резкий подъем цен на него. Помимо общего недостатка в предложении черного металла, частный рынок испытывал затруднения вследствие сокращения ввоза из-за границы металлических изделий. Поскольку уже

[1] По вопросу о военном регулировании металлопромышленности и рынка металлов—см. доклад Главного Уполномоченного по снабжению металлами и топливом в заседаниях Экономического Совета при Временном Правительстве 22 и 24 июля 1917 г. (Стеногр. отчеты № 2, стр. 8—26, и № 3, стр. 1—8); Б. Сивик, «Распределение металлов», «Торг.-Пром Газ.», 1918 г., №№ 6 и 9; Г. В. Мерцалов, «Железная промышленность», в сб. «Народное Хозяйство в 1916 г.», П. 1920 г., стр. 39—40; Д. Трахтенберг, «Учет распределение и сбыт металла при современных условиях», «Торг.-Пром. Газ.», 1918 г., № 56; З б. Фаберкевич, «Организация металлургической промышленности», «Торг.-Пром. Газ.», 1918 г., № 72, и указанные в предшествующих примечаниях Отчеты отделов Ц. В.-П. К. и II Съезда военно-промышленных комитетов.

в 1915 г. заказы торговых фирм, снабжавших частный рынок, перестали приниматься заводами, частный рынок и сельское хозяйство в 1916 г. остались почти без железа и получали его отчасти из остатков на складах перекупщиков, платя бешеные деньги (по 20 р. за пуд железа), отчасти из других источников. Так как металл отпускался потребителям с заводов только для нужд обороны, снабжавшие «частного» потребителя торговцы и складчики были вынуждены прибегать к нелегальным путям для приобретения железа.[1] Железо начало поступать на частный рынок через длинную цепь спекулятивных посредников, обремененное десятикратными накладными расходами по оплате этого посредничества. По данным руководителей синдиката «Кровля», в 1915 и 1916 гг. частный рынок получал 50—75% железных продуктов нелегальными путями. Разница в условиях снабжения металлом частного рынка и предприятий, работавших на оборону, привела к тому, что рост цен на железо для частного рынка в несколько раз обогнал рост на железо для «обороны». Так, например, в августе 1917 г. цены на железо для обороны поднялись на 70—300%, для частного рынка—на 600—1000%.[2]

Казалось бы, резкий подъем цен должен был, прежде всего, побудить правительство к проведению той меры, которая широко применялась им по отношению к самым разнообразным товарам: к назначению твердых цен на металлы. Несмотря на то, однако, что первые предельные цены на промышленные товары были введены еще в сентябре 1915 г., лишь закон 15/IX 1916 г. предоставил министру торговли и промышленности—по соглашению с министрами военным, морским и путей сообщения—право назначения предельных цен на металлы и изделия из них, а равно издания правил о надзоре за торговлей металлами (Собр. Узак. № 258, ст. 1376).[3] Самые же предельные цены были установлены лишь накануне революции: 14/XII 1916 г.—на медь, 6/I 1917 г.—на железный, стальной и медный лом и стружки и 24/I 1917 г. — на чугун.

---

[1] Военное ведомство «оставило рынок совершенно без металла... Спасительным институтом явился институт взятки, институт беззакония, благодаря наличию которого можно было иметь утечку металла как непосредственно с заводов, так и из рук ведомства» (цит. доклад Главного Уполномоченного Экон. Совету 24/VII 1917 г., стр. 2).

[2] Г. В. Мерцалов, цит. ст., стр. 35—36. Ср. таблицу движения цен за 1913 — 1916 гг., приведенную в ст. А. Иванова «Положение русской металлургической промышленности» в «Нар. Хоз.», 1919 г., № 9 — 10, стр. 35.

[3] После революции закон 15/IX 1916 г. был заменен законом 23/VI 1917 г., распространившим действие тех же норм и на потребляемые металлургической промышленностью руды, флюсы и огнеупорные материалы (Собр. Узак. № 223, ст. 1520).

ГЛАВА III.

Регулирование железной и угольной промышленности при Временном Правительстве.

Февральская революция приносит с собой ряд новых мероприятий — по существу вполне целесообразных, но бесконечно запоздавших и неспособных уже серьезно оздоровить металлический рынок в обстановке общего развала всего народного хозяйства. Временное Правительство начинает регулирование металлической и топливной промышленности с объединения той и другой в ведении М-ва Торговли. 24/III 1917 г. создается особая должность товарища м-ра торговли и промышленности, назначенного одновременно Главным Уполномоченным по снабжению металлами и топливом (со всеми правами Главного Уполномоченного по снабжению металлами по закону 6/VIII 1916 г.) и заместителем председателей Особых Совещаний по обороне и топливу (Собр. Узак. № 77, ст. 436). Тем самым деятельность М-ва Торговли по регулированию металлургической промышленности была координирована с действиями Военного М-ва, сохранившего за собой регулирование деятельности всех вообще предприятий, работавших на оборону и нуждавшихся в металле. По настоянию вновь назначенного Главного Уполномоченного (инж. П. И. Пальчинского) Ставка 28/III 1917 г. отказалась от принадлежавшего ей до того права требовать металлы вне общего плана распределения и согласилась с тем, чтобы все необходимые для фронта металлы направлялись в общем порядке, по нарядам «Расмеко», через объединенную организацию фронтовых потребителей металла («Фронтометалл»). Вслед за тем была произведена «децентрализация» дела снабжения, с сохранением за центральными органами «роли руководящей—роли учреждения, дающего директивы и направляющего деятельность местных учреждений». Эти последние были соответственно реорганизованы. 6/V 1917 г. было утверждено Положение о районных уполномоченных по металлу, назначаемых Главным Уполномоченным по снабжению металлами и топливом и опирающихся в своей работе на образуемые при них районные комитеты по металлу.

Вся страна была разделена на 11 районов (7 в Европейской и 4 в Азиатской России). Таким образом, металлургическая промышленность была изъята из ведения заводских совещаний и сосредоточена в исключительном ведении Главного Уполномоченного и «Расмеко». Положение специально оговаривало право Главного Уполномоченного возлагать на каждого районного уполномоченного «особые полномочия» в области снабжения производимым в его районе металлом не только своего, но и других

районов (Собр. Узак. № 113, ст. 617). Это дало возможность поручить уполномоченному южного района и состоявшему при нем комитету («Югомета») распределение металлопродукции южных заводов для нужд всех районов и организаций. Вокруг «Югометы», организованной независимо от местных учреждений, группировалось 20 представительств других ведомств и организаций, в том числе и «Фронтометалл», на котором уже лежало дальнейшее распределение получаемого для фронта металла между 42 подведомственными ему учреждениями. На аналогичных началах были организованы представительства Морского М-ва и М-ва Путей Сообщения, Центрального Военно-Промышленного Комитета, «Земгора» и др. Одновременно с этим к делу распределения были привлечены синдикат «Продамета» — в отношении южных и других металлургических заводов, к нему примыкавших, и синдикат «Кровля» — в отношении распределения кровельного железа, вырабатываемого как уральскими, так отчасти и южными заводами. Синдикаты должны были отпускать металлы по разрешениям «Расмеко»—в соответствии с программой распределения, утверждаемой на каждый месяц особо.

Все эти меры рассматривались, однако, Главным Уполномоченным по металлу и топливу лишь как путь к государственной монополии на металлы. Ссылаясь на то, что металлы перебрасываются для снарядной заготовки с Урала на Юг в то время, как Юг посылал те же металлы на Урал, и что та же переброска металла широко производится в пределах самого южного района, Главный Уполномоченный, в своем докладе Экономическому Совету 22/VII 1917 г., заявил, что единственным средством борьбы с этими перевозками металла (а равно и топлива) является «совершенное обезличение этих продуктов—обезличение как по производителям, так и по потребителям», с передачей их в руки «единого распорядителя, кем бы он ни был», и что «во имя осуществления этой задачи был поставлен вопрос о монополиях, о полном распоряжении всеми теми продуктами, которые готовятся в области топлива и металла». Учитывая опыт декретированной 25/III 1917 г. хлебной монополии, «оказавшейся в значительной мере монополией на бумаге, а не фактической», Главный Уполномоченный считал возможным проведение монополии на металлы и на топливо «только при тщательной подготовке, лишь при условии использования всех тех аппаратов, которые в стране существуют для того, чтобы можно было провести это мероприятие» (т.-е. в первую очередь, синдикатов).[1]

Идя по указанному пути, «Расмеко» не всегда санкционировал договоры, заключаемые ведомствами, имевшими право на полу-

[1] Стеногр. отчет заседания Экон. Совета 22/VII 1917 г., № 2, стр. 11—13.

чение металла, с определенными металлургическими заводами и назначал им иногда металл с других заводов. Отчасти в тех же целях «Расмеко» начал скупать обрезки и остатки от прокатного металла, имевшиеся на заводах, перекатывать их за свой счет и передавать в ведение местных продовольственных организаций [1] для нужд населения, что должно было смягчать металлический голод и в то же время освобождать заводы от накопившихся у них залежей.

Объединение дела снабжения металлами и топливом в руках единого органа, включение заявок фронта в общий план распределения металла, децентрализация самого распределения, использование синдикатского аппарата и удовлетворение потребностей изголодавшегося по металлу населения [2] — могли бы, однако, оказаться эфективными мерами лишь при условии твердой воли к проведению их в жизнь, сильного правительственного аппарата и сколько-нибудь устойчивой экономической и политической конъюнктуры, которая позволила бы развернуть всю намеченную правительством программу. Ни одной из этих предпосылок не было, и Временное Правительство не только не провело торговой монополии на металлы (идея монополии так и осталась идеей, не получившей конкретного оформления!), но и вообще не сумело подавить спекуляции с металлами или уничтожить бюрократические приемы деятельности «Расмеко».

Параллельно с изменением структуры органов регулирования металлопромышленности шла реорганизация и других органов регулирования. 5/V 1917 г. Временное Правительство постановило ввести в Осотоп представителей Совета рабочих и солдатских депутатов и кооперации, при чем представители ведомств были оставлены в нем с правом решающего голоса (Собр. Узак. № 171, ст. 935). В виду явной неудовлетворительности подобной реорганизации, 28/VI 1917 г. состав Осотопа был расширен, и в него вошли, на ряду с представителями центральных Советов, представители Советов важнейших

[1] Местные продовольственные организации были привлечены к распределению металлов среди населения в связи с введением хлебной монополии, когда на М-во Земледелия (позднее—на М-во Продовольствия) была возложена организация планомерного снабжения населения металлами и сельскохозяйственными орудиями — с правом устанавливать порядок их распределения (закон 24/VI 1917 г.; ср. Положение о М-ве Продовольствия, утв. 1/VII 1917 г.). На местах распределение металлов шло через губернские продовольственные комитеты. Инициатива в деле снабжения населения железом по твердым ценам принадлежала М-ву Земледелия. См. журнал заседания Временного Правительства от 10/III 1917 г.

[2] Общий обзор мероприятий Временного Правительства в области регулирования металлопромышленности и металлического рынка дан в докладе Главного Уполномоченного по снабжению металлом и топливом Экономическому Совету 22 и 24 июля 1917 г. (Стеногр. отчеты № 2, стр. 10—13, и № 3, стр. 2—8, 14 и 26).

топливодобывающих районов, а также районных совещаний самого Осотопа, реорганизованных на демократических началах. Представители ведомств получили лишь право совещательного голоса. Но и закон 28/VI 1917 г. сохранял в составе Осотопа членов Гос. Думы и Гос. Совета (Собр. Узак. № 189, ст. 1118). На первом же заседании реформированного Осотопа представители Московского, Петроградского, Харьковского и Волжского районных совещаний по топливу отказались признать реформированный Осотоп достаточно «компетентным для руководства районами» и предложили ему «для пользы дела отказаться от своих полномочий»—с тем, чтобы его место занял в дальнейшем Центральный Комитет по топливу, Положение о котором было выработано Съездом районных совещаний. К этому заявлению присоединились представители Советов и Земского и Городского Союзов. Когда же председатель отказался поставить предложенную ими резолюцию на голосование, те и другие заявили об отказе от участия в работах Осотопа. Временное Правительство уступило, Осотоп был демократизирован, и во главе его стало лицо, выдвинутое районными совещаниями (проф. К. В. Кирш). Тем самым было фактически упразднено произведенное законом 24/III 1917 г. объединение функций по регулированию металлургической и топливной промышленности в руках одного лица.[1]

Изменилось, вместе с тем, и фактическое положение Осотопа. Из совещательного органа он превратился силою событий в р е ш а ю щ и й, хотя за его формальным председателем—министром торговли—и сохранились, по букве закона, предоставленные ему до революции полномочия.

Той же демократизации подверглись и м е с т н ы е регулирующие органы—районные совещания по топливу, при чем 29/IV 1917 г. вся страна была разделена на те же 11 районов, что и в отношении металла (Собр. Узак. № 106, ст. 589). Одновременно были расширены права районных уполномоченных, так как и по отношению к топливу проводился тот же принцип децентрализации. Особенно широкие полномочия были предоставлены Главному Уполномоченному по топливу в Донецком бассейне.

Еще более широкими полномочиями был наделен особоуполномоченный комиссар Временного Правительства, командированный в Донецкий горнопромышленный район накануне Октябрьской революции и получивший в отношении всех промышленных и торговых предприятий, которые «будут им признаны работающими на оборону или особо важными для государства и снабжения», полномочия председателей Особых Совещаний по обороне и по топливу и Главного Уполномоченного по снабжению метал-

[1] Подробности бурно протекавшего процесса реорганизации Осотопа — см. в «Известиях Особого Совещания по топливу», 1917 г., № 5, стр. 85—86 и 130 сл.

лами. В случаях «крайней необходимости» ему предоставлялось даже приостанавливать распоряжения не только председателей названных Совещаний, но и председателя Особого Совещания по перевозкам или Главного Экономического Комитета и издавать взамен их свои распоряжения, а также объявлять на военном положении весь Донецкий горнопромышленный район (правда, с внесением этой меры на утверждение Временного Правительства). В этом последнем случае комиссару предоставлялись все права главноначальствующего. Среди полномочий «диктатора» Донецкого бассейна не последнюю роль играло, наконец, его право отстранять от должности чиновников всех ведомств и служащих всех регулирующих органов, а также право подвергать аресту или штрафу «лиц, деятельность коих будет признана им угрожающей общественному порядку и безопасности и правильному ходу работ в предприятиях или на железных дорогах» (постановление Временного Правительства от 13/X 1917 г.— Собр. Узак. № 278, ст. 2053). Вновь назначенному комиссару (одному из товарищей министра торговли—А. С. Орлову) пришлось, однако, осуществлять свои полномочия в Донецком бассейне уже после перехода его под власть Войскового Правительства ген. Каледина.[1]

Особое Совещание по обороне фактически продолжало работать почти в том же составе вплоть до Октябрьской революции. Были демократизированы лишь заводские совещания. Несмотря на то, что утв. 28/VI 1917 г. новое Положение о районных заводских совещаниях сохраняло за районными уполномоченными председателя Особого Совещания по обороне право издавать постановления, минуя заводские совещания и доводя о них лишь post factum до сведения совещания (Собр. Узак. № 217, ст. 1438), заводские совещания на практике явились одной из наиболее влиятельных местных организаций, поскольку от них зависели как общий ход всех работ предприятий по казенным и даже частным заказам (очередь работ!), так и приостановка заводов. Именно через заводские совещания рабочие боролись при Временном Правительстве с попытками закрытия заводов.

Как орган лишь одного из Особых Совещаний, заводские совещания, однако, не могли взять на себя всей работы по регулированию отдельных отраслей народного хозяйства на местах. До революции это объединение было возложено законом 15/I 1916 г. на местные совещания, образованные под председательством губернаторов из уполномоченных председателей Особых Совещаний по обороне, топливу, продовольствию и перевозкам — и ничем себя

[1] См. прил. к № 7 «Известий Особого Совещания по топливу» за 1917 г., стр. 25.

не проявившие (Собр. Узак. № 43, ст. 241). При Временном Правительстве для объединения местных регулирующих органов важнейших промышленных районов были учреждены Временные Комитеты Донецкого бассейна (13/III 1917 г.) и Уральского горнозаводского района (17/III 1917 г.). В состав их вошли уполномоченные всех Особых Совещаний, представители горнопромышленников и Советов рабочих депутатов и местные губернские комиссары (Собр. Узак. № 76, ст. 430). Главной задачей обоих Комитетов являлось, впрочем, регулирование топливной промышленности как по вопросам добычи топлива, так и по вопросам его распределения и перевозки. Лишь позднее — в особенности, с учреждением Экономического Совета и Главного Экономического Комитета — на местах возникли (частью явочным порядком) районные экономические комитеты и совещания, объединившие деятельность всех местных регулирующих органов в полном объеме.

Необходимость объединения деятельности регулирующих органов остро чувствовалась и в центре. До революции не существовало специального органа, объединявшего Особые Совещания и Министерства, принимавшие участие в регулировании народного хозяйства.[1] Между отдельными ведомствами шла то скрытая, то явная борьба за преобладающую роль то в одной, то в другой отрасли хозяйства (наиболее спорной отраслью являлась, впрочем, не промышленность, а продовольствие). Единственным объединяющим органом был Совет Министров, раздираемый внутренними разногласиями, занятый более общеполитическими, чем экономическими вопросами и с каждым месяцем терявший авторитет даже в глазах той верховной власти, которой он был назначен.

После революции вопрос о создании единого регулирующего центра был поставлен на очередь самими регулирующими органами. Особое Совещание по топливу, созванное новым

[1] Таким органом не являлась, в частности, ни Особая финансово-экономическая комиссия, учрежденная 29/III 1916 г. «для предварительного обсуждения вопросов финансово-экономической политики как внутренней, так и международной и связанных с нею законодательных предположений», ни образованное 17/I 1916 г. в составе Совета Министров Совещание по финансово-экономическим вопросам, через которое разработанные комиссией проекты должны были поступать на рассмотрение Совета Министров (см. утв. 17/I 1916 г. Особый журнал Совета Министров от 29/XII 1915 г.). Тот и другой органы имели своей задачей разработку плана внутренней и внешней торговой политики и плана развития производительных сил для послевоенного времени. Финансово-экономическая комиссия оказалась, однако, совершенно мертворожденным учреждением. Те же результаты, впрочем, дала и деятельность Совещания по вопросам развития производительных сил страны, образованного при М-ве Торговли постановлением Временного Правительства от 5/V 1917 г. (Собр. Узак. № 130, ст. 700).

министром торговли и промышленности 15/III 1917 г., признало необходимым «создание, для согласования деятельности Особых Совещаний по обороне, перевозке, топливу и продовольствию, особого объединяющего органа».[1] 28/III 1917 г. Временное Правительство сделало первую попытку подобного объединения, создав специальное Совещание товарищей министров «по снабжению». т.-е. фактических руководителей Особых Совещаний по обороне, топливу, продовольствию и перевозкам.[2] Петроградский Совет, по предложению своего экономического отдела, потребовал, однако, от правительства создания более авторитетных органов как совещательного, так и исполнительного характера, которые взяли бы на себя выработку «целостной системы» мероприятий по планомерному регулированию народного хозяйства и руководство проведением их в жизнь.[3] В соответствии с этим, 21/VI 1917 г. при Временном Правительстве был учрежден Экономический Совет—«для выработки общего плана организации народного хозяйства и труда, а также для разработки законопроектов и общих мер по регулированию хозяйственной жизни». Совет был образован в очень широком составе — с участием всех экономических министров,[4] а также военного и морского министров и представителей Советов, профессиональных союзов, промышленных, торговых и кооперативных организаций, Всероссийских Городского и Земского Союзов, вновь образуемых экономических районных комитетов, научно-технических обществ и т. д. Это был настоящий «хозяйственный парламент», но совещательного типа, так как решения Экономического Совета подлежали утверждению Временного Правительства, «за исключением тех случаев, когда они находятся в пределах особо предоставленных ему Временным Правительством полномочий». Особые Совещания должны были «временно впредь до преобразования... руководствоваться» в своей деятельности постановлениями Экономического Совета. «Для согласованного же проведения отдельными ведомствами и учреждениями всех мероприятий по урегулированию хозяйственной жизни страны» при Временном Правительстве был одновременно учрежден Главный Экономический Комитет (ГЭК) в составе представителей шести экономических Министерств, а также Военного и Морского Министерств. «Выполняя программу, разработанную Экономическим Советом и утвержденную Временным Правительством», ГЭК должен

[1] Цит. по докладной записке В. Г. Громана Временному Правительству («Изв. по продов. делу», 1917 г., № 1, стр. 3).

[2] Стеногр. отчет заседания Экономического Совета 24/VII 1917 г., № 3, стр. 4.

[3] См. экономическую программу Исполнительного Комитета Петроградского Совета, принятую 16/V 1917 г. и перепечатанную в т. II «Революции 1917 г», изд. Истпарта, 1923 г., стр. 276 — 278.

[4] Т.-е. министров земледелия, торговли и промышленности, продовольствия, путей сообщения, финансов и труда.

был, в частности, «руководить деятельностью всех существующих организаций по урегулированию народного хозяйства в различных отраслях в их исполнительных функциях». Закон постановлял далее, что «с открытием действий Комитета существующие ныне Особые Совещания и Комитеты должны быть преобразованы в своем составе, функциях и полномочиях в соответствии с настоящими Положениями» (Собр. Узак. № 182, ст. 1015).

Казалось бы, Особые Совещания по топливу и обороне из высших и самодовлеющих органов по регулированию металло- и углепромышленности должны были превратиться в составные и подчиненные части единого хозяйственного центра. На практике, однако, учреждение Экономического Совета и ГЭК'а не повлекло за собой сколько-нибудь реальных результатов. Экономический Совет, открывший свои заседания лишь 21/VII 1917 г., собрался всего лишь несколько раз и был упразднен 13/X 1917 г. по предложению ГЭК'а. Его деятельность свелась к заслушанию нескольких докладов экономических Министерств, к принятию Положений о гос. плане снабжения армии и населения предметами массового потребления и о районных экономических комитетах (оба Положения так и остались неутвержденными Временным Правительством) и к постановке на очередь нескольких работ научно-исследовательского характера (об исчислении народного дохода в России и т. п.). ГЭК же, в состав которого вошли товарищи указанных выше министров, продолжал функционировать вплоть до Октябрьской революции, но оказался, по существу, чисто бюрократическим учреждением — чем-то в роде малого Совета Министров, на предварительное обсуждение которого передавались все вопросы экономического характера и все текущие хозяйственные проблемы. Временное Правительство, занятое вопросами высшей политики, нашло в лице ГЭК'а наиболее подходящий орган для разрешения всех текущих хозяйственных проблем. Общий паралич законодательного и административного творчества отразился, однако, и на деятельности ГЭК'а. При рассмотрении первого же проекта нового Положения об Осотопе (Центральном комитете по топливу) обнаружилось, что министр торговли и промышленности попрежнему стремился сохранить за собой, как за председателем Осотопа, руководящие функции, и ГЭК'у пришлось пойти на компромисс в своих попытках подчинить Осотоп целиком своим директивам.[1] Компромисс был достигнут, проект был внесен во Временное Правительство,

[1] См. нашу статью «Реорганизация Особого Совещания по топливу» — в «Торг.-Пром. Газ.», 1917 г., № 223. Большее стремление к координации своих действий с Экономическим Советом и ГЭК'ом обнаружили сам Осотоп и его районные органы (см. «Известия Особого Совещания по топливу», 1917 г., № 5, стр. 87—88 и приложение к № 7, стр. 5—6).

но так и остался неутвержденным вплоть до Октябрьской революции. Еще меньшим успехом увенчались попытки ГЭК'а подчинить своему влиянию Особое Совещание по обороне. Значительно успешнее была объединительная деятельность районных экономических комитетов (в особенности Московского районного комитета).

Таким образом, попытки объединения центральных регулирующих органов и их подчинения ГЭК'у не дали никаких реальных результатов. Равным образом, не привели ни к каким практическим результатам и проекты принудительного синдицирования и трестирования промышленности, выдвинутые почти одновременно как Временным Правительством, так и революционными организациями. В докладе Временному Правительству (в начале мая 1917 г.) Министерство Торговли и Промышленности заявляло, что осуществить «действительный контроль над промышленностью можно лишь при достаточной концентрации предприятий», и что поэтому «на очередь может и должен быть поставлен вопрос, по примеру Германии, о принудительном объединении отдельных ветвей индустрии». Если для казны по финансовым условиям окажется возможным войти в подобное объединение, правительство получит могущественное орудие надзора и контроля. 1/VII 1917 г. при Министерстве состоялось «частное» совещание с представителями торгово-промышленных организаций, в котором были заслушаны два проекта: один — полуофициального характера, одобренный руководителями ведомства, и другой — составленный директором одного из крупнейших промышленных предприятий, но выражавший лишь его личное мнение. Оба проекта встретили резкую оппозицию со стороны представителей промышленности и торговли,[1] оказавшую влияние и на М-во Торговли: последнее не предприняло никаких решительных шагов к осуществлению им же выдвинутой идеи. Более того. В новом программном докладе, представленном Экономическому Совету 24/VII 1917 г., М-ьо высказалось уже по данному вопросу очень сдержанно и неопределенно, признавая лишь «весьма вероятным», что еще во время войны и после нее потребуются «даже некоторые принудительные формы объединения».[2]

[1] Журнал совещания при М-ве Торговли и Промышленности от 1/VII 1917 г. См. также резолюцию Совета Съездов в «Торг.-Пром. Газ.», 1917 г., № 151, и ст. А. Тюрберта «Принудительные тресты или свобода предпринимательских соглашений» в «Промышленности и Торговле», 1917 г., № 26 — 27, стр. 45 — 50.

[2] Стеногр. отчет заседания Экон. Совета от 24/VII 1917 г., № 3, стр. 19. Попытка перенести вопрос на практическую почву была сделана самой промышленностью и банками — по отношению к металлургической промышленности. Исходя из того, что как южнорусские, так и уральские металлургические предприятия уже организованы и притом организованы при ближайшем участии финансирующих те и другие предприятия банков, пред-

Почти одновременно с М-вом Торговли и Промышленности идея принудительного синдицирования и трестирования была выдвинута Петроградским Советом и III Всероссийской Конференцией профессиональных союзов, заседавшей в Петрограде с 20 по 28 июня 1917 г. Исполнительный Комитет Петроградского Совета, в цитированной выше экономической программе от 16/V 1917 г., полагал, что для угольной, нефтяной и металлической промышленности «созрели условия для образования регулируемых государством трестов». Конференция профессиональных союзов, в специальной резолюции по вопросу о контроле над производством и распределением и об организации производства в России, высказалась за немедленный приступ «к принудительному государственному синдицированию, а там, где это по техническим и экономическим условиям возможно, к трестированию отраслей крупной промышленности, вырабатывающей продукты массового потребления».[1] За необходимость «государственного» синдицирования и трестирования — в целях поднятия производительности промышленности — высказалась и объединенная демократия в декларации, оглашенной 14/VIII 1917 г. на Московском Совещании. Но из программы последнего коалиционного кабинета (сентябрь 1917 г.) всякое упоминание о принудительном синдицировании было уже исключено, и когда вопрос о нем был вновь поднят в Комиссии народного хозяйства при Временном Совете Республики («Предпарламент»), М-во Торговли и Промышленности заняло еще более сдержанную позицию, чем летом.[2]

Таким образом, Временное Правительство и, в частности, Министерство Торговли проделали путь обратный тому, которым шли в данном вопросе В. И. Ленин и руководимая им партия.

ставители двух крупнейших промышленных групп (центральной, связанной с уральской промышленностью, и южнорусской) задались целью объединить уральские и южнорусские предприятия в единый трест при содействии банков. Последним, в частности, было поручено и ведение переговоров с иностранными финансовыми группами, непосредственно заинтересованными в целом ряде южнорусских металлургических предприятий («Промышленность и Торговля», 1917 г., № 26 — 27, стр. 58).

[1] III Всероссийская Конференция профсоюзов (резолюции, принятые на заседаниях Конференции 20 — 28 июня 1917 г.), изд. ВЦСПС, 1917 г., стр. 14 — 17.

[2] См. Отчет о совещании товарищей министра торговли и промышленности от 20/X 1917 г. Опыт принудительного синдицирования промышленности был все же проделан и при Временном Правительстве, но только в другом М-ве и вне общего русла промышленной политики. Мы имеем в виду Всероссийское Общество крахмально-паточных заводчиков («Вокпаз»), возникшее летом 1917 г. и наделенное законом 14/IX 1917 г. публично-правовыми функциями по регулированию крахмально-паточной промышленности (Собр. Узак. № 250, стр. 1783). Общий обзор проектов принудительного синдицирования дан в наших статьях «Государство, синдикаты и тресты» в «Тор.-Пром. Газ.», 1918 г., №№ 5, 10 и 15.

Если в первых своих тезисах от 4/IV 1917 г. В. И. Ленин намечает еще» не «введение» социализма, как нашу непосредственную задачу, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов», то в докладе на Всероссийской партийной конференции 29/IV 1917 г. он говорит уже о передаче в собственность государства «созревших синдикатов» (напр., синдиката сахарозаводчиков). Составленный В. И. Лениным в мае 1917 г. проект партийной программы также выставляет требование не только «государственного и общественного контроля за производством и распределением важнейших продуктов», но и «национализации... синдикатов (трестов)». Еще резче формулирует то же требование В. И. Ленин в сентябре 1917 г. — в обстановке стремительно развивавшегося развала промышленности. Настаивая на «принудительном синдицировании (т.-е. принудительном объединении в союзы) торговцев, промышленников и хозяев вообще», он по отношению к синдицированным уже отраслям, в частности, к угольной, нефтяной и металлургической промышленности, считает необходимой немедленную их национализацию.[1]

Аналогичный характер носят и партийные резолюции. Если резолюция «о текущем моменте» Всероссийской конференции РСДРП (большевиков) от 29/IV 1917 г. говорит еще лишь о «государственном контроле» над крупнейшими синдикатами (в частности, над «Продуглем» и «Продаметой»),[2] а майская резолюция Центрального Комитета РСДРП (большевиков) об экономических мерах борьбы с разрухой,[3] принятая вслед за тем, с незначительными изменениями, и Петроградской конференцией фабрично-заводских комитетов 3/VI 1917 г.,[4] лишь о рабочем контроле и обеспечении за рабочими абсолютного большинства «во всех решающих органах», то резолюция VI Съезда РСДРП (большевиков) от 3/VIII 1917 г. требует уже «национализации ряда синдицированных предприятий (напр., нефтяных, каменноугольных, сахарных, металлургических, а также транспорта»).[5] Равным образом, и декла-

[1] Н. Ленин (В. Ульянов), Собрание сочинений, М. 1921г. т. XIV, ч. I, стр. 19; т. XIV, ч. II, стр. 423 и 457; «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», там же, стр. 182, 187—190 и 194—197.

[2] «Петроградская общегородская и Всероссийская конференции РС-ДРП (большевиков) в апреле 1917 г.» изд. Истпарта, М.—Л. 1925, стр. 166—168.

[3] Резолюция Комитета опубликована в № 64 «Социал-демократа» от 25/V 1917 г. (перепеч. в «Революции 1917 г.», изд. Истпарта, т. II, 1923 г., стр. 296).

[4] «Революция 1917 г.», т. III, 1923 г., стр. 255.

[5] Доклад В. П. Милютина и резолюция VI Съезда об экономическом положении напечатаны в приложениях к «Революции 1917 г.», т. III, 1923 г., стр. 375 — 378 и 381 — 383.

рация фракции большевиков, оглашенная на Демократическом Совещании 18/IX 1917 г., категорически требовала не только «введения рабочего контроля в общегосударственном масштабе над производством и распределением», но и «национализации важнейших отраслей промышленности, как-то: нефтяной, каменноугольной и металлургической».[1] Декларация последнего коалиционного кабинета (от 25/IX 1917 г.), образованного в результате Демократического Совещания, говорила, напротив, не о рабочем контроле, а о «введении особым законом государственного контроля над производством при участии представителей рабочего и промышленного класса и о деятельном вмешательстве в руководство предприятиями в целях поднятия их производительности», и совершенно не упоминала ни о принудительном синдицировании, ни тем более о национализации промышленности.[2] Месяц спустя эти проблемы были поставлены на очередь дня Октябрьской революцией.[3]

ГЛАВА IV.

Регулирование и организация промышленности в первый период Октябрьской революции.

Ни в одной отрасли промышленности организационное строительство Октябрьской революции не проявилось в столь интенсивной и разнообразной форме, как в тяжелой индустрии. Рабочий контроль и национализация, использование организационного аппарата и методов довоенного и военно-капиталистического хозяйства, попытки создания грандиозного треста с участием государства и предпринимателей — все эти формы нового и старого хозяйства, взаимно переплетаясь, широко развернулись в то-

[1] «Революция 1917 г.», т. IV, 1924 г., стр. 391.

[2] Там же, стр. 405.

[3] Во время печатания нашего очерка появилась работа Я. Рудого «Государственный капитализм в России во время империалистической войны», Л. 1925, не претендующая на роль «оригинального исследования», но дающая не плохую общую характеристику военного регулирования русского народного хозяйства. В вопросе о регулировании промышленности Я. Рудой допускает, однако, ряд фактических неточностей и ошибок, объясняющихся, повидимому, тем, что автор не имел в своем распоряжении соответствующих источников (см. стр. 43 — о «выделении» из состава Особого Совещания по обороне «уполномоченных — министров отдельных ведомств», стр 44 — сравнение заводских совещаний с трестами; стр. 72—73—о создании Главным Продовольственным Комитетом при Министерстве Торговли, упраздненным 17/VIII 1915 г., ряда специальных комитетов по регулированию отдельных отраслей промышленности, на деле образованных при Особых Совещаниях по обороне и по продовольствию в конце 1915 г. и в 1916 г. и т. д.).

пливной и железной промышленности на протяжении первых же месяцев революции.

Перед новой властью стояла задача не только выработать «новые нормы и план регулирования экономической жизни страны» (ср. ст. 2 Положения о ВСНХ от 1/XII 1917 г.), но и создать или найти органы для проведения их в жизнь как по отношению ко всей промышленности в целом, так и по отношению к отдельным ее отраслям.[1]

Рабочий контроль, явившийся первой ступенью в процессе овладения частно-капиталистическими предприятиями и первой школой управления ими,[2] давал возможность регулирования и учета производства лишь в масштабе предприятия и отчасти города или фабрично-заводского района, поскольку местные Советы рабочего контроля брали на себя общее регулирование местной промышленности — на ряду с экономическими отделами местных Советов, реорганизованными заводскими совещаниями и т. п. Но выполнение тех же функций в общероссийском масштабе для центрального органа рабочего контроля представлялось уже неосуществимым, и авторы декрета 14/XI 1917 г. о рабочем контроле (Собр. Узак. № 3, ст. 35) совершенно определенно отграничили выработку «общегосударственного плана ведения хозяйства» и его осуществление от «контроля» за проведением этого плана в жизнь.[3]

Вот почему на ряду с Всероссийским Советом Рабочего Контроля создается Высший Совет Народного Хозяйства, как орган «верховного регулирования хозяйства».[4] Утв. ВЦИК 1/XII

---

[1] Поскольку организационный аппарат железной и угольной промышленности развивался как часть общепромышленного организационного аппарата и может быть правильно понят только в связи с этим последним, мы вынуждены в нашем изложении затрагивать и общие вопросы организационного строительства Октябрьской революции в области промышленности.

[2] О роли, сыгранной рабочим контролем в деле организации советской промышленности, и о «переходе от рабочего контроля к рабочему управлению» — см. А. Панкратова, «Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику», М. 1923 г.. стр. 230 сл.

[3] См. доклад В. П. Милютина о рабочем контроле в заседании ВЦИК 14/XI 1917 г. (Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, М. 1919 г. стр. 60).

[4] Первый председатель ВСНХ В. В. Оболенский (Н. Осинский) рассказывает в своих воспоминаниях, что он и его товарищи по работе, получив в начале ноября 1917 г. поручение подготовить организацию «Высшего Экономического Совещания», предполагали использовать «какой-нибудь деловой аппарат, который мог бы быть технической основой будущего совещания. Совершенно естественно было «реквизировать» Главный Экономический Комитет». ГЭК оказался, однако, «пустым местом», и руководители ВСНХ могли воспользоваться лишь аппаратом отдельных Совещаний и отделов б. Министерства Торговли и Промышленности, перешедших в ведение ВСНХ («Из первых дней ВСНХ» — «Нар. Хоз.», 1918 г., № 11, стр. 11—14.)

1917 г. Положение возлагало на него как организацию народного хозяйства и выработку общего плана его регулирования, так и «согласование и объединение деятельности центральных и местных регулирующих учреждений», в частности, Совещаний по топливу и металлу (ст. ст. 1 и 2 Положения о ВСНХ). Все существовавшие учреждения по регулированию хозяйства были подчинены ВСНХ с предоставлением ему права их «реформирования» (ст. 4). Вместе с тем Положение предоставляло ВСНХ «право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли» (ст. 3).[1]

В составе ВСНХ были образованы Отделы топлива и металла, в ведение которых стали передаваться органы регулирования топливной и железной промышленности. Особое Совещание по топливу, как таковое, было формально упразднено постановлением ВСНХ от 30/XII 1917 г.,[2] но весь его служебный персонал, денежные, технические и т. п. средства и все местные организации и функции были переданы Отделу топлива ВСНХ («Газ. Врем. Раб. и Кр. Прав.» от 4/I 1918 г, № 2). В ведение Отдела топлива перешли, таким образом, и отделы управления делами Осотопа, регулировавшие отдельные отрасли топливной промышленности (угольной, нефтяной, торфяной и дровяной) и начавшие организационно обособляться в составе общего аппарата Осотопа еще при Временном Правительстве. Из этих отделов и выросли позднее топливные Главки, сосредоточивавшие в своих руках первоначально не только регулирование добычи, но и распределение соответствующих видов топлива и тем самым сводившие на-нет роль самого Отдела топлива. Вслед за учреждением Главного Нефтяного Комитета (декрет СНК, расп. 19/V 1918 г. — Собр. Узак. № 36, ст. 476) образуется Главный Угольный Комитет (Главуголь). Расп. 16/VIII 1918 г. Положение наделяет его широкими полномочиями. Главуглю предоставляется исключительное право разведок угольных местонахождений, контроля над частной углепромышленностью и принудительного трестирования ее, закрытия (с утверждения президиума ВСНХ) технически несовершенных предприятий, организации новых предприятий, выработки программы национализации как отдельных предприятий, так и всей промышленности в целом, распределения угля по районам потре-

[1] Положение о ВСНХ распубликовано в Собр. Узак. № 5, стр. 83. Протокол заседания ВЦИК от 1/XII 1917 г., № 18, не воспроизводит, к сожалению, ни доклада В. П. Милютина, ни прений по проекту (Прокотолы заседаний ВЦИК II созыва, М. 1918 г., стр. 119).

[2] Этому «формальному» упразднению Осотопа (в его до-октябрьской конструкции) предшествовали длительные переговоры с прежними руководителями Осотопа, настаивавшими на «автономии» последнего (В. В. Оболенский, цит. ст., стр. 14; А. С. Гордон, цит. «Очерк», стр. 208—209).

бления, регулирования торговли углем и т. п. (Собр. Узак. № 60, ст. 657). В этом перечне полномочий функции регулирования еще преобладают, однако, над функциями управления национализированными предприятиями, ибо последние в большей своей части находятся еще в фактическом ведении их б. владельцев. Лишь с осени 1918 г. проблема «управления» получает решительный перевес над проблемой «регулирования», работа топливных Главков все более и более переносится в плоскость организации производственного аппарата и самой добычи топлива, и распределительные функции вновь сосредотачиваются в ведении общего топливного центра. Им явился, однако, не прежний Отдел топлива ВСНХ, превратившийся к осени 1918 г. «в одну видимость», без «реальной работы и отчетливой компетенции» и тогда же ликвидированный,[1] а учрежденный 7/XII 1918 г. Главный Топливный Комитет ВСНХ (Главтоп). На него было возложено определение общей потребности страны во всех видах топлива, составление общего плана распределения топлива между всеми его потребителями в стране: жел. дорогами, флотом, промышленностью и населением — и общий учет потребления топлива. Для рассмотрения как общей политики топливоснабжения, так и конкретных мероприятий Главтопа при нем было образовано совещание с участием представителей: 1) Главугля, Главнефти и других топливных Главков, 2) НКПС, военного ведомства и Главвода и 3) центральных органов крупнейших отраслей промышленности: металлургической, металлообрабатывающей и др. (Собр. Узак. № 97, ст. 995).

Регулирование металлопромышленности было возложено на Отдел металла ВСНХ, «основным ядром» которого явились «Расмеко» и несколько позднее — Горный Департамент М-ва Торговли и Промышленности.[2] После Октябрьской революции «Расмеко» оставался первоначально в ведении народного комиссара торговли и промышленности. Последний, в частности, аннулировал 14/XI 1917 г. повышение цен на плановые и массовые заказы, проведенное в конце октября 1917 г. Междуведомственной Комиссией прежнего состава, и объявил, что твердые цены будут отныне назначаться «Расмеко» — впредь до установления нового порядка ВСНХ (Собр. Узак. № 10, ст. 155). Постановлением ВСНХ от 16/XII 1917 г. «Расмеко» был утвержден в качестве «исполнительного органа Отдела металла ВСНХ, с сосредоточением в его ведении всего дела учета и распределения металлов» и с отменой распределения их отдельными ведомствами. На «Расмеко» было возложено и назначение — с утверждения Отдела металла ВСНХ — твердых цен.

[1] «Топливоснабжение России за время войны и революции», изд. ГУТа, М 1920 г., стр. 53—54.

[2] «Народное Хозяйство», 1918 г., № 1, стр. 10.

Заказы всех ведомств должны были направляться в VII отдел ВСНХ, превращенный позднее в Комитет Хозяйственной Политики, — с тем, чтобы последний распределял их между заводами (Собр. Узак. № 10, ст. 149).

Вслед затем решено было использовать для построения государственных органов регулирования металлопромышленности и организационный аппарат капиталистических синдикатов. В январе 1918 г. ВСНХ объявил «Продамету» и «Кровлю» «государственными учреждениями по урегулированию железоделательной промышленности, подведомственными Металлургическому отделу ВСНХ».[1] Всем заводам было предписано производить продажу чугуна (до того несиндицированного), железа и стали исключительно через аппарат национализированных синдикатов. Все их активы и пассивы были переданы ВСНХ (расп. 23/I 1918 г. — Собр. Узак. № 19, ст. 282). Тем самым «Продамета» и «Кровля» были превращены в государственные продажные конторы, отпускающие металл по нарядам «Расмеко»—в пределах разрабатываемых им и утверждаемых Отделом металла ВСНХ планов распределения. Несмотря на категорическое предписание о продаже всего черного металла через «Продамету», отдельные заводы, не входившие ранее в число ее членов, продолжали продавать металл помимо «Продаметы». Отдел металла предложил поэтому I Съезду ВСНХ (26/V—4/VI 1918 г.) высказаться за решительную борьбу с этими продажами, декретировать государственную монополию на металл[2] и запретить реквизицию металла, отправляемого по заказам «Продаметы».[3]

В июле 1918 г. аппарат «Продаметы» был, однако, слит с аппаратом «Расмеко» в единый орган—так наз. «Продрасмет» (Подотдел учета, распределения и продажи тяжелых руд и металлов при Отделе металла ВСНХ).[4] Декрет СНК от 27/VIII 1918 г. подчинил «исключительному ведению» «Продрасмета» учет и распределение всех черных и цветных металлов, сплавов и тяжелых руд и потребовал, под угрозой предания суду, подчинения распоряжениям «Продрасмета» всех государственных и частных организаций и лиц (Собр. Узак. № 63, ст. 689).[5]

---

[1] Т.-е. Отделу металла.

[2] Монополия на металл была декретирована ВСНХ 19 ноября 1918 г. (оф. отд. «Экон. Жизни», 18/XII 1918 г., № 35).

[3] Труды I Всероссийского Съезда СНХ, М. 1918 г., стр. 375.

[4] Постановление Бюро Отдела металла от 17/VII 1918 г. («Сборник декретов и распоряжений по народному хозяйству», изд. ВСНХ, вып. I, 1918 г., стр. 113).

[5] См. также схему организации Отдела металла ВСНХ в цит. выше «Сборнике декретов», вып. I, 1918 г., стр. 105—109. Из петроградских отделений «Расмеко» и «Продаметы» образовался Отдел снабжения и распределения Секции металла СНХ (Н. Антонов, «Два года диктатуры пролетариата в металлопромышленности Петрограда», 1920 г., стр. 72).

Это объединение функций по распределению металла, возложенных на «Расмеко», с отпуском металла и расчетами за него, лежавшими на «Продамете», в руках единого органа было вызвано стремлением «осуществить наилучшим образом борьбу со спекуляцией, которая на почве металлического голода и отсутствия государственного централизованного аппарата дошла до грандиозных размеров». Кроме того, сосредоточением расчетов за металл в своем непосредственном ведении «Продрасмет» надеялся добиться фактического проведения в жизнь твердых цен на металлы, так как, несмотря на устанавливаемые ВСНХ твердые цены, «каждый завод продавал свои изделия по той цене, какую находил для себя подходящей». Поскольку каждое назначение металла отныне должно было направляться в коммерческую часть «Продрасмета» и передаваться на завод лишь по учинении ею расчета за металл, «Продрасмет» считал новый порядок расчетов за металл «фактическим осуществлением политики твердых цен». Проведение этого нового порядка на местах возлагалось, главным образом, на областные конторы б. «Продаметы»; им же поручался и контроль над операциями с металлами на подведомственных им заводах.[1]

Поскольку в ведение ВСНХ перешел деловой аппарат органов, ведавших металлургической и горной промышленностью («Расмеко», «Продамета», Горный департамент), работы Отдела металла ВСНХ первоначально сосредоточивались почти исключительно в области металлургии, и в официальных актах конца 1917—1918 гг. он чаще называется Горно-Металлургическим или просто Металлургическим отделом, чем Отделом металла. Утв. 17/I 1918 г. Положение возлагает на него общее регулирование рудной и металлургической промышленности, распределение металлов в стране и установление твердых цен на них, управление национализированными предприятиями и т. д.[2] Металлообрабатывающая промышленность, напротив, оставалась без руководящего органа, и на ряду с Горно-Металлургическим отделом было решено образовать Секцию металлообрабатывающей промышленности и машиностроения, вначале работавшую обособленно от названного Отдела и объединенную с ним в общий Отдел металла лишь в мае 1918 г.

ВСНХ стремился при этом создать из Отдела металла «единый центр» для всей металлопромышленности страны—с изъятием металлических заводов из ведения всех других Комиссариатов. Ему удалось, однако, добиться лишь передачи сел.-хоз. машино-

[1] Труды «Продрасмета», изд. ВСНХ, М. 1919 г., стр. 4—5.

[2] Это положение, утвержденное коллегией самого Отдела, является единственным актом, определявшим его первоначальную структуру («Нар. Хоз.», 1918 г., № 1, стр. 11—12).

строения из ведения НК Продовольствия, все же заводы военно-морского ведомства остались попрежнему в ведении последнего.[1]

Объединив в руках Отдела металла руководство как металлургической, так и металлообрабатывающей промышленностью, ВСНХ изъял из его ведения всю рудную и, в частности, железорудную промышленность, преобразовав находившийся в его составе Горный Совет в самостоятельный Горный отдел. [2]

Что касается Особого Совещания по обороне, то первоначально оно было передано в ведение народного комиссара торговли и промышленности (декрет 25/XI 1917 г.—Собр. Узак. № 4, ст. 59), 1/XII 1917 г. было оставлено в ведении военного ведомства — «впредь до образования Главного Экономического Совета» (Собр. Узак., № 5, ст. 82), спустя несколько дней вновь подверглось реконструкции, при чем ему было предложено руководствоваться в своей деятельности также и «указаниями ВСНХ» (Собр. Узак. № 4, ст. 66), и, наконец, 9/XII 1917 г. окончательно передано в ведение последнего (Собр. Узак. № 10, ст. 159, и № 11, ст. 167). В виду окончания войны на Совещание были возложены «ликвидация заказов на оборону или уменьшение до нормального по мирному времени уровня и связанная с этим демобилизация заводов и перевод их на производство мирного времени». С передачей же Особого Совещания по обороне в ведение ВСНХ ему было поручено финансирование промышленности не только под военные, но и под «мирные» казенные заказы—с правом назначения своих представителей в правления финансируемых предприятий. Вместе с тем, Совещание по обороне было и формально переименовано в Совещание по финансированию (расп. 20/XII 1917 г. постановление ВСНХ—Собр. Узак. № 11, ст. 167). В его же ведении были оставлены все заводские районные совещания, реорганизованные приказом народного комиссара по военным делам от 18/XII 1917 г.: в их состав были введены представители рабочих и крестьянских организаций в числе $^2/_3$ и технических, промышленных и общественных организаций в числе $^1/_3$ (Собр. Узак. № 8, ст. 110).

Как Отдел топлива ВСНХ, так и Отдел металла первоначально ограничиваются функциями регулирования, учета и контроля. По мере развития процесса национализации, на первый план все более и более выдвигается, однако, проблема управления национализируемыми предприятиями. Вначале

[1] Доклад Отдела металла пленуму ВСНХ 15/IX 1918 г. (Стеногр. отчет пленума ВСНХ 14—23 сентября 1918 г., М. 1919 г., стр. 73).

[2] Положение о Горном отделе утверждено ВСНХ 27/VII 1918 г. («Сб. декретов», вып. I, стр. 87). См. также доклад Горного отдела пленуму ВСНХ 15/IX 1918 г. (Стеногр. отчет, стр. 29).

национализация носит индивидуальный и, главным образом, карательный характер.[1] Правительство еще не чувствует в своем распоряжении ни достаточных кадров, ни необходимого опыта для общей национализации промышленности. Внесенный В. И. Лениным в первое заседание Бюро ВСНХ в декабре 1917 г. проект декрета «о проведении в жизнь национализации банков и необходимых в связи с этим мерах» хотя и объявлял все акционерные предприятия «собственностью государства», но обязывал вслед за тем членов правления, директоров и крупных акционеров «в полном порядке продолжать ведение дел предприятий, выполняя закон о рабочем контроле... и представляя местным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов еженедельные отчеты о своей деятельности» (пп. 1 и 2).[2]

Равным образом, и декрет 28/VI 1918 г. об общей национализации всей крупной и средней промышленности, как увидим ниже, временно оставлял объявленные им государственной собственностью предприятия в безвозмездном пользовании их владельцев. Из опасения взять в управление государства большее число предприятий, чем позволяли наличные кадры советских хозяйственников,[3] центральная власть в первые месяцы революции сдержанно проводит и национализацию отдельных предприятий. Последняя коснулась, прежде всего, горных и металлургических предприятий. Поводом к первому по времени декрету 7/XII 1917 г. «о конфискации и объявлении собственностью Российской Республики всего имущества акционерного об-ва Богословского горного округа» послужил отказ заводоуправления подчиниться декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля (Собр. Узак. № 6, ст. 95). По тем же основаниям конфискуется вскоре ряд других горных и металлургических заводов (Симские горные заводы — 9/XII 1917 г., Кыштымские горные заводы — 27/XII 1917 г., Сергинско-Уфалейский горный округ—29/XII 1917 г.). Основанием к национализации других металлургических предприятий явились, на ряду с неподчинением декрету о рабочем контроле или независимо от него, «заявление правления о ликвидации дел о-ва» (декрет 15/XII 1917 г. о конфискации имущества Русско-Бельгийского

[1] О «карательном» характере первых национализаций—см. В. П. Милютин, «Новый период мировой экономики», М. 1923, стр. 49—51.

[2] Проект был впервые напечатан в юбилейном номере «Народного Хозяйства», 1918 г., № 11, стр. 15. О судьбе проекта — см. В. В. Оболенский, «Из первых дней ВСНХ», там же, стр. 14.

[3] Ср. Н. Ленин (В. Ульянов). Собрание сочинений, М. 1922, т. XV, стр. 199 — 201 и 237 — 239; см. также воспоминания А. Ломова о В. И. Ленине в сб. «Великий строитель», изд. «Экон. Жизни», 1924 г., стр. 36—37.

металлургического о-ва), «невозможность для о-ва продолжать работу своих предприятий» и их «государственная важность» (декрет 24/I 1918 г. о национализации предприятий Новороссийского о-ва), задолженность заводов казне (декрет 27/XII 1917 г. о национализации Путиловских заводов). Ряд других заводов национализируется без указания причин национализации.[1] На местах, однако, параллельно развивается стихийный процесс национализации, осуществляемой самими рабочими предприятий или местными органами власти.[2] В докладе на пленуме ВСНХ 19/21 марта 1918 г. б. председатель ВСНХ В. В. Оболенский сообщил, что в Донецком бассейне рабочими национализирована, без всякого участия высших инстанций, по крайней мере, одна треть копей, в общем же управляются рабочими «при положении, правда, весьма хаотичном, в атмосфере гражданской войны, не менее половины копей, если не две трети. Таким образом, вопрос о национализации Донецкого бассейна ставится так: нужно ли признавать совершившееся или не нужно его признавать; нужно ли поворачивать назад то, что рабочие сделали, или нет. При той острой классовой борьбе, какая там все время идет, ясное дело, что возвращаться назад совершенно немыслимо».[3]

Тот же стихийный процесс национализации «снизу» шел и на Урале. Представитель Урала на I Съезде СНХ 2/VI 1918 г. заявил, что ряд ненационализированных предприятий уже несколько месяцев фактически управляется органами рабочего контроля, равно как некоторые предприятия, ныне национализированные, «и раньше велись рабочими организациями».[4]

Лишь в Центральном и Северном районах, благодаря их большей связи с ВСНХ и СНК, национализация предприятий развивалась более планомерно и по указаниям центра. В результате из 487 предприятий, национализированных, конфискованных и секвестрованных к 1 июня 1918 г.,[5] лишь 99 были национализированы Советом Народных Комиссаров и ВСНХ (сверх того,

---

[1] Никакого различия между «конфискацией», «национализацией», «объявлением гос. собственностью» и «секвестром» фактически не проводилось: все предприятия одинаково безвозмездно переходили в распоряжение государства.

[2] Процесс «стихийной» национализации замедлился лишь к лету 1918 г., т.-е. ко времени постановки на очередь плана общей национализации промышленности (см. доклад А. И. Рыкова на I Съезде СНХ—Труды Съезда, М. 1918 г., стр. 92).

[3] Бюллетень ВСНХ, 1918 г., № 1, стр. 37.

[4] Труды I Всеро сийского Съезда СНХ, М., 1918 г., стр. 220—221.

[5] Все статистические данные о числе национализированных предприятий крайне противоречивы и неточны. Список предприятий, национализированных и секвестрованных на 15/V 1918 г., включал лишь 304 предприятия, в том числе 96 горнометаллургических и 53 металлообрабатывающих (Труды I Всероссийского Съезда СНХ, М. 1918 г., стр. 53).

одно было секвестровано), остальные же 387 были национализированы областными (264) и местными (123) органами.[1]

В круге организационных идей первого этапа революции необходимо отметить, наконец, попытки создания двух мощных металлургических трестов с участием государственного и частного капитала. В январе 1918 г. директор Сормовского и Коломенских заводов А. П. Мещерский предложил ВСНХ организовать паровозо- и вагоностроительный трест («Национальное Общество»), который объединил бы в своих руках до 85% всего русского паровозостроения, до 55—70% вагоностроения и целый ряд связанных с этими отраслями горных и металлургических предприятий. В состав треста предполагалось включить: заводы Коломенские, Кулебакский, Сормовский, Выксунские и Бежецкий завод Брянского общества — в центральной России; заводы Белорецкий, Усть-Катавский, Симские, Златоустовские и Инзерский — на Урале; заводы Новороссийского общества, Гартман, Шодуар, Русско-Бельгийский, Харьковский паровозостроительный и Екатеринославский завод Брянского общества — на Юге и др. Кроме того, в трест должны были войти лесные дачи и лесопильни в бассейне Камы (выше Перми) и Пермское лесопромышленное т-во. По роду производства предположенные к объединению заводы делились на две основные группы: металлургические заводы (южные, работающие на коксе, с массовым производством чугуна и стали рядового качества, и уральские, работающие на древесном топливе, с производством высокосортного чугуна, стали и железа) и 2) металлообрабатывающие заводы (паровозо- вагоно- и машиностроительные). Присоединение к этим основным группам заводов собственных каменноугольных копей, лесных дач и железных рудников, находившихся во владении перечисленных обществ, должно было создать мощное комбинированное предприятие, основной целью которого явилось бы восстановление и обслуживание железнодорожного и водного транспорта.

---

[1] См. «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», 1918 г., вып. I, стр. 280. Необходимо иметь в виду, что приведенная в «Сборнике» таблица менее всего является полной именно в отношении предприятий, национализированных местными органами. Формальным основанием для местной национализации послужил декрет СНК о расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле, распубликованный в № 1 «Газеты Врем. Раб. и Крест. Прав.» (Собр. Узак. № 1, ст. 9) и предоставлявший городским самоуправлениям «взять под надзор и руководство мельницы, а также секвестровать в свою пользу всякое находящееся в черте города торговое или торгово-промышленное предприятие» (ср. Ю. Ларин, «У колыбели», «Нар. Хоз.», 1918 г., № 11, стр. 16).

Основной капитал треста определялся в сумме $1^1/_2$ миллиарда рублей. Первоначально группа А. П. Мещерского предлагала предоставить правительству $^1/_3$ акций и соответствующее число мест в совете треста. $^2/_3$ акций подлежали выдаче акционерам ненационализированных предприятий, включаемых в трест. Под давлением требований правительства, группа А. П. Мещерского принуждена была, однако, в процессе переговоров соглашаться на все бо́льшие и бо́льшие уступки: сначала на 40% правительственного участия, затем на 50%, еще позднее на 80% и, наконец, на предоставление государству всех 100% акций — с тем лишь, чтобы группе были выданы долговые свидетельства (с гарантированным минимальным доходом, но без права голоса). В обеспечение долговых свидетельств правительству предлагалось депонировать 20% акций. На меньшие уступки шла группа А. П. Мещерского в вопросе о составе совета и правления треста. Она ставила непременным условием, чтобы первый список кандидатов был установлен по соглашению казны с частным капиталом и закреплен на 5 лет. Несмотря на все эти уступки, ВСНХ 14 апреля 1918 г. постановил прервать переговоры с группой А. П. Мещерского и объединить намеченные к трестированию заводы в одно государственное предприятие на началах полной национализации. Основные причины разрыва переговоров тогда же были выявлены руководителями ВСНХ с полной определенностью в их заявлениях представителям печати. В январе 1918 г., когда А. П. Мещерский впервые выдвинул свой проект, Советская власть не имела собственного аппарата, и образование треста давало ей возможность опереться на сильную организационную группу. Тремя месяцами позднее власть сочла себя настолько окрепшей, что решилась провести предложенное ей объединение без содействия главных авторов проекта.[1]

Декретом 23 июня 1918 г. (Собр. Узак. № 47, ст. 560) заводы были национализированы и из них была образована так наз. «Гомза» (Государственные объединенные машиностроительные заводы). За отпадением Украины, в состав ее были включены, однако, лишь заводы Центрального района и Урала (Сормовский, Коломенский, Кулебакский, Ташинский и Выксунские заводы[2] — в центре; Белорецкий, Катав- и Юрюзань-Ивановские заводы и Пермское лесопромышленное общество — на Урале). После занятия Урала чехо-словаками и присоединения к «Гомзе» 5 других вагоностроительных заводов (постановление

[1] Ср. письмо В. И. Ленина конференции вошедших в состав «Гомзы» заводов от 17/V 1918 г.

[2] Декрет 23/VI 1918 г. не упоминал о Выксунских заводах, национализированных постановлением МРЭК от 15/III 1918 г. и также вошедших в состав «Гомзы».

ВСНХ от 19/XI 1918 г. — Собр. Узак. № 94, ст. 939), «Гомза» окончательно превратилась в машино- и транспортностроительный трест Центрального района.[1]

В конце марта 1918 г. был выдвинут новый проект создания мощного треста из уральских металлургических заводов. Авторами проекта были руководители горных и металлургических предприятий Стахеевского концерна, сосредоточивавшего к моменту революции под своим прямым или косвенным контролем до 150 разнообразных промышленных, торговых и кредитных предприятий и участвовавшего в металлургии как Уральского (Алапаевские заводы), так и Центрального района (Выксунские заводы—совместно с М-вом Путей Сообщения). В отличие от проекта А. П. Мещерского, ставившего во главу угла паровозо-вагоно- и машиностроение и стремившегося создать трест во всероссийском масштабе, представители Стахеевского концерна считали необходимым начать восстановление русской промышленности с воссоздания металлургии и предлагали объединить уральские горные и металлургические заводы в трест с капиталом в 500 милл. руб., из коих 200 милл. руб. должно было взять на себя государство, 200 — русские капиталисты и 100—американские капиталисты (кроме того, предполагалось заключение облигационного займа в 500 милл. руб. в Америке). Горно-Металлургический отдел ВСНХ категорически высказался против привлечения частного капитала и, со своей стороны, предложил авторам проекта принять личное участие в организации государственного металлургического треста на Урале. Представители Стахеевского концерна согласились предоставить правительству все 100% акций, но пожелали войти в трест именно в качестве официальных представителей концерна, а не в качестве отдельных специалистов. Соглашение не состоялось. Вслед за тем Горно-Металлургическим отделом был объявлен конкурс на составление проекта единой хозяйственной организации, охватывающей горно-металлургическую промышленность Урала и каменноугольную промышленность Кузнецкого бассейна. Занятие Урала чехо-словаками сняло, однако, с очереди все проекты организации уральской промышленности.[2]

---

[1] Окончательный состав «Гомзы» фиксирован постановлением ВСНХ расп. 20/XI 1918 г. в оф. отд. № 11 «Экон. Жизни». Подробн. — см. наши, статьи: «Государство, синдикаты и тресты» («Торг.-Пром. Газ.», 1918 г., №№ 15 и 20), беседы В. П. Милютина, Ю. Ларина и А. П. Мещерского («Торг.-Пром. Газ.», 1918 г., №№ 14 и 22), М. Виндельбот, «Тресты и синдикаты и современные производственные объединения» («Нар. Хоз.», 1919 г., № 6), № 9 «Металлиста» от 22/V 1918 г. и «Работы Съезда заводских управлений гос. объединенных машиностроительных заводов 2—7 февраля 1919 г.», М. 1919, стр. 40.

[2]) См. нашу статью в «Торг.-Пром. Газ.», 1918 г., № 20, а также «Нар. Хоз.», 1918 г., № 2, стр. 19—20 и 48, и № 3, стр. 48.

ГЛАВА V.

Организация промышленности в период военного коммунизма.

Подводя итоги первому периоду организационного строительства, I Съезд СНХ, состоявшийся 26/V—4/VI 1918 г., признал необходимым «завершение национализации и переход от национализации отдельных предприятий... к последовательной национализации отраслей промышленности и в одну из первых очередей—металлообрабатывающей, машиностроительной, химической, нефтяной и текстильной». Вместе с тем, Съезд высказался против «случайного» проведения национализации и за сосредоточение ее «исключительно» в ведении ВСНХ и Совета Народных Комиссаров.[1]

Как бы в ответ на эту резолюцию Совет Народных Комиссаров 28/VI 1918 г. издает декрет «о национализации крупнейших предприятий по горной, металлургической, металлообрабатывающей, текстильной, электротехнической» и пр. отраслям промышленности (Собр. Узак. № 47, ст. 559).[2] «В целях решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой и для упрочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты» декрет объявлял собственностью РСФСР в числе других: 1) все акционерные и паевые предприятия по добыче минерального топлива, железной и медной руды; 2) все предприятия по добыче платины; 3) 21 золотопромышленное предприятие; 4) акционерные и паевые металлургические и металлообрабатывающие предприятия с основным капиталом не менее одного милл. рублей, а также крупные предприятия с имуществом не ниже той же суммы (по последнему балансу) — независимо от их юридической формы; 5) все предприятия, «производящие какие-либо изделия из металла и составляющие единственное в пределах Российской республики производство, занятое выработкой данного рода изделий»—независимо от размеров основного капитала (ст. 1). Возлагая на ВСНХ организацию управления национализируемыми предприятиями, декрет оставлял их — впредь до особого распоряжения ВСНХ по каждому отдельному предприятию — в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев: «правления и б. собственники финансируют их на прежних основаниях», а равно получают с них доходы на прежних основаниях,

[1] Труды I Съезда СНХ, М. 1918 г., стр. 473.

[2] По заявлению А. И. Рыкова в пленуме ВСНХ 14/IX 1918 г., декрет 28/VI 1918 г. охватывал свыше 2000 предприятий (Стеногр. отчет пленума ВСНХ 14—23 сентября 1918 г., изд. ВСНХ, М. 1919 г., стр. 11).

отвечая перед Советской республикой «как за целость и сохранность предприятий, так и за правильную их работу» (ст. 2—4).[1]

Одной из первых мер по проведению в жизнь декрета 28/VI 1918 г. явилось постановление президиума ВСНХ от 23/VII 1918 г. об изъятии из ведения безмездных арендаторов каменноугольных копей Подмосковного бассейна. Окончательное постановление о переходе в ведение РСФСР этих предприятий состоялось 7/XII 1918 г., при чем, однако, копи были признаны поступившими в ведение Главугля с 23/VII 1918 г. На Главуголь с того же числа возлагалось непосредственное руководство ими, направление их деятельности и распоряжение их капиталами и имуществом. Национализированные копи были объединены в 6 районных управлений, непосредственно подчиненных Главуглю (оф. отд. «Экон. Жизни», 1/I 1919 г., № 1).[2]

Оккупация и гражданская война в Донецком бассейне, на Урале и в Сибири лишили актуальности проблему национализации остальных каменноугольных копей. Что же касается металлопромышленности, то предприятия, находившиеся в пределах Советской территории, в значительной части были национализированы еще до декрета 28/VI 1918 г. Так, по сведениям ВСНХ, из 487 предприятий, национализированных, конфискованных и секвестрованных на 1/VI 1918 г., на долю горно-металлургической промышленности приходилось 99 и на долю металлообрабатывающей—96 предприятий.[3] Дальнейшая национализация угольных, горно-металлургических и металлообрабатывающих предприятий развивалась поэтому, главным образом, в связи с восстановлением Советской власти на Юге, Урале и в Сибири.[4] В отношении же промышленности, находившейся на территории РСФСР того времени, II Съезд СНХ, состоявшийся

---

[1] Непосредственным поводом к изданию декрета 28/VI 1918 г. послужили, однако, не столько соображения о необходимости более планомерного проведения национализации, сколько переговоры с Германией о дополнительном соглашении к Брестскому миру, подписанном 27/VII 1918 г. и освободившем РСФСР от оплаты произведенных до 1 июля 1918 г. национализаций—за счет общей контрибуции (ср. М. Г. Бронский, «После двух лет», «Соц. Хоз.», 1923 г., № 2—3, стр. 5—6; Ю. Ларин, «У колыбели», «Нар. Хоз.», 1918 г., № 11, стр. 26).

[2] «Топливоснабжение России за время войны и революции», стр. 82.

[3] См. таблицу в «Сборнике декретов и распоряжений по народному хозяйству», вып. I, М. 1918 г., стр 281; там же подробные списки национализированных горных, металлургических и металлообрабатывающих предприятий, стр. 282—293.

[4] Поскольку большая часть предприятий тяжелой индустрии этих районов была национализирована еще до начала гражданской войны, они переходили в управление государства автоматически—по мере занятия соответствующих районов Красной армией. Лишь в виде исключения ВСНХ вновь объявлял их перешедшими в собственность РСФСР (ср постановление ВСНХ от 13/III 1919 г. об организации Южнорусского металлургического гос треста — офиц. отд. «Экон. Жизни», 16/III 1919 г, № 58).

19—27 декабря 1918 г., признал национализацию уже «в основном завершенной»[1] и перенес центр тяжести на организацию управления национализированной промышленностью и установление единого плана снабжения ее сырьем и топливом.[2] Эта проблема была поставлена на очередь [3] еще I Съездом СНХ, утвердившим особое Положение об управлении национализированными предприятиями.[4] Управление каждым отдельным заводом, рудником и т. п. возлагалось на фабрично-заводское управление, $^1/_3$ членов которого назначалась из числа технических и коммерческих служащих предприятия («спецы»), $^1/_3$ — делегировалась соответствующим областным или всероссийским профессиональным союзом и $^1/_3$ — избиралась рабочими предприятия.[5] Отдельные производственные единицы (заводы, копи и т. п.), тяготевшие производственно или территориально друг к другу, сводились в «кустовые» или районные (групповые) объединения, управление коими конструировалось по образцу фабрично-заводских управлений. «Кустовые» или районные управления, в свою очередь, должны были подчиняться областным правлениям данной отрасли промышленности, образуемым в составе областного СНХ, или непосредственно центральному правлению, организуемому в составе ВСНХ. Между всеми названными органами, начиная с фабрично-заводских управлений и кончая центральными правлениями, и должны были распределяться функции по управлению национализированными предприятиями. Это была сложная система органов с крайне громоздким деловым аппаратом и механизмом деятельности, работа которых еще более затруднялась борьбой мест с центром за преобладающее влияние в предприятиях расположенных вдали от центра, но имевших обще-

[1] По заявлению А. И. Рыкова, ко времени II Съезда СНХ было национализировано 1125 предприятий, в том числе 155 металлодобывающих, 188 металлообрабатывающих и 28 топливных (Труды II Съезда, М. 1919 г., стр. 45—46).

[2] Труды II Всероссийского Съезда СНХ, М. 1919 г., стр. 392 и 45—46.

[3] Первое по времени Положение об управлении национализированными предприятиями было утв. 5/III 1918 г. Бюро по организации производства ВСНХ («Газ. Раб. и Кр. Прав.», 7/III 1918 г., № 41), но на практике почти не применялось. См. также «Нар. Хоз.», 1918 г., № 1, стр. 14—17.

[4] Положение напечатано в Трудах I Съезда СНХ, М. 1918 г., стр. 477—481 и в «Сб. декретов и распоряжений по народному хозяйству», вып. 1, 1918 г., стр. 315—319.

[5] Принцип пропорционального представительства был, впрочем, весьма быстро изжит и заменен назначением всего состава коллегии подлежащим органом ВСНХ — по соглашению с соответствующей профессиональной организацией. Вместе с тем, сократился и численный состав коллегий. С весны же 1920 г. (IX Съезд РКП и III Съезд СНХ) решено было перейти к системе единоличного управления, с оставлением коллегий лишь для наиболее сложных предприятий и объединений. К концу 1920 г. громадное большинство фабрик и заводов (2183 из 2483) перешло уже к единоличному управлению (Отчет ВСНХ VIII Съезду Советов, М. 1920 г., стр. 14—15).

государственное значение (к числу их относилась и вся крупная угле- и металлопромышленность). Местные органы власти тем более ревниво отстаивали свои права на вмешательство в управление национализированной промышленностью, что им, как мы видели, принадлежала, в большинстве случаев, инициатива в деле огосударствления предприятий, и что в первые месяцы революции центру вообще не удавалось наладить сколько-нибудь прочной связи с местами.

По предложению ВСНХ, II Съезд СНХ категорически высказывается за «бо́льшую централизацию управления промышленностью» и за «государственное трестирование отдельных отраслей ее». Все предприятия общегосударственного значения резко отграничиваются от местных предприятий. Только эти последние подчиняются местным СНХ. Главки и Центры из органов, регулирующих промышленность и стоящих над нею, превращаются в «органы непосредственного управления производством». Местные СНХ лишаются права вмешиваться в деятельность как фабрично-заводских управлений, так и групповых или «кустовых» правлений. За ними сохраняются лишь право общего надзора и обязанность доводить до сведения соответствующего Главка о замеченных ими злоупотреблениях или незаконных действиях правлений.

Те же идеи кладутся и в основу принятого Съездом Положения об управлении крупными объединенными национализированными предприятиями при ВСНХ. Заводоуправления подчиняются исключительно своему групповому (кустовому) правлению, при чем Съезд предлагает сводить предприятия в группы и кусты «по принципу производственного и экономического единства», а не в связи с административным делением страны на области и губернии. В свою очередь, групповые и кустовые правления подчиняются непосредственно Главку или Центру, минуя какие-либо промежуточные инстанции в виде местных СНХ.[1]

«Крайний централизм» в построении организационного аппарата крупной промышленности не был простой реакцией против анархической децентрализации первых месяцев революции. Он диктовался острым сокращением хозяйственных ресурсов страны, с одной стороны, и новой «мобилизацией» промышленности для работ на оборону—с другой. Только из центра можно было произвести тот жесткий отбор наилучше оборудованных и наиболее выгодно расположенных предприятий, который начался с первых же дней гражданской войны, отрезавшей РСФСР от всех важнейших источников сырья и топлива. Концентрация производства и объединение целых отраслей промышленности под

[1] Труды II Съезда СНХ, стр. 207—211, 392 и 402—403.

управлением всесильных Главков и Центров и дали повод к наименованию их «государственными трестами», равно как и к стремлению использовать организационные схемы капиталистических трестов для управления национализированной промышленностью.[1] Вначале термин «трест» кажется чуждым — слишком резко расходятся основные начала советского и капиталистического хозяйства — по другого нет,[2] и он весьма быстро приобретает права гражданства как в обороте и литературе, так и в законодательстве.[3] При этом под понятие «треста» подводятся как самые Главки и Центры, объединяющие целые отрасли промышленности во всероссийском масштабе (напр., Главуголь, Главруда), так и отдельные территориальные или производственные объединения типа «Гомзы», организационно обособленные от остальных предприятий той же отрасли промышленности.

Как общее правило, Главки и Центры объединяют однородные предприятия. Комбинирование проводится лишь в ограниченных пределах. «Гомза», объединяющая машино-вагоно-и-паровозостроение с металлургией, Мальцевский округ или Южнорусский металлургический трест — прообраз современной «Югостали», включавший в свой состав, на ряду с Юзовским, Макеевским и Петровским заводами, принадлежавшие им ранее угольные копи[4] — являются исключением.[5] В подавляющем большинстве случаев объединение предприятий шло «по горизонтали». Принадлежность к одному и тому же дореволюционному комбинату и тесная хозяйственная связь одних предприятий с другими ни в какой мере не гарантировали включение той и другой производственной единицы в одно кустовое или групповое объединение. Вот один из примеров подобного разъединения. Сельскохозяйственное отделение Брянского завода получало до революции сталь, железо, чугун и др. материалы

---

[1] «Совершенно ясно», заявлял В. П. Ногин в своем докладе II Съезду СНХ, «что управление национализированными предприятиями должно быть поставлено на чисто деловую ногу, по типу тех трестов, которые дали нам Европа и Америка, но без того духа наживы и кровопийства, который является сущностью капиталистического треста». Докладчик находил, однако, что «самое слово «трест» не подходит к нашему управлению» (Труды II Съезда СНХ, стр. 255).

[2] Ср. предисловие В. П. Милютина к «Резолюциям II Съезда СНХ», изд. ВСНХ, М. 1918 г., стр. 16.

[3] Ср. ст. 2 Сметных правил 24 мая 1919 г. (Собр. Узак. № 29, стр. 318).

[4] Постановление ВСНХ от 13/III 1919 г.—«Сб. декретов», вып. II, М. 1920, стр. 166. После вторичного восстановления Советской власти на Юге (в 1920 г.), к названным заводам также были присоединены угольные рудники («Нар. Хоз.», 1920 г., № 13 — 14, стр. 30).

[5] Постановлением ВСНХ от 21/X 1920 г., подтвержденным 12/IX 1921 г., в составе Кузнецкого угольного объединения был сохранен Гурьевский доменный завод, находившийся в тот момент еще в стадии достройки.

с Александровского завода в Екатеринославе, принадлежавшего тому же акционерному обществу. Лишившись своего обычного поставщика, завод стал испытывать недостаток в материалах и ряд затруднений в работе; изготовленные болванки ему пришлось посылать для прокатки в Москву, что страшно удорожало производство. Транспортные затруднения и медлительность центральных учреждений, выдававших разрешения на отпуск металла, тяжело отражались на работах и других заводов сельскохозяйственного машиностроения. Некоторые из них находили выход в закупках металлического сырья на вольном рынке или в получении его «вне плана» с других заводов, входивших с ними до революции в общий комбинат.[1]

Железные рудники находились в ведении Главруды,[2] угольные копи—в ведении Главугля, которые в свою очередь были подведомственны Горному Совету ВСНХ,[3] тогда как все металлургические и металлообрабатывающие заводы входили в состав Главков и трестов (Гомза, Главгвоздь, Гомомез, ЦПТИ и др.), подчиненных Отделу металла ВСНХ. Несмотря на возражения Горного отдела, представленные им весною 1919 г. президиуму ВСНХ, вертикальное расчленение горнозаводской промышленности было проведено «по всему фронту» — вплоть до разделения пополам единых горнозаводских контор на местах, с организацией в одной из половин местного Отдела металла и в другой — Горного отдела.[4]

Согласование работы предприятий, подведомственных разным Главкам, осуществлялось в центре — путем представительства органов обрабатывающей промышленности в органах добывающей промышленности. Так, например, в состав Горного Совета ВСНХ входили представители Отдела металла, Главзолота, Центромеди и др. заинтересованных Главков (расп. 18/V 1919 г. Положение о Горном Совете, ст. 3).

Этот механизм взаимной связи был, однако, крайне громоздок, а главное—бюрократичен, и создавал совершенно невыносимое положение для местных органов, лишенных возможности получать что-либо для своих предприятий без разрешения центра.

---

[1] Е. И. Измайловская, «Русское сельскохозяйственное машиностроение», М. 1920, стр. 114 и 117.

[2] Положение о Главном Комитете руд и минералов (Главруда) было распубликовано 31/VIII 1919 г. в оф. отд № 32 «Экон. Жизни» («Сб. декретов», вып. III, М. 1921, стр. 34).

[3] Горный Совет был образован в мае 1919 г. в замену одновременно с тем упраздненного Горного отдела ВСНХ (Положение о Горном Совете расп. в оф. отд. «Экон. Жизни», 18/V 1919 г. — «Сб. декретов», вып. III стр. 32).

[4] А. Кисельников, «К вопросам организации горнозаводской промышленности», «Нар. Хоз.», 1922 г., № 2, стр. 43—47.

В условиях сметного финансирования,[1] монополии внешней и внутренней торговли,[2] почти полного запрета закупок на вольном рынке[3] и фактического отсутствия на этом рынке большинства необходимых предприятию материалов или сырья, сложный порядок снабжения промышленности по нарядам центра порождал чудовищную волокиту и постоянные перебои в работе заводов и фабрик.[4] Это побудило IX Съезд РКП весною 1920 г. высказаться за создание «для обширных районов, удаленных от центра и отличающихся своеобразием хозяйственных форм, крепких и компетентных хозяйственно-областных органов путем представительства от соответственных общегосударственных центров».[5] В соответствии с постановлением Съезда были созданы областные бюро ВСНХ (Промбюро), явившиеся — в противоположность упраздненным в 1919 г. областным СНХ — представителями центральной власти на местах, наделенными соответствующими полномочиями для проведения в жизнь планов и директив центра, без повседневного обращения к нему. Ко времени VIII Съезда Советов (декабрь 1920 г.) было образовано 4 Промбюро: на Украине, Юго-Востоке, Урале и в Сибири.[6] Областной

[1] В первые месяцы революции национализированные предприятия, несмотря на переход их в собственность государства, продолжали финансироваться Государственным (позднее) Народным Банком в том же порядке банковского кредитования, в котором они финансировались банками до национализации. Восполнением же к кредитам, получаемым в Гос. Банке, являлись экстраординарные ссуды и пособия, отпускавшиеся непосредственно из государственного казначейства. В течение 1918 г. промышленность переходит постепенно на сметный порядок финансирования, окончательно закрепленный декретом 4/III 1919 г. о финансировании гос. предприятий (Собр Узак. № 10—11, ст. 107.) См наш «Обзор финансового законодательства 1917—1921 гг.», изд. Института Экономических Исследований НКФ, П. 1921 г., стр. 34; Труды Комиссии СТО «На новых путях», М. 1923 г., вып. II, стр. 4—5, и А. Б Штерн, «Государственное финансирование промышленности», М.—П. 1924 г., стр. 14—18.

[2] Монополия внешней торговли была декретирована 22 (9) апреля 1918 г. (Собр Узак. № 33, ст. 432), монополия внутренней торговли—21 ноября 1918 г. (Собр. Узак. № 83, ст. 879; ср. постановление ВСНХ и НКПрода от 26/XI 1918 г.—Собр. Узак. № 84, ст. 884).

[3] Декрет СНК от 23/I 1919 г. о расчетных операциях потребовал, чтобы каждое государственное предприятие за всеми необходимыми ему материалами и изделиями обращалось к соответствующему советскому учреждению, учитывающему, производящему или распределяющему эти товары, и лишь в случае отказа с его стороны приобретало их на вольном рынке. Приобретение у частных поставщиков монополизированных товаров не допускалось «ни в каком случае» (Собр. Узак. № 2, ст. 22). В еще более узкие рамки закупки на вольном рынке были введены декретом СНК от 15/VII 1920 г. о расчетных операциях (Собр. Узак. № 67, ст. 305).

[4] Наиболее яркая характеристика этого периода дана членом президиума ВСНХ Эйсмонтом в его докладе IV Съезду СНХ 21/IV 1921 г. (Труды IV Съезда, стр. 63—67) и Г. В Цыперовичем, «Главкизм», 1924 г ,стр. 43.

[5] Резолюция IX Съезда РКП от 3/IV 1920 г. об очередных задачах хозяйственного строительства (Стеногр. отчет, М. 1920 г., стр. 374—376).

[6] Отчет ВСНХ VIII Съезду Советов, М. 1920 г., стр. 17.

характер имели также бюро Киргизской республики и Центральный СНХ Туркестанской республики.

Создание областных органов ВСНХ, наделенных широкими полномочиями, отразилось и на организационной структуре угольной и железной промышленности. По отношению к ней вопрос, однако, осложнялся тем, что, признавая за тяжелой индустрией общегосударственное значение более, чем за какой-либо другой отраслью промышленности, центр не склонен был отказываться от активного управления ею даже в пользу столь тесно связанных с ним органов, как вновь созданные Промбюро. Главки имели свои областные организации и предпочитали сохранять непосредственное и исключительное руководство ими за собой. Так, для объединения деятельности 6 районных (групповых) объединений Подмосковного бассейна 14/III 1919 г. было образовано Областное управление Подмосковного каменноугольного бассейна («Москвуголь»), с непосредственным подчинением его Главуглю. Почти одновременно с этим горно-технический отдел Главугля — один из важнейших, ведавший производственной частью — полностью переносится в Харьков, часть отделов передается «Москвуглю», и центральный аппарат Главугля превращается, по существу, в орган представительства интересов угольной промышленности перед центром. Роль Главугля фактически осуществляется в этот период управлением Донецкого бассейна. Но с оккупацией Украины деникинскими войсками аппарат Главугля вновь концентрируется в Москве, «Москвуголь» же, в виду его организационных недочетов и промахов, в начале июня 1919 г. по постановлению СТО распускается и заменяется чрезвычайным комиссаром СТО — с тем, чтобы в ближайшие же месяцы возродиться снова (постановление СТО от 30/VII 1919 г.).

Уральские копи первые месяцы после освобождения Урала находились в ведении Отдела металла ВСНХ и были переданы Главуглю постановлением президиума ВСНХ от 6/X 1919 г., при чем последний предложил Главуглю «областного управления уральской угольной промышленности не создавать». Копи были сведены поэтому в 5 районных управлений (Челябинское, Кизеловское, Егоршинское, Богословское и Полтаво-Брединское), непосредственно подчиненных Главуглю. Для объединения технических планов, производственных программ и снабженческих смет районных управлений Главуголь командировал на Урал в начале 1920 г. особое представительство («Уралгук»), которое, однако, не смогло организоваться и начать работать в виду противодействия вновь созданного Уралпромбюро, а также Горного Совета ВСНХ. С образованием Уралпромбюро непосредственные связи Главугля с районными управлениями были в значительной мере разрушены, но и Промбюро не получило копей в свое исключительное веде-

ние, что создало крайнюю неопределенность взаимоотношений всех названных органов.

С занятием Красной армией Сибири (конец 1919 г.—начало 1920 г.) в Томске был организован «Сибуголь», ведавший первоначально всей сибирской углепромышленностью — как Кузнецким и Черемховским бассейнами, так и мелкими шахтами (копи 2-й категории). С образованием Сибпромбюро начинается та же борьба с Главуглем за влияние в углепромышленности Кузнецкого и Черемховского бассейнов (копи последнего были выделены в апреле 1920 г. в особое правление — «Ируголь»), так как Промбюро категорически отказалось ограничиться управлением переданными в его ведение мелкими шахтами и «занялось вопросами сибирской каменноугольной промышленности во всем ее объеме — в виду ее первостепенного значения для всей краевой промышленности». Выход был найден в назначении Главуглем особого уполномоченного для Сибири, отозванного лишь в мае 1921 г.[1]

В Донецком бассейне, после восстановления его связи с РСФСР, было образовано (в 1920 г.) Центральное правление каменноугольной промышленности (ЦПКП) Донецкого бассейна и проведена вторичная национализация всех копей, за исключением мелких (крестьянских) шахт. Национализированные шахты были сведены в «кусты», а «кусты» — в 16 районных управлений,[2] подчиненных ЦПКП Донецкого бассейна, которое в свою очередь было подведомственно Главуглю и одновременно Промбюро Украины.[3] Кроме того, часть шахт была присоединена к металлургическим заводам (Петровскому, Макеевскому, Юзовскому и Донецко-Юрьевскому), входившим в состав Центрального правления тяжелой индустрии Юга России (ЦПТИ).[4]

В названное объединение, образованное в марте 1920 г.,

[1] «Топливоснабжение России за время войны и революции», стр. 81—86.

[2] Не можем не отметить резкого расхождения данных о числе «кустов» и объединяемых ими шахт. По сведениям ГУТ'а, помещенным в Трудах Комиссии СТО («На новых путях», М. 1923 г., вып. III, стр. 48—49) и относящимся к середине 1920 г., в 16 районах Донецкого бассейна было 60 кустов с 959 шахтами. По данным того же ГУТ'а, опубликованным в «Топливоснабжении России за время войны и революции» (М. 1922 г., стр. 84) и относящимся к тому же периоду, в тех же районах было 58 кустов. . с 483 шахтами. Если даже исключить из указанных в первом источнике 959 шахт 338 мелких (крестьянских) шахт, остается все же разница в 134 шахты. Комиссией проф. Бокия, производившей специальное обследование Донецкого бассейна, было зарегистрировано в середине 1920 г. 1604 шахты, из коих работали 981 шахта («Труды Госплана», 1922 г., вып. I, стр. 48). Какая же часть всех 1604 или хотя бы 981 работавших шахт входила в состав «кустов»?

[3] Это «двойное подчинение» крайне осложняло положение ЦПКП Донецкого бассейна—ср. «Доклад ЦПКП о каменноугольной промышленности Донецкого бассейна за первое полугодие 1921 г», т. I, стр. 3.

[4] «Нар. Хоз», 1920 г., № 13—14, стр. 30.

с непосредственным подчинением его Отделу металла ВСНХ, были включены 35 южных заводов: 18 доменных, 4 передельных и 13 механических, паровозостроительных и судостроительных. В целях концентрации производства и управления, некоторые заводы были объединены под общим управлением, получая иногда характер «цехов» общего предприятия. Так, напр., ряд механических заводов был организован в особые группы. В результате 35 заводов были сведены в 21 группу.[1]

Металлозаводы Центрального района были разбиты на ряд производственных объединений, также непосредственно подчиненных Отделу металла. О «Гомзе» мы уже говорили выше. Чугуноплавильные заводы Тульской, Калужской и Рязанской губерний были объединены в «Гозачугплав», болто-гвоздильные заводы Центрального и Волжского районов — в «Главгвоздь», б. Мальцевские заводы вместе с другими присоединенными к ним заводами — в так наз. Мальцевский фабричный округ, крупнейшие металлообрабатывающие и механические заводы Москвы — в «Гомомез», заводы сельскохозяйственного машиностроения — в «Главсельмаш» и др.

Уральские металлозаводы были разбиты на 5 округов (Пермский, Богословский, Высокогорский, Екатеринбургский и Южно-Уральский), во главе которых были поставлены районные правления, подчиненные Отделу металла ВСНХ.

Особое положение занимала металлопромышленность Петрограда, организованная в 7 кустовых объединений. Заводы с горячими цехами, вырабатывающие черные металлы, частью вошли в кустовое правление тяжелой индустрии (Путиловский), частью же остались вне его — в виду подчинения их Совету морских заводов (напр., Обуховский и Ижорский). Гвоздильно-проволочные заводы вошли в состав правления заводов массового производства.[2] Несмотря на то, что входившие в эти «кустовые» объединения металлозаводы были отнесены к I группе, т.-е. признаны находящимися в непосредственном ведении ВСНХ, Петроградскому СНХ удалось добиться такого размежевания функций по руководству ими между Отделом металла ВСНХ и Секцией металла ПСНХ, при котором заводы фактически находились в большей мере в ведении ПСНХ, чем ВСНХ.[3]

---

[1] Проф. П. И. Фомин, «Металлургическая промышленность Юга России» — в сб. «Металлургические заводы Юга России», Харьков, 1923 г., стр. 15—17.

[2] Н. Антонов, «Два года диктатуры пролетариата в металлопромышленности Петрограда», 1920 г., стр. 56—57; Л. Ханин, «Трестирование металлообрабатывающей промышленности Северного района», 1919 г., стр 30—37; «Петроградский СНХ (Обзоры и материалы по народному хозяйству Петрограда и Петроградской губернии)», II. 1920, стр. 17—18.

[3] Ср. «Петроградский СНХ», 1920 г., стр. 25—26. Общий список металлопромышленных объединений (включая «Главцветметалл»), подчиненных Отделу металла к осени 1920 г, приведен у В. Н. Сарабьянова,

То, что удалось Петрограду, с его кадрами рабочих-металлистов и техническими силами, оставалось, однако, попрежнему неосуществимым для других СНХ. Из 6908 предприятий, учтенных и национализированных на 1/XI 1920 г., 2374 (в том числе 233 по обработке металла и 114 горных и горнозаводских) относилось к I группе, т.-е. к группе трестированных и особо важных предприятий, состоящих в непосредственном ведении ВСНХ, им финансируемых и им снабжаемых.[1]

Острый недостаток в сырье, топливе и продовольствии для рабочих повел к дальнейшему отбору предприятий и в пределах этой группы. Из 2374 предприятий были выделены 1716 «ударных» предприятий (в том числе почти все металлозаводы и большая часть горных и горнозаводских предприятий), которые должны были снабжаться сырьем, топливом, продовольствием, транспортными средствами и рабочей силой «в пер-

---

«Металлопромышленность России», М. 1921 г., стр. 61. В него вошли 18 объединений с 236 заводами, с общим числом рабочих в 277 тысяч, из коих 51,3 тыс. приходилось на долю ЦПТИ и 51,7 тыс. — на «Гомзу».

[1] Отчет ВСНХ VIII Съезду Советов, М. 1920 г., стр. 20 Намеченное II Съездом СНХ в декабре 1918 г. разграничение общегосударственных и местных предприятий было завершено лишь в 1920 г., под давлением нового постановления о том VII Съезда Советов (декабрь 1919 г.). Все предприятия были разбиты на три группы. К I группе были отнесены предприятия, «входящие в гос. тресты и особо важного значения, непосредственно подчиненные центральным органам ВСНХ», финансируемые и снабжаемые сырьем самим центром. Ко II группе — предприятия, которые «по характеру и технике производства могут находиться в управлении местных органов, но регулируются центральными органами». К III группе — предприятия «местного значения», находящиеся в «полном управлении» местных органов. Обе последние группы предприятий могли получать сырье помимо центра и финансировались местными органами, но сметы предприятий II группы должны были утверждаться центром. То же различие проводилось и в назначении органов управления предприятиями (см. «Список предприятий, отнесенных к I группе», изд ВСНХ, М. 1920 г., стр 1—2) Согласно отчета ВСНХ VIII Съезду Советов, из 6908 учтенных и национализированных предприятий к I группе относилось 2374 (в том числе по обработке металлов — 233, горных и горнозаводских — 114), ко II гр. — 3450 (металлических — 508, горных — 19), к III гр. — 1084 (металлических — 414, горных — 0). Ни в одном из официальных изданий ВСНХ, имевшихся в нашем распоряжении, и ни у одного из авторов, приводящих аналогичные данные (ср. В. П Милютин, «Народное хозяйство в Советской России», М. 1920 г, стр 7), мы не могли, однако, найти указаний на то, какие предприятия относились к только «учтенным» и какие—к «национализированным». Отчет ВСНХ VIII Съезду Советов ограничивается голой ссылкой на то, что из общего числа 6908 «учтенных» предприятий 4547 (65,7%) являются «национализированными» (стр 20).

Совершенно иные и притом несогласованные цифры дает ЦСУ в таблице, напечатанной в вып. II «Статистического Ежегодника на 1918—1920 гг.», (М. 1922 г., стр. 350—352) и основанной на сопоставлении данных переписей 1918 и 1920 гг., и в другой таблице, основанной на данных той же переписи 1920 г, и опубликованной в «Сборнике статистических сведений по Союзу ССР 1918—1923 гг.» (М. 1924 г., стр. 154—155 и 166)

в ую о ч е р е д ь». К числу «у д а р н ы х» относились предприятия, вырабатывавшие «предметы первейшей необходимости для военных, транспортных и прочих первоочередных потребностей».[1] Если, однако, вначале, при небольшом числе ударных предприятий, «ударность», действительно, более или менее гарантировала полное снабжение объявленного ударным предприятия, то с распространением числа их ее значение значительно понизилось, ибо оскудевающих ресурсов страны не хватало для удовлетворения всех нужд даже ударных предприятий, не говоря уже о всех предприятиях I группы вообще.

С другой стороны, мир с Польшей и завершение гражданской войны делают к концу 1920 г. излишней ту «крайнюю централизацию», которая этой войной была вызвана. Непрекращающиеся стремления мест, во главе с Петроградом, к расширению сферы их влияния в крупной промышленности получают признание на VIII Съезде Советов (23—29 декабря 1920 г.). Резолюция Съезда о местных органах экономического управления потребовала реорганизации Главков и Центров ВСНХ в «органы руководящие, дающие задание, регулирующие, контролирующие работы ГСНХ на основе е д и н о г о государственного хозяйственного п л а н а» и передачи «непосредственного управления» предприятиями I группы ГСНХ. В непосредственном ведении ВСНХ и его Главков сохранялись «лишь предприятия, явно поддающиеся трестированию (как-то: крупные м е т а л л и ч е с к и е заводы, электроустановки, г о р н о е д е л о и т. п.)». Вместе с тем, ВСНХ и его Главки лишались права создания — вне ГСНХ — особых органов управления передаваемыми в ведение ГСНХ предприятиями. Именно многочисленность самостоятельных отделений Главков на местах, стремившихся всеми силами свести на-нет и те узкие полномочия по общему надзору, которыми обладал ГСНХ по отношению к предприятиям I группы, вносила особую остроту в отношения между отделениями Главков и ГСНХ (Сбр. Узак., 1921 г., № 1, стр. 3).[2]

Эту «децентрализацию управления и централизацию руководства» не следует принимать за первые проявления «новой экономической политики», — только-что была декретирована национализация всей мелкой промышленности[3] и поставлены на

[1] Отчет ВСНХ VIII Съезду Советов, М. 1920, стр. 29—31. Об «ударных» предприятиях каменноугольной промышленности — см. В. Б а ж а н о в, «Каменноугольная промышленность за 1920 г.», М 1920, стр. 7—8.

[2] Вопреки постановлению II Съезда СНХ, Главки и Центры основывали свои отделения в большинстве случаев не «при местных СНХ на общих основаниях для организации отделов ГСНХ» (Труды II Съезда СНХ, стр. 210 и 408), а в качестве совершенно независимых от ГСНХ организаций.

[3] Постановлением ВСНХ от 29/XI 1920 г. были объявлены национализированными все частные промышленные предприятия, имевшие свыше

очередь проблемы полной натурализации всего народного хозяйства и полной ликвидации денежной системы (ср. декреты 2/X и 23/XII 1920 г. об отмене платы за топливо!),—но в своем практическом осуществлении она совпала с теми принципами децентрализации, которые легли и в основу позднее провозглашенной новой политики.[1] Поскольку она была связана с общей перестройкой всего аппарата ВСНХ (его 52 Главка становились ненужными с момента передачи большей части предприятий I группы местным СНХ), она косвенно отразилась и на тяжелой индустрии, несмотря на сделанное для нее VIII Съездом изъятие. Число предприятий, переданных металло- и углепромышленностью ГСНХ, было незначительно,[2] но ее центральный аппарат (в особенности, аппарат углепромышленности) подвергся существенным изменениям — в связи с той же идеей «единого государственного хозяйственного плана», на основе которого должна была произойти вся реконструкция Главков и Центров.

Мы уже отмечали, что Главуголь (равно как Главнефть и Главсланец) были Главками «двойного подчинения», подведомственными в деле добывания угля — Горному Совету и в деле распределения его — Главтопу. Возглавляемые персонально членами президиума ВСНХ, Главуголь и Главнефть, по существу, вели самодовлеющую политику, не подчиняясь на практике ни Горному Совету, из ведения которого они были формально изъяты лишь постановлением ВСНХ от 13/XII 1920 г., ни Главтопу. Влияние последнего было тем незначительнее, что рядом с ним непрерывно возникали временные комиссии с чрезвычайными полномочиями для борьбы с топливным кризисом и т. д. В целях координации производственной и распределительной политики Совет Народных Комиссаров 17/III 1921 г. упраздняет коллегию Главтопа, ставит во главе его одного из членов президиума ВСНХ, сосредоточивает в ведении этого члена все топливные Главки и учреждает Главное Управление Главтопа (позднее Главное Управление по топливу, или «ГУТ»)— в качестве органа, призванного поглотить в дальнейшем весь деловой аппарат отдельных топливных Главков (Собр. Узак.

---

5 рабочих при механическом двигателе или 10 — без механического двигателя (Собр. Узак. № 93, ст. 512). Переход этих предприятий в фактическую эксплуатацию государства начался, впрочем, еще до формального провозглашения их национализации и был прерван после перехода к новой экономической политике (декрет СНК от 19/V 1921 г. — Собр. Узак. № 48, стр. 240).

[1] Ср. П. А. Богданов, «Работа ВСНХ между VIII и IX Съездами Советов», в сб. «Русская промышленность в 1921 г.», изд. ВСНХ, стр. V.

[2] Из 1829 предприятий I группы, переданных в соответствии с постановлением VIII Съезда Советов в ведение ГСНХ, на долю металлопромышленности приходилось 28, топливопромышленности — 199 и горной промышленности — 1 («Русская промышленность в 1921 г.», стр. IV).

№ 25, ст. 145).[1] Тем самым производство и распределение угля, нефти и остальных видов топлива сосредоточивается в исключительном ведении одного руководящего органа (ср. постановление СТО от 22/IV 1921 г.). Слияние аппаратов топливных Главков с аппаратом Главного Управления по топливу (ГУТ'а) идет быстрыми шагами, и постановление СНК от 20/XI 1921 г.: «утвердить реорганизацию Главтопа на началах объединения всех сторон топливоснабжения в едином органе с упразднением топливных Главков — Главнефти, Главугля, Главсланца и Главторфа» скорее подводит итоги этому слиянию, чем декретирует его.[2]

В связи с общей реорганизацией Отделов и Главков ВСНХ Отдел металла ВСНХ был преобразован (точнее — переименован) в Главное Управление металлической промышленности (ГУМП или «Главметалл»), а Горный Совет — в Главное Управление горной промышленности (ГУГП или «Главгорпром»). За изъятием из ведения Горного Совета угольной и нефтяной промышленности, ГУГП сосредоточивает в своем ведении лишь рудную (в частности, железорудную), золотоплатиновую и соляную промышленность.[3] Эти изменения не затрагивают еще местной структуры металлической, угольной и железорудной промышленности. Их приносит с собой лишь новая экономическая политика.

ГЛАВА VI.

Организация промышленности при новой экономической политике.

В применении к государственной промышленности новый курс экономической политики[4] получает законодательное оформление в наказе СНК от 9/VIII 1921 г. о проведении в жизнь начал новой экономической политики и в утв. 12/VIII 1921 г. СТО основных положениях о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства.

[1] Одновременно изданным декретом о плановых комиссиях при Главтопе учреждается Центральная Комиссия топливного плана (Собр. Узак. № 38, ст. 203).

[2] «Топливоснабжение России за время войны и революции», стр. 61 и след.; Труды IV Съезда СНХ, М. 1921 г., стр. 72—73

[3] Постановлением президиума ВСНХ от 6/VI 1921 г. Главруда была преобразована в Отдел (Секцию) руд ГУГП.

[4] Мы оставляем в стороне декрет СНК от 26/VII 1921 г. «о расширении прав государственных предприятий в области финансирования и распределения материальных ресурсов», как стоявший еще на почве старых организационных форм и не порывавший, по существу, с принципами сметного финансирования и планового снабжения (Собр. Узак. № 63, ст. 458).

Исходя из того, что непосредственная эксплуатация громадной массы предприятий находилась в полном несоответствии с имевшимися у государства сырьевыми и продовольственными ресурсами и вела только к распылению последних, наказ 9/VIII 1921 г. предлагает ВСНХ и его местным органам оставить в своем непосредственном управлении лишь «отдельные отрасли производства и определенное число крупных или почему-либо с государственной точки зрения важных, а также подсобных к ним предприятий, взаимно дополняющих друг друга». Остальные предприятия должны быть сданы в аренду или закрыты. Остающиеся в непосредственном ведении государства предприятия должны вестись на началах «точного хозяйственного расчета» и эксплуатироваться лишь в той мере, в какой они будут обеспечены материалами, продовольствием и денежными ресурсами, получаемыми как от государства, так и из других источников (самозаготовки, вольный рынок и т. д.). При недостаточности получаемых от государства фондов предприятиям предоставляется реализовать часть продукции для приобретения необходимых им товаров на внутреннем или внешнем рынке (Собр. Узак. № 59, ст. 403).

«Основные положения» СТО от 12/VIII 1921 г. конкретизируют эти общие директивы и создают новую организационную форму для крупной промышленности. Президиуму ВСНХ, по соглашению с ВЦСПС, поручается соединять «наиболее крупные, технически оборудованные, целесообразно организованные и соответствующе расположенные предприятия... в особое объединение, организуемое на началах хозяйственного расчета» — с тем, однако, чтобы «вся продукция объединения, за покрытием расходов по производству, поступала в общий государственный фонд». Государство отпускает в распоряжение объединения определенные денежные и материальные фонды, «эквивалируя их частью продукции». Для пополнения этих фондов объединению предоставляется «право самостоятельной заготовки за счет своей продукции продуктов, сырья, топлива, материалов и т. д. согласно норм, утверждаемых СТО» (Собр. Узак. № 63, ст. 462).

Таким образом, и закон 12/VIII 1921 г. еще не выходит из рамок планового снабжения и разрешает свободную реализацию продукции лишь в целях пополнения недополученных от государства материальных фондов и в пределах норм, устанавливаемых СТО.[1] Но, обязывая переводимые на хоз. расчет объединения «эквивалировать» все получаемые от государства

[1] Даже в октябре 1921 г. — в момент стихийного образования трестов и не менее стихийного «разбазаривания» ими продукции — декрет СНК от 27/X 1921 г. пытался ограничить свободное распоряжение трестов 50% их продукции. Первоначально же предполагалось ограничить эту реализацию 10—12% всей продукции.

фонды,[1] он вводит тем самым начало «самоокупаемости», придавшее позднее понятию «хозяйственного расчета» точный технический смысл[2] и послужившее исходным моментом для последующей организации не только государственной промышленности, но и всех остальных отраслей государственного хозяйства.

Перевод на хозяйственный расчет по своей идее означал не только оплату промышленностью всех получаемых ею от государства фондов, но и оплату государством всей продукции, забираемой им от промышленности сверх причитающегося ему за фонды эквивалента — притом оплаты по ценам, позволяющим вести предприятие на началах «самоокупаемости», т-е. во всяком случае не ниже себестоимости. Между тем в тяжелых условиях 1921—1922 гг. государство так же мало могло обойтись без бесплатного или полуплатного изъятия продукции промышленности для нужд государства, как и сама промышленность могла обойтись без субсидий и дотаций государства. Для угольной и металлургической промышленности, главным потребителем продукции коих являлось само государство, эта неурегулированность финансово-коммерческих отношений с государством играла, как увидим ниже, особенно большую роль.

Равным образом, долгое время оставался неразрешенным и ряд других вопросов, связанных с понятием «хозяйственного расчета»: о пределах самостоятельности вновь образуемых объединений в сфере их производственной и торговой деятельности, об ответственности государства по их обязательствам перед третьими лицами, о праве этих последних обращать взыскание на отдельные объекты, входящие в состав имущества объединения и т. д. Лишь Гражд. Кодекс РСФСР, вступивший в действие 1/I 1923 г. (ст.ст. 19, 22 и 58 прим.) и декреты 10 апреля и 17 июля 1923 г. об общегосударственных и местных трестах закончили длительный процесс организационного оформления переведенных на хозяйственный расчет предприятий,[3] а, вместе с тем, завершили и процесс развития идеи хозяйственного расчета в применении к промышленности. Как декрет 10/IV 1923 г. об общегосударственных трестах (Собр. Узак. № 29, ст. 336), так и декрет 7/VII 1923 г. о местных трестах (Собр.

---

[1] Утв. СТО 8/VIII 1921 г. Положение о «1-м Льноправлении» — первом тресте нового типа — еще более уточняло это нововведение, обязывая «Льноправление» сдавать государству соответственную часть продукции «по установленным калькуляционным ценам».

[2] Понятие «хозяйственного расчета» выкристаллизовалось далеко не сразу (ср. «Русская промышленность в 1921 г.», изд. ВСНХ, стр. VII и XLI).

[3] Первой попыткой такового было Типовое положение об объединениях (трестах), объявленное приказом ВСНХ от 12/IX 1922 г., № 452 («Сборник приказов по ВСНХ», 1922 г., № 15, стр. 27 — 31).

*

Узак. № 84, ст. 815)[1] говорят уже не о «хозяйственном», а о «коммерческом расчете». Это — не только смена терминов, но и смена понятий, отвечавшая изменившимся условиям хозяйственной деятельности трестов. В 1921 г. перед ними ставилась лишь задача «самоокупаемости», в 1923 г. от них требуют уже «получения прибыли» (ст. I того и другого декрета). Это требование становится возможным не только в силу оздоровления самой промышленности, но и в силу того, что в 1923 г. государство по отношению ко всем отраслям промышленности отказывается от бесплатного изъятия продукции и берет на себя обязательство оплаты таковой по ценам не ниже себестоимости и с начислением средней прибыли в случаях принудительного «занаряживания» продукции для нужд тех или других государственных предприятий (ст. 49 декрета 10/IV 1923 г.; ст. 45 декрета 17/VII 1923 г.).

Принцип «хозяйственного расчета» был тесно связан с принципом децентрализации управления промышленностью. Снятое с государственного снабжения и брошенное в стихию рынка предприятие должно было получить ту необходимую степень самостоятельности в своей производственной и коммерческой деятельности, без которой оно не смогло бы приспособиться к работе на рынок, и которая была совершенно несовместима с прежней системой объединения целых отраслей промышленности в общегосударственном масштабе — в ведении Главков и Центров. Поэтому предприятия, оставляемые в эксплуатации как центральных, так и местных органов ВСНХ, разбиваются на ряд объединений, группируемых по самым разнообразным признакам. Объединение всех предприятий в единый трест допускается лишь в виде исключения (Всероссийский трест слабого тока, Сахаротрест, «Чаеуправление», «Резинотрест»).[2] Даже отрасли, оставленные, в связи с цитированной выше резолюцией VIII Съезда Советов, в непосредственном ведении Главков (в том числе угольная, железорудная и металлургическая промышленность), разбиваются на ряд объединений применительно к отдельным хозяйственным районам (Урал, Юг и др.), в границах которых сосредоточивается та или другая отрасль промышленности. Предприятия, переданные в ведение ГСНХ, объединяются в губернском масштабе. При этом одни объединения образуются из территориально связанных однородных предприятий, что позволяло концентрировать производство на наилучше оборудо-

---

[1] Комментарий к тому и другому декрету дан А. М. Гинзбургом-Наумовым, «Законодательство о трестах, синдикатах и органах регулирования промышленности», М. 1924 г., изд. 2-е. См. также проф. Б. С. Мартынов, «Гос. тресты», М. 1924 г., и проф. В. Н. Шретер, «Система промышленного права СССР», М. — Л. 1924 г.

[2] Труды комиссии СТО. «На новых путях», М. 1923 г., вып. III, стр. 34.

ванных заводах, другие — из территориально связанных, но неоднородных производственных единиц, взаимно дополняющих друг друга («комбинаты»). При создании подобных комбинатов ВСНХ предлагает своим Главкам и ГСНХ, производящим отбор предприятий, руководствоваться тем, насколько продукция предприятий начальной стадии производства поглощается предприятиями, занятыми дальнейшей его переработкой, насколько предприятия находятся в территориальной близости и обеспечены транспортными возможностями и т. д. (приказ ВСНХ от 5/VIII 1921 г., № 6).

В отличие от периода военного коммунизма, когда комбинирование предприятий являлось исключением, оно широко применяется теперь как к чисто местным объединениям, так и к объединениям общегосударственного характера.[1] Так, например, одними из первых и наиболее мощных комбинатов явились «Югосталь» и «Химуголь», построенные на объединении металлургической и химической (а также стекольной) промышленности с угольной. При этом предприятия, включенные в комбинат с преобладанием одной отрасли производства, в большинстве случаев совершенно выходили из-под всякого влияния соответствующего Главка — вопреки категорическому требованию IV Съезда ВСНХ (18 — 24 мая 1921 г.), настаивавшего на том, чтобы «комбинированные предприятия, обладая самостоятельностью в управлении, не нарушали общего государственного плана и подчинялись, в порядке технического надзора, тем специальным учреждениям, которые призваны наблюдать за общим ходом данной отрасли».[2]

Децентрализация промышленности, хозяйственный расчет и самостоятельность в производстве операций, «жесткая» концентрация и комбинирование — таковы основные принципы новой организации промышленности, резко противопоставляемые деятелями ВСНХ старой системе «главкизма». Для новой формы объединения нужно найти новое слово — и его находят в том же термине: «трест», который, начиная со II Съезда СНХ (декабрь 1918 г.) и кончая VIII Съездом Советов (декабрь 1920 г.), применялся и к ныне отвергаемым Главкам.[3] Характерно, что и на этот раз главным основанием применения созданного капиталистической практикой понятия к объединениям государственной промышленности послужило сходство методов капиталистической и советской концентрации промышленности: сосредоточение

[1] «Русская промышленность в 1921 г.», стр. XI — XII; Труды конференции СНХ Центрального, Северного и Западного районов 26 — 30 мая 1921 г., изд. ВСНХ, стр. 7 — 8.

[2] Резолюции IV Всероссийского Съезда ВСНХ, изд. ВСНХ, 1921 г., стр. 15 — 16.

[3] См. отчет ВСНХ VIII Съезду Советов, 1920 г., стр. 11 и 21 — 26.

работ на наилучше оборудованных или выгодно расположенных предприятиях.[1]

Процесс перестройки промышленности, начавшийся с августа 1921 г., особенно интенсивно шел в декабре 1921 г. и в январе — марте 1922 г. и почти закончился уже к лету 1922 г.[2] По данным ВСНХ, к концу 1922 г. было организовано 430 трестов, объединявших 4 144 производственных единицы (фабрик, заводов, рудников и т. п.) с 976 тыс. рабочих, что составляло 88% общего числа занятых в государственной промышленности рабочих. Большая часть трестов находилась в ведении ГСНХ: 258 против 172, находившихся в ведении ВСНХ и Промбюро. Но и по числу производственных единиц (1 863 против 2 281) и, в особенности, по числу занятых в них рабочих (159 тыс. или 16,5% против 817 тыс. или 86,5%) местные тресты значительно уступали государственным.[3] Еще большая разница наблюдалась в отношении горной, топливной и металлургической промышленности. Из 34 трестов горной, каменноугольной и нефтяной промышленности с 494 производственными единицами и 191,6 тыс. рабочих — 28 трестов с 461 предприятием и 189,8 тыс. рабочих состояли в ведении ВСНХ и Промбюро и 6 трестов с 33 предприятиями и всего лишь 1,8 тыс. раб.—в ведении ГСНХ, т.-е. в общегосударственных трестах было занято 99% и в местной промышленности лишь 1% всех рабочих трестированной горной и топливной промышленности. Из 57 трестов металлопромышленности, с 411 производственными единицами и 230 тыс. рабочих, в ведении ВСНХ и Промбюро находилось 33 треста с 316 предприятиями и с 218 тыс. раб. (95% всех рабочих трестированной металлопромышленности) и в ведении ГСНХ — 24 треста с 95 предприятиями и 12 тыс. раб. (5%). Таким образом, горная, топливная и металлическая промышленность, как и в период военного коммунизма, продолжала оставаться в большей зависимости от центра и его полномочных областных органов (Промбюро), чем какая-либо другая.[4]

Образование Союза ССР повлекло за собой новое разграничение промышленных предприятий на: 1) общесоюзные тресты,

[1] Ср. Труды конференции СНХ Центрального, Западного и Северного районов 26 — 30 августа 1921 г., стр. 70.

[2] Труды комиссии СТО: «На новых путях», 1923 г., вып. III, стр. 29.

[3] Позднее, ряд гос. трестов был передан в ведение местных органов, и к началу 1924/25 г. число рабочих, занятых в местных трестах и предприятиях РСФСР, составляло 19,4% общего числа рабочих в учтенной гос. промышленности Союза (250 000 из 1 290 000 раб.). Если же взять только число рабочих всех гос. предприятий: общесоюзных, республиканских и местных, расположенных на территории РСФСР (900 тысяч), то доля местной промышленности повысится уже до 27,8% («Материалы совещания местных органов ВСНХ», изд. ВСНХ, М. 1925, стр. 101).

[4] Общая таблица всех трестов напечатана в отчете ВСНХ X Съезду Советов «Русская промышленность в 1922 г.», стр. XI

подведомственные ВСНХ СССР, 2) республиканские, подведомственные ВСНХ отдельных союзных республик, и 3) местные, подведомственные местным органам республиканских ВСНХ. 12/XI 1923 г. II сессия ЦИК СССР утвердила список общесоюзных трестов, включив в него 72 треста и все военные заводы—«в виду их первостепенного значения для обороны Союза, для охраны его интересов на мировом рынке и для проведения в общесоюзном масштабе единого плана восстановления промышленности и транспорта». К числу общесоюзных были отнесены, в частности, 6 трестов каменноугольной промышленности (тресты Донецкого, Подмосковного, Кузнецкого, Черемховского, Кизеловского и Челябинского бассейнов), «Югосталь», 4 уральских металлургических треста (Надеждинский, Пермский, Южно-Уральский и Уральский медный), «Гомза», Мальцевский округ, Сталинградский металлургический завод «Красный Октябрь» (б. Дюмо в Царицыне), «Электросталь», Ленинградский и Южный машиностроительные тресты (Собр. Узак. № 113, ст. 1049). Большинство остальных предприятий тяжелой индустрии (Южный рудный трест, «Гормет», Северо-Вятский трест, «Гозачуглав», Московский машиностроительный трест, Нижегородская «Красная Этна» и др.) были подчинены непосредственно республиканским ВСНХ,[1] т.-е. сохранили свой характер общегосударственных трестов, подпадающих под действие декрета 10/IV 1923 г. Кроме того, ВСНХ СССР, в соответствии с тем же декретом 12/XI 1923 г., передал республиканским ВСНХ и их областным органам мандат на управление некоторыми общесоюзными трестами, сохранив за собой лишь важнейшие функции распорядительного характера.[2] Так, например, мандат на управление уральскими металлургическими трестами передан Уральскому ОблСНХ, «Ленинградмаштрестом»—Сев.-Зап. Промбюро, «Южмаштрестом»—

---

[1] В ведении ВСНХ РСФСР в начале 1924/25 г. состояло 75 трестов, из коих 42 управлялись непосредственно самим ВСНХ и 33 были переданы по мандатам местным органам («Материалы Совещания местных органов ВСНХ РСФСР», изд. ВСНХ, М. 1925, стр. 10). К началу 1925/26 г. в непосредственном ведении ВСНХ РСФСР оказались, однако, уже лишь 30 трестов, в том числе лишь 2 металлургических («Гозачуглав» и Северо-Вятский горнозаводский округ) и ни одного каменноугольного (см. приказ ВСНХ РСФСР от 1/X 1925, № 1). Все остальные предприятия были переданы в ведение местных органов—главным образом, в ведение Уральского ОблСНХ. Фактически, однако, республиканские горные и металлургические тресты находятся едва ли не в большей зависимости от ВСНХ СССР (в лице горного директората ЦУГПРОМ'а и Главметалла), чем от ВСНХ РСФСР. Ближайший порядок подведомственности металлотрестов Главметаллу и соответствующим органам ВСНХ СССР и ВСНХ отдельных союзных республик урегулирован приказом ВСНХ СССР от 20/II 1925 г., № 473.

[2] Типовой мандат на управление общесоюзным трестом утвержден президиумом ВСНХ СССР 2 января 1924 г. (см. сб. «Законодательство о промышленности», изд. ВСНХ, ч. III, 1925, стр. 178—180).

ВСНХ УССР. Некоторые же общесоюзные тресты были вообще превращены в тресты республиканского и местного значения. В частности Челябинские копи декретом 18/IV 1924 г. были исключены из числа общесоюзных трестов (Собр. Узак. № 55, ст. 537) и вслед за тем подчинены Уральскому ОблСНХ. Равным образом, трест «Кизеловские копи» в 1924/25 г. сначала был превращен в республиканский, позднее же в местный трест, с подчинением его тому же Уральскому ОблСНХ (декреты ЦИК СССР от 4/IX 1925 г. и ВЦИК РСФСР от 7/IX 1925 г. — Собр. Зак. № 58, ст. 436; Собр. Узак. № 62, ст. 505).

Несмотря на произведенную в 1921—1922 гг. концентрацию промышленности, в непосредственной эксплуатации государства к началу 1923 г. оказалось все же такое количество предприятий, содержание которых, с одной стороны, превышало имевшиеся в распоряжении государства и самих трестов ресурсы, с другой же стороны, не вызывалось действительной необходимостью — в виду слабого спроса на их изделия и связанной с этим слабой нагрузки большинства предприятий. В январе 1923 г. ВСНХ образовал поэтому Центральную комиссию по пересмотру трестов, возложив на нее обязанность «работу государственной промышленности сконцентрировать на минимальном числе имеющих общегосударственное значение и наилучше оборудованных с технической стороны предприятий» — с тем, чтобы остальные предприятия были либо консервированы, либо даже совершенно ликвидированы. Вслед за тем начался пересмотр всех общегосударственных и части местных трестов, совпавший с юридическим их оформлением (перерегистрация трестов!) согласно декретов 10/IV и 17/VII 1923 г., и закончившийся лишь в конце 1924 г. В начале пересмотра предполагалось, что он приведет к серьезному сокращению числа действующих предприятий и к значительным изменениям в составе трестов. В процессе работы, однако, обнаружилось, что, несмотря на спешность произведенного в 1921—1922 гг. трестирования, получившаяся в результате его организационная схема нуждается лишь в частичных изменениях, но не в общей ломке.

По отношению к тяжелой индустрии пересмотр закончился лишь в 1924 г. и принес с собой существенные изменения лишь для каменноугольной промышленности. По данным ВСНХ, число действовавших в 1923/24 г. в угольной промышленности предприятий (рай-и рудоуправлений) сократилось с 308 до 117, с одновременным уменьшением числа эксплуатируемых шахт с 640 до 334, при чем число рабочих понизилось лишь с 193 тыс. до 185 тыс. В результате число рабочих на 1 шахту увеличилось с 300 до 582 и валовая добыча — с 135 тыс. п. до 256 тыс. п. В металлопромышленности, напротив, число действующих заво-

дов даже несколько повысилось:[1] с 325 до 333—с одновременным увеличением общего числа рабочих с 273,7 тыс. до 326,4 тыс. или с 842 до 980 на один завод. В частности, число действовавших заводов, находящихся в ведении Главметалла и составляющих по своей мощности около 80% всей металлопромышленности СССР, с 183 в 1923/24 г. увеличилось до 195 в 1924/25 г.[2] Число действовавших домн с 18 в начале хоз. года повысилось до 26 к концу его (а летом 1924 г. доходило даже до 32), число мартеновских печей — с 49 до 64 (наибольший скачок дал Юг: с 13 до 21). Соответственно возросло и число действовавших прокатных станов (до 162).[3] Процесс развертывания металлургии еще более усилился в 1924/25 г. — в связи с ростом спроса на металл, поставившим перед металлопромышленностью вместо проблемы «концентрации» уже проблему пуска бездействующих предприятий и постройки новых заводов. К концу 1924/25 г. действовало уже 41 домна, 115 мартеновских печей и 210 прокатных станов. В 1925/26 г. предполагается вновь ввести в работу 12 металлургических заводов—2 на Юге, 9 на Урале и 1 в Приуралье. Намечена постройка 5 новых заводов—2 на Юге, 2 на Урале и 1 в Кузнецком бассейне, при чем уже в 1925/26 г. Главметалл рассчитывает начать подготовительные работы по постройке первых 3 заводов—по одному в каждом из названных районов. Равным образом, и перед каменноугольной промышленностью стоит уже не проблема «концентрации», а проблема максимального использования консервированных шахт и сооружения новых рудников (см. ниже).[4]

Переходя к ближайшему изучению организационных процессов в отдельных отраслях тяжелой индустрии, необходимо прежде всего отметить, что по отношению к топливной и металлической промышленности переход на хозяйственный

[1] В противоположность предшествующему году, когда число действующих заводов в металлопромышленности сократилось с 418 на 1/XI 1922 г. до 325 на 1/X 1923 г. («Промышленность СССР в 1924 г.», стр. 174).

[2] «Металлопромышленность СССР (итоги 1924/25 г. и перспективы 1925/26 г.)», под ред. В. И. Межлаук, изд. Главметалла, 1925 г., стр. 13.

[3] Промышленность СССР в 1924 г., стр. 4, 174 и 185 С этими данными, приведенными в официальном отчете ВСНХ СССР III Съезду Советов СССР, резко расходятся данные таблиц по промышленности, напечатанных в «Экон. Обозрении», 1924 г., № 23 — 24, стр. 208 — 210, 212 — 213, 216 и 218, и основанных на сведениях того же ЦОС ВСНХ. О движении числа действовавших предприятий и среднего списочного числа рабочих на 1 предприятие по кварталам 1921/22 и 1922/23 гг.—см. «Статистический Ежегодник 1922 и 1923 гг.», изд. ЦСУ, вып. I, 1925 г., стр. 113, и таблицу ВСНХ в «Русской промышленности в 1923 г.», стр. 50.

[4] Доклад председателя ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинского о металлопромышленности на XIV партийной конференции РКП 29/IV 1925 г. («Стеногр. отчет», М.—Л., 1925, стр. 150 сл.). См. также «Металлопромышленность СССР (итоги 1924/25 г. и перспективы 1925/26 г.)», стр. 119, 121 и 124—125.

расчет[1] значительно осложнялся тем, что ее продукция в главной своей массе поступала не на рынок, а на удовлетворение нужд железных дорог и других государственных учреждений и предприятий. Поэтому топливная и, в частности, угольная промышленность снимается с государственного снабжения и переходит на платный отпуск товара всем государственным потребителям лишь в марте 1922 г.,[2] при чем, однако, сохраняется обязательный, но уже платный отпуск топлива так наз. «плановым потребителям» — в количестве и по ценам, утверждаемым СТО (Собр. Узак. № 25, ст. 291). Часть рудников, впрочем, снимается с государственного снабжения еще в 1921 г. — путем включения их в комбинаты, переводимые на хозяйственный расчет. Так, в состав комбината «Химуголь» (сентябрь 1921 г.) включаются рудники Бахмутского района,[3] в состав треста «Югосталь» (утв. 22/X 1921 г.) — ряд угольных шахт, комбинированных еще в 1920 г. с крупнейшими металлургическими заводами Юга: Петровским, Юзовским и Макеевским.[4] Богословские копи на Урале были влиты в Богословский металлургический комбинат (ныне Надеждинский), буроугольные копи Кривого Рога — в Южнорудный трест.[5]

Копи, состоящие на государственном снабжении, в большей своей части остаются в ведении центральных правлений каменноугольной промышленности (ЦКПК), образованных в важнейших угольных бассейнах[6] и непосредственно подчиненных ГУТ'у,[7]

[1] О методах осуществления новой экономической политики по отношению к металлопромышленности — см. Отчет Главметалла IX Съезду Советов «Металлопромышленность Республики и ее нужды», М. 1922 г., стр. 99 — 116.

[2] В отношении частных потребителей бесплатный отпуск топлива, введенный в 1920 г (см. стр. 96), был отменен общим декретом 5/VIII 1921 г. о взимании платы за все товары, отпускаемые государством частным лицам (Собр. Узак. № 59, ст. 394).

[3] В основу «Химугля» был положен крупнейший химический завод б. Сольве (в районе Лисичанска), с присоединением к нему нескольких других химических и стекольных заводов, соляного рудника, каменноугольных копей и др. предприятий («Русская промышленность в 1921 г.», стр. XII и XXVI). Об организационной структуре «Химугля» и о входящих в него предприятиях — см. Положение о «Химугле» (Собр. Узак., отд. II, 1922 г., № 3, ст. 14) и ст. акад. В. Н. Ипатьева, «Химуголь» в «Нар. Хоз.», 1922 г. № 1, стр. 146 — 156. В 1923/24 г. «Химуголь» был слит с «Стеклосодой» в единый Южный химический трест («Промышленность СССР в 1924 г.», изд. ВСНХ, М. 1925, стр LX).; см. также «Хозяйство Донбасса», 1923 г., № 23, стр. 31 и № 24—25, стр. 69—70).

[4] «Русская промышленность в 1921 г.», стр. XXV — XXVI. За ЦПКП Донецкого бассейна остался лишь горно-технический надзор над включенными в комбинат шахтами («Топливоснабжение России», стр. 96).

[5] «Русская промышленность в 1922 г.», стр. 1 и 93.

[6] ЦПКП Донецкого бассейна было образовано еще в 1920 г. (см. стр. 92). В 1922 г. оно было переименовано в управление государственной каменноугольной промышленностью (УГКП).

[7] В конце 1922/23 г. ГУТ был слит с Главным Управлением Горной Промышленности (ГУГП), которое в свою очередь было реорганизовано в начале 1924 г. в связи с общей реорганизацией ВСНХ по декрету 12/XI 1923 г.

частью же переходят в ведение областных и губернских органов ВСНХ. При этом в Донецком и Подмосковном бассейнах образуются ЦПКП для всего бассейна, на Урале же два особых: одно — для Кизеловского района и одно — для Челябинского, с одновременной передачей Егоршинских копей в ведение Уралпромбюро. В Сибири организуются особые ЦПКП для Кузнецкого и Черемховского бассейна; мелкие шахты сохраняются в управлении местных органов. Равным образом, и в Донецком бассейне мелкие (крестьянские) шахты летом 1921 г. передаются в ведение образованной при Донгубэкосо Комиссии использования мелкой каменноугольной промышленности (КИМКП) — как для непосредственной эксплуатации, так и для сдачи в аренду. После перевода угольной промышленности на хозяйственный расчет (декрет 23/III 1922 г.) КИМКП вступила в успешную конкуренцию с ЦПКП Донецкого бассейна—и в мае 1922 г. была ликвидирована, с передачей эксплуатации мелких шахт вновь в ведение ЦПКП.[1]

На рубеже старой и новой экономической политики, в июле 1921 г., производительность Донецкого бассейна падает до 9,1 милл. пуд. — при самопотреблении копей в 8,7 милл. пуд. (96% добычи брутто — против 8% в 1913 г. и 16% в 1923/24 г.). Число рабочих и забойщиков, возросшее с момента окончательного перехода Донецкого бассейна в руки Советской власти к 1/IV 1921 г. со 100 000 до 136 000, к 1/VIII 1921 г. сокращается до 107 000, при чем особенно резко падает число забойщиков (с 16 000 до 10 639, т.-е. до 10% общего состава всех рабочих против 20 — 22% нормального довоенного состава).[2] Причинами бегства рабочих являлись тяжелое продовольственное положение Донецкого бассейна и уравнительная оплата труда, не дававшая никаких стимулов к повышению производительности. Катастрофическое падение добычи повлекло за собой посещение Донецкого бассейна полномочной комиссией СТО во главе с начальником ГУТ'а И. Г. Смилга и представителем Госплана проф. Л. К. Рамзиным. Комиссия установила жесткий план концентрации Донецкой угольной промышленности, санкционированный вслед за тем СТО (9/X 1921 г.) и опиравшийся на данные специального обследования Донецкого бассейна комис-

(Собр. Узак. № 109 — 110, ст. 1039). В составе Цугпрома ВСНХ СССР был образован директорат горной промышленности, в составе ГЭУ ВСНХ СССР — Горный отдел и Отдел топлива, между которыми и были распределены функции ГУГП. В составе ВСНХ РСФСР был образован самостоятельный Горный отдел (утв. 7/I 1923 г.).

[1] «Русская промышленность в 1922 г.», стр. 1; «Топливоснабжение России», стр. 91 — 98; проф. П. И. Фомин, «Каменноугольная и антрацитовая промышленность Донецкого бассейна (в ее современном состоянии)», Х. 1925, стр. 9 и 97.

[2] «Русская промышленность в 1921 г.», стр. 99.

сией проф. Бокия в 1920 г.[1] Из 1604 шахт, зарегистрированных названной комиссией, в эксплуатации находилось: в середине 1920 г. — 981 шахта, 1/I 1921 г. — 920, 1/VII 1921 г. — 687, 1/X 1921 г. — 471. Комиссия СТО оставила в руках УГКП Донецкого бассейна, являющегося предшественником современного «Донугля», лишь 360 шахт, из коих было назначено в эксплуатацию 288.[2] При дальнейшей концентрации число работающих шахт сократилось до 202 на 1/X 1922 г., до 179 на 1/X 1923 г. и до 162 — на 1/X 1924 г. Нагрузка функционировавших в 1923/24 г. шахт достигала 70% довоенной. В целях повышения нагрузки наиболее подготовленных шахт и снижения себестоимости «Донуголь» возбудил в начале 1924/25 хоз. года вопрос о дальнейшей концентрации добычи — с остановкой работ на 31 крупной шахте. Этот проект являлся отзвуком кризиса сбыта Донецкого топлива, который с особенной силой проявился в течение III и IV кварталов 1923/24 хоз. года. 1924/25 хоз. год прошел, однако, под знаком все возраставшего спроса на минеральное топливо, а производственный план «Донугля» на 1925/26 хоз. год рассчитан уже не на дальнейшее сокращение числа действующих шахт, а на восстановление работ на 39 консервированных шахтах и на сооружение 45 новых шахт.[3]

Все находящиеся в непосредственном ведении «Донугля» шахты были разбиты на 32 рудоуправления.[4] С октября 1923 г. рудо-

---

[1] Комиссия проф. Бокия провела свою работу в спешном порядке — в течение одного месяца. Более тщательное обследование было произведено комиссией инж. Данчича, работавшей с 1920 по 1922 г. и предложившей план концентрации добычи донецкого топлива на 246 шахтах (П. И Фомин, цит. соч., стр. 35 и 147).

[2] Одновременно с концентрацией добычи была введена новая система оплаты труда, допускавшая возможность сдельных работ. В результате той и другой меры добыча Донецкого бассейна за сентябрь — декабрь 1921 г. составила 151 милл. пуд (брутто) — против предположенных комиссией И. Т. Смилга и проф. Л. К. Рамзина 90 милл. пуд.

[3] Проф. Л. К. Рамзин, «Концентрация углепромышленности в Донбассе», «Труды Госплана», 1922 г., кн. I, стр. 48 и 52; «Русская промышленность в 1922 г.», стр. 2, 10 и 12; «Промышленность СССР в 1924 г.», стр. 4; ср. «Экон. Обозр.», 1924 г., № 23 — 24, стр. 45; см. также доклады горного директората Цугпрома ВСНХ правлению Цугпрома ВСНХ от 17/XI 1924 г. и от 30/XI 1925 г. («Торг.-Пром. Газ.», 2/XII 1925 г.).

[4] Установленное в 1920 г. деление Донецкого бассейна на 16 районов было изменено еще в 1921 г., когда бассейн был разбит на 9 районов, включавших в свой состав 58 кустов. В том же году часть «кустов» была заменена рудоуправлениями. Вслед за тем была произведена новая реорганизация, и к концу 1921/22 хоз. г. осталось 4 районных управления, 1 кустовое и 14 рудоуправлений. В 1922/23 хоз. г. районные и кустовые управления были уничтожены, и весь район к концу года был разбит на 32 рудоуправления: 22 угольных и 10 антрацитовых. («Русская промышленность в 1923 г.», стр. 2 — 3; Ф. И. Пленкин, «Каменноугольная промышленность» — в сб. «Народное хозяйство СССР за 1922/23 г.», изд. «Экон. Жизни». М. 1924 г., стр. 212; «Доклад ЦПКП о каменноугольной промышленности

управления были переведены на «хоз. расчет»—на основании Положения о рудоуправлениях, утв. 4/IX 1923 г. начальником ГУГП. Ныне действующее Положение о рудоуправлениях, утв. 6/XI 1924 г. горным директоратом ЦУГПРОМ'а ВСНХ СССР, определяет взаимоотношения рудоуправлений и возглавляющих их «рудоуправляющих» с «Донуглем» и правлением последнего, в общем и целом, на тех же основаниях,[3] на которых утв. 13/V 1924 г. ВСНХ СССР Положение об управлении заведениями, входящими в состав трестов, определяет административно-хозяйственное положение отдельных производственных единиц — «заведений» (фабрик, заводов, рудников и т. п.) в составе треста вообще.[1] Как то, так и другое Положения предусматривают дачу правлением треста отдельным заведениям (рудоуправлениям) «заказов—заданий»: 1) с указанием количества и качества фабриката, срока и цены, 2) с передачей заведению необходимых для производства материалов по калькуляционной цене треста и 3) с приемом продукции по себестоимости заведения. Ближайший круг полномочий директора заведения («рудоуправляющего») определяется доверенностью, выдаваемой ему правлением треста и устанавливающей, в частности, те пределы, в коих он в праве принимать заказы и реализовать продукцию заведения без предварительного разрешения правления треста (соответствующая типовая доверенность объявлена приказом ВСНХ СССР от 7/V 1924 г., № 331). Дача отдельному заведению «заказов—заданий» и выдача его директору специальной доверенности отнюдь не превращают, однако, взаимоотношений заводоуправления и правления треста в «договорные» отношения двух самостоятельных контрагентов. И «заказы—задания», и «доверенность» директору заведения представляют собой заимствование лишь чисто внешней формы соответствующих гражданско-правовых институтов, но не самих институтов, как таковых. По существу же они являются административно-правовыми актами одного гос. органа — правления треста — в отношении другого, подчиненного ему органа—заводоуправления (рудоуправления).[2] Равным образом, трест остается «единым предприятием» — в смысле ст. 3 декрета 10/IV 1923 г.—даже тогда, когда отдельные его заведения переводятся на так. наз. «внутренний» хоз. расчет, как это было сделано, напр., «Донуглем» по отношению к Краматорскому заводу—до окончательного его выделения

Донецкого бассейна за первое полугодие 1921 г.», изд. ЦПКП Донецкого бассейна, стр. 121—122). П. И. Фомин относит окончательное образование 32 рудоуправлений к несколько более позднему периоду: к концу II квартала 1923/24 г. (цит. соч., стр. 87).

[1] См. П. И. Фомин, цит. соч., стр. 87—91.

[2] См. наш «Обзор промышленного и торгового законодательства» в «Хоз.-С.-З. края», 1924 г., № 3, стр. 143—145

из состава «Донугля» (см. ниже). И в этом случае принятые переведенным на «внутренний» хоз. расчет заводом заказы принимаются им юридически от имени треста, равно как трест (а не завод, лишенный юридической самостоятельности) остается ответственным по всем принятым заводом заказам перед третьими лицами.[1]

Мелкие шахты были сданы в аренду государственным учреждениям (Донецкому СНХ, «Бахсольтресту», ГПУ и др.) и частным лицам и организациям, объединенным, по инициативе «Донугля», в паевое товарищество «Птууголь» и так наз. «Аркампром». В общей сложности в аренде находилось в 1922/23 г. 270 шахт. С июля 1924 г. «Птууголь» и «Аркампром» были, однако, ликвидированы, и из арендованных ими более мощных шахт было организовано особое (33-е) рудоуправление — «Рудмелшахт», остальные же частью вошли в состав других рудоуправлений, частью были ликвидированы. С июля 1924 г. «Донуглем» были влиты в свой состав и шахты, арендованные ГПУ.[2]

Постановлением СТО от 18/IV 1923 г. ряд шахт был передан в эксплуатацию НКПС — с тем, чтобы добываемый ими уголь или антрацит употреблялся исключительно для прямых надобностей НКПС и поступал в продажу не иначе, как с ведома и согласия ГУТ'а (Собр. Узак. № 32, ст. 357). Для эксплуатации их НКПС'ом было образовано общество «Транспорткопи».

Об удельном весе входящих в состав комбинатов «Югостали» и «Химугля» шахт в углепромышленности Донецкого бассейна можно судить по следующим данным о добыче угля. В отмеченный выше катастрофический момент в истории Донецкого бассейна — в июле 1921 г., когда весь Донецкий бассейн дал 9,1 милл. пуд. (брутто) при самопотреблении копей в 8,7 м. п., лишь копи «Югостали» дали 2,2 м. п. (брутто) — при самопотреблении в 1,6 м. п. В 1921/22 г. на долю «Югостали» и «Химугля» приходилось 17% всей добычи Донецкого бассейна. Из 742,6 м. п., добытых в 1923/24 г., на долю указанных комбинатов приходилось 125 м. п., т.-е. те же 17%, в том числе на долю «Югостали» — 98 м. п. и «Химугля» — 27 м. п.[3]

---

[1] Исключительно внутренними взаимоотношениями ограничивается и самостоятельность, предоставленная отдельным заводам правлением «Гомзы». За «предоставление большей свободы отдельным заводам», которые должны иметь «свое лицо» в составе треста — в особенности, когда ими являются «такие колоссальные заводы, как Сормовский, Коломенский, Брянский, Днепровский», высказался Ф. Э. Дзержинский на V Всесоюзной конференции Союза металлистов 21/XI 1924 г. («Очередные задачи промышленной политики», изд. ВСНХ, 1925 г., стр. 58).

[2] «Русская промышленность в 1923 г.», стр. 3—5; «Промышленность СССР в 1924 г.», стр. 4.

[3] «Русская промышленность в 1921 г.», стр. 56; «Промышленность СССР в 1924 г.», стр. 16.

Из изменений, происшедших в организации каменноугольной промышленности других бассейнов, отметим передачу в декабре 1922 г. американской рабочей организации («Американская индустриальная колония Кузнецкого бассейна» — АИК) Кемеровских рудников в Кузнецком бассейне.[1] Присоединенный еще в 1920 г. к Кузнецкому бассейну Гурьевский металлургический завод был сохранен в составе треста и передан вслед за тем АИК. Равным образом, и в состав «Допугля» был включен в 1922 г. Краматорский машиностроительный и металлургический завод. Постановлением «Донугля» от 16/XII 1924 г., № 37, он был выделен «в самостоятельную единицу со всеми техническими, коммерческими, финансовыми и административно-хозяйственными правами» — с сохранением, однако, его в составе «Донугля». Управление завода, действующее на основании особого Положения о нем, предложило «со всеми деловыми операциями обращаться только в вышеозначенное управление». Весною 1925 г. названное управление было вновь преобразовано в Генеральное представительство Краматорского машиностроительного и металлургического заводов «Донугля» — с сохранением предоставленной ему в декабре 1924 г. организационной самостоятельности.[2] С 1 октября 1925 г. Краматорский завод был окончательно выделен из состава «Донугля» и превращен в самостоятельный трест общесоюзного характера с непосредственным подчинением его Главметаллу (ср. приказ ВСНХ СССР от 24/VIII 1925 г., № 1145).[2]

Подобно Донецкому бассейну, и в других районах (в особенности, в Подмосковном) за истекшие годы было произведено новое сокращение числа действующих шахт, доведенное, повидимому, до предела, за которым дальнейшее повышение производительности уже не могло достигаться за счет концентрации ныне работающих шахт.[3]

В области железорудной промышленности в 1921 — 1924 гг. происходил аналогичный процесс концентрации и комбинирования. В конце 1921 г. большая часть железных рудников находилась в ведении районных рудных управлений («райруды»), непосредственно подчиненных Секции руд и минералов ГУГП ВСНХ. Из ведения Секции были изъяты лишь комбинированные

---

[1] «Русская промышленность в 1923 г.», стр. 5. С 1 января 1925 г. в составе «Кузбасстреста» были оставлены лишь Анжеро-Судженские копи, все же остальные были переданы АИК. Кроме этой концессии, лишенной специфически-концессионного (капиталистического) характера,—АИК получает даже ссуды от государства, часть копей Кузнецкого бассейна и Егоршинского бассейна на Урале предоставляется компании «Лена — Гольдфильдс», согласно концессионному договору с нею от 14/XI 1925 г., а часть Сахалинских месторождений — японскому угольному концерну. («Торг.-Пром. Газ.», 3/III, 12/IV и 15/XII 1925); «Изв. ЦИК», 15/XI 1925.

[2] «Торг. Пром. Газ», 1925; №№ 9 и 105 и 255.

[3] Ср. проф. Терпигорев, «Работа каменноугольных бассейнов общесоюзного значения», «Экон. Обозр.», 1924 г, № 23 — 24, стр. 45 — 46.

с металлургическими заводами рудники Северо-Вятского, Приокского и Мальцевского округов, окончательно закрепленные за названными комбинатами в декабре 1921 г. В 1922 г. комбинирование железной руды с металлургическими заводами получило дальнейшее расширение. Рудники Екатеринбургского района вошли в состав объединения государственных горно-металлургических и металлообрабатывающих заводов Екатеринбургского района («Гормет»), рудники Высокогорского района — в состав Средне-Уральского горнозаводского треста, рудники Тульско-Калужского района — в состав «Гозачуглава». В результате вся железорудная промышленность Урала и Центра вошла в состав металлургических комбинатов, подведомственных Главметаллу ВСНХ. Напротив, Криворожские железные рудники, вместе с присоединенными к ним буроугольными копями и Никопольскими марганцевыми рудниками, образовали летом 1922 г. самостоятельный Южнорудный трест («Юрт»),[1] снабжающий железной рудой заводы «Югостали» (72% в 1923/24 г.) и Краматорский завод «Донугля» (25% в 1923/24 г.).[2] С июля 1924 г. начался, однако, обратный процесс. На Урале было образовано чисто железорудное предприятие (Уральский железорудный трест) — путем выделения из состава Средне-Уральского металлургического треста рудников горы Высокой, горы Благодать и Лебяжинского. Задачей вновь образованного треста является снабжение рудой заводов Тагильского округа, Пермского треста и отчасти Надеждинского завода, которые до того принуждены были получать руду из других комбинатов.[3] В марте 1925 г. президиум ВСНХ постановил выделить из состава Южно-Уральского треста в самостоятельный трест Бакальские рудники — в виду того, что Южно-Уральский трест поглощает не более 40 — 50% добываемой в них руды.[4]

Из всех входивших в состав «Юрта» 49 рудников в 1922/23 г. 3 — находилось в эксплуатации, 14 — с сохранившимся оборудованием и более мощных — были консервированы, с отнесением расходов по их технической охране на средства государства, и 32 — назначены к ликвидации. В 1923/24 г. часть консервированных рудников была пущена в работу, и число работающих рудников увеличилось до 6. Были пущены в ход новые рудники и на Урале. Напротив, в Центральном районе число работающих рудников сократилось почти вдвое (с 15 до 8). Рудники Липец-

[1] «Юрт» явился преемником Центрального правления южнорудной промышленности (ЦПЮРП), учрежденного после окончательного занятия Криворожского и Никопольского районов Советской властью.

[2] «Русская промышленность в 1922 г.», стр. 92 — 94; «Промышленность СССР в 1924 г.», стр. 134—135; Ф. Бублейников, «Железорудная промышленность СССР», М. 1925, стр. 20 — 21.

[3] «Промышленность СССР в 1924 г.», стр. 133; «Экон. Обозр.», 1924 г., № 15, стр. 71.

[4] «Торг.-Пром. Газ.», 18/III 1925 г.

кого района, в виду устарелости их оборудования и невозможности их эксплуатации в течение ближайших 5 — 10 лет, были ликвидированы.[1]

Марганцевые рудники Никопольского района, как указано выше, вошли в состав «Юрта». Как в 1922/23 г., так и в 1923/24 г. добыча руды велась на одном руднике. На Урале в 1922/23 г. действовало 2 рудника, в 1923/24 г. — 3 рудника, входивших в состав металлургических комбинатов. В Чиатурском районе, согласно декрета СНК Грузии от 20/VII 1922 г., прежним кустарям-марганцепромышленникам были сданы в большом числе в аренду их прежние рудники. Государственная разработка марганцевых рудников началась лишь с августа 1923 г. В 1922/23 г. в Чиатурском районе действовало 25 рудников (по другим данным — 41), в 1923/24 г. — 24 рудника. Вся марганцепромышленность была сосредоточена в ведении особого марганцевого управления, непосредственно подчиненного СНК Грузии. В 1925 г. главные марганцевые месторождения Чиатурского района были сданы в концессию американской кампании Гарримана. Наряду с отмеченной выше концессией «Лена-Гольдфильс» названная концессия является наиболее значительной в области горной промышленности.[2]

В металлургической промышленности, как мы уже имели возможность показать при изложении организационных процессов угольной и железорудной промышленности, преобладающее значение принадлежит комбинатам. Крупнейшим из них является неоднократно упоминавшийся трест «Югосталь», образованный в октябре 1921 г. и включивший в свой состав Юзовский, Макеевский и Петровский заводы с 14 доменными печами, вместе с присоединенными к ним еще в 1920 г. угольными копями и коксовальными печами. «Югосталь» находится в непосредственном ведении Главметалла ВСНХ. На ее заводах и копях было занято на 1/X 1923 г. 56,3 тыс. рабочих. Все остальные металлургические и металлообрабатывающие заводы Юга, входившие ранее в состав Главка ЦПТИ,[3] были объединены в Главное управление металлопромышленности Украины («Главметукр»). Большинство заводов «Главметукра» находились в полуконсервации — работали слабо и не всеми цехами. Один из них (Краматорский) был позднее передан «Донуглю». К началу 1922/23 хоз. года, в целях концентрации производства, была

[1] «Русская промышленность в 1923 г.», стр. 109—111; «Промышленность СССР в 1924 г.», стр. 132; «Экон. Обозр.», 1924 г., № 12, стр. 44—46 и № 23 — 24, стр. 216.

[2] «Русская промышленность в 1923 г.», стр. 112; «Промышленность СССР в 1924 г.», стр. 136—137; «Экон. Обозр.», 1924 г., № 15, стр. 70—71, № 21, стр. 36; № 23—24, стр. 216.

[3] ЦПТИ было расформировано одновременно с образованием «Югостали» («Металлургические заводы Юга России» 1923 г., стр. 433).

произведена новая перегруппировка южных заводов. «Главметукр» был ликвидирован, вся металлургия[1] была объединена в руках «Югостали», а из механических и машиностроительных заводов был образован Южный машиностроительный трест — в составе 5 работающих и 5 консервированных заводов. Из общей продукции южных заводов на долю «Югостали» в 1923/24 г. приходилось 99,8% всего украинского чугуна, 83,2% литого металла и 83,4% прокатного продукта.[2]

В отличие от «Югостали», получающей железную руду от «Юрта», уральские тресты получили при своем образовании собственные железные рудники. В менее благоприятных условиях, по сравнению с другими трестами, оказался лишь Пермский трест, которому пришлось, в дополнение к своим рудам, получать руду от Средне-Уральского треста — с гор Благодать и Высокой (Пермский трест, однако, богаче лесом). Комбинирование заводов с рудниками повело к тому, что руды стали лучше очищаться от пустых пород и добываться из более богатых, хотя и менее удобных месторождений, вследствие чего выход чугуна из руды повысился с 40—45% до 50—55%. Неравномерная обеспеченность отдельных металлургических трестов железными рудниками побудила, однако, ВСНХ, как мы уже отмечали, к выделению из Средне-Уральского и Южно-Уральского трестов принадлежавших им рудников в самостоятельные железорудные тресты.

Собственными лесными дачами обладают все уральские тресты; некоторые имеют, кроме того, и торфоразработки. Угольные копи, напротив, получил лишь Богословский комбинат.

Число действующих заводов с 55 в начале 1922/23 г. сократилось до 47 к началу 1924/25 г. Препятствиями к дальнейшей концентрации являются: 1) тромадная территория Урала, 2) работа на древесном топливе, разбросанном на обширном пространстве, 3) использование водяной силы (почти все заводы Урала расположены у плотины и используют водяную силу вполне), и 4) связанность уральских рабочих с их покосами, пашнями и домами. Те же факторы побудили ВСНХ пойти в 1924 г. на раздробление большинства уральских трестов. Средне-Уральский трест был разбит на три треста: Нижне-Тагильский, Алапаевский (с собственными железными рудниками) и Гороблагодатский; из Пермского треста выделена в особый

[1] За исключением только-что названного Краматорского завода, переданного «Донуглю», и Луганского, оставленного в составе «Южмаштреста».

[2] «Русская промышленность в 1921 г.», стр. XXVI и 38; «Русская промышленность в 1922 г.», стр. 121; «Русская промышленность в 1923 г.», стр. 171; «Промышленность Украины (итоги 1921/22г. и промплан на 1921/23 г.»), изд. Укр. СНХ, 1923 г., стр. 99 и 125—126, проф. К. Воблый, «Металлургическая промышленность Украины», «Экон. Обозр.», 1924г, № 13, стр. 158.

трест группа прикамских заводов («Прикамский металлургический округ») и в самостоятельную хозяйственную единицу—Павловский косный завод, из Южно-Уральского треста—заводы Симского горного округа (Аша-Балашовский, Миньярский и Симский), из Свердловского треста («Гормет») — Артинский косный завод. Этот процесс происходил в значительной мере под давлением Уральского ОблСНХ и сопровождался передачей в его ведение почти всех вновь образованных трестов.[1]

Металлургия Центра разбита между трестами: 1) «Гомзой» (Выксунский, Кулебакский и Ташинский заводы и металлургические цеха Сормовского и Брянского заводов), 2) Мальцевским горным округом, включающим в свой состав не только металлургические и механические заводы, но и стекольные, фарфоровые и цементные — с рудниками, угольными копями и железной дорогой, общим протяжением в 300 верст, которая, при неполной нагрузке заводов округа, ложится тяжелым бременем на стоимость товаров, 3) «Гозачугплавом», 4) «Электросталью», 5) Нижегородской «Красной Этной» и 6) Московским машиностроительным трестом, к которому присоединен металлический завод «Серп и Молот» (б. Гужона), готовящий железо и сталь для заводов треста и тесно связанный с ними экономически. Равным образом, и в Ленинграде Путиловский завод с его металлургическими цехами вошел в состав Машиностроительного треста, Невский судостроительный—в состав Ленинградского судотреста. Напротив, Ижорский завод (в Колпино Ленинградской губ.) был выделен в автономно-действующее предприятие. В качестве автономно-действующего предприятия работает и завод «Красный Октябрь» в Сталинграде (б. Царицынский «Дюмо»).[2]

В предшествующем изложении мы останавливались исключительно на организации производства. Центр тяжести новой экономической политики лежал, однако, не только и даже не столько в правильном построении производственно-технической организации гос. предприятий, сколько в рациональной организации сбыта их продукции. Между тем, в момент стихийного перехода от производства «на склад» (для распределения

[1] «Русская промышленность в 1922 г.», стр. 119—120; «Русская промышленность в 1923 г.», стр. 174; «Промышленность СССР в 1924 г.», стр. LXII; «Обзор хозяйства Урала за 1923/24 г.» Свердловск, 1925, стр. 204—206.

[2] «Русская промышленность в 1922 г.», стр. 121—122; «Экон. Обозр.», 1924 г., №№ 17—18, стр. 63—64. Общий список предприятий, подведомственных Главметаллу, приложен к приказу ВСНХ СССР от 20/II 1925 г., № 473. Ср. перечень действующих металлургических заводов и трестов в «Металлопромышленности СССР (итоги 1924/25 г. и перспективы 1925/26 г.)». под ред. В. И. Межлаука, изд. Главметалла, 1925, стр. 112—117, и у А. С. Чернова, «Металлопромышленность СССР», М. 1925, стр. 5—40. Более ранние сведения даны в «Списке трестов и промышленных объединений», изд. ВСНХ и Сев.-Зап. Промбюро, 1923 г. стр. 13—29.

*

«по ордерам» и «нарядам») к производству на рынок, тресты оказались лишенными всякого планового руководства как со стороны ВСНХ, так, по существу, и со стороны Главков, несмотря на свое формальное подчинение последним. В погоне за оборотными средствами легкая индустрия проявила себя в этот переломный период (конец 1921 г. — начало 1922 г.) массовым «разбазариванием» оказавшейся в ее распоряжении и унаследованной от старого производства без калькуляции и какого-либо учета издержек продукции. Реакцией против этого «разбазаривания» и сопровождавших его уродливых форм конкуренции между предприятиями единого «хозяина» — государства — явились синдикаты, прежде всего возникшие в легкой индустрии (первым был Всероссийский Текстильный синдикат, учр. 1/II 1922 г.). Для тяжелой промышленности проблема сбыта осложнялась тем, что главным потребителем ее изделий являлось само государство и притом в лице учреждений и предприятий, остававшихся еще на государственном бюджете. Особенно неблагоприятно отразилось это на топливной промышленности, отпускавшей свою продукцию государственным потребителям бесплатно, в порядке планового снабжения, вплоть до указанного выше декрета СНК от 23/III 1922 г. Первой попыткой перевода ее на новые начала явилось образование (16/I 1922 г.) в составе ГУТ'а торгового управления твердого минерального топлива («Торгуголь») — для реализации на вольном рынке 5-процентных отчислений из валовой добычи угля в целях увеличения оборотных средств. До декрета 21/III 1922 г. эта торговля была крайне незначительна. За январь-апрель 1922 г. «Торгуголь» продал всего лишь 9,5 м. п. угля.[1]

Декрет 23/III 1922 г., сняв топливную и, в частности, угольную промышленность с гос. снабжения и введя оплату его для всех потребностей, сохранил, однако, плановый отпуск топлива гос. потребителям — в количествах и по ценам, утверждаемым СТО. Лишь остававшееся за вычетом планового отпуска топливо могло быть реализовано на рынке, на условиях свободного соглашения с покупателями (Собр. Узак. № 25, ст. 291).

Начавшаяся с переводом углепромышленности на хозяйственный расчет самостоятельная реализация угля вызвала конкуренцию между отдельными бассейнами и погоню за рынками сбыта. Это неблагоприятно отразилось на реализации угля менее мощных бассейнов, оказавшихся не в состоянии конкурировать с Донецким бассейном. В виду создавшегося тяжелого положения на угольном рынке, 20/VI 1922 г. по соглашению ГУТ'а, «Торгугля»

[1] «Емкость рынка русской промышленности» (Труды Комиссии экономических исследований ВСНХ), М. 1924 г., вып. 2-й, ст. Ф. И. Пленкина, «Рынок каменноугольной промышленности», стр. 14—15.

и ЦПКП отдельных бассейнов был образован Всероссийский синдикат для реализации твердого минерального топлива государственных каменноугольных предприятий ГУТ'а («ВУС»). Синдикату была предоставлена монополия на продажу угля, антрацита и кокса гос. копей Донецкого, Подмосковного, Челябинского, Кизеловского, Кузнецкого и Черемховского бассейнов (комбинаты «Химуголь», «Югосталь» и Богословский горный округ остались вне синдиката). На него же было возложено проведение в жизнь планового снабжения твердым минеральным топливом гос. потребителей. Сбыт угля производился через местные конторы, отделения и агентства синдиката в крупнейших потребительских центрах. Украинская, Уральская и Сибирская конторы вели расчеты с потребителями и производственными органами непосредственно, остальные конторы и отделения — через правление синдиката. Паевого капитала синдикат не имел. Его оборотный капитал составлялся из 5% отчислений от получаемых при реализации угля сумм. Как «Торгуголь», так и синдикат переживали «перманентные» финансовые затруднения, главным образом, потому, что основные потребители угля — НКПС и металлопромышленность—систематически задерживали платежи.

На общем собрании уполномоченных синдиката голоса распределялись пропорционально фактической добыче нетто за определенный период календарного года, что должно было обеспечить преобладающую роль Донецкому бассейну. Из 7 членов правления — 2 (в том числе председатель) назначались ГУТ'ом, 2 — Донецким бассейном и по одному — Уралом, Кузнецким и Черемховским бассейнами.

Угольный синдикат просуществовал недолго и вызвал резкие нападки как со стороны объединяемых им трестов, так и со стороны потребителей угля. Так, например, «Москвуголь» обвинял синдикат в отсутствии руководящей идеи в организации сбыта, в слабой защите интересов производителей угля и т. д. и считал его «плохой, тягостной и никому ненужной комиссионной конторой». НКПС ставил синдикату в вину то, что, составляя наряды на вывоз топлива, синдикат не придерживался строго государственной точки зрения и усиленно снабжал, по мнению НКПС, более платежеспособных внеплановых потребителей, получавших топливо по вольным ценам.[1] В результате синдикат 15/IV 1923 г. был упразднен,[2] и право реализации угля было передано уголь-

[1] Напротив, по мнению Ф. И. Пленкина, синдикат выполнял свои функции «при создавшихся объективных условиях не хуже многих и по сие время существующих синдикатов» (цит. ст., стр. 16).

[2] При упразднении синдиката, повидимому, предполагалось создать взамен него Конвенцию (картель) в целях районирования сбыта («Хозяйство Донбасса», 1923 г., стр. 26, 102—103). Эта идея не получила, однако, ни конкретного оформления, ни тем более осуществления.

ным трестам, с образованием при них торговых органов.[1] В соответствии с этим «Донуголь» развернул широкую сеть собственных и комиссионных складов,[2] доведя ее к концу 1924 г. до 300 (в том числе 72 собственных, 148 кооперативных и др.). В январе 1924 г. «Донуголь» заключил с Промбанком соглашение о продаже угля, антрацита и кокса на всей территории СССР через Промбанк и его отделения, что облегчило продвижение донецкого угля в такие районы, в которых ранее он не находил сбыта (напр., в Ленинград). Товаро-комиссионные операции Промбанка с углем за 1923/24 г. превысили 100 милл. пудов. На ряду с тем «Донуголь» передал «Москвуглю» генеральное представительство по продаже донецкого угля на территории Подмосковного бассейна — в губерниях Рязанской, Тульской, Калужской и Московской, кроме Москвы (это последнее соглашение, впрочем, действовало недолго).[3]

Отпуск угля плановым потребителям, по прежнему, составлял самое «больное место» в коммерческой деятельности угольных трестов — в виду назначения твердых цен, не отвечавших себестоимости угля.

С 1922/23 г. плановые потребители были разделены на две категории: 1) получающие топливо по твердым ценам (НКПС, военно-морское ведомство, военная промышленность, важнейшие электрические станции — по особому списку, утвержденному СТО), и 2) получающие в плановом же порядке, но во вторую очередь и по коммерческим ценам. На 1924/25 г. твердые цены были сохранены лишь для нефти и донецкого угля и отменены для угля остальных районов. По отношению же к 1925/26 г. Госплан СССР постановил вообще отменить систему двух цен — плановых и коммерческих — и ввести единую среднюю цену для каждого из основных видов топлива (постановление президиума Госплана СССР от 6/X 1925 г.).[4]

[1] История угольного синдиката полнее всего освещена Ф. И. Пленкиным (цит. ст., стр. 14—16); см. также «Русская промышленность в 1922 г.», стр. 34—35, и «Организационные вопросы промышленности», изд. Совещания представителей промышленности и торговли, М. 1922 г., стр. 55.

[2] Реализация донецкого топлива с 1/V 1923 г. была возложена на торговый отдел «Донугля» («Экон. Жизнь», 1923 г., № 105). Кроме того, для реализации продукции «Донугля» в сентябре 1923 г. был организован так наз. «Донснабторг» при Донецком Губэкосо. На него же было возложено снабжение «Донугля» необходимыми материалами. По утверждению П. И. Фомина, «Донбасторг» лишь юридически являлся независимым органом, фактически же был «слитой с Донуглем организацией по заготовке, снабжению и сбыту» (цит. соч., стр. 87—89 и 115).

[3] Отчет о деятельности Торгово-Промышленного Банка СССР за второй (1923/24) опер. год., М. 1925, стр. 80—81; «Торг.-Пром. Газ.», 10/I 1924 г.; «Экон. Жизнь», 28/III и 16/XII 1924 г.

[4] Русская промышленность в 1923 г., стр. 140; «Промышленность СССР в 1924 г.», стр. 26; «Торг.-Пром. Газ.», 1925 г., № 57; «Фин. Газ.», 1925 г., № 229.

Типовой договор на поставку донецкого угля для железных дорог утверждается Комитетом государственных заказов. Тем же Комитетом регулируются и расчеты между НКПС и «Донуглем».[1]

Плановый отпуск топлива, обязательный для топливных трестов, не являлся, однако, формально обязательным для потребителя. Последний был в праве отказаться от назначенного ему по плану количества угля, если находил для себя более выгодным приобрести какое-либо другое топливо. Юридической обязательности приобретения угля не было введено и в период кризиса сбыта угля (1924 г.), когда в целях расширения сбыта донецкого угля были образованы центральный и местный комитеты содействия Донецкому бассейну.[2] Расширение сбыта донецкого угля в этот период осуществлялось, однако, при помощи довольно «жесткого» административно-регулятивного воздействия на государственные учреждения и предприятия.

Если в угольной промышленности организация сбыта сравнительно проста, то в металлопромышленности — в соответствии с исключительным разнообразием ее продукции и более сложной структурой самих трестов — мы встречаемся с очень сложной и разветвленной системой синдикатских организаций и конвенционных соглашений. Синдицированию подвергается, прежде всего, уральская промышленность. Летом 1922 г.[3] организуется синдикат «Уралмет» с участием всех пяти уральских металлургических трестов: Южно-Уральского, «Гормета», Пермского, Средне-Уральского и Богословского (ныне Надеждинского комбината). К началу 1925/26 г. число членов синдиката возросло до 14—впрочем, не столько за счет притока новых членов, сколько за счет раздробления отдельных трестов или выделения из их состава самостоятельно действующих предприятий. Функции синдиката определяются уставом чрезвычайно широко. Устав возлагает на него: 1) назначение минимальных продажных цен, обязательных для членов синдикатов; 2) распределение между членами поступающих в синдикат заказов и сбыт их продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынке; 3) заготовку и закупку основного сырья и топлива, а также вспомогательных и технических материалов, по поручению отдельных членов синдиката или по договорному соглашению с группой членов; 4) объединение финансовой деятельности членов синдиката, и 5) выработку общих технических условий производства синдицированных продуктов и т. п.

---

[1] «Торг.-Пром. Газ.», 1/II 1925 г.

[2] Комитеты были образованы декретом ЦИК и СНК СССР от 21/III 1924 г. и упразднены декретом 26/IX 1924 г. (Собр. Узак. № 45, ст. 427; Собр Зак. № 14, ст. 139).

[3] Устав Уралмета был утвержден, однако, президиумом ВСНХ лишь 27/I 1923 г. (Собр. Узак., отд. II, № 5, стр. 26).

Первоначально члены синдиката поручают ему реализацию лишь 50% своей продукции.[1] Но уже с 1/X 1922 г. в руках синдиката сосредоточивается сбыт 90% продукции объединяемых им трестов, увеличившийся в начале 1924/25 г. до 95% и в начале 1925/26 г. до 100%. Утв. 27/I 1923 г. устав синдиката обязывает поэтому членов синдиката передавать последнему «для реализации всю продукцию—за исключением той части, которая может быть реализована самим членом синдиката для удовлетворения потребности местного рынка» (§ 17). Изделиями несиндицированного производства «Уралмет» совершенно не торгует.

Вначале правление синдиката организует сбыт металлоизделий чрез представительства, работающие на комиссионных началах — в виду недостаточности оборотных средств и неналаженности собственного аппарата синдиката. Но с переездом правления синдиката в Москву (в феврале 1923 г.), синдикат реорганизует ряд представительств в собственные конторы, с переводом их на твердый бюджет. Ряд прежних представительств ликвидируется — с передачей их функций губторгам или губсоюзам.

К началу 1923/24 г. коммерческий аппарат синдиката состоял из правления в Москве, 12 контор, 11 представительств в СССР и 1 — в Берлине и 7 розничных магазинов. В начале 1924/25 г. «Уралмет» имел уже 15 контор (в начале 1925/26 г. число контор «Уралмета» сократилось, впрочем, до 13). В 1924/25 г. синдикат имел 885 постоянных клиентов, из коих $^1/_5$ приходилась на правление и $^4/_5$ — на конторы; главная доля продукции (56%) была реализована, однако, через правление, так как средний размер сделок правления был значительно выше среднего размера сделок контор (230 000 руб. против 77 000 руб.) Обороты синдиката с 16,2 милл. руб. в 1922/23 г. увеличились до 57,8 милл. руб. в 1923/24 г. и до 94 милл. руб. в 1924/25 г.

Продукция трестов реализовалась исключительно на комиссионных началах — с постепенным понижением взимаемого с трестов комиссионного вознаграждения с 8% до $1^1/_2$—2%. Расчеты с трестами за реализуемую по их поручению продукцию производились синдикатом как наличными деньгами, так и заготовленными для них товарами. В виду оторванности уральских заводов от мест заготовки, синдикат вел широкие заготовительные операции по рабочему и техническому снабжению — с комиссионным вознаграждением от $^1/_4$ до 2%.

---

[1] Вопрос о проценте продукции, передаваемой синдикату для реализации, вызвал большие разногласия при образовании синдиката. После долгих споров тресты остановились на формуле: «не менее 50%». ВСНХ же, доверяя вновь образуемому синдикату еще менее, чем тресты, внес в первоначальный проект устава поправку: «не более 50%» (А. В. Озерский, «Три года работы Уралмета» — «Торг.-Пром. Газ.», 30/VIII 1925 г.).

При своем образовании «Уралмет» не получил никаких фондов от ВСНХ, и его паевой капитал был образован исключительно из членских взносов трестов. Фиксированный в уставе в сумме 6 милл. руб., он был оплачен на 1/X 1923 г. лишь в размере 1,4 милл. руб., но к началу 1925/26 г. был покрыт уже полностью. Кроме паевого капитала, «Уралмет» мог воспользоваться для своих операций ссудами, отпускаемыми ему НКФ для финансирования трестов.

В 1923 г. общая сумма ссуд НКФ составила 13 милл. руб., при чем задолженность синдиката трестам по этим ссудам на 1/X 1923 г. равнялась 0,5 милл. руб. Эта задержка ссуд НКФ, предназначавшихся для трестов, давала возможность «Уралмету» легче переносить колебания в сбыте, задерживая ссуды в период слабых продаж.

Первоначально тресты вырабатывали свой сортамент применительно к получаемым ими заказам, что при отсутствии заказов на те или другие изделия влекло за собой случайность сортамента и загрузку складов неходовой продукцией. В 1922/23 г. «Уралмет», сообразуясь с техническим состоянием отдельных трестов и их производственными программами, стал заранее определять сортамент выработки на длительный период — путем выдачи нарядов, построенных на учете спроса рынка. Тем самым синдикат получил возможность регулировать и производственную сторону деятельности трестов.[1]

Если «Уралмет» планомерно развивал свою работу по охвату торговой, заготовительной и отчасти даже производственной деятельности уральских трестов, то Металлургический синдикат Центрального района («Металлосиндикат») вплоть до последнего времени не мог быть признан вполне установившимся и подлинным синдикатом. Несмотря на то, что устав «Металлосиндиката» был утвержден президиумом ВСНХ еще 20/I 1923 г., он приступил фактически к своей деятельности лишь в конце апреля 1923 г. — после первого «деятельного» собрания уполномоченных 15/IV 1923 г., на котором были установлены объекты

[1] «Русская промышленность в 1922 г.», стр. 133; «Русская промышленность в 1923 г.», стр. 197; «Промышленость СССР в 1924 г.», стр. 200; А. Озерский и П. Гуляев, «Коммерческая деятельность синдиката «Уралмет» — «Бюллетень конвенции металлосиндикатов», 1923 г., № 4—5, стр. 2—3 и 19; «Синдикаты», сб. под ред. Н. Г. Шкляра, изд. ВТС, М. 1924 г. стр. 7, 27, 31, 36, 87, 100 и 130; «Торг.-Пром. Газ.», 31/I и 29/XI 1925 г. Комиссия ВСНХ по пересмотру синдикатов, образованная в связи с осенним кризисом 1923 г., признала, что специфические условия, в которых вынуждены работать уральские тресты, территориально близкие друг к другу, одинаково отдаленные от центра и по экономическим условиям примыкающие друг к другу, привели к тому, что их коммерческое объединение — синдикат «Уралмет» в значительной степени приблизился к типу единого металлургического треста с широкой автономией трестов (цит. по В. Я. Канторовичу, «Советские синдикаты», М. — Л. 1925 г., стр. 92).

синдицирования, распределены паи и утвержден генеральный договор с членами синдиката.

При учреждении синдиката в его состав вошли «Гомза», Мальцевский округ, «Гозачугплав», Северо-Вятский округ, Московский и Ленинградский машиностроительные тресты, Царицынский «Дюмо»—ныне «Красный Октябрь», Саратовская «Новая Этна»—ныне завод им. Ленина, и Нижегородская «Новая Этна»—ныне «Красная Этна» (Собр. Узак., отд. II, № 6, стр. 31). Завод Царицынский «Дюмо» фактически не принял участия в синдикате, но состав последнего позднее пополнился «Южмаштрестом», Ленинградским трестом массового производства («Тремас»), «Цупвозом», Ленинградским судотрестом, Ижорским заводом и др. (в начале 1925/26 г. в состав синдиката входили уже 17 членов). Таким образом, ядром синдиката явились машиностроительные заводы Центрального, Приволжских и Приуральского районов. Участие в нем Ленинградмаштреста всегда выражалось в ничтожных размерах (в 1923/24 г. названный трест реализовал через «Металлосиндикат» лишь 0,1% своей продукции).

Паевой капитал синдиката был фиксирован в сумме 3 милл. руб., из коих, однако, в начале 1923/24 г. было покрыто лишь 0,5 милл. руб. и в начале 1924/25 г. — 1 милл. руб. Никаких фондов от ВСНХ синдикат в момент своей организации не получил. Лишь позднее синдикату были переданы Главметаллом — в счет покрытия паевых взносов членов синдиката—гос. фонды, номинальная стоимость коих, по приблизительному подсчету, составляла в конце июня 1924 г. около 2 милл. руб.

Задачи «Металлосиндиката» были определены его уставом, в общем и целом, аналогично задачам «Уралмета». Поскольку металлотресты Центрального и примыкающих к нему районов не были склонны отказываться от своих оперативно-торговых функций в пользу синдиката, устав обязывал членов синдиката отчислять в его распоряжение лишь «определенную часть своей продукции в размере, определяемом собранием уполномоченных, но не ниже 50%» (§ 17). На практике, однако, большинство членов синдиката никогда не сдавало «Металлосиндикату» предусмотренной уставом минимальной доли продукции. Так, например, в 1923/24 г. лишь «Гозачугплав», Северо-Вятский горный округ и «Гомза» сдали «Металлосиндикату» свыше 50% своей рыночной продукции. Процент продукции, реализованной остальными трестами через синдикат, в отношении ко всей их рыночной продукции колебался от 0,1% (Ленинградмаштрест) до 36,2% («Красная Этна»), составляя в среднем 26,2% (за вычетом же Ленинградмаштреста — 35,6%). Одной из основных причин, воспрепятствовавших синдикату укрепить отношения со своими членами, являлась недостаточность оборотных средств, особенно тяжело отразившаяся на взаимоотношениях «Металлосиндиката»

с трестами во время осеннего кризиса 1923 г. Оборот синдиката, достигший в июле 1923 г. 1 500 000 р., сократился в октябре 1923 г. до 480 000 р. и только к апрелю 1924 г. достиг и в дальнейшем превысил июльскую цифру в 1 500 000 р. Отсутствие оборотных средств, усугублявшееся плохим состоянием бухгалтерии синдиката, крайне затрудняло расчеты синдиката с трестами и побуждало последние расширять свои собственные торговые операции — за счет сокращения размеров товарной массы по заказам синдиката. Лишь в 1924/25 г., в связи со сменой правления и полной реорганизацией счетно-бухгалтерского аппарата, синдикату удалось установить более прочные взаимоотношения со своими членами и сосредоточить в своих руках реализацию около $^1/_3$ их рыночной продукции (в 1925/26 г. синдикат предполагает довести эту долю даже до $^1/_2$ и более). Вместе с тем, и обороты синдиката увеличились с 19 милл. руб. в 1923/24 г. до 67 милл. руб. в 1924/25 г. В начале 1925/26 г. синдикат имел уже 14 контор, несколько представительств и широко разветвленную сеть складов (36) и магазинов (28). В частности, в 1924/25 г. «Металлосиндикат» влил в свою сеть метало-технические конторы Центрального торгового акционерного общества (ЦАТО), а также ряд складов «Югостали».

При создании «Металлосиндиката» предполагалось, что его деятельность, прежде всего, направится в сторону охвата металлургической продукции его членов и лишь во вторую очередь—в сторону охвата машиностроения. Эта вторая задача, требовавшая значительной подготовки во времени и больших оборотных средств, могла бы быть осуществлена только после достаточного укрепления синдиката в организации сбыта металлургической продукции своих членов и создания необходимого оборотного фонда. На практике она оставалась вплоть до последнего года неосуществленной, несмотря на все попытки синдиката в этом направлении. Из общей суммы реализованных «Металлосиндикатом» за 1923/24 г. товаров на долю металлургии и металлоизделий приходилось 83%, на долю машин и предметов оборудования — 14% и на долю предметов снабжения трестов (членов синдиката) — 3%. Лишь в 1924/25 г. «Металлосиндикату» удалось увеличить долю машин и предметов оборудования до $^1/_3$, с равным распределением остального сбыта между черной металлургией и металлоизделиями (о дальнейших перспективах синдиката— см. ниже).

Поскольку производство членов синдиката не давало полного рыночного комплекта, «Металлосиндикат» — в отличие от «Уралмета» — вынужден был дополнять номенклатуру товаров путем покупки недостающих предметов либо у трестов, не входящих в синдикат, либо на кустарном рынке, что вносило новое охлаждение в отношения синдиката с его членами. Даже в 1924/25 г.

дополнительные ассортиментные закупки составляли около половины всей товарной массы синдиката.

По мере охвата «Металлосиндикатом» металлургической продукции, он постепенно вступал на путь снабжения своих трестов и тем самым на путь финансирования их. Начав с финансирования путем снабжения, синдикат стал затем — в целях развития определенного производства или постановки нового — гарантировать некоторым трестам на известный срок определенную финансовую поддержку и определенный сбыт, преодолевая тем самым нерешительность самого треста. Не располагая оборотными средствами для подобного целевого финансирования, «Металлосиндикат» мог, однако, осуществить таковое лишь по отношению к Московскому металлическому заводу «Серп и Молот» (б. Гужона) и к «Гозачугплаву».[1]

С образованием «Уралмета» и «Металлосиндиката» в каждом из основных районов металлопромышленности создался опорный центр для защиты интересов своего района. На Юге этим центром явилась «Югосталь», выполнявшая по отношению к южной металлургии те же функции, но лишь в более полной и упрощенной форме треста. «Разбазаривание» продукции металлопромышленности и сбыт ее ниже себестоимости, а также острая конкуренция между отдельными трестами и синдикатами вызвали однако, необходимость в дальнейшем объединении и побудили к созданию органа, который принял бы на себя задачу согласования деятельности синдикатов в общегосударственном масштабе. В январе 1923 г. была образована поэтому Конвенция металлосиндикатов («Согласительное бюро» при Главметалле ВСНХ). Конвенция имела своей целью регулирование сбыта продуктов металлургического производства, в частности, установление цен и условий продажи черных металлов, установление эквивалентных цен при товарообмене их на хлеб, фураж, топливо и мануфактуру, выработку основных условий по выполнению заказов и по производству расчетов по ним и участие в распределении заказов казны между членами Конвенции.

В состав Конвенции первоначально вошли лишь «Уралмет», «Югосталь» и «Металлосиндикат» (председателем Конвенции явился представитель Главметалла). Позднее ее состав значительно расширился, при чем в нее вошли синдикат «Сельмаш»,[2]

---

[1] В. Лукашов, «Металлосиндикат», — «Бюллетень конвенции металлосиндикатов», 1923/24 г., № 1—5, стр. 36—40; Я. Гендин и В. Моисеенко, «Металлосиндикат» в 1923/24 г., тот же «Бюллетень», 1924/25 г., № 1—2 (11—12), стр. 68 сл; «Синдикаты», стр. 7, 31, 36, 50, 87—88 и 117, «Торг.-Пром. Газ.», 28/VI и 29/XI 1925 г.

[2] Обзор истории и организационной структуры «Сельмаша», как чисто машиностроительного синдиката, выходит за рамки нашего очерка.

Главное управление военной промышленности (ГУВП), Краматорский завод «Донугля», Царицынский «Дюмо», долгое время конкурировавший с остальными заводами, и др. В марте 1924 г. был утвержден новый внутренний регламент Конвенции и произведена разверстка голосов в Совете уполномоченных пропорционально продукции ее участников.

Главное внимание уделялось Конвенцией установлению продажных цен на основные продукты: чугун, мартеновскую болванку, сортовое и кровельное железо, катанную проволоку и др. В первый период деятельности Конвенции, когда металлопродукты как на вольном рынке, так и по договорам с гос. заказчиками (в первую очередь, с НКПС) отпускались по крайне невыгодным ценам, отставшим от их восстановительной стоимости, деятельность Конвенции была направлена в сторону повышения цен. Осенний кризис 1923 г. побудил Конвенцию вести обратную политику в сторону их снижения. В связи с этой работой по установлению продажных цен Конвенция проделала большую работу в деле упорядочения калькуляции металлопромышленности, образовав при себе специальную калькуляционную комиссию, развернутую позднее в особый калькуляционный отдел и калькуляционный совет. Вместе с тем, Конвенция приняла активное участие в распределении централизованных заказов НКПС и других ведомств между металлическими синдикатами и трестами. Назначение СТО цен для плановых потребителей (по централизованным заказам), регулирование цен НКВнуторгом СССР для внеплановых потребителей (после денежной реформы 1924 г.)[1] и усиление планового руководства металлопромышленностью со стороны Главметалла ВСНХ — одного из немногих Главков, не растворившихся в общей системе директората ЦУГПРОМ'а ВСНХ СССР или не превратившихся в синдикат соответствующей отрасли промышленности[2], — отразились на удельном весе Конвенции, хотя она и продолжала принимать деятельное участие в установлении цен на металлы и в распределении централизованных заказов казны. В декабре 1924 г. президиуму Конвенции пришлось даже обсуждать вопрос, нужна ли Конвенция и целесообразна ли замена ее соответствующим отделом Главметалла — во избежание параллелизма в работе того и другого органа. Не отрицая шероховатостей и перебоев в работе

[1] См. постановление НКВнуторга СССР от 27/IV 1925 г. о предельных ценах на металлоизделия («Торг. Изв.», № 12). В 1924/25 хоз. году НКВнуторг СССР приступил, кроме того, к р а й о н и р о в а н и ю с б ы т а: на его утверждение стали представляться синдикатами планы районного завоза изделий на очередной квартал (см. «Торг.-Пром. Газ.», 12/V 1925 г., № 106).

[2] Новый устав Главметалла был утвержден президиумом ВСНХ 24 марта 1923 г. (Собр. Узак., отд. II, 1923 г, № 11, ст. 61). Декретом 12/VI 1925 г. Главметалл был формально введен в состав ВСНХ СССР — с приравнением его к ЦУГПРОМ'у. (Собр. Зак. № 40, ст. 292).

Конвенции, президиум признал все же необходимость ее существования — в качестве «общественного органа» металлопромышленности при Главметалле, призванного критиковать работу Главметалла в области сбыта и отчасти в области производства и опирающегося в своей деятельности на аппарат Главметалла.[1]

Но не прошло и года, как скромную роль «общественного» критика работы Главметалла Конвенции пришлось сменить на роль одного из важнейших органов в деле регулирования металлопромышленности и металлоторговли. Непосредственным поводом к этому послужил острый недостаток металла в стране, вызванный несоответствием восстановительных процессов в металлопромышленности неожиданно быстрому темпу восстановления народного хозяйства СССР в целом и росту потребности этого хозяйства в металле.[2] Разразившийся весною 1925 г. «металлический голод» резко поставил на очередь вопрос о создании распределительного аппарата, способного довести металл до широкого потребителя без перебоев в процессе снабжения металлом рынка и без непомерно высоких накидок на оптовые заводские цены. Произведенное Главметаллом обследование всей металлопроводящей сети выяснило, что она включает в свой состав около 1000 металлоскладов. Между тем, синдикат «Продамета» до войны сбывал железо рыночного спроса через 1312 фирм, синдикат «Кровля» — через 1692. Главное зло заключается, однако, не в уменьшении числа торгующих металлом фирм, а в сокращении оборотов современных металлоскладов до $^1/_3$ довоенных оборотов, в огромных розничных накидках на оптовые заводские цены и в их чрезвычайной нестроте в отдельных районах. В хозяйственных кругах первоначально не обнаружилось единодушия по вопросу о правильной постановке металлоторговли. Одни предлагали слить «Металлосиндикат», «Уралмет» и коммерческий аппарат «Югостали» в единый синдикат, призванный поглотить в будущем и коммерческие аппараты несиндицированных трестов; другие выдвигали идею создания единой складской организации, непосредственно связанной с заводами и предназначенной совершенно элимини-

[1] Доклад председателя Конвенции в президиуме ЦК ВСРМ от 21/VIII 1923 г.—«Бюллетень Конвенции металлосиндикатов», 1923/24 г., № 1, стр. 3—5; «Синдикаты», стр. 56; «Экон. Жизнь», 1/IV и 18/IV 1924 г. и 11/XII 1924 г.; хроника Конвенции — тот же «Бюллетень», 1924/25 г., № 1—2 (11—12), стр. 141—142; «Металлопромышленность в 1924/25 г.», под ред. В. Межлаук, изд. Главметалла, М. 1925 г., стр. 69 сл.

[2] В начале 1924/25 г. СТО СССР признал необходимым — по финансовым соображениям — уменьшить составленную Главметаллом производственную программу металлопромышленности с 301 милл. довоенн. руб. (I вариант) до 272 милл. (II вариант). Укрепление финансового положения СССР и чрезвычайное усиление спроса на металл побудили, однако, увеличить эту программу до 362 милл. руб. (III вариант). См. «Металлопромышленность СССР (итоги 1924/25 г. и перспективы 1925/26 г.)», стр. 15.

ровать влияние промышленности на рынок; третьи предлагали создать специальное акционерное общество, которое взяло бы на себя организацию среднего звена: «промежуточных узловых металлобаз», питающих всю торговлю своего района (государственную, кооперативную и частную), но не заменяющих ни синдикаты, ни существующий низовой аппарат; четвертые настаивали на полном отказе синдикатов и трестов от мелкооптовой и розничной торговли в пользу кооперации; большинство же придавало решающее значение не созданию новых организаций, а выработке более отвечающего нуждам рынка ассортимента и изменению методов металлоторговли, в частности, контролю производителей и крупных поставщиков металла (трестов и синдикатов) над дальнейшим его движением по металлопроводящей сети.[1]

На эту последнюю точку зрения стали и руководящие органы металлопромышленности. В частности, Конвенция металлосиндикатов высказалась против проекта организации единого всесоюзного металлосиндиката, выдвинутого Советом Съездов промышленности, торговли и транспорта УССР летом 1925 г. Аналогичную позицию заняли представители отдельных синдикатов и трестов. Но, отвергая идею единого синдиката, призванного объединить как металлургическую, так и металлообрабатывающую промышленность, они допускали возможность организации всесоюзного металлургического синдиката.[2] По мере обострения потребности в металле и увеличения перебоев в снабжении черным металлом как металлообрабатывающих заводов, так и населения, идея подобного синдиката приобретала все бо́льшую и бо́льшую популярность. Осенью 1925 г. за создание всесоюзного металлургического синдиката высказались Главметалл, Совещание представителей южной металлургии, VII Всесоюзный Съезд рабочих металлистов и вслед за ними ВСНХ СССР (постановление президиума ВСНХ СССР от 23/XI 1925 г.).[3]

---

[1] Проблеме организации металлоторговли посвящен специальный (дискуссионный) номер «Бюллетеня Конвенции металлосиндикатов», 1925 г., № 6—7, в котором нашли выражение все основные течения хозяйственной мысли по данному вопросу. См. также доклад Ф. Э. Дзержинского о металлопромышленности на XIV конференции РКП (б) 29/IV 1925 г. («Стенограф. отчет», М.—Л. 1925 г., стр. 162—166 и 175—178); доклад В. И Межлаука на Всесоюзном Съезде торгов 4/IV 1925 г. («Торг.-Пром. Газ.», 5/IV 1925 г.) и специальное приложение к № 87 «Торг.-Пром. Газ.» от 16/IV 1925 г.: «Проблемы металлоторговли».

[2] «Торг.-Пром. Газ.», 18/VII 1925 г.

[3] Против образования всесоюзного металлургического синдиката высказался лишь Уральский ОблСНХ. полагавший, что специфические особенности производства и сбыта уральского металла вполне обосновывают самостоятельное существование «Уралмета», и что единый синдикат будет оторван от производства и не сумеет осуществить надзора за деятельностью многочисленных местных филиалов. Напротив, руководители «Уралмета» катего-

На ряду с металлургическим синдикатом предполагается организовать единый синдикат металлообрабатывающей промышленности, положив в его основание организационный аппарат «Металлосиндиката», который, в связи с этим, должен усилить свою работу по продаже машин массового типа и металлоизделий. Тот и другой синдикаты должны ограничиться оптовой продажей — с тем, чтобы дальнейшее продвижение металла к потребителю производилось торгами и кооперацией.[1]

Объединением металлургической и металлообрабатывающей промышленности во всесоюзном масштабе не исчерпывается, однако, планирующая роль государства в металлопромышленности. Одновременно с постановлением о металлургическом синдикате ВСНХ СССР поручил Главметаллу образовать ряд специальных секций при Конвенции металлосиндикатов — в целях учета спроса и правильного распределения металла между нуждающимися в нем отраслями промышленности (в первую очередь, металлообрабатывающей промышленностью) и хозяйства (транспорта и др.). Циркуляром 30/XI 1925 г. ВСНХ СССР предложил всем подведомственным ему организациям и предприятиям пересмотреть заключенные ими договоры и сделанные ранее заявки на металл, привести их в соответствие с изменившимися производственно-финансовыми планами и вслед за тем направить в Конвенцию металлосиндикатов. К участию в работах последней, на ряду с представителями металлопромышленности, привлечены представители металлоторговли и потребителей металла в лице Центросоюза, Сельскосоюза, Совета местной торговли и др. Общее руководство работами Конвенции по распределению металла возложено на Главметалл.[2] Если присоединить к этому регулирование цен на металл, осуществляемое СТО СССР и НКТоргом СССР, устанавливаемые теми же органами на каждый квартал планы завоза металла в отдельные районы[3] и всю остальную систему регулирования металлопромышленности — начиная с утверждения ее производственно-финансовых программ и кредитных

рически высказались за организацию всесоюзного металлургического синдиката, и председатель «Уралмета» А. В. Озерский стал во главе организационного бюро синдиката. Насколько можно судить по докладу зам. председателя Главметалла В. И. Межлаука в президиуме ВСНХ СССР 23/XI 1925 г., образование всесоюзного синдиката не повлечет за собой полного упразднения «Уралмета», который предполагается, повидимому, сохранить как «центр, объединяющий уральскую промышленность» («Торг.-Пром. Газ.», 25 и 26 ноября 1925 г.)

[1] «Металлопромышленность СССР (итоги 1924/25 г. и перспективы 1925/26 г.)», стр. 8—9; «Торг.-Пром. Газ.», 5, 25 и 27 ноября и 2 и 5 декабря 1925 г.

[2] Постановление президиума ВСНХ СССР от 23 ноября 1925 г. («Торг.-Пром. Газ.», 25/XI 1925 г.)

[3] Планы завоза металла на 1 квартал 1925/26 г. — см. в «Торг.-Пром. Газ.», 24/IX и 30/X 1925 г.

планов и кончая договорами Главметалла с НКПС о централизованных заказах транспорта, приказами ВСНХ и НКПС о порядке заключения договоров по децентрализованным заказам того же транспорта (ср. приказ ВСНХ СССР и НКПС от 18/VIII 1925 г., № 1136), или генеральными договорами «Уралмета» и «Металлосиндиката» с кооперацией, то перед нами предстанет исключительно сложная система металлохозяйства, в которой организационные формы и методы оперативно-производственного и оперативно-коммерческого характера своеобразно переплетаются с органами и методами административного управления и регулирования. Общей чертой для всех них является, однако, плановое начало, одинаково характерное как для коммерческого (синдикаты), так и для административного (Главметалл) аппарата металлопромышленности. Неуклонный рост этого начала является, вместе с тем, и наиболее характерной чертой[1] всех организационных процессов последнего времени.[2]

---

[1] Ср. последний доклад председателя ВСНХ и Главметалла Ф. Э. Дзержинского на VI Всесоюзном Съезде рабочих-металлистов в ноябре 1925 г. («Торг.-Пром. Газ», 20, 21 и 22 ноября 1925 г.).

[2] В виду недостатка места мы принуждены были дважды сокращать первоначально составленный нами очерк. По той же причине мы лишены возможности показать, как отражаются основные начала хозяйственной системы СССР на использовании тех организационных форм (в частности, комбинатов), которые по внешней своей структуре могут быть сближены с аналогичными формами капиталистической промышленности. Мы надеемся, однако, что представленный нами обзор дает читателю достаточный материал как для сравнений, так и для конечных выводов.

Доц. М. Б. ВОЛЬФ.

КАМЕННОУГОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Литература. Проф. В. Э. Ден. «Каменноугольная и железоделательная промышленность», СПБ, 1907. «Народное хозяйство в 1914 г.», изд. Редакции период. изданий Мин-ва Финансов. То же за 1915 г. и за 1916 г. «Русская промышленность в 1921 г.», изд. РИО ВСНХ. То же за 1922 г. и за 1923 г. В. И. Фролов, «Добыча и потребление топлива в России до войны и в настоящее время, без. указ. места и года изд. «Топливный Ежегодник Петрограда на 1921 г.», Пгр., 1921 г. То же на 1922 г., Пгр., 1922 Журналы. «Горный Журнал», «Хозяйство Донбасса», «Экономическое Обозрение», «Внешняя Торговля», газеты «Экономическая Жизнь» и «Торгово-Промышленная Газета». «Recueil mensuel de l'Institut international de commerce» (Bruxelles); «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich».

I.

Основой современной материальной культуры является умение человека использовать те запасы энергии, которые в разных формах скрыты в природе. Для соответствующего использования важно уметь трансформировать один вид энергии в другой. До изобретения паровой машины в распоряжении человека единственным почти источником механической энергии являлись животные организмы — т.-е. домашний рабочий скот и сам человек. Конечно, производимая этими машинами работа была весьма ограничена и не могла быть увеличиваема с произвольной быстротой. Топливо могло быть использовано человеком только в качестве источника тепла — для согревания жилища и пищи и для сравнительно незначительных и несложных металлургических и химических производств того времени. Белый уголь — энергия механическая — шел исключительно для передвижения грузов по течению и для приведения в движение водяных мельниц и построенных у берегов рек фабрик (лесопильные заводы, текстильные фабрики и пр.).

Изобретение паровой машины, а затем динамо-машины и электромотора, предоставило человечеству самые широкие возмож-

ности в области трансформирования энергии и, в частности, использования топлива для получения механической энергии. С этого момента начинается огромный рост промышленности, рост, которому до названных выше изобретений были положены тесные границы в смысле невозможности увеличения источников механической энергии.

Количество приводимых в движение топливом машин увеличивается с каждым годом, а в качестве основного вида топлива выдвинулся каменный уголь. Хотя в течение XX столетия мировая добыча нефти растет значительно сильнее мировой добычи каменного угля (с 1900 по 1923 год мировая добыча угля увеличилась всего в полтора раза, а добыча нефти в семь раз) и хотя мощность установок по использованию белого угля тоже значительно увеличилась, тем не менее, каменный уголь до настоящего времени дает свыше трех четвертей всей используемой человечеством энергии. В качестве топлива каменный уголь имеет особое значение в металлургической промышленности, где целый ряд процессов (например, доменный процесс) не может протекать на жидком топливе.

Каменный уголь имеет значение не только как топливо, но и как основное сырье для целой группы химических производств, пышно развившихся в течение последних десятилетий, — производств по переработке продуктов сухой перегонки каменного угля (коксобензольная промышленность и основанные на ней производства взрывчатых веществ, искусственных органических красок и пр.).

Кроме того, каменный уголь является исходным материалом для светильногазового производства.

II.

Запасы каменного угля распределены на земном шаре крайне неравномерно. Вопрос о запасах, впервые поднятый в Англии 60 лет тому назад, становится в настоящее время, в связи со все растущей добычей угля, весьма актуальным. По мере производства новых исследований, цифры запасов по отдельным странам и по всему земному шару меняются. Последнее обширное международное исследование запасов было произведено по инициативе комитета XII международного геологического конгресса и доложено этому конгрессу в Торонто в 1913 году. По данным этого исследования, мировые запасы угля (включая также бурый уголь) на глубине до 2000 метров определяются в 7 397 553 милл. тонн, в том числе действительных запасов 716 154 милл. тонн, и вероятных и возможных запасов — 6 681 399 милл. тонн. По отдельным частям света и важней-

шим государствам эти запасы распределяются следующим образом:

Части света и государства.	Запасы угля.		
	В милл. тонн.	В %% к мировому запасу.	В %% к запасу соответствующей части света.
Америка	**5 105 528**	**69,0**	100,0
в том числе:			
Соединенные Штаты . . .	3 838 657	51,9	75,2
Канада	1 235 269	16,7	24,2
Азия	**1 279 586**	**17,3**	100,0
в том числе:			
Китай	995 587	13,5	77,8
Европа	**784 190**	**10,6**	100,0
в том числе:			
Довоенная Германия . . .	423 356	5,7	54,0
Великобрит. и Ирландия .	189 523	2,6	24,2
Австралия	**170 410**	**2,3**	100,0
Африка	**57 839**	**0,8**	100,0
в том числе:			
Южно-Африканск. Союз .	56 200	0,8	97,2
Всего	**7 397 553**	**100,0**	—

Из приведенной таблицы видно, что большая часть запасов каменного угля сосредоточена в немногих странах, а именно в Северной Америке (Соед. Штатах и Канаде), Китае и нескольких европейских государствах (Великобритании и довоенной Германии).

Такое распределение имело в свое время и имеет в настоящее время громадное значение, предопределяя (в связи с распределением источников залегания других полезных ископаемых, в частности железной руды) характер народного хозяйства

отдельных стран (в частности, возможности их промышленного развития).

В настоящее время, после ряда дополнительных изысканий, цифра мировых запасов угля определяется уже в 7 628 475 милл. тонн, в том числе каменного угля 4 734 213 милл. тонн и бурого угля 2 894 262 милл. тонн.

Принимая теплотворную способность бурого угля за одну треть теплотворной способности каменного угля, получаем общую сумму мировых запасов в переводе на каменный уголь в 5 698 967 милл. тонн.

Существенным перераспределениям подверглись каменноугольные запасы отдельных государств после войны. После Версальского мирного договора и раздела Силезии, от Германии отошли к Польше 146,0 миллиардов тонн, а в оккупированных областях оказалось 27,0 миллиардов тонн. В качестве богатой углем страны в настоящее время выступает Польша, запасы которой (170 миллиардов тонн) немногим уступают запасам Великобритании и Ирландии (190 миллиардов тонн).

В 1913 году каменноугольные запасы довоенной России определялись в 234 миллиарда тонн, т.-е. 3,2% мировых запасов (в том числе антрацита 37,6, каменного угля 86,9 и бурого угля 109,5 миллиардов тонн).

По последним исследованиям запасы угля в СССР определяются в 485,8 миллиардов тонн, т.-е. в 6,4% мировых запасов. Эта цифра значительно выше довоенной, несмотря на отход от России Домбровского каменноугольного бассейна, в виду совершенно иной, более полной оценки запасов Азиатской части СССР.

По отдельным сортам угля вышеприведенная цифра запасов распределяется следующим образом:

антрацит	37 829	милл. тонн
каменный уголь	435 437	» »
бурый уголь	12 500	» »
Всего	485 766	милл. тонн

в том числе:

действительные запасы	1 322	милл. тонн
вероятные запасы	91 226	» »
возможные запасы	393 218	» »

Распределение каменноугольных запасов СССР по районам представлено в следующей таблице (в миллионах тонн):

Районы.	Запасы.	
	В миллионах тонн.	В % к итогу.
I. Европейская часть СССР и Кавказ.		
1. Донецкий бассейн	59 613	12,3
2. Подмосковный бассейн	11 578	2,4
3. Урал: западный 341, восточный 469	810	0,2
4. Кавказ	281	0,1
5. Крым	279	0,1
6. Юго-западный бассейн	47	0,0
Итого	72 608	14,9
II. Азиатская часть СССР.		
1. Кузнецкий бассейн	250 000	51,4
2. Киргизская степь	4 783	1,0
Итого Западная Сибирь	254 783	52,4
3. Иркутск. губ. (Черемховский басс.)	150 000	30,9
4. Енисейская губерния	6 057	1,2
5. О-в Сахалин	1 660	0,3
6. Амурская область	376	0,1
7. Забайкальская область	201	0,0
8. Приморская область	41	0,0
9. Якутская область	1	0,0
Итого Восточная Сибирь.	158 336	32,6
10. Туркестан	314	0,1
Итого	413 433	85,1
Всего в СССР	486 041 [1]	100,0

[1] По остающимся невыясненными в источнике причинам этот итог не совпадает с приведенным выше.

Из приведенной таблицы видно, что 85% всех запасов СССР сосредоточено в Азиатской его части, и только 15% — в Европейской. Из отдельных бассейнов по своим размерам выделяются три — Кузнецкий, Черемховский и Донецкий, составляющие в сумме 94,6% всех запасов Союза. Прочие бассейны имеют, главным образом, местное значение. В названных трех бассейнах встречаются почти исключительно каменный уголь и антрацит, т.-е. первоклассные виды топлива, в то время как бурые угли разбросаны преимущественно по остальным мелким угольным бассейнам Союза.

III.

Вторая половина и в особенности последняя четверть XIX столетия и начало XX века характеризуются сильным увеличением добычи каменного угля, вызванным промышленным развитием Западной Европы и Северной Америки. Мировая добыча угля за период с 1850 по 1913 г. представляется в следующем виде:

Страны.	1850		1875		1900		1913	
	милл. тонн.	%	милл. тонн.	%	милл. тонн.	%	милл. тонн.	%
Соедин. Королевство	50	60	135	47	229	30	292	22
Соедин. Штаты	8	10	48	17	245	32	517	39
Германия	7	8	49	17	150	20	277	21
Австро-Венгрия	2	2	13	5	39	5	54	4
Франция	4	5	17	6	33	4	41	3
Довоенная Россия	0,2 [1]	0	1	0	16	2	36	3
Прочие страны	12	15	22	8	55	7	125	8
Всего на земном шаре .	83	100	285	100	767	100	1342	100

Общая добыча на земном шаре увеличилась с 83 до 1342 милл. тонн, т.-е. в 16 с лишним раз. При этом характерным является географическое перемещение добычи из Соед. Королевства в более молодые промышленные страны—в Соед. Штаты и в Германию. В то время как в Соед. Королевстве за рассматриваемый период добыча увеличилась в шесть раз, в Германии она увеличилась в 40 раз, а в Соед. Штатах—в 65 раз. Мы видим, что, чем моложе в промышленном отношении страна, тем сильнее происходил в ней рост добычи каменного угля. На первом месте,

[1] Средняя за 1856—1860 гг.

в этом отношении, стояла довоенная Россия, в которой в течение рассматриваемого периода добыча угля выросла почти в 200 раз.

Накануне войны каменноугольная промышленность оказывается географически сильно концентрированной: три государства (Соед. Штаты, Соед. Королевство и Германия) давали 82% мировой добычи.

Во время и после войны мировая добыча каменного угля обнаруживает незначительные колебания, поднимаясь до 1345 милл. тонн (1917 г.) и опускаясь до 1100 милл. тонн (1921 год, т.-е. год кризиса мирового хозяйства). По отдельным странам амплитуда колебаний гораздо значительнее, что видно из приводимой на стр. 137 таблицы.

Возмущающими кривую развития угольной промышленности факторами следует считать мировой хозяйственный кризис 1921 года, затем забастовку английских углекопов в том же году и, наконец, германские «угольные» репарации. Если первые два фактора имели последствием—первый общее, а второй местное сокращение добычи угля, то угольные репарации значительно усложнили ситуацию угольного рынка и взаимоотношения отдельных государств в области угольного вопроса. Германия вынуждена была ввозить для внутреннего употребления иностранный уголь, в то время как сданный ею Бельгии и Франции «репарационный» уголь давил на мировой рынок, сокращая вывоз из Англии. Сокращение репарационных поставок после занятия французами Рурской области несколько облегчило положение мирового угольного рынка: в 1923 году добыча Англии сильно выросла, и ее вывоз значительно увеличился. Что касается катастрофического сокращения (в связи с занятием Рура) добычи угля в Германии в 1923 году, то оно, с одной стороны, совпало с периодом промышленной депрессии в Германии, а с другой—с резким увеличением добычи в Соед. Штатах и потому оказалось менее болезненным, чем если бы оно произошло при иной хозяйственной конъюнктуре. 1924 год дал сокращение добычи в Соед. Штатах и увеличение добычи в Германии.

Накануне войны важнейшими поставщиками угля на мировой рынок являлись Великобритания, Соед. Штаты и Германия (одновременно и ввозившая уголь, но вывозившая вдвое). В качестве второстепенных поставщиков выступали Бельгия, Япония, Китай, Южная Африка, Австралия и Новая Зеландия. В общем в 1913 году было выброшено на внешний рынок около 150 милл. тонн угля, т.-е. одна девятая его добычи. Указанное количество угля направлялось, главным образом, во Францию, Голландию, Германию, Италию, Швейцарию, Скандинавские страны, Пиренейские страны, Канаду,[1] Южную Америку и Россию. Во время

[1] В виду низкого качества ее собственных углей.

Добыча каменного угля по отдельным странам.

Страны.	1913		1917		1920		1921		1922		1923		1924	
	милл. тонн.	%	милл. тонн.	%	милл. тонн.	%	милл. тонн.	%	милл. тонн.	%	милл тонн.	%	милл. тонн	%
Соедин. Штаты	517	39	591	44	586	44	448	41	418	35	610	45	506	38
Великобритания и Ирландия	292	22	252	19	233	18	166	14	254	21	284	21	275	21
Германия	277	21	263	20	243	19	259	24	267	22	184	14	243	18
Франция	41	3	30	2	25	2	29	3	31	3	37	3	45	3
Россия (СССР)	36	3	30	2	8	1	9	1	9	1	12	1	15	1
Прочие страны	179	12	179	13	205	16	189	17	219	18	210	16	249	19
Всего	1342	100	1345	100	1300	100	1100	100	1198	100	1337	100	1333	100

войны обороты внешней торговли углем сжались в $1^1/_2$—2 раза, но уже к 1923 году достигли довоенных размеров, при чем особенно сильно вырос вывоз из Великобритании (около 100 милл. тонн в 1923 году против 75 милл. тонн в 1913 году и 25 милл. тонн в 1920 году), в виду превращения Германии в страну, ввозящую уголь и вывозящую его в ничтожных размерах.

IV.

Развитие каменноугольной промышленности в довоенной России стоит в тесной связи с общим промышленным развитием страны, в частности с ростом ее металлургической промышленности и развертыванием железнодорожной сети. На протяжении второй половины XIX столетия добыча каменного угля увеличивается в несколько десятков раз, составляя:

В 1856—1860 гг.	в	среднем	13	милл.	пудов	в год.
» 1861—1865 гг.	»	»	23	»	»	» »
» 1866—1870 гг.	»	»	32	»	»	» »
» 1871—1875 гг.	»	»	74	»	»	» »
» 1876—1880 гг.	»	»	151	»	»	» »
» 1881—1885 гг.	»	»	237	»	»	» »
» 1886—1890 гг.	»	»	324	»	»	» »
» 1891—1895 гг.	»	»	472	»	»	» »
» 1896—1900 гг.	»	»	770	»	»	» »

Указанный рост продолжается и в течение XX столетия до 1916 года (принимая во внимание отход от России Домбровского каменноугольного бассейна), что видно из следующего сопоставления:

Годы.	Добыто угля.	
	По всей довоенной России.	То же без Домбровского бассейна.
	миллионов пудов	
1901—1905	1090	827
1906—1910	1512	1185
1911—1913	1948	1554
1914	2175[1]	1944
1915	—	1906
1916	—	2004
1917	—	1823

[1] В том числе Домбровский бассейн только в течение $6^1/_2$ месяцев.

Не во всех каменноугольных бассейнах добыча угля увеличивалась с одинаковой интенсивностью. Постепенно происходит перемещение добычи из одних районов в другие. Это перемещение для довоенного периода наглядно изображено в следующей таблице:

Каменноугольные районы.	Добыто угля в милл. пудов.				Добыто угля в процентах.			
	1856—1860	1886—1890	1901—1905	1911—1913	1856—1860	1886—1890	1901—1905	1911—1913
Донецкий	4,3	152,8	724,1	1355,3	32,8	47,3	66,5	69,6
Домбровский	7,7	138,1	262,8	393,7	58,8	42,6	24,1	20,2
Уральский	0,4	13,2	31,4	57,8	3,0	4,1	2,9	3,0
Подмосковный . . .	0,4	16,6	13,6	14,3	3,0	5,1	1,2	0,7
Киево-Елизаветградский	—	0,6	0,0	—	—	0,2	0,0	—
Кавказ	0,1	0,4	3,1	4,0	0,8	0,1	0,3	0,2
Зап Сибирь и Киргизск. степь . . .	0,1	1,1	17,6	43,1	0,8	0,3	1,6	2,2
Восточная Сибирь .	0,1	0,6	36,3	72,6	0,8	0,2	3,3	3,7
Туркестан	—	0,4	1,3	6,9	—	0,1	0,1	0,4
Итого . .	13,1	323,8	1090,4	1947,8	100,0	100,0	100,0	100,0

Абсолютное сокращение добычи и даже ее прекращение заметно только в Киево-Елизаветградском (Юго-Западном) бассейне, который имел местное значение и уголь которого был вытеснен с рынка привозным донецким углем после проведения Екатерининской жел. дороги. В более или менее стационарном положении находилась перед войной добыча в Подмосковном бассейне. Здесь росту добычи угля (несмотря на сильно развивавшуюся промышленность района) мешала конкуренция донецкого угля, который, благодаря своим высоким качествам и наличию железнодорожных линий для подвоза, постепенно завоевал рынок Центрально-промышленного района. Во всех прочих каменноугольных районах добыча абсолютно возрастает, но темп роста различен для разных районов, в связи с чем меняется и их удельный вес в общей добыче угля в России. Определенно выра-

женный рост удельного веса в общегосударственной добыче обнаруживают Донецкий бассейн и азиатские районы (Восточная Сибирь, Туркестан и Западная Сибирь с Киргизской степью), при резком сокращении значения Домбровского и Подмосковного бассейнов и стационарном положении Урала. Накануне войны Донецкий бассейн давал уже почти 70% всей добычи угля в России, в то время как значение Домбровского бассейна упало с 59% (в середине XIX столетия) до 20%. Рост значения Донецкого бассейна обусловливался развитием на юге России крупнейшего металлургического района и возможностью завоевать угольные рынки разных промышленных районов страны благодаря соединению Донбасса с остальной Россией рядом железнодорожных линий и благодаря высоким качествам донецкого угля и разнообразию его сортов, дающему возможность удовлетворять потребность различных категорий потребителей. Особенно важное значение имеет наличность в Донецком бассейне коксующихся углей, в которых Домбровский бассейн испытывал недостаток и которые довоенная металлургическая промышленность Привислинских губерний вынуждена была привозить из-за границы или из Донецкого бассейна.

С 1917 года добыча каменного угля в России начинает резко падать до 1920 года включительно. Только с 1921 года начинается новый подъем, видный из следующего сопоставления:

Добыча угля.			
Годы.	Милл. пуд.	Годы.	Милл. пуд.
1911—1913[1] . . .	1554	1921	516
1917	1823	1921/22	622
1918	730	1922/23	713
1919	511	1923/24	963[2]
1920	466	1924/25	980[2]

Колебания в размерах добычи были неодинаковы по отдельным каменноугольным бассейнам, в зависимости от разных условий, влиявших на их работу (напр., гражданская война на Юге и пр.).

В приводимой ниже таблице видны колебания добычи по районам в период войны и в последние годы.

[1] Без Домбровского бассейна.

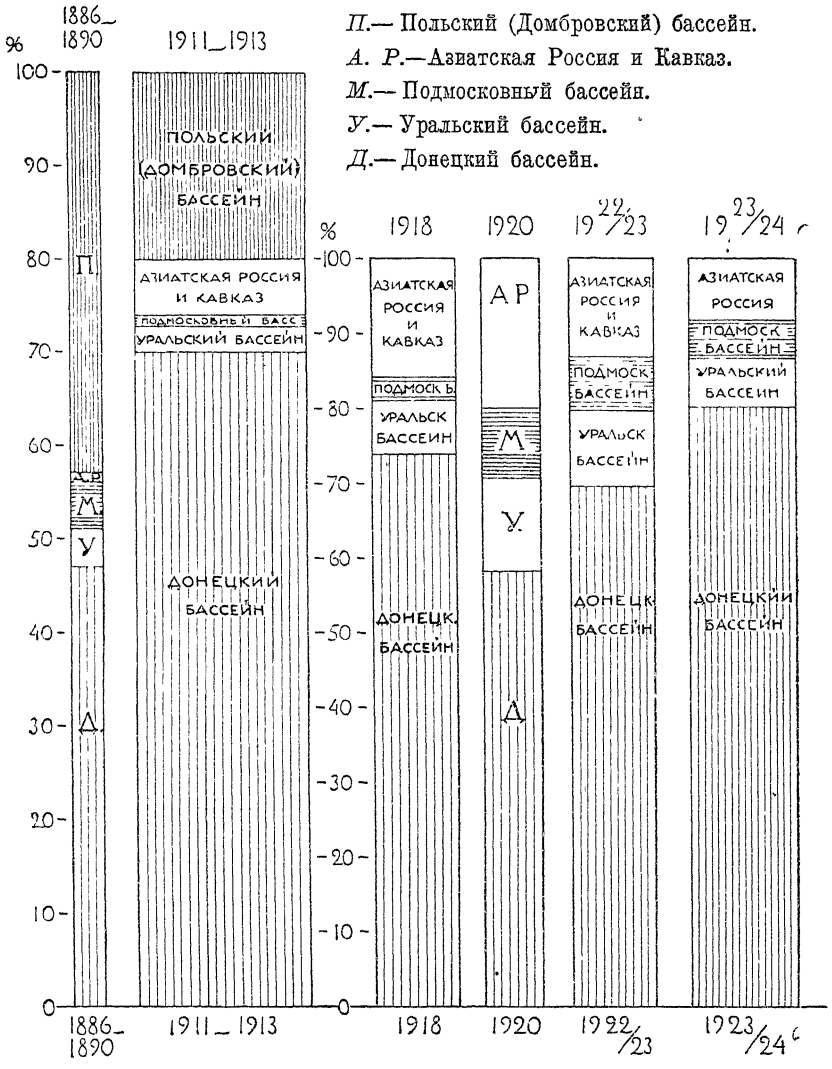
[2] По кругу предприятий, публикуемых в Ежемесячных Бюллетенях ЦОС'а.

Добыча каменного угля в СССР по районам.

Районы.	1911—1913 [1]	1917	1918	1920	1922/23	1923/24 [5]	1924/25
	В млн. пудов.						
Донецкий	1355,3	1510,0	541,0	272,6	493,9	742,6	756,3
Уральский	57,8	97,5	48,5	57,4	70,6	62,9	76,4
Подмосковный	14,3	42,9	23,4	42,2	47,6	40,2	33,8
Кавказ	4,0	—	—	—	—	—	—
Зап. Сибирь и Киргизск. степь	43,1	85,2	56,5 [3]	51,8 [3]	56,0 [3]	62,5 [3]	61,9 [3]
Восточная Сибирь	72,6	76,0 [2]	52,0 [2]	29,8 [2]	27,6 [2] / 12,0 [4]	54,9	51,8
Туркестан	6,9	11,3	8,9	9,7	5,0	—	—
Итого	1554,0	1822,9	730,4	466.5	712,6	963,1	980,2
	То же в процентах.						
Донецкий	87,2	82,8	74,1	58,4	69,3	77,1	77,1
Уральский	3,7	5,3	6,7	12,4	9,9	6,5	7,8
Подмосковный	0,9	2,4	3,2	9,0	6,7	4,2	3,5
Кавказ	0,3	—	—	—	—	—	—
Зап. Сибирь и Киргизск. степь	2,8	4,7	7,7 [3]	11,7 [3]	7,8 [3]	6,5 [3]	6,3 [3]
Восточная Сибирь	4,7	4,2 [2]	7,1 [2]	6,4 [2]	3,9 [2] / 1,7 [4]	5,7 [2]	5,3
Туркестан	0,4	0,6	1,2	2,1	0,7	—	—
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

[1] Без Домбровского бассейна. [2] Только Черемховский бассейн. [3] Только Кузнецкий бассейн. [4] Сучанские копи. [5] По кругу предприятий, публикуемых в Ежемесячных Бюллетенях ЦОС'а.

Добыча угля в довоенной России и в СССР и распределение добычи по районам.



Характерным в колебаниях добычи угля по районам за последние годы является следующее. Резкое (не только абсолютное, но и относительное) понижение добычи в Донецком бассейне

вызвало сильное расширение работы других бассейнов — Уральского, Подмосковного и бассейнов Азиатской части СССР. Как видно из последней таблицы и из диаграммы, к 1922/23 году Донбасс заметно увеличил свою долю в общесоюзной добыче против 1920 года. Однако, прочие районы (кроме Туркестана) не сократили своей добычи, а сохранили свои позиции, при чем на Урале добыча даже заметно расширилась.

V.

При современной громадной мировой добыче угля, уже близко подходящей к почтенной двенадцатизначной цифре в 100 миллиардов пудов в год, рациональная техническая организация представляется особенно важной. Процесс технической концентрации, т.-е. увеличения среднего размера добычи одной шахты, и процесс механизации работы являются двумя моментами, характеризующими мировую каменноугольную промышленность XIX и XX веков. Параллельно с этим происходит и процесс хозяйственной концентрации, т.-е. синдицирование и трестирование.

Техническая концентрация, допуская большую механизацию во всех стадиях производственного процесса, начиная от спуска рабочих в шахту и кончая погрузкой и отправкой угля в адрес потребителя, естественно, повышает среднюю годовую выработку на одного рабочего[1] и понижает издержки производства на единицу продукта.[2] Механизация ведет к интенсификации, к возможности добыть одно и то же количество угля в год из меньшего числа шахт, и тем самым значительно сокращает такие расходы по содержанию шахт (водоотлив, вентиляция, освещение, ремонт выработок и пр.), которые не зависят или мало зависят от размеров ежегодной добычи. Таким образом, шахта, рассчитанная на добычу определенного количества угля, при более интенсивной работе будет использована в меньшее количество лет, и, следовательно, общая сумма расходов по перечисленным выше статьям будет значительно ниже.

Технический прогресс и связанные с ним механизация, интенсификация и концентрация производства делали быстрые шаги вперед в Западной Европе и в Америке во второй половине XIX и в XX веке. И у нас в этом отношении до войны наблюдались те же явления, хотя мы сильно отставали от наших западных соседей. Наша техническая отсталость наглядно иллю-

[1] На крупных предприятиях годовая выработка на одного рабочего в $1^1/_2$ — $2^1/_2$ раза выше, чем в предприятиях мелких.

[2] Кроме того, механизация делает труд рабочего не только более продуктивным, но и более легким и безопасным.

стрируется следующими цифрами о связи производительности труда со степенью добычи (за 1912 год):

Страны.	Средняя годовая производительность одного рабочего в пудах.	Число врубовых машин.		
		Абсолютное.	На 10 000 рабочих.	На 1 миллиард пудов угля.
Довоенн. Россия .	8 965	56	3	3
Великобритания .	15 128	2 894	27	179
Соед. Штаты . .	40 920	16 381	230	563

По отдельным каменноугольным бассейнам степень технического оборудования у нас весьма различна. На первом месте до войны стоял Домбровский бассейн, за ним шел Донецкий. Оборудование Уральского и Подмосковного бассейнов хуже, что объясняется как меньшими размерами добычи в них, так и тем, что в развитии довоенной добычи угля в Домбровском и Донецком бассейнах большая роль принадлежала иностранцам и иностранным капиталам.

И в настоящее время мы еще сильно отстаем в области техники каменноугольной промышленности. Так, например, в 1923/24 опер. году механическая добыча угля и антрацита производилась в Донбассе только на трех угольных и на пяти антрацитовых шахтах, дав всего около 17 милл. пудов, т.-е. 3,3% всей добычи Донугля или 25% добычи тех восьми шахт, в которых они были добыты. Точно также ничтожные цифры дает механическая доставка угля из машинных забоев (в 1923/24 г.— $6^1/_2$ милл. пуд.). К сожалению, вообще переход на механизированные способы работы в ближайшее время может быть осуществлен только на немногих рудниках, ибо почти все рудники как Донбасса, так и других районов, по состоянию своих подземных работ, мало подготовлены к нему.

Довоенный технический прогресс находил свое внешнее выражение в постепенном увеличении годовой выработки на одного рабочего. Так, например, в Донецком бассейне она равнялась

в 1886—1890 гг. . . . . 7000 пуд.
» 1896—1900 гг. . . . . 9036 »
» 1912 г. . . . . 9275 »

Во время войны годовая выработка одного рабочего начинает заметно сокращаться, составляя в Донецком бассейне в 1916 г. уже только 7100 пудов. Это понижение объясняется качествен-

ным ухудшением рабочего состава: увеличилось число работающих военнопленных, среди которых было мало специалистов-горнорабочих, число прикрепленных к шахтам военнообязанных, число женщин, подростков и малолетних и число китайцев и персов. Другой причиной является тот хищнически-экстенсивный характер, который приняла наша каменноугольная промышленность во время войны, когда необходимо было увеличить добычу, не имея возможности даже полностью восстанавливать изнашивающееся оборудование.[1]

Дальнейшее падение годовой выработки на одного рабочего имело место после революции. В 1920 году средняя годовая выработка на одного рабочего составляла всего около 2000 пудов, что объясняется сильным понижением валовой добычи, недостатком опытных забойщиков и сильной изношенностью оборудования. Последние годы дают нам уже повышение производительности труда, что видно из следующего сопоставления годовой выработки одного рабочего (в пудах):

1921 г.	3315 пудов.
1922 г.	4081 »
1923 г.	4429 »
1923/24 г . . .	5197 »
1924/25 г.	7000 »

По отдельным бассейнам годовая выработка на одного рабочего сильно колеблется.

Районы.	Годовая выработка одного рабочего в пудах.		
	1921 г.	1922/23 г.	1923/24 г.
По всему СССР.	3315	4281	5197
В том числе:			
Донецкий бассейн	2824	3947	4999
Урал	6054	5490	5880[2]
Кузнецкий бассейн	7068	4591	5136
Черемховский бассейн . .	10770	9234	9600
Подмосковный бассейн . . .	2582	4839	4920
Туркестан	2393	3151	—

[1] В 1916 году в Донецком бассейне работало 1600 шахт против 780 в 1914 году.

[2] Только Кизелтрест.

Сравнительно низкая производительность в Донецком и Подмосковном районах в 1921 году в значительной степени объясняется затруднениями в снабжении рабочих продовольствием. Для Донбасса низкая производительность объясняется еще как плачевным состоянием его оборудования,[1] так и тем, что в 1921 году он работал в 20% довоенной нагрузки. Последние два года показывают нам определенное повышение годовой выработки одного рабочего, хотя по отдельным районам это повышение шло различным темпом, а местами даже наблюдались временные понижения. Отмеченное выше повышение обусловливается улучшившимися условиями труда, произведенным ремонтом оборудования[2] и концентрацией производства в сравнительно небольшом числе крупных шахт, работающих с более или менее полной нагрузкой.

Среднее число рабочих, занятых в каменноугольной промышленности Союза, равнялось в 1921 году 135,5 тыс. человек, а в 1922/23 году — 166,4 тыс.

VI.

По размерам потребления в России каменный уголь является вторым топливом, уступая первое место древесному топливу. В этом отношении мы резко отличаемся от наших западно-европейских соседей (за исключением Скандинавских стран) и от Соед. Штатов, где каменный уголь является важнейшим видом топлива, оставляя далеко за собою все прочие виды его. Значение каменного угля в топливном балансе довоенной России явствует из следующих данных о потреблении топлива в 1913 г. в переводе на условное 7000-калорийное топливо):

	Милл. пуд. условн. топлива.	%%
Дрова	4247	57,4
Каменный уголь	2440	33,0
Нефть	576	7,7
Торф и пр. топливо	133	1,9
Итого	7396	100,0

[1] Насколько сильно пострадало оборудование Донбасса, можно судить по следующим данным, характеризующим его состояние в 1922 году: 1) из общего числа котлов требовало ремонта 45%, вовсе негодно было к употреблению 8%; 2) требовало ремонта 15% подъемных машин и 19% насосов; 3) из общего числа вагонеток требовало ремонта 20%, было вовсе негодных к употреблению 16%. Кроме всего этого, большое число шахт было затоплено водою.

[2] В течение 1923 года было отремонтировано от 50 до 75% всего неисправного оборудования.

Итак, мы видим, что каменный уголь составлял лишь одну треть всего потребляемого в довоенной России топлива. По отдельным районам доля угля в топливном балансе фабрично-заводской промышленности значительно колеблется. В нижеследующей таблице приводятся данные о проценте, занимаемом углем и коксом в общем расходе топлива по отдельным районам довоенной России (в 1908 году).

Районы.	Уголь.	Кокс.	Итого.
1. Южный	56,9	41,3	98,2
2. Привислинский	79,3	11,6	90,9
3. Прибалтийский	69,7	5,0	74,7
4. Юго-Западный	51,0	2,0	53,0
5. Северный Кавказ	46,9	1,2	48,1
6. Центрально-Черноземный	40,1	1,1	41,2
7. Средне-Волжский	27,8	1,1	28,9
8. Центрально-Промышленн.	14,1	1,6	15,7
9. Уральский	7,8	0,7	8,5
10. Полесский	6,9	0,7	7,6
11. Юго-Восточный	2,4	0,7	3,1
12. Северный	0,6	0,7	1,3
13. Южный Кавказ	0,2	0,3	0,5

Из таблицы видно, что меньше всего значения каменный уголь имел в снабжаемых нефтью Южном Кавказе и Юго-Восточном районе, затем в лесных районах — Северном, Полесском и Уральском. Что касается Московского (Центрально-Промышленного) района, то в нем слабое значение угля обусловливалось наличием древесного топлива и торфа, с одной стороны, и удобным подвозом нефти—с другой.[1] Что касается Прибалтийского района, то он до войны пользовался привозным (английским) углем. Таким образом мы имеем преобладание русского угля над другими видами топлива в Южном районе (с тяготеющими к нему Юго-Западным и Северо-Кавказским), с одной стороны, и в Привислинском районе, с другой стороны. Что касается Центрально-Черноземного района, то и здесь дрова (47,1%) преобладали над углем и коксом (41,2%).

[1] Следует заметить, что за последние три года перед войной потребление угля в Московском районе сильно расширилось за счет сокращения потребления нефти.

Районы потребления донецкого угля до войны могут быть наглядно определены путем нанесения на карту России ряда концентрических кругов с центром в Донецком бассейне и с радиусами в 400, 1150 и 1700 верст. В полученные таким способом пояса доставлялась следующая часть потребленного по всей России донецкого топлива (за 1913 год):

Пояса потребления (в верстах).	Процент потребленного донецкого топлива.
0[1]	11,0
0—400	49,0
400—1150	36,0
1150—1700	3,5
дальше 1700	0,5
Всего	100,0

Средний пробег донецкого угля по железным дорогам был равен около 500 верстам. Распределение потребленного донецкого угля по районам в 1913 году представлено в следующей таблице.

Районы.	Милл. пуд.	В %%.
1. Южный	870,3	64,0
2. Центрально-Промышленный	148,6	10,9
3. Центрально-Черноземный	140,5	10,3
4. Юго-Западный	89,4	6,6
5. Северный Кавказ	30,8	2,3
6. Средне-Волжский	29,9	2,2
7. Полесский	21,2	1,6
8. Прибалтийский	17,3	1,2
9. Прочие районы	12,2	0,9
Всего	1360,2	100,0

Что касается потребителей угля, то в 1913 г. 2440 милл. пуд. потребленного угля (включая привозный) распределялись следующим образом:

	Милл. пуд.	%%%
Промышленность	1634	67,0
Железные дороги	580	23,7
Домашнее потребление	166	6,8
Флот	60	2,5
Итого	2440	100,0

[1] Потребление внутри Донецкого бассейна.

Таким образом, главным потребителем угля являлась до войны промышленность (две трети всего потребления), а на втором месте стояли железные дороги. Вместе, обе названные группы забирали около 90% всего угля, оставляя для домашнего потребления и для флота лишь небольшую долю.[1]

Мы видели выше, что каменный уголь составлял перед войной 33% всего потребляемого топлива. По отдельным категориям потребителей доля угля сильно варьировала, что видно из следующей таблицы:

Категории потребителей.	Потреблено топлива.		% участия угля.
	Всего.	В том числе угля.	
	В милл. пуд. услови. топл.		
Железные дороги	852	580	68,1
Промышленность	2434	1634	67,1
Флот	200	60	30,0
Итого техническое потребление	3486	2274	65,2
Домашнее отопление	3910	166	4,3
Всего	7396	2440	33,0

[1] Интересно отметить, что приведенное выше распределение угля по категориям потребителей близко совпадает с распределением потребляемого угля в Соед. Штатах за вычетом их вывоза), что видно из следующего сопоставления (в %%).

	Довоенная Россия.	Соед. Штаты.
Промышленность	67,0	57,5
Железные дороги.	23,7	29,2
Домашнее потребление	6,8	10,4
Флот.	2,5	2,9
Итого	100,0	100,0

За счет несколько большего значения железных дорог и домашнего потребления, несколько ниже чем у нас стоит доля промышленности. Но если сходится процентное распределение потребляемого угля, то громадная пропасть между довоенной Россией и Соед. Штатами лежит в области абсолютных цифр, поскольку потребление в Соед. Штатах составляет (за вычетом вывоза) свыше 30 милл-дов пуд. против $2^1/_2$ милл-дов пуд. в довоенной России. Таким образом норма душевого потребления в Соед. Штатах (300 пуд.) в 20 раз превосходит норму душевого потребления в довоенной России (около 15 пудов).

Итак, мы видим, что перед войною железные дороги и промышленность на две трети работали на угле, флот же лишь на 30%; в среднем уголь давал почти две трети технического потребления топлива. В домашнем потреблении доля угля была ничтожна, что, в связи с большим удельным весом домашнего потребления в нашем топливном балансе, и понижало долю угля в нем до 33%.

Выше указывалось, что привозному углю принадлежало довольно заметное место в общей сумме нашего довоенного потребления, при чем с начала XX века и до момента объявления войны ввоз его сильно возрастал, как это видно из следующего сопоставления (в милл. пудов):

Годы.	Среднее годичное производство.	Средний годичный ввоз.	Средний годичный вывоз.[1]	Среднее годичное потребление.	% привозного угля в общем потреблении.
1896—1900	769,5	183,3	1,4	951,4	19,1
1901—1905	1088,4	196,4	3,6	1281,2	15,0
1906—1910	1511,6	240,5	7,3	1744,8	13,8
1911—1913	1947,8	357,8	8,1	2297,5	15,6
1914	2175,4	298,3	2,7	2471,0	12,1
1915	1905,5	40,2	11,4	1934,3	2,1
1916	2004,4	60,7	4,8	2060,3	2,9
1917	1822,9	47,8	0,9	1869,8	2,6

С конца прошлого столетия и до объявления войны средний годичный привоз иностранного угля удвоился (с 183 до 358 милл. пудов), но в виду еще более сильного увеличения внутренней добычи, доля его в общем потреблении упала и установилась, примерно, в 15%. Во время войны привоз иностранного угля резко сокращается, и доля его в общем потреблении падает до 2—3%.

Довоенный привоз иностранного угля распределялся следующим образом: около половины шло в Ленинград (включая Кронштадт), около четверти—в остальные балтийские порты, около четверти шло по западной сухопутной границе (главным образом, в бывшее Царство Польское, нуждавшееся для своей металлургической промышленности в коксующихся углях). По Беломорской, Черно-

[1] Включая кокс. О ввозе кокса см. ниже, стр. 158.

морской, Кавказской и Азиатской границам ввозились сравнительно ничтожные количества угля.

Сокращение привоза иностранного угля во время войны совпало со значительным ростом спроса на топливо со стороны военной промышленности и со стороны железных дорог, работа которых усилилась в связи с перевозками военного снаряжения и армий. Отход Домбровского бассейна не особенно остро отозвался на снабжении страны углем, поскольку вскоре после его занятия неприятелем был также оккупирован и весь район сбыта домбровского угля (т.-е. Привислинские губернии). Гораздо чувствительнее отразилось на снабжении резкое сокращение привоза иностранного угля, о котором говорилось выше. Донецкому бассейну были предъявлены страною дополнительные требования на компенсацию недостающего иностранного угля и на усиленное снабжение топливом военной промышленности и железных дорог. Донецкий бассейн не мог, в условиях военного времени, справиться полностью с этими задачами. Он увеличил добычу с 1544 милл. пудов в 1913 году до 1739 милл. пуд. в 1916 году, т.-е. меньше чем на 200 милл. пудов, что дает даже менее интенсивное увеличение добычи, чем перед войной (с 1910 по 1913 г. добыча поднялась с 1019 до 1544 милл. пудов, т.-е. на 525 милл. пудов).

В результате, одним из первых «голодов», которые появились во время войны, явился угольный голод. Начинается деминерализация нашего топливного баланса, и дрова приобретают в нем все больший удельный вес. Уже в 1916 году в промышленном потреблении топлива каменный уголь занимал только 48,1%, против 67,1% в 1913 году. В дальнейшие годы, до 1919 года включительно, значение угля падает не только относительно, но и абсолютно, что видно из следующей таблицы о потреблении его в миллионах пудов и в процентном отношении к общему потреблению топлива в стране:

Годы.	Всего потреблено топлива (в милл. п. условн. топлива).[1]	Потреблено угля (милл. пуд.)[1]	% угля в общем потреблении топлива.
1913	7396	2440	33,0
1918	1073	160	14,9
1919	(807)	(28)	3,5
1920	(1531)	(379)	24,8
1921	(1430)	(335)	23,5

[1] Цифры в скобках носят приблизительный характер.

Ставя даже под некоторое сомнение достоверность цифр 1919 года и рассматривая только данные 1918 года, мы видим сокращение нашего топливного баланса в семь раз против довоенного времени, а сокращение в потреблении угля—в пятнадцать раз. В том же 1918 году уголь составлял только 15,1% промышленного потребления топлива (против 67,1% довоенных), 24,6% в потреблении железных дорог (против 68,1% довоенных) и 29,4% в потреблении топлива группой «Водоснет» (водопроводы и электрические станции). В общетехническом потреблении доля угля составляет в 1918 году 20,3% против 65,2% в 1913 году.

С 1920 года начинается период обратного завоевания углем своих прежних позиций в топливном балансе страны, при чем особенно важные успехи им были достигнуты в 1923 и 1924 гг., когда (правда, благодаря целому ряду особых мероприятий) донецкий уголь проник даже на Ленинградский рынок. При этом интересно заметить, что в 1923 году длина среднего пробега донецкого топлива по железным дорогам достигла 511 верст, т.-е. длины его довоенного пробега.

Достижения в области обратной «карбонизации» нашего топливного баланса по отдельным отраслям нашего народного хозяйства могут быть выявлены на следующих примерах. Потребление железными дорогами (с грубым пересчетом довоенного потребления на современную территорию) разных видов топлива в процентах представляется в следующем виде (в процентах):

Топливо.	1909—1913	1918	1921/22	1922/23	1923/24
Донецкий уголь . . .	36,5	24,5	18,0	25,0	39
Местный уголь . . .	21,0		12,5	15,5	15
Всего угля . .	57,5	24,5	30,5	40,5	54
Прочее топливо . . .	42,5	75,5	69,5	59,5	46
Итого . . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100

Постепенный переход железных дорог на уголь и достижение довоенного соотношения очевидно, при чем интересно отметить известную победу донецкого угля над местными углями. Другим примером может служить промышленность. Здесь изменения в значении угля в общем потреблении топлива видно из следующей таблицы (в процентах):

Топливо.	1913 г.	1916 г.	1918 г.	1923/24 г.
Донецкий уголь	67,1	52,5	15,1	31,5
Местный уголь		3,5		10,5
Всего угля	67,1	56,0	15,1	42,0
Прочее топливо	32,9	44,0	84,9	58,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

В промышленности мы имеем меньшее приближение к довоенному положению. Это объясняется тем, что темп работы металлургической промышленности, являвшейся одним из главных потребителей угля перед войной, в настоящее время гораздо слабее темпа работы легкой промышленности. Сравнивая потребление топлива в промышленности без металлургии, мы видим полное восстановление относительного значения угля, как это показывает следующее сопоставление (в процентах):

Топливо.	1916 г.	1923/24 г.
Донецкий уголь	28,5	24
Местный уголь	2,5	10
Всего угля	31,0	34
Прочее топливо	69,0	66
Итого	100,0	100

При этом характерно отметить, что в области промышленного потребления донецкий уголь не одержал той победы над местным, как в области потребления железнодорожного.

Значение привозного иностранного угля в нашем потреблении в период после 1917 года гораздо меньше, чем перед войной. Импорт угля, упавший к 1919 году до 0,1 милл. пудов, растет до 1922 года включительно, после чего вновь сокращается, что видно из следующих цифр (в миллионах пудов, включая кокс):

Годы.	В милл. пуд.	Годы.	В милл. пуд.
1917	47,8	1921	16,3
1918	1,0	1922	37,8
1919	0,1	1923	30,9
1920	2,3	1923/24	20,0

Доля иностранного угля в нашем потреблении поднялась до 6% в 1922 году, но вновь упала к 1923/24 году до 2%. Сокращение ввоза указывало на возможность удовлетворения потребностей рынка углем внутреннего производства. Если мы в годы войны стояли перед угольным голодом, то в 1923 году, наоборот, проблема угольного рынка была проблемой его сбыта. Если 1923/24 год дал нам около половины довоенной добычи угля, то один из крупнейших потребителей его — металлургическая промышленность работала лишь в 10—20% довоенной нагрузки и, следовательно, забрала сравнительно небольшое количество топлива. Еще больше усиливать значение угля в топливном балансе за счет сокращения других видов топлива в 1923 году было трудно, так как жидкое минеральное топливо, обладая целым рядом преимуществ перед углем, также имелось на рынке в достаточном предложении, а дрова не могли быть больше вытесняемы вследствие их относительной дешевизны.

Поскольку в 1923—1924 гг. на рынке имелись в достаточном предложении все важнейшие виды топлива, вопрос о повышении удельного веса угля в нашем топливном балансе был лишь вопросом о конкуренции его с дровами и нефтью, т.-е. вопрос соотношения цен. В 1923 году цена угля была относительно высока. Однако, в 1924 году картина несколько меняется, и цена на уголь в III квартале 1923/24 опер. года в важнейших промышленных центрах стоит уже ниже цен на древесное топливо и гораздо ниже цен на мазут. Наглядно этот процесс изменения соотношения цен рисуется следующими несколькими цифрами.

Оптовая цена в Киеве в копейках за 1000 пудокалорий.

Топливо.	Июнь 1923 г.	Март 1924 г.	Июль 1924 г.
Дрова	4,5	5,5	6,2
Уголь ПЖ (6800 кал.) . . .	7,5	6,2	5,6
» АП (5600 » . . .	9,5	6,6	6,5
Мазут	13,2	9,1	8,6

Политика понижения цен является одним из наиболее эффективных способов расширения потребления угля. Это доказывается уже тем, что после произведенного понижения значительно расширился круг «вольных» покупателей угля, т.-е. круг потребителей, наименее связанных в выборе горючего. Действительно, поставка угля важнейшему «плановому» потребителю—железным дорогам—составляла в первом полугодии 1923/24 опер. года

61% всех поставок, в третьем квартале уже только около 40—45%, а по плану расхода угля на 1924/25 г.—около 40%.

Завоевание углем доминирующих позиций, затормозившееся несколько в 1923 году, усилилось в 1924 году. Однако, не следует все-таки упускать из виду, что по отдельным районам оно шло разным темпом и далеко не везде могло поэтому достигнуть одинаковых результатов. Если на Украине уголь не знает серьезных конкурентов, то внедрение его в топливный бюджет лесных районов затрудняется дешевизной на местах древесного топлива. Точно также ему не везде легко бороться с нефтетопливом (Каспийское побережье, Закавказье, Волжский район).

Наконец, необходимо упомянуть о борьбе донецкого угля с так называемыми местными углями. Там, где местные угли, несмотря на свое худшее качество, не могут быть вытеснены донецким углем, представлялось целесообразным сжать местную добычу и расчистить дорогу донецкому углю. Дело в том, что в расширении сбыта донецкого угля был заинтересован весь Союз, поскольку восстановление и развитие Донбасса[1] (возможное лишь при соответствующем сбыте его продукции) были необходимы для создания твердого топливного базиса для будущего расширения металлургической промышленности Юга. Когда Донбасс будет в достаточной степени занят снабжением металлургической промышленности (как это имело место перед войной), тогда внедрение его угля в районы расположения местных углей не будет иметь для него такого актуального значения, и тогда можно будет считать своевременным соответствующее расширение значения местных углей в топливном балансе.

Если мы еще недавно стояли перед лицом угольного голода, то 1923/24 операционный год дал нам уже картину временного перепроизводства угля. Размеры остатков угля как в местах добычи, так и у потребителей резко увеличились, что видно из следующей таблицы:

Районы.	Остатки угля в миллионах пудов.					
	В местах добычи.		В местах потребления.		Всего.	
	1/X 1923 г.	1/X 1924 г.	1/X 1923 г.	1/X 1924 г.	1/X 1923 г.	1/X 1924 г.
Донбасс	95	168	66	151	161	319
Прочие бассейны .	9	14	27	35	36	49
Всего . .	104	182	93	186	197	368

[1] Недаром прозванного «всероссийской кочегаркой».

Наличность больших остатков угля нецелесообразна как с технической точки зрения (ухудшение качества угля от лежания и пр.), так и с экономической (замедление оборота капитала).

В виду роста остатков в 1924 году приходилось осторожно подходить к вопросу о дальнейшем развитии нашей каменноугольной промышленности. Как им тогда представлялось это развитие, наглядно показывает производственная программа на 1924/25 операционный год:

Районы и тресты.	Добыча в милл. пуд.[1]	
	Фактическая 1923/24 г.	Программная 1924/25 г.
Донуголь—крупные шахты	542	554
» мелкие »	42	11
Всего Донугля	584	565
Югосталь	89	118
Химуголь	27	25
Транспорткопи	28	31
Всего по Донбассу	728	739
Всего по Сибири	80	69
Кизелтрест	36	40
Москвуголь	40	39
Итого	884[1]	887[1]
В том числе:		
Организации, добывающие для собственного потребления[2]	144	174
Организации, добывающие для сбыта	740	713

Из сравнения программы 1924/25 г. с фактической добычей 1923/24 г. видно, что: 1) несколько сокращается добыча угля, идущего для сбыта; 2) расширяется добыча угля комбинатами и др. организациями для собственных нужд (напр., Югосталь), в соответствии с производственными программами этих комбина-

[1] Только по важнейшим районам и объединениям.
[2] Югосталь, Химуголь, Транспорткопи.

тов; 3) по Донуглю резко сокращается добыча мелких шахт; 4) общий итог добычи остается почти без изменения. Таким образом, в 1924/25 году должно было иметь место не столько расширение, сколько рационализация добычи, т.-е. ее концентрация в крупных шахтах и важнейших районах (сокращение добычи в Сибири и в мелких шахтах Донугля).

Причины невозможности дальнейшего сильного расширения добычи угля в ближайшее время лежат в двух связанных между собою плоскостях. Во-первых, при современном состоянии нашей промышленности (в частности тяжелой) и транспорта, добываемое в настоящее (т.-е. в 1923/24 и в первой половине 1924/25 гг.) время количество угля вполне покрывает потребности рынка. Вторая плоскость—состояние нашей каменноугольной промышленности. Хотя ее состояние и улучшается, тем не менее оно все еще не дает возможности настолько понизить цены, чтобы вытеснить углем другие виды топлива на внутреннем рынке или расширить экспортные операции (находящиеся в настоящее время в зачаточном состоянии). Действительно, коммерческая себестоимость пуда угля у Донугля в 1923/24 г. выражалась в размере 20,9 коп., в то время как оптовая продажная цена английского угля в Лондоне равна 15—20 коп., в зависимости от сорта.[1]

VII.

Часть идущего в потребление в качестве топлива угля подвергается некоторой переработке (не считая сортировки, промывки и пр.), как-то: коксованию, брикетированию и пр. Из этих процессов наибольшее значение имеет коксование, особенно развившееся в разных странах с 40-х годов прошлого столетия, в связи с ростом мировой железоделательной промышленности.

[1] К началу 1925/26 года конъюнктура угольного рынка изменилась. В связи с успешным развертыванием Союзной промышленности, вопрос о сбыте угля потерял уже свое актуальное значение и вновь сменился вопросом о том, сможет ли Донбасс в полной мере снабжать страну. В связи с этим опять обращено уже серьезное внимание на дровозаготовки, торфодобывание, расширение добычи местных углей и даже на вопрос о ввозе заграничного угля (в Ленинград), с целью разгрузки Донбасса от потребителей, которые с тем же успехом могли бы пользоваться местными топливными ресурсами. Этот факт лишний раз подчеркивал всю правильность временного предоставления Донбассу в 1923 и 1924 гг. расширенного рынка (до Ленинграда включительно), чтобы дать ему возможность подготовиться к снабжению тяжелой промышленности. Мы видим, что в ближайшее время, несмотря на эту полуискусственную подготовку, Донбасс только-только будет в состоянии в полной мере обслуживать свой довоенный рынок и частично уже отказывается от расширенного рынка 1923 — 1924 гг. В связи с этим, конечно, опять несколько вырастет значение второстепенных угольных районов, в особенности в деле снабжения местных рынков, и значение привозного угля (ввоз заграничного угля в 1924/25 году уже почти в полтора раза превышает привоз 1923/24 года).

У нас производство кокса больше чем на 99% сосредоточено в Донецком бассейне. До войны оно обнаруживало сильный рост, в связи с ростом нашей железоделательной промышленности. Достаточно указать, что за 25 лет, предшествовавших войне, производство кокса удесятерилось, составляя:

Годы	Милл. пуд.
В среднем за 1891—1895	25
» » » 1901—1905	124
» » » 1911—1913	237
» » » 1914	279

Донецкий кокс обслуживал всю металлургическую промышленность Юга России и Центрального района. Уральская промышленность работала, главным образом, на древесном угле. Своего кокса нам не хватало, и ввоз его из-за границы доходил до 50 милл. пудов в год (47 милл. пудов в 1912 году). Две трети этого количества шло по западной сухопутной границе, обслуживая нужды металлургической промышленности Привислинских губерний, поскольку уголь Домбровского бассейна не давал хорошего кокса. Остальная часть привозного кокса шла преимущественно на обслуживание металлургической и металлической промышленности Прибалтийского района.

Во время войны производство кокса продолжает несколько увеличиваться, достигнув максимальной цифры в 1917 году (около 400 милл. пудов), после чего наступает резкое сжимание и даже почти полная приостановка его производства. Возрождение начинается во второй половине 1920 года, при чем идет довольно медленно. В 1924/25 году было добыто меньше треста довоенного производства кокса, что, конечно, стоит в тесной связи с сравнительно медленным ростом производства нашей металлургической промышленности. Движение добычи кокса за последнее десятилетие видно из следующей таблицы:

Годы.	В милл. пуд.
1914	278,4
1915	254,8
1916	269,6
1917	390,0
1920	—
1921	3,0
1922 (янв.—сент.)	10,0
1922/23	19,2
1923/24	44,5
1924/25	82,5

В техническом отношении наше довоенное коксование оставляло желать весьма многого. У нас почти не производилось улавливания летучих продуктов коксования, являющихся, между

тем, весьма ценными веществами для ряда химических производств (для производства искусственных органических красок, взрывчатых веществ, ряда фармацевтических препаратов и пр.). Серьезные технические достижения имели место за последние годы перед войной и, главным образом, во время войны, потребовавшей громадного количества бензола, привозившегося до того из-за границы. Технический прогресс виден из того, что в 1910 г. только 13% кокса добывалось в печах с приспособлениями для улавливания летучих продуктов коксования; в 1913 году в таких печах было произведено 29% всего кокса, а в 1917 году уже 56%. Число этих печей в 1910 году равнялось 313, в 1913 г.— 848, а в 1917 году — уже 2471.

В настоящее время, при незначительности размеров нашего коксового производства, имеется полная возможность сосредоточения его в печах с наиболее полным улавливанием летучих продуктов.

В. С. КЛУПТ.

НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Литература: 1. Общего характера: К. И. Богданович, «Очерк месторождений нефти и других битумов». С. Н. П.,[1]—1921. «Естественные производительные силы России», т IV, вып. 22. К. Е. П. С. Пгр., 1921. Д. Хагер, «Практика нефтяного дела», С. Н. П., 1923. С. Дойлидский, «Бурение нефтяных скважин», Баку, 1921. В. Э. Ден, «Курс экономической географии», Лгр. 1924.

2. История: «30 лет деятельности т-ва бр. Нобель», СПБ, 1909 г. «35 лет деятельности т-ва бр. Нобель», Пгр., 1914. В. И. Фролов. «Из прошлого русской промышленности», Н. С. Х.,[2] 1920, № 9/12. Его же, «Транспорт в нефтяной промышленности», Н. С. Х. 1921, № 5/8. И. Даниэль-Бек, «Русский нефтяной экспорт», Пгр., 1916. С. Вышетравский, «О нефтяном хозяйстве России», Баку, 1915. В. С. Зив, «Иностранные капиталы в русской нефтяной промышленности», Пгр., 1916.

3. Бакинский район: Д. В. Голубятников, «Фонд запасных земель в Бакинском районе», Н. С. Х. 1922, № 1/4. «Сравнительные статистические данные о бакинской нефтяной промышленности за 1911—1920 гг.», Азнефть, 1920 г. «Бакинская нефтяная промышленность за 2 года национализации», Азнефть, 1922 г.; то же за 3 года национализации — Азнефть, 1923. «Обзор бакинской нефтяной промышл. за 1921/22 г.», Азнефть, 1923 г. То же за 1922/23—Азнефть, 1924, г. Доклад. С. Вышетравского: «Масляная проблема», Н. С. Х, 1922, № 5/6. Доклады Д. В. Голубятникова, И. Гаврилова и И. М. Губкина на I Съезде нефтеработников. Н. С. Х., 1922, № 7/8. С. М. Колесников. — «К вопросу об определении запасов нефтяных месторожд. и норм погашения последних в калькуляции себестоимости нефти». А. Н. Х,[3] 1924. № 1. А. Серебровский, «Азнефть на пятом году национализации», А. Н. Х, 1924, № 5/6. З. К. «К характеристике бурения за период национализации», А. Н. Х., 1924, № 7/8. Ив-ич, «Вода и нефть в эксплуатации бакинских нефтяных промыслов», А. Н. Х., 1924, № 11. Ф. Рустамбеков, «Предположения Азнефти о технической рационализации добычи по 5-летнему производственному плану», Н. С. Х, 1924, № 10. И. Эпштейн, «Первый Советский промысел имени Кирова», Н. С. Х., 1924, № 5/6. А. О. Сегаль, «Очерки хозяйства Азнефти», Н. С. Х., 1924, № 9. «Статистические данные Азербайджанской нефтяной промышленности», в каждом номере журнала А. Н. Х.

4. Грозненский район: С. И. Чарноцкий, «Методы подсчета запасов нефтяных месторождений и опыт их применения к Грозненскому и Майкопскому районам», С. Н. П., 1922. И. М. Губкин, «Грозненский нефтеносный район», Н. С. Х., 1920, № 4/8. Тихвинский,

---

[1] Совет Нефтяной Промышленности, Москва — Ленинград.
[2] Нефтяное и Сланцевое Хозяйство. Москва, изд. Сов. Нефт. Пром.
[3] Азербайджанское Нефтяное Хозяйство. Баку, издание Азнефти.

Парафинистая нефть и задача ее обработки», Н. С. Х., 1921, № 1/4. Н. Стрижев, «Задачи Грозного», Н. С. Х., 1923, № 3. Максимович, «Практика и ближайшие задачи Грозного», Н. С. Х., 1924, № 9. Акерман, «Первый газолиновый завод в Грозном», Н. С. Х., 1924, № 9. Г. «Годовые итоги Грозненского района», А. Н. Х., 1924, № 12. Коссиор, «Товарные проблемы грозненской промышленности», Н. С. Х., 1924, № 10. «Отчет о деятельности Грозненского Государственного Объединения нефтяной промышленности за 1922/23 г.», Грознефть, 1924.

5. Остальные районы: С. И. Миронов, «Уральский район», Н. С. Х., 1920, № 1/3. А. Кузнецов, «Нужды Урало-Эмбинского района», Н. С. Х., 1924, № 1. Кузнецов. «К вопросу о транспорте в Ур.-Эмб. районе», Н. С. Х., 1924, № 3. С. А. Вышетравский, «Кубано-Черноморская промышленность», Н. С. Х., 1920, № 4/8.

6. Перспективы: В. И. Фролов, «Перспектива нефтяной промышленности на ближайшие 5 лет», Н. С. Х., 1924, № 2. Н. Смирнов, «Производственный план и добыча в Бакинском районе», Н. С. Х., 1923, № 11/12. Максимович, «О некоторых экономических факторах развития нефтяной промышленности», Н. С. Х., 1924, № 1. В. И. Фролов, «Очередные вопросы нашей нефтяной промышленности», Н. С. Х., 1924, № 3.

ГЛАВА I.

§ 1.

За последние пять лет нефтяная промышленность СССР пережила ряд глубочайших изменений. Ушли старые владельцы, а вместе с ними и старые приемы работы. На месте десятков и сотен отдельных капиталистов возникли крупные государственные объединения, которые в корне изменили всю постановку нефтяного хозяйства. Спрашивается, соответствовали ли эти перемены нуждам нефтяной промышленности, не нарушили ли они успешного хода ее развития?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сперва поставить проблему более общего характера и установить, при каких условиях вообще возможно достижение наиболее целесообразного способа ведения нефтяного дела. Лишь после этого можно будет перейти к выяснению того, созданы ли революцией эти условия или нет.

Все это обязывает нас прежде всего ознакомиться с естественными условиями залегания нефти; выбирая общее для всех нефтеносных районов и отвлекаясь от местных особенностей и деталей, мы сможем определить, какой общественной обстановки требуют нефтеносные недра для рациональной разработки содержащихся в них богатств.

* * *

Практикой нефтяного дела установлено, что большие подземные скопления нефти встречаются лишь в рыхлых породах — песках и песчаниках. Только небольшая часть нефти, пропитывающей пески, может быть извлечена при эксплуатации. Неко-

торые авторитеты считают, что эта часть не превышает 75 — 80% общего наличия нефти; некоторые же уменьшают указанную цифру вдвое и даже втрое.

Залежи нефти имеют промышленное значение только в том случае, если сверху и снизу, над и под месторождением, расположены непроницаемые пласты: например, сланцы, глина и т. д. В этом случае нефть не может просочиться в глубь земли, и она защищена от проникновения воды — ее постоянного и неразлучного спутника.

Нефтеносные пласты редко залегают горизонтально; обычно они бывают так или иначе изогнуты, смяты или разорваны. Геологи считают, что в таком случае наиболее значительные запасы нефти приурочены к верхним частям сводообразного изгиба пластов (так назыв. антиклинальная складка), а на концах (крыльях) складки вытесненная водой нефть, сплошь да рядом, исчезает совершенно.

До первой буровой отдельные ярусы девственного месторождения (нефтяные пески, вода, глина и т. п.) чаще всего не имеют между собой никакого сообщения, и в каждом водо-и нефтеносном пласте идет своя замкнутая жизнь, при чем, по большей части, пласт, независимо от своей величины, может считаться чем-то цельным.

Как известно, для извлечения нефти необходимо добурить скважину до какого-нибудь нефтесодержащего пласта. С проведением первой же скважины обрисованное выше статическое состояние нарушается. Первая же скважина, равно как и все последующие, прокладывает пути сообщения между пройденными бурением пластами и через образовавшееся отверстие соединяет каждый из пластов между собой и с поверхностью. Это воздействие извне делает месторождение динамически-живучим. Газы начинают устремляться вверх — наружу, иногда с жидкостью, иногда без нее; через просверленное отверстие из водоносных слоев, расположенных выше нефтеносного, потихоньку пробивается вода, постепенно заливая и портя месторождение. Через некоторое время пласт, прежде нефтеносный, превращается в смешанный, водо-нефтеносный, и с каждым годом содержание воды в нем все возрастает и возрастает. Даже, если запасы нефти и мало исчерпаны эксплуатацией, разрушительное соприкосновение с водой делает пласт все менее и менее продуктивным и, в конце концов, даже заставляет вовсе забросить его.

Таким образом, первый шаг, делаемый для жизни буровой, есть в то же время первый шаг, направленный к ее смерти.

Для нефтяной промышленности чрезвычайно важным является введение такого порядка эксплуатации недр, при котором последние не подвергались бы порче и разрушительному влиянию водной стихии. Однако, это далеко не всегда возможно. Если вода

пробирается в пласт с глубин земли, т.-е. из таких водоносных горизонтов, которые залегают ниже эксплуатируемого нефтеносного пласта, то попытка воспрепятствовать движению воды совершенно безнадежна. Всасывающая сила пласта, под влиянием которой вода пробирается вверх по трещинам, не может быть уменьшена человеком, и ему остается лишь утешение, что на нем не лежит никакой ответственности за происходящее обводнение. Совсем иное, если, в результате буровых работ, в пласт просачивается вода, находящаяся выше его. В этом случае возможна успешная борьба, поскольку налицо имеются благоприятные условия. Как ведется эта борьба, будет видно из краткого описания приемов бурения нефтяных скважин. Можно назвать два главнейших способа бурения: вращательный и ударный, при чем в СССР применяются две разновидности ударного способа: в Баку — штанговое, а в Грозном — канатное бурение.

Ударное бурение есть долбление земли в определенном месте. Производится это так. Прежде всего вырывают колодец глубиной около 10 сажен, над этим колодцем устанавливается вышка, к которой прикреплен особый, двигающийся вверх и вниз, механизм, называющийся «буровым станком». К нижнему концу станка прикреплено «долото», которое, ударяя грунт, производит долбление. Через некоторое время скважина сильно разрыхляется и наполняется водой; тогда бурение приостанавливается, буровой инструмент вынимается, и разрыхленная масса вычерпывается при помощи особого черпака — «американки». Чтобы предохранить стенки скважины от осыпания, для укрепления их в образовавшееся отверстие опускаются «обсадные трубы». В Баку бурение начинали обыкновенно диаметром в 36 — 38 дюймов, на глубине 300—320 саж. скважина оканчивалась диаметром 12 — 18 дюйм., при чем диаметр труб менялся 10 — 12 раз.

Само по себе бурение представляет немалые трудности, но самая ответственная часть работы заключается в борьбе с главным и беспощадным врагом — с водой. Эта борьба начинается с первого же водного пласта, пробуравленного долотом, и сводится к тому, что пространство между стенками скважины и спущенными в нее трубами («затрубное пространство») заливается цементом — «тампонируется». Иногда еще, к тому же, удается задавить в глину конец опущенной трубы, или, как говорят, «задавить башмак», и тогда буровая становится уже совершенно недоступной для воды, находящейся сверху.

«Закрытие вод» есть долгая, кропотливая работа, сильно задерживающая окончание скважины, и потому естественно, что стремящиеся к возможно быстрому обороту капитала промышленники не очень усердствуют в этом деле. Но если даже предположить, чего нет в действительности, что работы происходят без вредной торопливости, то и тогда успех борьбы с обвод-

нением гарантирован лишь в том случае, если высок уровень геологического познания данного месторождения, т.-е. если известно, где и на какой глубине будут встречены водоносные и нефтеносные горизонты. Однако, вся беда в том, что в условиях частного нефтяного хозяйства геолог не обладает главным оружием науки — общением со своими коллегами. Разрезы пластов, проходимых бурением, составляют «коммерческую тайну» нефтепромышленников и зорко охраняются от любопытства геологов конкурирующих фирм. Результатом этого являются самые непростительные промахи, даже на старых, давно взятых в эксплуатацию площадях.

Применение другого способа — вращательного, или американского — делает положение еще более серьезным.

В этом случае измельчание породы происходит благодаря постепенному срезыванию ее при помощи инструмента, которому сообщено быстрое вращательное движение (процесс этот напоминает работу сверлильного станка). Буровой инструмент — долото — опускается в скважину на полых штангах, внутри которых происходит непрерывная циркуляция раствора глины; последний через особые отверстия, имеющиеся в долоте, попадает на забой скважины и затем поднимается наверх, унося с собой измельченную породу. Таким образом, работа производится непрерывно и при постоянно чистом забое, что в совокупности значительно ускоряет ее окончание. Раствор глины, циркулируя по скважине, выполняет еще одно назначение: он глинизирует стенки, образует на них тонкую корку и этим предохраняет скважину от осыпания и обвалов. Все это существенно изменяет характер работы: так как чистка забоя происходит непрерывно, то нет надобности останавливать бурение для удаления измельченных пород; глинизация стенок делает возможным опускание обсадных труб уже после того, как пройдено 100, а иногда и 200 сажен; наконец, часто появляется возможность избегнуть тампонирования затрубного пространства. Все это, вместе взятое, значительно удешевляет и ускоряет работу и делает вращательную проходку чрезвычайно желательной—тем более, что скважина, построенная этим способом, оканчивается бо́льшим диаметром, хотя общий вес спущенных труб оказывается гораздо меньшим.

«Но при всех своих преимуществах вращательный способ имеет и существенный недостаток. Бурение приходится вести как бы вслепую. По тем образчикам пород, которые вместе с глинистым раствором выносятся на поверхность, очень часто бывает совершенно невозможно определить присутствие не только водяных песков, но и нефтяных, в особенности при легких сортах нефти, которые доминируют в некоторых бакинских месторождениях». Приведенное мнение принадлежит бакинскому деятелю; его любопытно сравнить с мнением американца. Может-

быть, в этой стране высокой технической сноровки удалось избегнуть указанных неудобств?

Выдающийся знаток нефтяного дела Д. Хагер пишет в своей книге «Практика нефтяного дела»: «При вращательном бурении имеется то опасение, что при вымывании водой буровой грязи, газ и нефть могут быть не обнаружены. При таком способе были пропущены хорошие нефтяные горизонты».

Вывод отсюда ясен: вращательное бурение требует точного и отчетливого представления о строении недр. Такое точное знание ускользает от геологов при наличии многих конкурирующих хозяйств на одной нефтеносной площади. Значит, для рациональной постановки бурения на каждой площади должно работать только одно объединенное предприятие.

Мы не станем разбирать особенностей постановки канатного (грозненского) бурения. Совершенно несомненно, что делаемые нами выводы в равной мере относятся и к этому способу проникновения человека в глубь земли. Бороться с обводнением, не пропускать нефтеносных пластов можно лишь при таком развитии геологии, которое несовместимо с раздробленностью нефтедобывания.

§ 2.

Под рациональной постановкой хозяйства мы вовсе не понимаем способность его принести наибольший доход в данный момент; мы считаем идеальной организацией такую, которая позволяет использовать все дары природы в самом полном размере и при наименьших затратах.

Для отдельного предприятия хищническое ведение хозяйства часто бывает более прибыльным, но все же, в конце концов, этот порядок ведет к уничтожению таких ценностей, которые могли бы быть использованы человеком.

В чем же заключается рациональная постановка самой разработки нефтяных залежей?

Прежде всего в том, что все горизонты, имеющие промышленное значение, должны быть взяты в работу, и ни один из них не должен быть пропущен. Во-вторых, в том, что извлечение нефти, которую может отдать пласт, должно стоить возможно меньше.

Раздробленность дореволюционного хозяйства ставила непреодолимые препятствия осуществлению рационального хозяйства.

Если две нефтепромышленные фирмы принимались за эксплуатацию соседних земель, то ни одна из них не смела и думать о том, чтобы использовать все пласты, имеющие промышленное значение. Стремление к возможно большей выгоде принуждало каждого из соседей-конкурентов добиваться того, чтобы первым вступить на самый богатый, еще не тронутый пласт. В таком

случае более ловкому доставались сливки в виде нефтяного фонтана, который легко мог оказаться фонтаном счастья. Возможность, при большой спешке, окунуться в брызги фонтанного благополучия принуждала нефтепромышленников махнуть рукой на всякие благие порывы в деле охраны недр, и нередко бывали случаи, когда горное законодательство прямо нарушалось для того, чтобы избежать потери времени на тщательное закрытие вод. Та же лихорадочная поспешность заставляла брезгать пластами средней насыщенности, хотя и пригодными для обработки, но не подающими «фонтанных» надежд.

«Только лучшие пласты»—вот лозунг, под которым шли и не могли не итти нефтепромышленные предприятии как в Грозном, так и в Баку.

Однако, этим прегрешения прежнего хозяйства не ограничиваются.

Если представить себе, что какая-либо нефтеносная площадь разрабатывается лишь одним предприятием, то нетрудно понять, какие расчеты будут определять число закладываемых вышек и расположение их. В основу будут положены изыскания геологов, опираясь на которые специалисты определяют, сколько должно быть заложено вышек и как они должны быть расположены. Такому предприятию нет никакого смысла закладывать больше вышек, чем это необходимо на основе рационального принципа.

Не то при наличии нескольких частно-хозяйственных предприятий; в этом случае действуют причины, которые оказываются сильнее воли к рационализации, если таковая у нефтепромышленников и имеется. Сплошь да рядом условия конкуренции заставляют закладывать буровые в количестве, вдвое превышающем нормальное число их. В этом случае особенно распространена установка скважин на границах участков. Заложенная таким образом пограничная скважина черпает нефть из одних с соседом-конкурентом частей пласта—«подсасывает» его, как говорят в Баку—и, разумеется, приносит существенную выгоду тому, кто раньше стал упражняться в этом занятии.

В результате оказывается, что значительное количество денег затрачено на сверление ненужных (с точки зрения рационального плана) дыр, а ведь последние, в довершение всего, являются лишней отдушиной, через которую проникает вода и улетучивается нефтяной газ.

Не в пример своим американским собратьям, русские нефтепромышленники почти не заботились об усовершенствовании самой техники эксплуатации буровых скважин.

Наиболее употребительный в России и совершенно вышедший из применения в Америке прием добычи — это «тартание». Аппарат, служащий для этой цели — «желонка» — имеет вид

длинного до 5 саж. цилиндра. Он приводится в движение механической силой и, опускаясь в скважину, набирает нефть, которую затем поднимает наружу и сливает в особые хранилища, где нефть отстаивается от воды. Операция опускания и подъема желонки занимает около 5 минут. Главными недостатками описываемого способа являются: его малая продуктивность, зависимость от внимательности и добросовестности тартальщика и значительное истечение газа из пласта.

К сожалению, именно этот архаический способ добычи господствовал на наших промыслах; однако, ряд более производительных скважин и у нас эксплуатируется при помощи «компрессоров», представляющих собой особую систему труб. Они устроены так, что сжатый воздух (давление около 30 атмосфер) идет по трубе, опущенной на дно скважины, и затем выходит через свободный загнутый кверху конец трубы, над которым расположена приемная тарелка другой трубы. Выходящий под давлением воздух идет по этой второй трубе обратно наверх и забирает с собой нефть, которая затем стекает в приемник. Компрессоры применимы лишь в скважинах с большим притоком нефти; эксплуатация же сравнительно бедных скважин наиболее рационально должна производиться с помощью так называемых «глубоких насосов».

Попытки применения этих насосов делались и у нас (фирмами «Европейская Корпорация» и «Нобель»), но разбивались о несовершенства американской конструкции при работе в русских условиях, и только при Советской власти удалось сконструировать нужный тип насоса.

Глубокие насосы рационализируют нефтедобывание не только потому, что дают дешевую нефть, но и потому, что в этом случае скважины герметически закупорены. При иных способах эксплуатации, особенно при фонтанировании, из нефтяного пласта беспрерывно улетучивается содержащийся в нем газ. Это способствует понижению давления в пласте, т.-е., иными словами, уменьшает быстроту и силу притока нефти к забою скважин и вместе с тем ослабляет сопротивление, оказываемое нашествию воды. Герметически закупоренная скважина, со спущенным туда насосом, не испытывает иссушающей тяги воздуха; если же газ все же улетучивается, то он целиком улавливается и идет на выработку бензина.

§ 3.

Рациональная постановка бурения и эксплуатации нефтеносных пластов встречает сильное препятствие в существовании ряда разъединенных предприятий. Поэтому при капиталистическом строе в обращении с недрами господствует хищничество. Но каковы же пути в том случае, если нефтеносная площадь ранее разрабатывалась хищнически, а затем, в силу разных

обстоятельств, хозяева ее переходят к рациональной постановке дела? Отражается ли в этом случае прошлое, а если отражается, то в какой степени?

Оказывается, в этом случае приходится нести немалые жертвы. Раз пласты уже начали затопляться, то необходимо включать в эксплуатацию значительное количество скважин с малой производительностью, хотя эти скважины будут, иной раз, давать в 5—6 раз больше воды, чем нефти, и хотя расход топлива может во многих случаях превышать количество извлекаемой нефти. Спасение и оздоровление недр, этого главного капитала нефтяной промышленности, мыслимо лишь тогда, когда вода откачивается быстрее, чем прибывает. Однако, простого удаления поступившей воды недостаточно. Для борьбы с обводнением необходимо узнать, откуда поступает вода, и затем произвести цементирование скважин-обводнителей. Систематическая ликвидация источников обводнения может быть организована целесообразно лишь в том случае, если разработан единый план работ для всей площади и если в составлении его принимали участие геологи.

Преимущество единого хозяйства и в этом случае несомненно, но главное, что мы пытаемся установить, заключается в следующем. При работе на обводненной площади недопущение полного уничтожения месторождения находится в зависимости от скорости, с которой удаляется вода; иными словами, оно зависит от числа введенных в эксплуатацию скважин. Так как скважины дают не только воду, но и нефть, то и получается такое положение, при котором количество добываемой нефти не находится в прямой зависимости от желаний предпринимателя. Количество извлекаемой жидкости зачастую не зависит от спроса, предъявляемого рынком, а диктуется состоянием недр. Режим, установленный для оздоровления нефтеносных пластов, может заставить и в период низких цен добывать дорогую нефть и работать на склад; наконец, в период значительного спроса следует много раз подумать, прежде чем пробурить новую скважину, ибо, заложенная на затопленной площади, буровая не может быть безнаказанно остановлена, при наличии депрессии на рынке.

В этом своеобразие нефтяной промышленности: она отличается меньшею гибкостью, чем другие отрасли народного хозяйства. В период кризисов на буровые скважины нельзя повесить замка и ждать, пока настанут благоприятные времена.

Несоблюдение этого основного правила грозит очень серьезными последствиями, как это видно из примера нашего старейшего района — Бакинского.

Первая революция повлекла за собой разгром и пожар промыслов. Вместе с тем она сократила число скважино-дней

эксплуатации, что вызвало резкое изменение в состоянии недр. Двухлетнее (1905—1907 гг.) ослабление деятельности вызвало такой мощный приток воды, что последующие 10 лет усиленного ввода новых и прежде заброшенных скважин не смогли спасти положения. Из приводимой ниже таблички видно, как неуклонно и резко понижается производительность скважин на четырех старых площадях.

Годы.	Число производит. скваж. на 4 старых площ.	Добыча на 4 старых площ. В милл. пуд.	Число производит. скваж. на 2 новых площ	Добыча на 2 новых площ. В милл. пуд.	Общая добыча в милл. пуд.
1900	1698	600,3		—	600,3
1901	1911	670,9		—	670,9
1902	1825	636,0		—	636,0
1903	1835	596,3		—	596,3
1904	1998	614,7		—	614,7
1905	1973	409,6		—	409,6
1906	1954	448,0		—	448,0
1907	2292	476,2		—	476,2
1908	2495	467,0		10,5	477,5
1909	2632	490,3		14,5	504,8
1910 . . .	2840	478,2		19,4	497,6
1911	2867	425,4		28,9	454,3
1912	3142	419,1		43,7	462,8
1913	3445	389,8		56,3	446,1
1914	3650	338,0		75,4	413,4
1915	3677	342,8		96,2	439,0
1916	3571	329,4		135,5	464,9
1917	3525	262,9		128,8	391,7

Точных сведений нет.

Есть много оснований предполагать, что в данном случае падение производительности на четырех старых площадях нужно отнести не столько за счет естественного истощения месторождений, сколько за счет растущего затопления пластов.[1] Это пока-

[1] На заседании геологической секции I Всероссийского Съезда нефтеработников, в прениях по докладу Я. В. Гаврилова, «К вопросу о затоплении старых площадей 4° водой», в пользу этого мнения высказывались, кроме докладчика, почти все участники прений. См. «Нефт. и Сланцев. Хоз.», № 7/8 1922 г.

зывает, каким опасностям подвергается нефтеносная площадь, когда она находится в обладании у ряда отдельных предпринимателей, которых взаимная конкуренция не допускает к установлению согласованных действий.

§ 4.

В настоящее время в СССР, как и почти на всем земном шаре, господствует система «непрерывной перегонки», заменившей менее рациональную, старую «периодическую» перегонку в одном кубе. Непрерывная перегонка идет по целой системе кубов, расположенных ступенями и имеющих каждый свою топку и свою особую температуру. При этом, чем куб расположен ниже, тем значительнее температура его нагрева. Идя самотеком через все эти кубы, нефть последовательно отделяет сначала более легкие, а затем все более тяжелые свои составные части. С повышением температуры эти «фракции» располагаются в следующем порядке: сначала отделяются 1) дистиллаты газолинов, затем 2) дистиллаты осветительных масел, 3) дистиллаты соляровых масел, 4) дистиллаты веретенных масел, 5) дистиллаты машинных масел, 6) дистиллаты цилиндровых масел и 7) нефтяные остатки.[1]

Однако, все указанные погоны получаются далеко не из каждого сорта нефти. Есть сорта, не дающие масел, есть сорта, дающие мало керосина, и т. д. В каждом кубе нередко получаются также и соседние фракции. Например, в керосиновом кубе могут быть обнаружены газолиновые и соляровые погоны. Для более тщательной рассортировки, пары, прежде чем быть охлажденными, пропускаются через особые приборы («дефлегматоры»), после чего достигается уверенность в однородности фракций.

По существу, однако, техника перегонки более сложна, чем это изображено здесь. Дело в том, что, независимо даже от стремления к экономии топлива, необходимо добиться возможно более низкой температуры в каждом из кубов, где происходит перегонка. Это вызывается тем, что при высокой температуре молекула нефти распадается, что вредно, если перегонка идет на масла машинные и цилиндровые. Напротив, распад молекулы желателен в том случае, когда целью перегонки является получение бензина (газолина). Поэтому, при перегонке на тяжелые, высоко кипящие фракции, в кубе применяется «вакуум» (разрежение воздуха) и взбалтывание нефти перегретым водяным

[1] Нефтяными остатками называются весьма различные нефтепродукты; иногда под этим названием фигурирует нефть, из которой удалены только самые легкие части; иногда же остатки представляют собой то, что осталось после отгона либо всех перечисленных фракций, либо части их.

паром. В совокупности это сильно понижает температуру кипения нефти и позволяет избегнуть опасности распада частиц. При работе на бензин современная техника, наоборот, стремится к разложению молекулы, путем колоссальной температуры нагрева, при значительном давлении. Это позволяет получать газолин, бензин и др. легкие погоны из таких нефтепродуктов, из которых при простой перегонке (без разложения) никогда получить их не удалось бы. Без применения «крэкинг-процесса» (так называется получение бензина при разложении молекулы) не удалось бы снабдить бензином, во время войны, тысяч аэропланов и автомобилей, принадлежавших союзникам. Лорд Керзон подчеркнул в одной из своих речей, произнесенных на торжестве по поводу Версальского мира, что «победа союзников пришла на потоках нефти», но правильнее было бы сказать, что она стала возможной лишь благодаря «крэкингу». Из всего сказанного вовсе не следует, что бензин добывается только при перегонке с разложением. Напротив, в СССР перегонка бензина пока еще идет по старому способу, т.-е. в верхнем ряде системы кубов. Но примененный в заводском масштабе «крэкинг» и у нас не за горами.

Нужно еще отметить, что бензин, полученный крэкингом, обладает весьма большим удельным весом; вследствие этого его нужно «смягчать» примесью очень легкого газолина, получаемого из нефтяного газа путем его сжатия, конденсации последнего. Благодаря этому обстоятельству, на ряду с нефтяной, возникает и газовая промышленность, т.-е. в использование поступает огромное количество газа, прежде пропадавшего даром. Этого обстоятельства нельзя не отметить как значительного продвижения вперед по пути всемерной утилизации даров природы.

Требования рынка заставляют, сплошь да рядом, подвергнуть продукт вторичной перегонке, но и этим дело не кончается, так как полученные «дистиллаты» должны еще подвергнуться очистке (в особых «мешалках») при помощи серной кислоты и щелочи. Этими реактивами они освобождаются от всех вредных примесей и становятся пригодными для потребителя.

Обработка нефти—очень сложная и трудная задача. Однако, отнюдь нельзя сказать, чтобы русские техники с ней не умели справиться. Даже поверхностный осмотр завода б. Нобеля в Баку говорит о весьма высоком развитии техники в этой отрасли нашей хозяйственной жизни. Тем более резко бросается в глаза то обстоятельство, что и здесь не достигнута рациональная постановка хозяйства.

Препятствием к уничтожению хищничества служат требования рынка. Конъюнктура рынка в России с начала XX века складывается так, что сильный спрос имеется, по преимуществу, на топливо, и далеко не достаточен спрос на остальные нефте-продукты. Недостаточен в том смысле, что он не покрывает

всех тех более ценных, чем топливо, сортов, которые могли бы получиться из бакинской и грозненской нефти, при полном и наиболее рациональном использовании ее природных свойств. В соответствии с такой слабостью рынка, заводским фирмам приходилось сокращать «выход» многих ценных нефтепродуктов, и работа производилась «на мазут», т.-е. отделялись лишь самые легкие части, присутствие которых в сырой нефти делало бы ее непригодной на топливо. Таким образом в топках сжигалась раньше (увы, сжигается и теперь) ценная масляная нефть, запасы которой вовсе не так уж огромны.

В последнее время инж. Вышетравским была сделана попытка подсчитать, до каких размеров доходило пренебрежение к изготовлению масел, поскольку последнее не могло быть выгодным. Эта попытка представлена в следующей таблице, данные которой (в миллионах пудов) касаются всех наших районов.

Выработка масел.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Валовая добыча . .	561	572	564	553	572	606	522
Добыча масляной нефти	319	272	267	240	237	215	182
Возможный выход масел	48	41	40	36	38	32	27
Фактический выход масел	18	24	23	14	10	9	10
Недовыработка масел в %. .	63	41	43	61	74	72	62

Итак, хотя каждый завод в отдельности мог быть верхом целесообразности, но все заводы в целом должны были работать на основе хищничества. Это положение является общим для нефтяной промышленности всех стран, но для русской в особенности. Слабое развитие промышленности и бедность крестьянства являлись сильнейшим препятствием в деле рационализации переработки нефти.

Согласно данным бывшего Планового Управления ГУТ, среднее годовое потребление нефтепродуктов в последнее довоенное пятилетие составляло (в милл. пуд.):

Нефтепродукты.	Внутренний рынок.	Экспорт за границу.	Всего.
Нефтетопливо	300	—	300
Керосин.	60	27	87
Соляровые и смазочные масла	10	20	30
Бензин	1,5	5	6,5
Итого	371,5	52	423,5

Этот спрос никоим образом не давал возможности организовать максимальное использование природных свойств нефти. При стремлении к рациональному хозяйству нужно было добиваться большего потребления бензина, керосина и смазочных масел. Что касается керосина, то внешний рынок был для него утерян в результате неудачной борьбы с Standard Oil, а внутренний рынок продолжал быть очень тесным. Потребление керосина внутри страны было ничтожно и составляло на душу населения в 1900—1904 гг.—13 ф., в 1905—1908 гг.—15,2 ф., в 1908—1912 гг.—17 ф., в то время как, например, Германия потребляла 44—45 ф. на душу в год. Итак, повидимому, рационализация прежде всего совпадает с увеличением потребления керосина, главным образом, в деревне. Не приходится говорить, что это является вместе с тем и средством для вовлечения крестьянства в культурную жизнь и что это возможно лишь с улучшением благосостояния земледельческого населения.

Что касается разных сортов смазочных масел, то, при слабом развитии русской промышленности, они, конечно, не могут рассчитывать на значительный сбыт. И до революции рациональное использование нефти требовало, чтобы этот вид нефтепродуктов усиленно вывозился за границу. То же можно сказать и о бензине.

Если мы сопоставим размеры и состав нашего нефтеэкспорта за 1904 и 1913 гг., то увидим, что тенденция к увеличению вывоза смазочных масел и бензина действительно проявлялась. Экспорт нефтепродуктов из России составлял:

Нефтепродукты.	1904 г.		1913 г.	
	В милл. пуд.	В %	В милл. пуд.	В %
Керосин.	93,4	83,3	26,3	46,4
Смазочные масла	13,6	12,1	14,6	25,2
Бензин	1,2	1,1	9,3	16,1
Прочие продукты	3,9	3,5	7,1	12,3
Всего	112,1	100,0	57,8	100,0

Тем не менее «мазутный» характер работы нефтяной промышленности продолжал существовать, т.-е. промышленность преимущественно работала на мазут (на топливо), и в топках сжигались «масляные» и «керосиновые» части нефти.

Вывод может быть только один. Лишь при наличии широкого и разностороннего рынка наша нефтяная промышленность перестанет встречать препятствия на пути рационализации своего хозяйства. Что касается внутреннего рынка, то он явно недостаточен, а, следовательно, в наших условиях рациональное использование нефти требует энергичного экспорта за границу таких продуктов, как бензин и смазочные масла.

§ 5.

Как мы могли уже убедиться, существенным условием для наиболее целесообразного использования недр является объединение всего промыслового хозяйства в одних руках. Очень важно установить, шло ли развитие нашей промышленности уже до революции в этом направлении, или же революция внесла в существовавший до нее ход развития совершенно новые тенденции.

Краткая историческая справка покажет, что в России, как и везде на земном шаре, нефтяная промышленность шла к концентрации и что начинался этот процесс с объединения торгующих, заводских и транспортных фирм и лишь постепенно распространялся на фирмы нефтедобывающие.

Первая скважина была заложена в Баку в 1872 г.; в 1873 г. их было уже 17, в следующем году — 40, а через два года 101 скважина принесла уже добычу в 11 миллионов пудов.

Дальнейшая история бакинской промышленности есть история грандиозных фонтанов, подчас горящих ярким пламенем, подчас уходящих в море, — это история слабого развития техники как в области бурения, так и в области нефтедобывания, это, наконец, история ожесточенной борьбы нефтепромышленников за земли, считающиеся заведомо нефтеносными, в большинстве принадлежавшие казне.

Борьба за земли есть, собственно говоря, борьба за право аренды ее; в Баку, к началу XX в., борьба приобретает уже настолько исключительные размеры, что привлекает к себе всеобщее внимание.

Объявленные правительством в 1903 и 1906 гг. торги протекают в условиях такой жаркой схватки между конкурентами и так насыщены хищническими тенденциями, что Сенат не находит возможным утвердить их. В этом смысле особенно интересны торги 1906 г., ибо с них начинается организованное

стремление группы старых промышленников добиться монопольных прав в бакинском районе. С этой целью поднимается целая кампания в государственной думе и в прессе в пользу создания «паевого товарищества» с участием казны. Эта тенденция крупных фирм встретила жестокую критику со стороны потребителей, справедливо опасавшихся роста цен на нефть; и, в конце концов, попытка провалилась.

Результатом неурегулированности земельного вопроса в Баку явилась чрезвычайная раздробленность участков, сопровождавшаяся сильнейшей чересполосицей. К 1913 г. нефтеносная площадь Апшерона разрабатывалась 181 фирмой. [1] Участки, занятые этими фирмами, имели самые нелепые контуры, какие только можно себе представить.

Насколько мала была роль крупных фирм, видно на примере «т-ва бр. Нобель». Эта крупнейшая и культурнейшая (в пределах возможного) фирма обладала весьма небольшой добычей. В процентном отношении ко всей добыче Бакинского района, деятельность нобелевских промыслов составляла:[2]

в 1900 г.	14,1%
» 1901 »	11,9%
» 1902 »	12,2%
» 1903 »	10,8%
» 1904 »	11,4%
» 1905 »	11,7%
» 1906 »	11,9%
» 1907 »	12,9%
» 1908 »	13,2%
» 1909 »	13,6%

Эти данные относятся к десятилетию 1900—1909 гг. После 1910 г. т-во бр. Нобель частью вступило в какую-то связь с другими нефтепромышленными фирмами, частью просто присоединило к себе ряд таких фирм, почему официальные отчеты т-ва за 1911—1919 гг. не были бы убедительны.

Установив, по крайней мере, для периода до 1910 г., отсутствие концентрации нефтедобывания в Баку, отметим, что и в Грозном наблюдалась та же картина, но только там, конечно, не было столь значительного числа добывающих фирм.

В этой местности на так называемой Старо-Грозненской площади возникновение буровой деятельности относится к 1893 г. К 1 января 1916 г. на площади в 989 десятин работало 13 фирм, в обладании которых было всего 338 функционирующих скважин. На Ново-Грозненской площади начало работ приходится на

[1] «Краткий очерк состояния нефтяной промышленности за 1913 г.», Баку, 1914. г.

[2] «25 лет деятельности т-ва бр. Нобель», СПБ, 1910 г., стр. 70.

1913 г., а в 1916 г. здесь уже работало 13 фирм, заарендовавших свыше 1000 десятин, на которых было сооружено 86 скважин.

Таким образом, существование концентрации нефтедобывания следует поставить под большое сомнение; во всяком случае, официально ее не было. Зато уж никакому сомнению не подлежит наблюдаемая с 1890-х гг. преобладающая роль крупных фирм в заводском деле и в транспорте нефтепродуктов. Столь же несомненна и гегемония 4—5 фирм в торговле нефтепродуктами на внутреннем и внешнем рынке.

За первый период времени, когда концентрации подвергались, главным образом, торгующие и транспортирующие фирмы, промышленность получила мощное подкрепление в виде значительных русских и иностранных капиталов. За время с 1895 г. по 1903 г. в нефтяное дело было вложено 80 милл. рублей русскими предпринимателями, 18 милл. руб. французами и 86 милл. руб. англичанами.

После перерыва, продолжавшегося с 1903 по 1909 г., внимание к русским нефтяным месторождениям вновь возродилось в 1910 г.[1] За пятилетие 1910—1914 гг. англичанами было вложено в нефтяную промышленность 209,3 милл. руб., при чем только на долю майкопских предприятий (в большинстве не оправдавших возложенных на них ожиданий) пришлось 56,8 милл. руб.[2] В этот же период англичане либо покупают полностью, либо подчиняют своему влиянию старейшие русские и иностранные предприятия в Баку и Грозном. В результате такого «обангличанивания» русской нефтяной промышленности тенденция к объединению начинает замечаться и у нефтедобывающих фирм. О том, насколько далеко зашло такое объединение, можно лишь догадываться, однако, есть основание предполагать, что к 1915 г. образовались три группы, внутри которых, более или менее, было достигнуто объединение интересов: Первая группа — «Русская Генеральная Ойль-Корпорация» — с основным капиталом свыше 123 милл. руб. и с добычей в 120 милл. пуд. в 1914 г.; вторая группа — «Нобель» — с основным капиталом приблизительно в 40 милл. руб. и добычей в 75 милл. пуд. в 1914 г., и третья группа — «Шелль» — всемирно известный англо-голландский трест, с основным капиталом в 51 милл. руб. и добычей в 92 милл. пуд. в 1914 г. Если к указанным трем объединениям причислить еще и вызывающие сомнения фирмы, относительно которых не известно в точности, к кому они примыкали, то можно считать, что «общая сумма основных капиталов

[1] См. В. Зив, «Иностранные капиталы в русской нефтяной промышленности». Пгр., 1916., стр. 15.

[2] Там же, стр. 32.

всех трех организаций достигала 249,4 милл. руб.» Относительно их роли в нефтяном деле В. Зив писал: «В руках этих трех групп фактически находится свыше половины общеимперской добычи, равно как $^3/_4$ торговли русской нефтью и нефтяными продуктами как в России, так и за границей».[1]

Очевидно, что во время войны русская промышленность находилась на пути к образованию огромного треста, наподобие американского. Однако, преувеличивать значение этих тенденций не приходится. Совершенно несомненно, что полного единства интересов внутри этих трех групп не было достигнуто и что некоторая рознь между ними существовала.[2] Предполагая иное, невозможно объяснить, почему нефтепромышленниками не была произведена перегруппировка и укрупнение всех существовавших промыслов. Что это было бы технически выгодно — это вне всякого сомнения, и это подтвердил опыт «Азнефти». Тем не менее соблюдение тайн в бурении, «подсасывание» соседей и проч. процветало махровым цветом и служило лучшим доказательством отсутствия полной договоренности среди промышленников. На основании этих соображений нам кажется, что официального синдиката в России не существовало; по всей вероятности, были лишь более или менее длительные договоры, согласующие торговую политику отдельных фирм. К чему же это должно было, в конце концов, привести? Конечно, к полной концентрации. Русская промышленность перед революцией уже была близка к ней, но в области нефтедобывания встретила какие-то препятствия, которые замедлили темп совершавшегося в последние годы объединения.

* * *

Мы выяснили ряд особенностей нефтяной промышленности. Революция сделала одним ударом то, к чему неизбежно вело предшествующее развитие: она объединила промышленность.

Создание единого хозяйства на каждой нефтяной площади уже само по себе должно было рационализировать бурение и эксплуатацию скважин и должно было выдвинуть на подобающее место работу геологов. С другой стороны, однако, отсутствие достаточно емкого и разнообразного рынка, естественно, ставило узкую границу достижениям промышленности на пути наиболее целесообразного использования природных богатств. Революция сделала возможной ликвидацию массы мелких хозяйств, но пока она не создала еще такого подъема благосостояния, который

[1] Там же, стр. 60.
[2] В. И. Фролов, в «Нефт. и Сланц. Хозяйстве» за 1920 г. № 9/12.

является предпосылкой для полной рационализации нефтяного дела. Этим и определяются границы тех достижений, которых могла добиться нефтяная промышленность после национализации.

ГЛАВА II.

§ 1.

В СССР самым старым районом нефтедобывания является Апшеронский полуостров. При своем возникновении бакинская промышленность обосновалась близ деревень Балаханы, Сабунчи, Раманы и Биби-Эйбат; нефтеносные площади, примыкающие к этим деревням, носят название «старых», в отличие от «новых» (Сураханы и Бинагады), на которых работа началась совсем недавно. Помимо перечисленных районов на Апшероне имеется еще целый ряд других богатейших, но еще не взятых в эксплуатацию, нефтеносных полей.

Сырая нефть, извлекаемая из недр Апшеронского полуострова, в разных частях последнего различна и обладает разной хозяйственной ценностью. До сих пор все еще нельзя утверждать, что свойства бакинских нефтей изучены в совершенстве. Принято считать, в общем, что добываемая в Баку нефть распадается на две группы: масляную и немасляную. Деление это крайне условно; как указывает само название, из масляной можно получать смазочные масла, а из немасляной добывать их невыгодно. Как масляная, так и немасляная нефть в зависимости от своего удельного веса делится на тяжелую и легкую. Из легкой масляной нефти получают керосина около 30%, смазочных и соляровых масел — около 20%, мазута — 50%. Из легкой немасляной нефти можно получить керосина 30%, мазута 70%. Эти нормы выхода, разумеется, указаны лишь весьма приближенно. Тяжелая масляная и немасляная нефть почти целиком идет на топливо.

Выше ничего не сказано про бензин; к сожалению, этот ценнейший продукт получается ныне в совершенно ничтожных размерах, хотя в былые годы выход его был весьма значителен.

Можно утверждать, что на «старых» бакинских площадях почти вся легкая нефть является масляной, а тяжелая—немасляной. Наоборот, на «новых» площадях добываемая легкая нефть совершенно определенно не может считаться масляной; то же относится и к тяжелой нефти этих площадей.

Разумеется, эксплуатации подвергаются в первую очередь те пласты, которые залегают ближе к поверхности. В «Балахано-Сабунчино-Раманинском» районе до сих пор разрабатывались лишь пласты, входящие в состав так называемого «верх-

него отдела», обладающего мощностью в 400 саж. В последнее время несколько скважин, продырявив бедный нефтью «средний отдел», вступили в «нижний отдел», иначе называемый «кирмакинской свитой», мощность которой, по всей вероятности, не менее 200 саж.

На разных глубинах удельный вес нефти различен. Например, в Балаханах он колеблется между 0,867 и 0,907; в Раманах имеется легкая «красная» нефть уд. веса 0,810 — 0,820, но, одновременно, там же можно добыть и более тяжелую нефть с уд. весом 0,889.

Нефти со «старых» площадей обладают мировой известностью, так как некоторые из них, как, например, балаханская, занимают первое место по выходу смазочных масел, отличающихся малым удельным весом и значительной вязкостью.

Что касается сураханской нефти, то главным недостатком ее приходится считать некоторую парафинистость; вследствие этого она непригодна для выработки смазочных масел.

Работа в Сураханах производится на глубине 96 — 360 саж.; извлеченные белые, красные и темные нефти очень легки и обладают уд. весом 0,776 — 0,810 — 0,820 — 0,840 — 0,860. Район был взят под разработку лишь незадолго до войны и первоначально эксплуатировался только как газоносный.

Самой молодой площадью являются Бинагады. Ее главные нефтесодержащие пласты относятся к горизонтам, соответствующим «кирмакинской свите». Нефть этой площади обладает уд. весом 0,913 — 0,925 и отличается бóльшим, чем на других площадях, содержанием серы и других вредных примесей. Трудность работы на этой площади обусловливалась тем, что до самого последнего времени не было сколько-нибудь сносных путей сообщения, связывающих ее с центрами промысловой и заводской жизни.

Одною из старых площадей является Биби-Эйбат. Это одна из наилучше изученных площадей. Здесь зарегистрировано 55 пластов нефтяного песку. Выделяются по своему значению пласты IV — V и VII — XI. С последнего здесь начинается уже дважды упомянутая «кирмакинская свита». Удельный вес нефти этой площади возрастает с глубиной ее залегания с 0,850 до 0,907. Нефтяные остатки биби-эйбатских нефтей весьма высокого качества. К резко отрицательным чертам района следует отнести сильную водоносность. До 1923 г., пока отсутствовал трубопровод, соединяющий промысла с заводами, полученную с Биби-Эйбата нефть приходилось перевозить по морю на особых баржах, что, конечно, сильно удорожало себестоимость франко-завод.

В районе Биби-Эйбата часть Каспийского моря подверглась засыпке и ныне образует нефтеносную площадь, известную под именем «Засыпки» или «Бухты».

В 40 верстах от Баку находится о. Артема (б. Святой), на котором с глубины 250—270 саж. добывается тяжелая нефть уд. веса 0,940—0,944. Помимо перечисленных, в Бакинском районе имеется еще ряд второстепенных разрабатываемых площадей.

Благодаря трудам геолога Д. В. Голубятникова мы имеем возможность с известной достоверностью определить не только остающиеся в эксплуатируемых площадях запасы, но и фонд запасных земель, а равно и добычу, которую эти земли способны дать.

На территории ныне эксплуатируемых промыслов запасы нефти в недрах исчисляются Д. В. Голубятниковым в 11 582 милл. пудов. Кроме того, есть еще свободные земли на тех же площадях. Богатства, заключающиеся в них, более значительны и выражаются следующими цифрами:

Название площадей.	Количество свободных земель в десятинах.	Возможная годовая добыча в милл. пуд.	Запасы нефти в милл. пуд.	Число лет эксплуатации в будущем.
Сураханы	532	417,0	23 769	57
Биби-Эйбат.	230	123,6	3 965	32
Раманы	254	108,6	6 190	57
Сабунчи	134	57,2	3 260	57
Балаханы	45	16,2	912	57
Бинагады	900	217,3	6 303	28
О. Артема	258	43,2	912	19
Итого	2353	982,9	45 311	—

Этим богатства Апшерона не исчерпываются; кроме перечисленных 56 893 милл. пуд., есть еще значительные залежи на новых совершенно девственных площадях. О богатстве их дает представление таблица на стр. 181.

Нефть, которая будет добываться на площадях, указанных в настоящей таблице, вернее всего должна быть отнесена к категории тяжелых немасляных. Если признать вычисления Д. В. Голубятникова реальными, то нефтедобыча Бакинского района, при рациональной постановке, может превысить 1700 милл. пуд. в год. Этим и определится значение района в будущем.

В 1918 г. бакинская промышленность была впервые национализирована. Однако, приход турок в сентябре 1918 г. и провозглашение Азербайджанской демократической республики положили конец национализации, которая продолжалась не свыше 4 месяцев.

Название площадей.	Количество свободных земель (в десятинах).	Возможная годовая добыча в милл. пуд.
Аташки	400	144
Сулы-Тепи	413	74
Гекмалы	290	52
Хоросаны	193	35
Баладжары	123	22
Кала	833	417
Зых	100	36
Итого	2352	780

О 1918 г., когда в Баку произошло два кровавых побоища (в марте и сентябре), сказать можно очень кратко: промышленность работала кое-где, да и то по инерции; добыча составила всего 185 милл. пуд.

Следующий 1919 г. был уже годом мирной работы в Баку. У власти стояла поддерживаемая англичанами партия «муссават». Эта партия приложила все усилия к тому, чтобы улучшить работу промыслов и заводов; тем не менее эти последние представляли в 1919 г. самое безотрадное зрелище. Добыча дошла до 225,1 милл. пуд., а бурение составляло 6210 саж. Указанное явление объясняется тем, что Баку более двух лет был совершенно отрезан от России, которая ведь не только снабжала его техническими материалами (в 1919 г. их можно было легко получить из Англии), но и являлась главным рынком сбыта нефтепродуктов. Насколько велико было скопление запасов, видно из сравнения с прошлыми годами.

Общие запасы в Бакинском районе в миллионах пудов и в % к 1911 г.

1911 г.			1914 г.			1919 г.			1920 г.		
Месяцы.											
1/I	1/IV	1/XI	1/I	1/IV	1/XI	1/I	1/IV	1/XI	1/I	1/IV	1/XI
96,1	140,4	29,7	71,3	103,2	46,0	127,2	152,0	250,0	276,0	274,0	214,0
100	100	100	74	73,5	153	132	108	840	287	124	720

К началу навигации по Волге, к 1 апреля каждого года, запасы сильно возрастали; в течение лета по Каспию и Волге вывозилась главная масса нефтепродуктов, и к 1 ноября запасы становились минимальными. Зимой же шел преимущественно вывоз керосина, бензина и масел. Нижняя таблица на стр. 181 показывает, как невероятно разбухли запасы к моменту присоединения Баку к Советской Федерации, которое состоялось 28 апреля 1920 г. В силу кризиса сбыта все огромное нефтяное хозяйство казалось охваченным параличом; добыча понижалась вследствие сознательно проводимого выключения многих скважин; из числа оставшихся, значительная часть буровых эксплуатировалась не полные сутки, а периодически, от времени до времени.

В апреле 1920 г., к моменту прихода Советской власти, суточная добыча по всем бакинским площадям не превышала добычи 1880-х годов. Число скважин, подвергавшихся эксплуатации, равнялось мизерной цифре в 1456, при чем в том же апреле среднее число дней работы каждой скважины исчислялось в 27,3. Если вспомнить, что Баку целых 50 лет подвергался хищнической эксплуатации, и что его пласты сильно обводнены, то легко представить себе, в какой мере это вынужденное бездействие 1918 — 1919 гг. отразилось на состоянии недр.

Организованный после национализации нефтяной промышленности (28 мая 1920 г.) «Азербайджанский Нефтяной Комитет» оказался владельцем 275 милл. пуд. нефтепродуктов. Это вполне определило направление его деятельности в первые годы. Нужно было огромное напряжение сил, чтобы истрепанный Каспийско-Волжский транспорт мог в первую же навигацию вывезти 158 милл. пуд. топлива. К закрытию навигации, к 21 ноября 1920 г., «Азнефтеком» все же обладал запасами, равными 214 милл. пуд. разных нефтепродуктов, среди которых было 81 милл. пуд. нефти и 113 милл. пуд. нефтяных остатков (мазута). Таким образом запасы были настолько значительны, что не могло быть надежды перебросить их в РСФСР и в навигацию 1921 г.

Совершенно естественно, что при таком положении вещей все наличные средства были брошены на ремонт флота, который при национализации также был передан в ведение Азнефтекома. Можно поэтому сказать, что первый год после национализации не был годом активной работы на промыслах и заводах, а был годом поисков организационных схем и методов. Наиболее важной работой этого времени следует считать тщательную группировку промыслов в хозяйственные и административные единицы. Прежние нелепые и бессмысленные очертания промыслов канули в вечность. «Промысел» был укрупнен и скомбинирован в зависимости от геологического строения и от наличия мастерских, кочегарок, зданий и т. д. Всего на территории Апшерона было установлено 52 «промысла», возглавляемых, в зависимости

от принадлежности к той или иной площади, соответствующими районными управлениями. Руководство работой районных управлений было возложено на Центральное Управление Промыслами (ЦУП). Будучи тщательно продуманной, разбивка на «промыслы» оказалась жизненной и сразу же показала ряд преимуществ крупного хозяйства перед мелким. В дальнейшем, по мере роста нефтедобывающего хозяйства, жизнь неоднократно ставила на очередь внесение коррективов в организационное построение управления промыслами. Задача не может считаться разрешенной и в настоящее время. Сложность ее заключается в том, что, добившись всех преимуществ, присущих объединенному хозяйству, нефтяной промышленности необходимо стремиться к созданию максимальной инициативности и самостоятельности заведывающих промыслами. Разумеется, размеры промысла, права и функции центрального аппарата Азнефти — все это должно быть сорганизовано так, чтобы не умалять роли инженера, работающего непосредственно на промысле. Дискуссия, открытая по поводу организационной структуры Азнефти, равно как и пятилетний опыт, показали что в общем и целом задача была решена верно. Однако, не все организационные проблемы оказались сразу разрешенными удачно. К числу таких неверно решенных задач следует отнести децентрализацию бурения и передачу его в ведение районных управлений. Бурение же нуждается в централизованном аппарате и в хорошем транспорте, для быстрой доставки инструментов, почему указанное мероприятие послужило к немалому вреду и было впоследствии отменено.

Первый год после национализации проходит при беспрерывном падении производительности промыслов. Только летом 1921 г. начинают раздаваться предостерегающие голоса, указывающие, что, если дело будет так продолжаться и впредь, то уже в 1923 г. в Баку может не оказаться столько нефти, сколько нужно для РСФСР.

В виду этого летом 1921 г. в Баку командируется полномочная комиссия СТО во главе с И. Г. Смилгой, которая принимает ряд важных постановлений относительно дальнейшей судьбы бакинских промыслов. Если внимательно присмотреться к работе бакинской промышленности в первые 16 месяцев после национализации, то легко понять, каковы должны были быть директивы комиссии (см. табл. на стр. 184).

Изучая состояние нефтедобывающего хозяйства, комиссия СТО не могла не притти к выводу, что ближайшим поводом, вызвавшим понижение производительности, является беспрерывное падение числа тартающихся скважин. Таким образом, нужно было прежде всего приступить к устранению всех тех обстоятельств, которые вызвали уменьшение количества работающих буровых. Какие же причины вызвали столь значительный упадок? Одна

Добыча нефти на бакинских промыслах по способам эксплуатации.

Месяцы.	Тартанием.		Компресс. спос.		Фонтанами.		Всего [1]	
	Число скважин.	Добыча в м. п.	Число скважин.	Добыча в м. п.	Число скважин.	Добыча в м. п.	Число скважин.	Добыча в м. п.
Июнь 1920 г. . .	1421	7,9	94	5,0	17	1,8	1532	14,9
Июль » . .	1225	6,5	97	4,9	18	1,7	1340	13,3
Август » . .	1008	5,7	83	4,2	21	2,2	1112	12,2
Сентябрь » . .	945	5,0	87	4,2	20	1,7	1052	10,9
Октябрь » . .	914	5,4	90	4,4	20	2,0	1024	11,8
Ноябрь » . .	882	5,1	86	4,5	21	2,2	989	11,9
Декабрь » . .	883	5,0	84	3,7	22	2,8	989	11,6
Январь 1921 г. . .	872	5,4	83	4,3	21	2,9	976	12,9
Февраль » . .	894	5,2	81	3,8	23	3,2	998	12,3
Март » . .	916	6,0	85	5,0	26	2,4	1027	13,5
Апрель » .	887	5,3	87	5,3	24	2,6	998	13,3
Май » .	836	5,3	91	5,3	25	3,0	952	13,8
Июнь » . .	845	4,9	88	4,6	27	4,1	960	13,8
Июль » . .	805	5,0	86	4,7	22	1,9	913	11,8
Август » . .	782	4,8	89	5,3	23	1,8	893	11,8
Сентябрь » . .	764	4,5	87	5,2	23	1,9	874	11,7

причина, хотя отнюдь не главнейшая, была уже нами указана— наличие значительных запасов. Но сильнейшим образом действовала и общероссийская неурядица: отсутствие хлеба, технических материалов, падение ценности денежных знаков и т. д. Все это способствовало значительному отливу рабочих, а также и недостаточной дисциплинированности в работе. В бакинских условиях это падение трудовой дисциплины вылилось, например, в «невыход тартальщиков на работу» (как это называется на официальном языке Азнефтекома). Насколько катастрофически остро стоял одно время вопрос о тартальщиках, видно из следующего.

В сентябре 1921 г. при 338 непрерывно тартающихся скважинах, требующих для непрерывной работы 1014 тартальщиков,

[1] Сюда включена также так называемая «собранная» или «случайная» нефть.

и при 426 скважинах, тартающихся (частью из-за отсутствия тартальщиков) периодически, тартальщиков значилось в сутки 1370 чел., но из них не выходило на работу в среднем за сутки 243 чел. Таким образом все 764 скважины обслуживались лишь 1127 чел., почему на 426 периодически тартающихся скважин можно было поставить всего 113 чел. Легко представить себе число «скважино-дней-работы» этих буровых и легко понять, какими быстрыми шагами должно было пойти обводнение.

Таким образом ни малейшего сомнения не вызывает, что в длинной цепи реорганизаций, намеченных комиссией СТО, первое место занимает все то, что должно было повести к увеличению числа промысловых рабочих, к привлечению их в Баку со всех концов Федерации. Если бы это удалось, комиссия считала необходимым приступить к постепенному восстановлению эксплуатации части временно заброшенных буровых и к уплотнению их работы. Среди других мероприятий, предложенных в то время. необходимо отметить и идею отмены коллегиального порядка управления и введения единоначалия. (В связи с этим Азербайджанский Нефтяной Комитет был преобразован в Азербайджанское Нефтяное Управление, сокращенно—«Азнефть».)

Подчеркивая роль комиссии СТО, мы вовсе не хотим сказать, что в дальнейшем возрождении промыслов ей принадлежит главная заслуга. Оживление промысловой жизни есть, с одной стороны, результат улучшения технического, материального и денежного снабжения, а с другой стороны—результат большой инициативы, проявленной Азнефтью. Как только несколько улучшилось экономическое положение страны и несколько возросла реальная заработная плата, начинается энергичная вербовка рабочих, часть которых привлекается даже из Константинополя из рядов бывшей врангелевской армии. Вместе с этим, Азнефть возобновляет связь с заводами, некогда работавшими на бакинские промысла.

В результате, с октября 1921 г., из месяца в месяц, растет число эксплуатируемых скважин, и, как следствие этого, растет и количество добытой нефти (см. табл. на стр. 186 — 7). Временное понижение, имевшее место летом 1922 и 1923 гг., объясняется: в первом случае—невыносимой жарой, а во втором случае — пожаром в Сураханах. За исключением этих летних месяцев происходит систематическое увеличение размеров работы промыслов: за 3 года число эксплуатируемых скважин увеличивается более чем вдвое, а число рабочих — с 26 тыс. до 44,5 тыс. человек.

Из той же таблицы видно также, как распределяются скважины по способу эксплуатации: подавляющее большинство их применяет тартание, в то время как более усовершенствованные методы нашли себе применение в сравнительно слабой степени.

Добыча нефти по способам эксплуатации.[1]

(Добыча в миллионах пудов.)

Месяцы.	1921 — 1922 г.								1922 — 1923 г.				1923 — 1924 г.									
	Тартан.		Компресс.		Фонтани		Всего.		Тартан.		Компресс.		Фонтанн.		Всего.		Тартан.		Компресс		Фонтанн.		Насосами.		Всего.	
	Число скважин.	Добыча.	Число скважин.	Добыча	Число скважин.	Добыча.	Число скважин.	Добыча.	Число скважин.	Добыча.	Число скважин.	Добыча.	Число скважин.	Добыча	Число скважин.	Добыча.	Число скважин.	Добыча.	Число скважин.	Добыча.	Число скважин.	Добыча.	Число скважин	Добыча.	Число скважин.	Добыча
Октябрь . .	831	5,0	94	5,5	20	2,1	945	12,7	1156	8,7	113	6,1	20	1,2	1289	16,2	1633	11,6	134	6,4	14	0,9	7	—	1640	18,3
Ноябрь . .	994	6,0	102	5,7	20	1,6	1112	13,5	1279	8,9	114	5,8	23	1,4	1416	16,3	1670	11,9	138	6,6	15	0,9	8	—	1634	18,3
Декабрь . .	1094	7,3	101	6,3	18	1,5	1212	15,3	1377	9,7	116	6,0	23	1,4	1516	17,5	1730	12.6	142	7,0	15	1,0	13	—	1627	18,6
Январь . .	1117	7,6	103	6,1	18	1,6	1238	15,5	1425	9,9	119	6,0	21	1,4	1565	17,8	1737	12,6	141	6,8	16	1,0	17	—	1646	18,3
Февраль .	1156	7,2	106	5,5	21	1,7	1278	14,5	1465	9,1	124	5,5	18	1,3	1606	16,2	1743	12,1	143	6,2	16	0,9	17	—	1788	19,7
Март . . .	1205	8,0	110	6,2	18	1,5	1332	16,0	1485	10,1	123	6,0	13	1,4	1626	18,1	1749	12,7	143	6,8	17	1,0	20	0,1	1831	20,4
Апрель . .	1214	7,8	108	5,5	16	1,1	1337	14,7	1470	10,0	127	6,3	18	1,2	1615	18,1	1749	11,9	139	6,4	17	1,2	26	0,2	1900	21,4
Май . . .	1212	7,9	111	6,2	16	2,2	1338	16,7	1477	10,3	133	6,7	18	1,3	1631	19,0	1747	12,1	135	6,6	19	1,5	38	0,2	1911	21,1
Июнь . . .	1170	7,5	111	6,1	17	1,2	1298	15,0	1483	10,2	134	6,4	17	1,7	1640	18,3	1736	12,0	136	6,5	18	1,9	41	0,2	1930	20,6
Июль . . .	1113	7,8	113	6,4	17	1,0	1261	15,5	1487	10,6	126	6,1	16	1,3	1634	18,3	1738	12,3	141	6,5	20	2,8	54	0,3	1951	21,9
Август . .	1112	8,0	109	6,0	19	1,0	1239	15,2	1487	10,6	120	6,3	18	1,1	1627	18,6	1747	12,4	143	6,8	25	2,0	66	0,3	1970	21,5
Сентябрь .	1115	7,7	114	6,2	19	1,0	1248	15,1	1501	11,0	123	5,8	17	1,0	1646	18,3	1741	12,0	143	6,5	26	1,8	82	0,4	1932	20,7
Итого . .	—	87,8	—	71,7	—	17,5	—	176,9	—	119,3	—	73,0	—	15,7	—	207,5	—	146,3	—	79,1	—	17,1	—	1,9	—	244,4

[1] Добыча кустарная, «случайная» и «собранная», не показана отдельной графой, а включена в рубрику «всего».

Тенденция в пользу замены желонки глубоким насосом стала явственно намечаться лишь в 1923/24 г. Прежде чем предпринять анализ этого последнего операционного года, необходимо выяснить одну деталь, характеризующую нефтедобывание 1921 — 1923 гг. Этот период отличается систематическим падением производительности отдельных буровых. Как быстро идет этот процесс, видно из того, что падение достигло 24,9% за 3 года, а если выделить только четыре старые площади, то окажется, что средняя добыча одной скважины в 1922/23 г. была даже на 26% ниже, чем в 1913 г.

Что говорят эти цифры? Означают ли они какую-нибудь катастрофу? И да, и нет. Прежде всего, ясно, что падение средней производительности скважин объясняется включением тех из них, которые раньше временно были заброшены и которые, естественно, были менее производительными. Но, вместе с тем, указанные цифры заставляют обратить внимание на одну вечно старую и вечно новую угрозу. Многие скважины очень бедны нефтью и эксплуатируются лишь в целях систематического удаления воды из нефтеносных горизонтов. Борьба с обводнением промыслов—вот та задача, к которой приковано внимание Азнефти с 1921 года. О том, к каким результатам эта борьба привела в дальнейшем, будет указано довольно подробно, пока же обратимся к обзору деятельности промыслов в 1923/24 г.

В течение этого года завоеванные позиции полностью удерживаются. Растет число эксплуатируемых скважин, растет и добыча. Однако, налицо имеется и значительное новшество: во-первых, в эксплуатацию поступает сравнительно большое количество вновь пробуренных, уже совсем советских скважин, и, во-вторых, начинается установка глубоких насосов. Глубоким насосам пришлось наткнуться на довольно сильное противодействие со стороны некоторых специалистов, доказывавших непригодность их в бакинских условиях. Тем не менее установка насосов встретила и сильную поддержку в некоторых кругах бакинских инженеров, и, в результате, к концу 1923/24 г. число скважин, эксплуатируемых этим наиболее экономным способом, достигло 82. В общем и целом, насосы оказались несомненно выгодными и вполне применимыми почти на всех бакинских площадях.

Во вторую половину 1923/24 г. обращает на себя внимание увеличение числа фонтанирующих скважин. Особый интерес представляют фонтаны в Сураханах и на Биби-Эйбатской бухте, где в связи с ними возникли весьма большие надежды. Характерной особенностью всех фонтанов была непродолжительность их действия и большая бурность, в результате которой все время получались поломки труб, пробки и, наконец, обводнение.

Как уже указывалось, бакинский район далеко не однороден по своему составу, и целый ряд площадей резко отличается друг

от друга как по качеству нефти, так и по степени истощенности и по техническому оборудованию. Все это станет совершенно очевидным при ознакомлении с таблицами, приводимыми ниже.

Распределение скважин по площадям и по способу эксплуатации на 1 сентября 1922 г. и 1 сентября 1924 г.

Способы эксплуатации.	Балаханы.	Сабунчи.	Раманы.	Биби-Эйбат	Сураханы.	Бинагады.
1922 г. тартающиеся . . .	409	339	73	103	5	73
» » компрессорные . .	2	1	34	19	47	2
» » фонтанные	1	—	—	9	4	5
1924 г. тартающиеся . . .	654	481	355	149	2	100
» » компрессорные . .	2	2	58	21	59	1
» » фонтанные . . .	2	1	—	13	8	2
» » насосные	13	23	14	21	5	6

Распределение добычи по площадям.[1]

Годы.	Балаханы		Сабунчи.		Раманы.		Биби-Эйб.		Сураханы.		Бинагады.		Всего.	
	м. п.	%	м. п.	%	м. п	%	м. п.	%	м. п.	%	м. п.	%	м. п.	%
1920/21	17,3	100,0	16,1	100,0	25,4	100,0	29,6	100,0	50,1	100,0	13,6	100,0	150,0	100,0
1921/22	23,0	129,6	24,6	152,7	32,4	127,5	34,0	115,1	53,4	106,7	12,3	90,4	179,8	119,9
1922/23	29,2	164,9	38,8	240,6	42,3	166,6	40,7	138,8	49,9	99,5	11,8	86,7	212,8	141,8
1923/24	36,2	204,1	50,6	313,2	50,9	200,0	44,6	150,9	56,8	113,3	13,2	96,7	252,3	168,2

По своей производительности резко выделяются Сураханы, имеющие наименьший процент скважин (3,9% — 4,3% — 4%) и дающие все же наибольшую добычу. Наоборот, Балаханы,

[1] В цифры валовой добычи по площадям включена также и кустарная нефть, поэтому они несколько больше цифр, приведенных в таблицах, данных на стр. 184, 186 — 7.

на территории которых расположена почти треть всех действующих буровых, дают мизерную добычу. Почти то же самое можно сказать и про Сабунчи. Таким образом ясно видно, как старые площади, истощаясь, пасуют перед молодыми Сураханами.

Для большей точности приходится отметить, что 1922/23 и 1923/24 годы показали все же несколько иную тенденцию. Мы видим, как в эти годы молодые площади — Бинагады и Сураханы — несколько теряют свое значение. Этот перелом объясняется тем, что и на старых площадях стало производиться новое бурение; разумеется, новые скважины оказались более производительными и тем самым поддержали значение «старых» площадей (подробнее об этом будет сказано при обзоре работ на «промысле им. Кирова»).

Наконец, мы вынуждены констатировать значительное разнообразие в методах эксплуатации на разных бакинских площадях. Самым «передовым» по оборудованию районом являются Сураханы, самым отсталым — Балаханы. Остальные площади располагаются в промежутке и характеризуются исключительным преобладанием тартания. Что касается насосов, то, вследствие новизны этого дела, распределение их по площадям не может считаться характерным.

Еще большее различие замечается в производительности одной, средней, скважины на каждой из площадей. Нижеследующая таблица позволяет разобраться не только в производительности скважин, но и в степени их обводнения:

Площади.	1921/22 г.				1922/23 г.				1923/24 г.			
	Среднее число скважин.	Средний дебет 1 скважины в сутки в пуд			Среднее число скважин.	Средний дебет 1 скважины в сутки в пуд.			Среднее число скважин.	Средний дебет 1 скважины в сутки в пуд.		
		Нефти.	Воды.	Всего.		Нефти.	Воды.	Всего.		Нефти.	Воды.	Всего.
Балаханы .	365	170	491	661	481	164	621	785		154		
Сабунчи . .	297	223	809	1032	384	273	823	1096		295		
Раманы . .	220	397	1885	2282	299	388	1922	2310		358		
Биби-Эйбат.	110	830	3104	3934	133	821	2928	3749		750		
Сураханы .	47	3083	1787	4870	57	2389	2196	4585		2414		
Бинагады	59	576	132	708	82	394	103	497		350		

Совершенно несомненно, что на первом месте по производительности отдельных скважин стоят Сураханы, а остальные районы располагаются в следующем порядке: Биби-Эйбат, Бинагады, Раманы, Сабунчи и Балаханы. Это факт первостепенного значения, и при всех дальнейших расчетах мы должны помнить, что самая дешевая нефть получается в Сураханах, и что себестоимость ее в других районах, скажем, в Балаханах, значительно выше.

Что касается степени обводненности, то автор статьи, из которой мы заимствовали приведенные цифры,[1] говорит: «Рассмотрев все промысла по районам, мы не обнаружили взаимозависимости ни между степенью естественной продуктивности района и степенью обводненности..., ни между продолжительностью разработки района, его возрастом и обводненностью».

Учет затопленности пластов стал производиться только недавно, и поэтому дать категорический ответ, уменьшается ли или увеличивается обводнение, в настоящее время нельзя. По крайней мере, на страницах «Азерб. Нефт. Хозяйства» разные авторы дают разные ответы. Совершенно несомненно лишь одно, — что введение в эксплуатацию только половины имеющегося фонда скважин (временно заброшенных) нельзя признать вполне достаточным. Однако, на пути к дальнейшему увеличению числа работающих скважин имеется серьезное препятствие. Включаемые скважины давали бы очень мало нефти, и поэтому себестоимость ее была бы очень высока. Низкие продажные цены являются главной помехой в деле дальнейшей борьбы с обводнением.

Все это показывает, как сильно отличаются друг от друга бакинские площади и по способам эксплуатации, и по богатству недр. Но не менее значительные отличия наблюдаются и в качестве добытой нефти.

Среди всей указанной добычи некоторая часть представляла собою высококачественную масляную нефть, часть же была немасляной.

Добыча масляной нефти.

	1920/21 г.	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.
В миллионах пуд. . .	27,1	61,7	91,0	117,4
% на всей добыче . .	18,1	34,7	42,8	48

[1] «Азерб. Нефт. Хоз.» за 1924 г., № 11, статья Ив-ич.

В таблице на стр. 191 показано, как быстро возрастает значение масляной добычи. Это объясняется, между прочим, и тем, что в первые полтора года после национализации масляная нефть почти не учитывалась. Лишь с 1921/22 года Азнефтеком стал более тщательно разделять сорта нефти. Как видно из приведенных цифр, значение масляной добычи теперь уже очень велико, составляя 48%.

Если судить о значении Бакинского района в топливоснабжении страны только по цифрам валовой добычи, то получится ложное представление. Следует принять во внимание, что весьма значительная часть нефти расходуется на самих промыслах или для нужд промыслов. Насколько высок этот процент, видно из того, что в 1921/22 году он составлял 14,3%, в 1922/23 году — 14,2% и, наконец, в 1923/24 г. — 12,2% общей добычи. Однако, на основании этих цифр преждевременно было бы делать вывод, что «Азнефти» не удалось существенно уменьшить количество сжигаемой на промыслах нефти. Необходимо помнить, что за это время в огромных размерах увеличилось бурение, поглощающее значительное количество топлива. Таким образом, все же в результате придется признать, что «Азнефти» удалось добиться экономии в сжигании нефти на самих промыслах.

Каким образом это произошло?

Ответ дается изучением работ по электрификации промыслов.

В момент национализации отношение числа электромоторов к общему числу двигателей было таково:

Балаханы.	Сабунчи.	Раманы.	Сураханы.	Б.-Эйбат.	Бинагады.	В среднем.
36,7%	51,7%	84,2%	85,4%	63,2%	0	56%

Как видно, процент скважин, обслуживаемых электромоторами, был уже весьма велик и в 1920 г., но электрификация промыслов развивалась и в дальнейшем.

В 1922/23 г. число электромоторов увеличивается и абсолютно и относительно, ибо число электромоторов, действовавших в этом году, составляло 64,6% общего числа двигателей. К концу 1923/24 г. число скважин, работающих на электромоторах, достигает уже 1431.

В настоящее время нет уже ни одной площади (кроме Бинагадов), которая не была бы электрифицирована настолько, что остальные виды двигателей принуждены играть третьестепенную роль. И на этот раз на первом месте фигурируют Сураханы. Уже в 1921/22 г. из 42 скважин, работавших на этой площади, 37 обслуживались электромоторами и дали свыше 40 миллионов пудов нефти. Только Бинагады, очень удаленные от Центра, лишены электрической энергии, а следовательно, и электромоторов.

Распределение добычи в 1922/23 г. по роду обслуживающих двигателей.

Площади.	Паровые маш.		Двигат. внутр. сгоран.		Электромоторы.	
	Число скваж.	Добыча в тыс. п.	Число скваж.	Добыча в тыс. п.	Число скваж.	Добыча в тыс. п.
Балаханы	204	6 067	145	4 677	302	14 423
Сабунчи	45	1 580	73	2 587	409	33 960
Ю.-В. Сабунчи } Раманы [1]	3	58	4	63	220	17 580
Раманы . . . }	21	2 049	4	129	176	21 398
Сураханы	—	—	4	3 390	74	41 083
Биби-Эйбат . } Биб.-Эйб.[1]	80	5 906	—	—	124	23 552
О. Артема. . }	—	—	—	—	25	3 136
Бинагады	18	1 993	97	8 744	—	—
Итого в 1922/23 г. .	371	17 653	363	19 590	1 330	155 132
» » 1921/22 г. .	337	14 772	328	22 880	1 015	121 726
» » 1920/21 г .	273	16 261	290	25 955	765	76 100

«Азнефть» не только произвела обширные работы по электрификации самих промыслов, но и больше чем вдвое усилила мощность электрических станций. В течение 1923 г. станции отдавали промыслам от 88,8% до 94,7% всей производимой энергии и все-таки принуждены были отказывать промысловым управлениям в присоединении старых, временно заброшенных скважин, работа которых должна была заключаться в откачивании воды для ликвидации обводнения. В течение 1924/25 г. все бакинские станции дали 255 милл. кв.-ч., т.-е. значительно больше, чем до войны.

Разумеется, невозможно серьезно осуществлять восстановление нефтяной промышленности без поднятия на соответствующую высоту бурения новых скважин: ведь скважина ежемесячно теряет в среднем 2 — 3% своей производительности. До национализации бурение обычно производилось специальными фирмами — подрядчиками, обладавшими централизованными складами

[1] В последних статистических работах Азнефти «Раманы» разбиты на собственно «Раманы» и «Ю.-В. Сабунчи», а к «Биби-Эйбату» присоединен «о. Артема» (б. «Святой»).

и мастерскими; в 1920 году проведение буровых работ было поручено районным управлениям, оказавшимся оторванными от складов и мастерских. Если в каком-нибудь районе появлялась необходимость в инструменте, приходилось искать его у другого районного управления и дожидаться его целыми месяцами, тогда как он нужен был лишь на двое — трое суток. Такова была общая постановка дела в самом начале. Но уже в 1921 г. дело бурения было реорганизовано и централизовано в одном учреждении.[1] С появлением «отдела бурения», независимого от районных управлений, постановка работы сразу улучшилась. Однако, серьезная и большая программа бурения стала возможной лишь тогда, когда наладилась доставка технических материалов.

Переходя к изучению размеров бурения, мы констатируем, что наибольшее падение его было в декабре 1920 г. В следующие месяцы размеры бурения несколько повышаются, но все же продолжают оставаться смехотворно малыми.

В течение первых 4-х месяцев с момента национализации до 1 октября 1920 г., т.-е. до начала операционного года, в бурении перебывало 137 скважин, но было пройдено всего 559 сажен, из них вращательным способом 121 сажень. Данные относительно проходки по отдельным площадям с 1 октября 1920 г. представляются в следующем виде (в саженях) (см. табл. на стр. 195):

Из этой таблицы видно, что в первый год преобладает вращательная проходка (58,5%); во второй год на долю этого способа приходится еще более высокий процент (70,3%), но зато в следующие годы наблюдается обратная картина, и в 1922 — 1923 г. на долю ударного способа выпало уже 65%.

В первые два года наибольший интерес к бурению представляли Сураханы, а наименьший Балаханы. В 1922 — 1923 году буровая политика резко меняется. В Сабунчах и на Биби-Эйбате закладываются новые промыслы (о них речь будет ниже), и наибольшее количество сажен проходится в Сабунчах. Во всех районах, за исключением Балаханов, проходка значительно возрастает; преобладание ударного способа объясняется тем, что в Сабунчах и Биби-Эйбате вращательное бурение пока еще применяется с опаской.

В результате бурения в эксплуатацию поступило:

В 1920 — 1921	гг.	7	скважин,	давших	за	год	. .	1 692	тыс.	пуд.
» 1921 — 1922	»	19	»	»	»	»	. .	9 664	»	»
» 1922 — 1923	»	48	»	»	»	»	. .	12 735	»	»
» 1923 — 1924	»	114	»	»	»	»	. .	31 671	»	»

Из 188 скважин, вышедших из отдела бурения за указанное четырехлетие, пришлось на долю Балаханов — 7, Сабунчей — 70, Раманов — 36, Сураханов — 40, Биби-Эйбата — 27 и Бинагадов — 8.

[1] Так называемое «хозяйственное бурение», производимое самими промыслами, нами не принято во внимание.

Размеры бурения по площадям.

Площади.	1920 — 1921 г.			1921 — 1922 г			1922 — 1923 г.			1923 — 1924 г.		
	Ударный спос б.	Вращательный способ.	Всего.	Ударный способ.	Вращательный способ.	Всего.	Ударный способ.	Вращательный способ.	Всего.	Ударный способ.	Вращательный способ.	Всего.
Балаханы	26	12	38	29	110	139	205	488	693	2 311	1 896	4 207
Сабунчи	64	—	64	1 508	—	1 508	6 149	322	6 471	7 841	1 199	9 011
Раманы	291	78	369	251	161	412	3 296	1 197	4 493	7 811	1 780	6 591
Сураханы	86	593	679	150	4 297	4 447	161	5 744	6 005	477	6 946	7 423
Биби-Эйбат . . .	143	—	143	117	123	240	4 246	311	4 557	5 714	472	6 186
Бинагады	56	259	315	43	280	323	1 304	138	1 442	2 744	404	3 151
Итого . . .	666	942	1 608	2 098	4 971	7 069	15 361	8 300	23 661	23 898	12 700	36 599

Этого уже нельзя не признать значительным успехом, тем более, если вспомнить, что приходилось почти заново обучать буровые партии не только для вращательного, но и для ударного бурения. В последнее время среди некоторых специалистов Азнефти появляется мнение о необходимости приступить в Баку к канатному (грозненскому) бурению, однако, пока это мнение не является общепризнанным.

В заключение рассмотрим, что сделано Азнефтью на пути создания крупного рационального хозяйства. Немедленно же после национализации начало функционировать геолого-разведочное бюро; хотя деятельность последнего и не учитывается никакими цифрами, она носит в высшей степени важный характер. Выбор новых площадей и пластов для бурения, борьба с обводнением и т. д. — все это проходит при непосредственном участии геологов, предварительно собравших и обработавших огромной ценности геологический и статистический материал, касающийся прошлой жизни каждой скважины, каждого пласта. Правильно поставленная геологическая работа является существеннейшим, но далеко не единственным условием рационализации хозяйства. Чтобы продвинуться на этом пути, Азнефти пришлось проделать еще значительную работу.

Как уже упоминалось, в соответствии с геологическими данными, а также и наличием построек, мастерских, кочегарок и т. д. Азнефтью было проведено укрупнение промыслов. Однако, уже на первых порах оказалось, что хозяйство все еще далеко не едино. Объединенное на бумаге, оно на практике оказалось разрозненным. Препятствием были невозможные условия сообщения с промыслами. Транспорт отсутствовал, а своим бездорожьем Баку мог бы прославиться далеко за пределами Азербайджана. Все преимущества обобществленного, крупного хозяйства разбивались бы о невозможность установить надлежащую связь и аккуратную доставку материалов на промысла. Для устранения этого препятствия необходимо было построить узкоколейку, связывающую все промысла как между собой, так и с центральным складом, выстроенным взамен ликвидированных 18 складов, и со станцией железной дороги. Ряд обстоятельств не позволил Азнефти сразу приступить к осуществлению этой задачи, и вначале развивался лишь грузовой автотранспорт, достигший очень значительных размеров, но не давший той дешевизны, которая была желательна.

Начало постройки узкоколейки было положено в 1923 году. По проекту должны быть проложены ветки: Белый город — Сураханы — Сабунчи — Бинагады — Баладжары длиной в 42 версты, кроме того 17 верст веток к складам, заводам и промыслам и 14 верст станционных путей. В настоящее время большая часть работ уже исполнена, и с окончанием их удешевилась

доставка материалов на промысла и, кроме того, обеспечена постоянная, без перебоев, работа.

Изображенными новшествами, однако, далеко еще не исчерпываются те работы, которых настоятельно требовала идея рационализации. Азнефти пришлось приступить к заветной мечте бакинских рабочих — к постройке «рабочих поселков».

На 1 января 1923 г. во всех предприятиях Азнефти значилось рабочих и служащих 42 000 человек, а на 1 сентября 1924 г. — даже 48 000 человек. Разумеется, большинство рабочих должно при нормальных условиях жить недалеко от промыслов. Между тем на деле получается совсем иное. Значительная часть нефтеработников живет вне пределов промысловой площади — в городе — и совершает ежедневное путешествие по железной дороге до Сабунчей или Сураханов. Это сильно отражается на промысловой работе, и Азнефть терпит очень значительный ущерб, так как ей необходимо оплачивать проезд рабочих по железной дороге и, кроме того, приходится считаться с вечным опаздыванием рабочих и их утомленностью.

Руководители Азнефти справедливо рассматривают квартирный кризис как одно из серьезнейших препятствий на пути к восстановлению нефтяной промышленности. Естественно, что при отсутствии квартир невозможно значительно увеличить число рабочих даже в «старых» и «новых» районах, не говоря уже о тех затруднениях, которые встретились бы с началом работ на совершенно еще не эксплуатируемых площадях.

В связи с такой остротой жилищного вопроса, Азнефть решила преодолеть его, действуя в трех направлениях. Прежде всего, в 1923 г. начался усиленный ремонт зданий полуразрушенных и даже совершенно разрушенных, одновременно происходил и текущий ремонт заселенных домов, и, наконец, была предпринята постройка «рабочих поселков», расположенных неподалеку от промысловых площадей.

Всего в 1923 и 1924 гг. было отремонтировано $2^1/_2$ тысячи квартир; затем 1 мая 1923 г. произведена была закладка рабочих поселков; к 1924 г. окончены были работы в Черногородском районе, где с тех пор заселено 400 квартир; в начале 1924 г. закончились работы по постройке Забратского поселка (для рабочих Балахано-Сабунчинского района) в 200 квартир, Раманинского поселка в 50 квартир, Бинагадинского в 50 квартир, Биби-Эйбатского в 70 квартир и Шубанинского в 20 квартир.[1] Поселки разбиты неподалеку от промыслов, однако, в таких

[1] В связи с возвращением из Америки начальника Азнефти—А. П. Серебровского, в поселковое строительство будет внесен ряд важных изменений. В чем они заключаются, пока еще неизвестно, но, несомненно, они будут сводиться к применению американских приемов работы, т.-е. к постройке маленьких и очень дешевых домиков.

местах, где воздух чист и куда не залетает бакинская копоть и сажа, например, на вершине холма. Сами дома одноэтажные, окружены садиками (что в Баку должно служить источником особого удовольствия) и снабжены электрическим освещением и газовым отоплением.

Даже из краткого обзора деятельности Азнефти видно, как далеко шагнула национализированная промышленность на пути к рациональному хозяйству. Вращательное бурение, глубокие насосы, деятельность геологического бюро, распланирование промыслов, узкоколейка, нефтепровод Биби-Эйбат — Белый Город, централизованный огромный склад — все само говорит за себя. К этому нужно добавить еще ряд вновь построенных и отремонтированных мастерских, механических заводов и т. д. Камень за камнем кладется фундамент нового хозяйства, и естественно, что у строителей его явилась мысль о постройке образцовых промыслов, на которых ясно видна была бы вся разница между старой и новой постановкой дела.

Первые советские промысла было решено заложить на площадях, ныне уже эксплуатируемых. По указанию геологов Азнефти выбраны были так называемый «Солдатский Базар» (Солбаз) в Сабунчах и «площадь засыпки Биби-Эйбатской бухты» (в просторечьи «Бухта»). На первой из указанных площадей был заложен «Первый Советский промысел имени Кирова». Подготовительные работы начались во вторую половину 1921 г.; 5 января следующего года был пущен в действие первый буровой станок, а 24 мая вошли в эксплуатацию первые две скважины (на IV горизонте) с дебетом около 2 — 2,5 тысяч пудов каждая в сутки.

В апреле 1924 г. этот промысел при 44 скважинах давал 51 000 пудов в сутки, т.-е. 36,3% добычи всей Сабунчинской площади, хотя число скважин составляло лишь 9,1% эксплуатируемых на этой площади скважин. По май 1924 г. извлечено было, в общем, 18 милл. пуд. высокосортной нефти, что показывает значительную продуктивность пробуренных скважин.

Скважины с высокой производительностью истощаются быстрее, чем скважины с малой производительностью. По сведениям, приведенным в «Нефт. и Сланц. Хозяйстве» (№ 5/6, 1924 г.), кривая относительного падения добычи средней скважины на промысле «имени Кирова» выражается такими цифрами:

В 1922 году:	июнь — август	. . . . .	100
» » »	сентябрь — ноябрь	. . . . .	91,9
» 1923 »	декабрь — февраль	. . . . .	88,3
» » »	март — май	. . . . .	82,4
» » »	июнь — август	. . . . .	64,7
» » »	сентябрь — ноябрь	. . . .	44,6
» 1924	декабрь — февраль	. . . .	33.0

Чем же вызывается такое быстрое падение производительности скважин? Автор цитируемой статьи полагает, что главной причиной является уплотнение скважин, т.-е. уменьшение расстояния между ними. Так как частота расположения ныне дошла до пределов, намеченных геологами, то можно предполагать, что в будущем быстрота падения понизится и не будет превышать 15—18% в год, т.-е. сравняется со скважинами соседних старых промыслов. Теоретически вычисленная геологами оптимальная частота расположения скважин есть та наиболее рациональная организация, когда возможно максимальное извлечение нефти при минимальных затратах капитала. В этом смысле пример Солбаза является весьма поучительным при сравнении с дореволюционным хозяйством.

На 11 апреля 1924 г. в бурении на Солбазе было 16 скважин с общей глубиной в 1595 саж. Всего же пробурено с возникновения промысла по то же число 8525 саж., что составляет 456 саж. проходки на каждый миллион пудов добычи. Минимальная глубина скважины — 123 саж., максимальная—212 саж. Обводнения не замечено.

Рациональное бурение, нормальное расположение вышек, полная электрификация всего промысла, образцовое устройство сточных линий, правильная разбивка шоссейных дорог и т. д.— все это делает промысел образцом технического совершенства, с которым может спорить только «промысел Ильича» на Бухте.

Эта последняя площадь также совершенно не была приспособлена для ведения буровых работ. Началом фактического оборудования промысла следует считать июнь 1922 года. Обилие подпочвенной воды вообще делает очень трудной работу на Бухте, но техническое совершенство здесь, пожалуй, еще более значительно, чем на Солбазе.

Эксплуатацию Бухты предполагалось начать с V горизонта, так как считалось, что первые четыре горизонта уже истощены. Однако, сначала природа побаловала Азнефть. В апреле 1923 г. в нескольких буровых, доведенных только до I горизонта, начались переливы нефти, что вызвало неудержимую радость; бурение было усилено, и тем сильнее было уныние, когда оказалось, что нефть быстро иссякла и что ее не оказалось и во II, III и IV горизонтах. Такое положение противоречило всем предсказаниям геологов, утверждавших, что Бухта является самым богатым районом на Апшероне: вместо этого, в результате многих обследований, произведенных виднейшими специалистами, пришлось притти к выводу, что, по несчастливой случайности, ряд буровых вошел в кратер подземного вулкана, предвидеть который наука была бессильна.

В связи с этим прежний план разработки Бухты был пересмотрен; в пяти бурящихся скважинах были приостановлены работы и начаты были разведочные работы в других частях Бухты.

Ныне разрабатываемая часть Бухты занимает площадь в 60 десятин (из 250 десятин засыпанного моря); на ней заложено (к августу 1924 г.) 57 буровых при минимальном расстоянии одной скважины от другой в 50 саж. В 1924 г в разработке находилось только 34 скважины, из коих в эксплуатации от 12 до 17 и в бурении 17 скважин.

§ 2.

Нефтяные источники в Грозненском районе на землях Терского Казачьего Войска были известны давно, но крупно-капиталистической эксплуатации они стали подвергаться лишь с 90-х годов прошлого столетия.

Площади, на которых возникли промысла и которые, следовательно, являются старейшими, получили название «Старо-Грозненского района». Этот район расположен в 14 — 15 верстах к северо-западу от г. Грозного на северо-восточном склоне Грозненского хребта. Длина эксплуатационного района достигает в настоящее время около 15 верст, при ширине не более 400—500 сажен. Общая площадь под нефтяными промыслами равнялась на 1 января 1917 года 1163 дес.[1]

С 1913 г. начали разрабатываться участки, принадлежащие к так называемому «Ново-Грозненскому» (или Алдынскому) району. Этот последний расположен в 3 — 4 верстах к югу от г. Грозного между реками Сунжей и Аргуном. На 1 января 1916 г. эксплуатационная площадь его составляла 1480,5 дес., но так как на многих участках выяснились весьма неблагоприятные геологические условия, то действительная эксплуатационная площадь ныне, вероятно, значительно меньше указанной.

Сырая нефть как Старо-, так и Ново-Грозненского районов значительно отличается от бакинских нефтей.

Нефть старого района обладает удельным весом 0,874—0,884. В западной части площади удельный вес увеличивается и достигает 0,906 — 0,910. Из наружных признаков этой нефти характерны черный цвет и низкая прозрачность. Отличие от бакинской нефти сказывается и в результатах переработки. Старо-грозненская нефть почти не дает смазочных и соляровых масел; из нее получается меньшее количество осветительных масел (керосина), но зато она выделяет гораздо больше бензина и лигроина. Верх-

[1] Сведения взяты из статьи И. М. Губкина «Грозненский нефтеносный район» в «Нефт. и Сланц. Хозяйстве» за 1920 г., № 4 — 8.

ние горизонты этого района отличаются незначительной парафиностостью, наоборот, процент содержания этого вещества в нижних горизонтах весьма высок и иногда достигает 5%.

Нефть Ново-Грозненского района обладает удельным весом 0,845 — 0,850. Верхние пласты заключают в себе слабо-парафинистую нефть, но пласты, заложенные на большой глубине, содержат нефть, исключительно богатую парафином (до 8%).

При изучении Грозненского района необходимо назвать еще один район, промышленное значение которого сейчас совсем невелико, но который заслуживает самого внимательного отношения в дальнейшем. Это так называемый Вознесенский район, находящийся в 100 верстах к Зап.-Сев.-Западу от Старо-Грозненского района и расположенный на тракте г. Моздок — Владикавказ. Промышленная разведка на нефть началась в этом районе лишь в 1915 — 1916 гг., хотя колодезная добыча существовала здесь уже очень давно.

Повышение содержания парафина в Грозненском районе совпадает с увеличением глубины залегания пласта.

В центральных частях месторождения, т.-е. по его осевой линии, нефтеносность обнаруживается во всех пластах, что же касается крыльев складки и ее концов, то здесь обычно первые горизонты не содержат нефти и являются водоносными. Вследствие этого на окраинах бурение на нефть доходит до значительной глубины в 500 — 650 саж.

Запас нефти в пределах всей Грозненской площади подсчитан С. И. Чарноцким и доложен I Всероссийскому Съезду нефтеработников.

Общие запасы Старо-Грозненского района.

Горизонты.	Первоначальные запасы.	Взято до 1916 г.	Остаток.	Возможная площадь эксплуатации в десятинах.
	В миллионах пудов.			
0	96	32	64	53
I	353	290	63	239
II	221	160	115	297
III	1798	482	1316	ные 620, возможно 1280
IV	1019	124	895	» 350 » 1500
Всего . .	3487	1034	2453	

Общие запасы Ново-Грозненского района.

Горизонты.	Первоначальные запасы.	Взято до 1917 г.	Остаток.	Возможная площадь эксплуатации в десятинах.
	В миллионах пудов.			
0	337	35	302	320
I	673	37	636	320
II	401	20	381	320
III	646	4	642	возможно 610
IV	414	—	414	» 610
Всего . .	2471	96	2375	

Таким образом нетрудно заметить, что запасы нефти в Грозненском районе гораздо менее значительны, чем в Бакинском; с некоторым округлением их можно определить всего лишь в 5 миллиардов пудов.

Как выше указано, отличительной особенностью грозненских нефтей является значительная примесь парафина, и это вызывает целый ряд весьма значительных неудобств. Дело в том, что парафинистая нефть застывает при температуре выше нуля. В зависимости от содержания парафина, колеблющегося от 2% до 8%, наблюдались застывания при температурах + 5°, + 6°, + 8° С. Все грозненские заводы приспособлены только для переработки нефти на бензин, керосин и мазут, и в Грозном, до последнего времени, не было ни одного завода для переработки нефти на парафин. Вследствие этого приходилось обе нефти — парафинистую и беспарафинистую — обрабатывать одинаково. Проф. Тихвинский приводит следующую таблицу среднего процентного содержания разных нефтепродуктов в обоих сортах нефти.[1]

Нефтепродукты.	Беспарафинистая нефть.	Парафинистая нефть.
Бензин	10,0	8,0
Лигроин	3,0	1,0
Керосин	20,0	30,0
Мазут	66,0	60,0
Потеря при перегонке	1,0	1,0
Итого	100,0	100,0

[1] «Нефт. и Сланц. Хозяйство», № 1/4 за 1921 г.

При такой разгонке беспарафинистый мазут получался с вязкостью около 8 и подлежал оплате акцизом, а парафинистый мазут становился уже вазелинообразным, застывал при температуре + 25° С и не мог быть ни перекачан по трубопроводу, ни налит в цистерны. Так как этот мазут, естественно, не может быть использован в виде топлива, то нефтепромышленникам приходилось жертвовать выходом более легких нефтепродуктов, чтобы спасти мазут (топливо). Обычно выход легких нефтепродуктов был таков (в %):

Нефтепродукты.	Беспарафинистая нефть.	Парафинистая нефть.
Бензин и лигроин	11,0	11,0
Керосин	8,5	0,5
Мазут	74,5	82,5
Потери при перегонке	6,0	6,0
Итого.	100,0	100,0

Насколько это было рационально, об этом много распространяться не приходится. Совершенно очевидно, что при такой системе парафинистые нефти лишаются только наиболее легких погонов (отбензиниваются) и что приходится жертвовать значительным количеством керосина. Это представляет, однако, ту выгоду, что мазут, полученный при таком способе, застывает при + 12° С и поэтому пригоден для Кавказа и юга России, хотя предварительно все же его нужно еще сдабривать керосиновым дистиллатом в размере от 15% до 25%. Для превращения парафинистого мазута в удобосжигаемый иногда практикуется такой способ, что смешиваются 50% парафинистого мазута, 35% беспарафинистого мазута и 15% керосинового дистиллата. Этим путем в общем удавалось достичь такой смеси, которая замерзала при — 5° — 8° С. Однако, через некоторое время после прибытия в Россию (даже на Юге), этот мазут показывал уже замерзание при + 5° С. Отсюда видно, какие усилия необходимы в отношении грозненской нефти, чтобы сжечь ее во что бы то ни стало, хотя сжигание ее было самым нецелесообразным из всего того, чего люди могли добиваться. Совершенно несомненно, что только такая постановка перегонки, которая позволит извлекать столь драгоценный продукт, как

парафин, уничтожит важнейшее препятствие на пути рационализации хозяйства этого района.

Методы бурения, применяемые на грозненских площадях, значительно отличаются от бакинских. В Грозном были испытаны все способы, но в результате остановились на американском «канатном бурении», которое было так усовершенствовано применительно к местным условиям, что смело может быть названо «грозненским». Грозненская скважина имее начальный диаметр значительно меньший, чем в Баку, что нужно считать большим преимуществом. Как будет видно из дальнейшего, вращательное бурение стало развиваться в Грозном лишь недавно. Однако, по мнению такого большого специалиста, как И. Н. Стрижев,[1] оно едва ли получит широкое применение, так как местные геологические особенности представляют ряд неблагоприятных условий для развития этого способа. На несколько иную точку зрения встал I Всероссийский Съезд нефтеработников, резолюции которого гласят, что, «в виду медленности канатного способа бурения в Грозном, считать рациональным возможно более широкую постановку опытов применения вращательного бурения» (§ 3), и что, «так как применимость вращательного способа не доказана на опыте и, кроме того, для разведочных работ грозненское канатное бурение имеет значительное преимущество перед вращательным, необходимо параллельно с опытами постановки вращательного бурения принять все меры к улучшению хозяйства канатного бурения...» (§ 8).

Производительность Грозненского нефтеносного района развивалась весьма интенсивно не только до мировой войны, но и во время ее, о чем свидетельствует приводимая таблица.

Годы.	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917
Старый район:											
Число скважин .	154	179	170	178	195	223	278	315	?	338	?
Добыча в милл. пуд.	39,4	52,1	57,0	74,0	75,2	65,4	73,7	87,6	76,4	68,7	68,5
Новый район:											
Число скважин .	—	—	—	—	—	—	3	26	39	86	?
Добыча в милл. пуд.	—	—	—	—	—	—	1,0	10,6	11,4	34,3	39,3

[1] «Нефт. и Сланц. Хозяйство», № 6 за 1923 г. Приложение, стр. XIX.

Рекордным годом был 1917 г., когда было извлечено из недр 107 милл. пудов нефти. Этот же год ознаменовался и другим, но уже чрезвычайно печальным рекордом. В кратчайший срок полностью погибли промыслы Нового района, при чем сгорело около 120 милл. пуд. нефтепродуктов. В период гражданской войны (в 1919 г.) имели место еще два огромных пожара, уничтожившие около 10 милл. пуд., так что до установления Советской власти (март 1920 г.) мирного строительства, по существу, еще не было.

Насколько слаба была та искорка жизни, которая еще теплилась в некогда могучем грозненском организме, видно из следующего. В 1919 г. в эксплуатации находились 33 скважины, а бездействовало 627 скважин. Добыто было всего 36 милл. пуд., из которых фонтаны на Новой площади дали 11,5 милл. пуд. К моменту национализации функционировало 70 скважин при 577 временно заброшенных.

Анализируя восстановительную работу, проделанную Грознефтью (Грозненским Государственным Нефтяным Объединением) за истекшие со времени национализации 4 года, следует прежде всего отметить значительную разницу между положением, имевшим место в Грозном, с одной стороны, и в Баку — с другой.

В Грозном революция 1917 г. совпала: 1) с началом разработки богатейших месторождений на Новой площади, 2) с началом разработки огромных богатств так называемой Соленой Балки (на Старой площади), 3) с огромной производительностью 13 фонтанов, бивших на обеих указанных площадях. Фонтаны давали преимущественно парафинистую нефть, к которой не были приспособлены ни заводы, ни транспортный аппарат; поэтому значительная часть добычи лежала тяжелым баластом, занимая амбары и хранилища, и впоследствии была уничтожена пожаром. В начале своей деятельности Грознефть могла рассчитывать на 10 из 13-ти указанных фонтанов и, следовательно, могла легче, чем Азнефть, добиться увеличения добычи.

В 1920 г. фонтаны открывались лишь время от времени. Это зависело от наличия запасов и от температуры воздуха, так как только летом цистерны Владикавказской жел. дороги и нефтепровод Грозный-Петровск могли принимать парафинистую нефть.

Получение исключительно фонтанной добычи, само по себе, не может считаться целесообразным, но если к этому прибавить, что потребители грозненского нефтетоплива вынуждены были принимать героические меры, чтобы сжечь его, то станет понятным, отчего Грознефть приложила все усилия для восстановления возможно большего числа временно заброшенных скважин, т.-е. таких скважин, которые некогда давали беспарафини-

стую или слабо-парафинистую нефть, а затем выбыли из эксплуатации вследствие невзгод революционного времени.

На этом пути Грознефть натыкалась на те же препятствия, что и Азнефть. Работа парализовалась скудостью отпускаемых средств, недостаточностью технического и всякого иного снабжения и, наконец, до известной степени и некоторой перегруженностью хранилищ (запасы на 1 марта 1920 г. составляли 37 милл. пуд.).

Тем не менее добыча возрастает уже с середины 1920 г. (см. таблицу, помещенную ниже), при чем в этом году подавляющая часть нефти принадлежит к сортам «беспарафинистым» и «слабопарафинистым» и добывается на Старой площади. В нашем распоряжении не имеется точных цифр, но можно сказать, что на долю фонтанной добычи в то время приходилось не более 25 — 35% всей извлекаемой жидкости.

Добыча в миллионах пудов по месяцам 1920 г.

Месяцы.	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Всего.
Старая площадь.	1,4	0,8	1,4	6,8	4,8	5,8	4,5	4,0	3,3	2,9	38,8
Новая площадь .	0,7	0,4	0,3	2,2	1,8	3,9	0 9	0,9	0,7	0,9	13,7
Всего . .	2,1	1,2	1,7	9,0	6,6	5,4	5,4	4,9	4,0	3,8	52,5

По мере упорядочения хозяйства как самой Грознефти, так и потребителей ее продукции появляется возможность реализации парафинистого топлива, которое в огромных количествах могло бы получаться от фонтанов, продолжающих оставаться, по большей части, закрытыми. В связи с этим понемногу начинает уделяться все большее внимание фонтанной добыче. Уже начиная с 1921 г. фонтаны все время оспаривают первое место среди других способов эксплуатации, и в 1923/24 г. они окончательно завоевывают его.

В 1921/22 и 1922/23 годы особенно сильных колебаний в работе промыслов незаметно. Добыча то несколько понижается, то несколько повышается, при чем общий сбор в 1922/23 году несколько больше, чем в предыдущем году.

1923/24 году, наоборот, свойственны резкие колебания, которые в последнем квартале заканчиваются небывало высокой добычею. Добыча за июль — сентябрь установила рекорд месячного производства грозненских промыслов. Своими исключительными размерами она обязана действию новых фонтанов, незадолго перед тем пробуренных на Новой площади. Общая добыча на всей площади превосходит уже добычу последних довоенных лет и приближается к цифрам 1917 года.

Добыча по способам эксплуатации.[1]
(В миллионах пудов.)

Месяцы.	1921 г.			1921/22 г.			1922/23 г.			1923/24 г.		
	Фонтанной.	Тартальной.	Всего.	Фонтанной.	Тартальной.	Всего.	Фонтанной.	Тартальной.	Всего.	Фонтанной.	Тартальной.	Всего.
Октябрь . .	—	—	—	4,0	2,2	6,2	4,1	3,9	8,0	3,8	3,7	7,5
Ноябрь . .	—	—	—	3,4	2,7	6,1	4,1	4,0	8,1	3,2	3,6	6,8
Декабрь . .	—	—	—	3,4	3,0	6,4	3,1	4,7	7,8	3,6	3,8	7,5
Январь . .	2,0	2,0	4,0	3,5	3,6	7,1	2,5	4,2	6,7	4,3	3,7	8,0
Февраль . .	3,3	2,0	5,3	3,1	3,9	7,0	2,4	3,7	6,1	3,7	3,2	6,9
Март . . .	4,5	2,4	6,9	3,4	4,3	7,7	3,0	4,3	7,3	3,8	3,4	7,2
Апрель . .	4,6	2,7	7,3	3,0	4,0	7,0	2,7	4,0	6,7	3,3	3,4	6,7
Май	5,7	3,0	9,1	3,1	4,2	7,6	2,8	4,4	7,4	3,3	3,3	6,9
Июнь . . .	5,6	2,7	8,6	4,5	4,0	8,5	2,8	4,1	6,9	3,3	3,6	8,0
Июль . . .	4,3	2,7	7,8	4,3	3,3	8,3	2,9	4,0	8,0	7,2	3,8	11,9
Август . .	—	—	—	4,7	3,0	8,0	3,9	3,9	8,4	6,8	4,0	11,2
Сентябрь. .	—	—	—	4,0	3,4	7,4	4,8	3,8	8,8	6,4	4,2	10,8
Итого.	43,1	27,4	73,4	44,7	42,6	87,3	39,1	49,0	90,2	52,8	43,9	99,5

В приведенной выше таблице в добычу «тартанием» включена добыча не только желонками, но и «глубокими насосами» и «поршнями». Работа глубоких насосов стала прививаться в Грозном только с 1923/24 года, но она пошла здесь более быстрым темпом, чем в Баку. А именно насосами было откачано:

В октябре	1923 г.	106,9 тыс. пуд.
» ноябре	»	225,1 » »
» декабре	»	566,4 » »
» январе	1924 г.	675,5 » »
» феврале	»	605,8 » »
» марте	»	838,6 » »
» апреле	»	888,8 » »
» мае	»	839,3 » »
» июне	»	950,3 » »
» июле	»	968,3 » »
» августе	»	1365,2 » »
» сентябре	»	1665,0 » »

[1] В Грозном, кроме фонтанной и тартальной добычи, распространена еще так называемая «озерная» добыча, получающаяся по большей части лишь в летнюю пору; в таблице она отдельной графой не помещена и лишь включена в рубрику «Всего».

В конце операционного года на всех промыслах работало уже около 100 насосов, что составляло почти треть общего числа действующих скважин. Всего в 1923/24 г. было извлечено насосами 9800 тыс. пуд., а поршнями — 8600 тыс. пуд.

К концу 1923/24 г. Грознефть почти исчерпала запасный фонд старых, пробуренных до революции скважин. Число скважин, подвергающихся эксплуатации с 1920 по 1924 г., изменялось следующим образом:

Число скважин, бывших в эксплуатации на последнее число каждого месяца.

Годы.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.	Сентябрь.
1920 г. . . .			В	ср	ед	нем	68	ск	ва	жи	н.	
1921—22 г. .	138	148	157	160	160	166	170	167	156	159	161	161
1922—23 » .	179	190	197	202	215	230	227	242	247	253	260	260
1923—24 » .	267	272	274	272	271	276	282	290	299	306	308	310

Таким образом уже 1923/24 г. не отличался быстрым увеличением числа скважин. Это и понятно, так как заброшенных скважин оставалось немного и количество работающих вышек можно было увеличивать преимущественно лишь за счет нового бурения. Как и в Баку, увеличение числа работающих скважин должно было самым благоприятным образом отразиться на состоянии пластов, поскольку речь идет об опасности затопления.

Наиболее характерной особенностью современного состояния грозненских промыслов следует считать их исключительное богатство парафинистой добычей. Насколько велико значение этого сорта нефти в общей добыче, видно из следующего: [1]

Добыча по сортам нефти.
(В миллионах пудов.)

Годы.	Парафин.	Беспараф.	Слабо-параф.
1920—21 г.	21,6	26,5	25,3
1921—22 »	35,2	27,3	24,8
1922—23 »	43,5	28,1	20,1
1923—24 »	52,7	26,4	17,4

[1] Итоги этой таблицы за 1922—23 и 1923—24 гг. не вполне совпадают с итогами таблицы, приведенной на стр. 207. Обе таблицы составлены на основании официальных отчетов «Грознефти».

До войны количество парафинистой нефти было невелико, — ныне добываемая нефть чрезвычайно насыщена парафином. Это богатство парафином находится в тесной связи с увеличением эксплуатации промыслов на Новой площади; добыча на последней составляла в процентах к общей добыче:

В 1920—21 г.	29,0%
» 1921—22 »	41,0%
» 1922—23 »	52,3%
» 1923—24 »	55,0%

Таким образом, для всего района значение Старой площади все уменьшалось, а Новой — увеличивалось, и в результате роль беспарафинистой добычи сильно падала. Это значительно усложнило положение, так как выделение парафина из нефти составляет очень трудную задачу. Бывшие хозяева не имели еще большой нужды подумать о необходимости сооружения парафинового завода, но для Грознефти, как будет указано ниже, это уже вопрос, не терпящий никакого отлагательства.

Чтобы понять, почему все же центр тяжести буровых работ был одно время перенесен на Новую площадь, нужно заметить, что на Старой площади нефть получается из скважин глубиной 450—500 саж., между тем как на Новой площади глубина скважин, дающих главную массу нефти, составляет 350—400 саж., т.-е. приближается к глубине нормальной в Баку. В этом заключается важное преимущество Новой площади, и этим объясняется наблюдавшееся до 1924 года стремление к увеличению роли этой площади.

В заключение, для большей выпуклости, приведем сведения о производительности скважин в 1923/24 году в зависимости от того, принадлежали ли они к числу старых, возобновленных, или новых скважин. Старые, более года законченные бурением скважины дали 74,3% валовой добычи и имели среднюю производительность 940 пуд. на скважино-день; возобновленные эксплуатацией скважины, т.-е. такие, работа которых была раньше временно приостановлена, дали 2,6% валовой добычи при средней производительности 396 пуд. на скважино-день, и, наконец, для новых скважин эти цифры соответственно составляли — 23,1% и 3677 пуд.

Приведенные выше цифры валовой добычи далеко еще не выражают того количества нефти, которое поставляется промыслами для нужд страны. Несмотря на преобладание фонтанов, значительный процент добычи потребляется самой Грознефтью на всевозможные хозяйственные и технические нужды. В деле

создания двигательной силы для эксплуатационной работы, Грозный отстал от Баку. Расход нефти на отопление на грозненских промыслах выражался следующим образом (в процентах к валовой добыче):

Годы	%	Годы	%
1908	14,0	1915	10,8
1909	13,1	1916	10,3
1910	8,3	1917	9,6
1911	7,4	1920	9,6
1912	9,9	1921—22	10,7
1913	10,5	1922—23	10,2
1914	9,4	1923—24	12,8

Понижение расхода в 1910 и 1911 гг. объясняется утилизацией газа, который стали применять с 1909 г. К сожалению, эта утилизация не утвердилась — она была только модой, которая быстро прошла. Внимание промышленников отвлекалось новыми участками и погоней за фонтанами, а кропотливую работу по уловлению газа, выходящего из скважин, забросили; в результате расход нефти опять повысился, в особенности в последние годы, в связи с изношенностью паровых котлов, машин, паропроводов и проч. оборудования.

Если оставить в стороне добычу фонтанную, как не требующую расхода энергии, и сравнить расход нефти на промысловые нужды с той частью продукции, которая останется, то окажется, что 20—25% тартальной добычи сжигается на самих промыслах. Как бороться с этим явлением? Электрификацией или утилизацией нефтяного газа? В настоящее время трудно ответить на этот вопрос,—есть много доводов в пользу и против каждого из этих решений. Повидимому, большая дешевизна газа заставляет дать этому способу предпочтение перед дорого стоящей электрификацией. В особенности же просто разрешается дело газификации при наличии насосной добычи, ибо в этом случае значительно облегчается уловление выходящего из скважины газа.

Нельзя все же сказать, чтобы Грознефтью не было обращено никакого внимания на этот больной вопрос. В 1923/24 г. ей удалось наладить сжигание преимущественно парафинистой нефти, и не только в летнюю пору, но и зимой. Этим Грознефть на собственном примере доказала, что на Юге применение парафинистого топлива вполне возможно.

Нормальное функционирование промыслов требует определенного соотношения между добычей и бурением. Между тем за

время с 1917 г. до 1921 г. буровые работы почти совершенно прекратились. Это заставило напрячь все силы, чтобы добиться успеха и в этом деле. В результате, буровые работы в Грозном, как и в Баку, стали интенсивно расти, по своему темпу превосходя возрастание самого нефтедобывания. Размеры бурения выразились в следующих цифрах:

Годы.	Число. сажен	В %.	В том числе вращат. способ.
1920—21 г. . . .	863	100,0	—
1921—22 »	1 612	186,8	—
1922—23 »	7 872	912,1	712
1923—24 »	18 986	2182,7	2 215

Большая часть проходки приходится на новое бурение; углубление старых скважин дало в 1923/24 г. всего 1196 саж., т.-е. 6,5% общей проходки.

Несмотря на значительные размеры бурения, оно все же отстает от довоенного. В пятилетие 1913—1917 гг. средняя проходка на миллион пудов добычи составляла 289 саж., между тем как в 1923/24 г. она составляла только 188 саж. Эти цифры нельзя назвать соизмеримыми, так как принцип, на котором поставлено дело бурения при национализации, изменился. Тем не менее кое-что они говорят. Достижения Грознефти нужно считать большими, так как пришлось почти заново создавать кадры буровых партий, налаживать доставку инструментов и т. д. и т. д.

По скорости бурения (20—25 саж. на месяц-станок до войны и 19,2 саж. в 1923/24 г.) Грознефть уже приближается к нормальной в наших условиях скорости работы станков. Большая скорость до революции достигалась за счет пренебрежения к тщательному закрытию воды. Возрастание проходки есть следствие увеличения числа работающих станков.

В отношении вращательного способа, который еще только прививается, очень трудно предсказать, получит ли он широкое развитие или нет.

В целях большей дешевизны значительная часть буровых закладывалась на Новой площади. Это имело то преимущество, что на Старой площади пришлось бы бурить значительно глубже; но к отрицательным сторонам такой политики следует отнести то, что она способствует росту парафинистой добычи. Поэтому в 1923/24 г. центр тяжести буровых работ был перенесен на Старую площадь.

По площадям проходка распределялась следующим образом:

Годы.	Старая площ.		Новая площ.	
	В саж.	В %.	В саж.	В %.
1922	1 201	61,8	775	38,2
1922—23	5 568	70,9	2 304	29,1
1923—24	12 223	64,4	6 762	35,6

В результате буровых работ уже в 1923/24 г. поступило в эксплуатацию 70 скважин (34 из нового бурения, 15 — из углубления и 21 скважина из исправления). Разумеется, в следующем операционном году это число будет уже значительно выше, в соответствии с увеличением размера бурильных работ.

Мы изучили размеры добычи и бурения на грозненских площадях; в заключение, интересно было бы рассмотреть, в какой мере отразилась революция на нефтеносных недрах этого района.

Первый Всероссийский Съезд нефтеработников 1921 г. вынужден был констатировать, что «обводнение Старой площади вследствие пониженного темпа эксплуатации значительно прогрессирует..., например, на «Соленой Балке», которая представляет собой главнейший резерв всей Старо-Грозненской площади». «Определенно начинается обводнение Новой площади, отчасти находящееся в зависимости от неправильно производившихся до национализации работ по закрытию вод». «Таким образом для Грозного, как и для Баку, вопросом жизни или смерти является введение в эксплуатацию заброшенных скважин. Только таким образом, выкачивая вместе с нефтью и воду, имеется возможность спасти Грозненские месторождения».

В нашем распоряжении нет точных данных о состоянии нефтепластов, но есть все основания полагать, что, поскольку в Грозном бо́льшая часть ранее пробуренных скважин уже взята в эксплуатацию и притом частью с помощью глубоких насосов, дело борьбы с обводнением находится на верном пути. Помимо того Грознефтью проделаны весьма большие работы по изоляции источников обводнения, в особенности на Старой площади.

В итоге нужно признать, что достигнутые Грознефтью успехи, несомненно, велики: добыча достигла уровня 1914 года; Новая площадь не только восстановлена из руин, но получила доминирующее значение; неэкономное тартание заменяется глубокими насосами и т. д.

На пути к восстановлению Грознефть, так же как и Азнефть, столкнулась с необходимостью связать все хозяйство воедино,

Промысла были укрупнены, затем пришлось соединить узкоколейкой Старые промысла с Новыми, с городом и со станцией «Грозный». Как и в Баку, был выстроен один большой центральный склад, что упорядочило дело снабжения. Наконец, и жилищное строительство получило крупное развитие, что должно благоприятно отразиться на производительности труда. В 1923/24 году было выстроено 106 домов с 620 квартирами в них. Этим успехи Грознефти не ограничиваются. Качество добываемой нефти заставляло обратить усиленное внимание на переработку ее; о достижениях в этой области речь пойдет в главе III.

§ 3.

Уральский нефтеносный район занимает огромную площадь в 70 тыс. кв. верст и расположен в пределах бывших Уральской и Тургайской областей. Хотя район и не всюду сплошь нефтеносен, но проявление признаков нефти замечено в огромных размерах почти по всей территории.

Первоначальные разведочно-буровые работы были сосредоточены в местностях, непосредственно прилегающих к берегам Каспийского моря. Здесь же были достигнуты и первые практические успехи. Эти работы производились по почину Рязано-Уральской жел. дороги, начиная с 1893 г.

Наиболее исследованы площади Дос-Сор и Макат. Для Дос-Сора установлено 4 нефтеносных горизонта. Самыми богатыми являются горизонты второй и третий; первый из них, на глубине 60—70 саж., обладает мощностью от нескольких футов до сажени; удельный вес нефти этого горизонта 0,890—0,895. Так называемый третий или главный горизонт залегает на глубине 95—105 саж.; удельный вес его нефти колеблется от 0,845 до 0,870. Мощность этого горизонта еще не изучена, но она, несомненно, обнаруживает значительные колебания. Наибольшее количество нефти на Дос-Соре взято как раз из этого горизонта. Горизонты I и IV дают легкую нефть, но промышленного значения пока не имеют.

Менее исследованы нефтяные горизонты на Макате. Совокупность производимых здесь буровых работ указывает более или менее отчетливо на три горизонта, содержащих нефть и соответствующих I, II и IV горизонтам Дос-Сора; кроме того намечается, хотя и менее ясно, еще один горизонт, соответствующий III горизонту Дос-Сора. Мощность пластов на Макате больше, чем в соседнем районе; добываемая нефть обладает удельным весом несколько большим, чем нефть соответствующих горизонтов Дос-Сора. До сих пор еще ни в одном из районов не произведено работы по изучению водоносных горизонтов.

Благодаря тому, что нефтеносная свита этих районов почти не содержит плывучих песков, бурение скважин должно быть отнесено к числу легких и дешевых. Скважины начинаются диаметром в 14″—16″, а иногда даже в 8″.

Уральский нефтеносный район, о котором стало известно уже лет 50 тому назад, привлек внимание промышленников лишь совсем недавно. Пионером в этом районе следует признать Н. Лемана, начавшего свою деятельность в середине 90-х гг. Первый фонтан, появившийся в 1911 г. и выбросивший 1 милл. пуд. с глубины в 107 саж., вызвал значительный интерес к Эмбинским месторождениям. 1912 — 1914 гг. были периодом усиленной разведочной деятельности, и с этого времени район стал быстро развиваться, выдвинувшись вскоре на третье место в России. Добыча нефти в районе составляла (в тыс. пуд.):

Промыслы.	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1922—23	1923—24
Дос-Сор .	1 014	7 182	16 630	16 548	14 729	14 273	8 900	1 300	1 900	4 300	8 300	8 100	7 63[illegible]
Макат .	—	—	—	72	82	1 390	—	—	—	—	—	—	—

Как видно из таблицы, в 1914 г. добыча достигла наивысшей точки и с тех пор уже не повышалась. Вместе с тем упало и бурение (с 4146 саж. в 1914 г. до 1337 саж. в 1917 г.). Между тем есть все основания полагать, что Эмбинская площадь чрезвычайно нефтеносна. Чем же объяснить слабое развитие добычи в районе, вызывавшем при своем возникновении самые радужные надежды?

Главным врагом Эмбы, несомненно, является характер области, в которой находятся промысла. Бедная природа, полупустынный характер местности, редкое кочевое население, безводие, отсутствие жилищ и путей сообщения—вот главные недруги Уральского района. В силу этих причин первые разведочные работы должны были начаться у берегов моря, а именно в урочищах: Кара-Чунгул, Каратон, Иокине. Только фонтан на Дос-Соре, приковавший к себе всеобщее внимание, способствовал, несмотря на все трудности, началу работы в этой лежащей вдали от моря местности.

Доставка материала на Дос-Сор представляет чрезвычайно сложное дело вследствие того, что северное побережье Каспия очень мелководно вообще и, кроме того, имеет разную глубину в зависимости от направления ветров. Эти обстоятельства заставляют останавливать прибывающие пароходы на $3^1/_2$-футовом «Плот-

винском» рейде и перегружать грузы 2—3 раза, прежде чем они доберутся до берега. Несколько лучше обстоит дело с расположенной в 54 верстах от Дос-Сора «Гаванью» в сел. Большая Ракуша, ибо здесь имеется дамба, уходящая в море, на которой проведена узкоколейка, а также и нефтепровод длиной в 10 верст, посредством которого и вывозится полученная нефть, будучи предварительно переработана на имеющихся двух заводах, рассчитанных на перегонку 15 милл. пуд. каждый. Размеры добычи находятся в полной зависимости от пропускной способности нефтепровода. Кроме указанных трудностей, району приходится бороться с безводием и отсутствием сколько-нибудь сносных жилищ для пришлого населения. Только преодоление этих препятствий сможет поставить район на должную высоту. Пока эта задача еще не выдвигается в порядок дня.

В настоящее время добыча производится только на промысле Дос-Сор; Макат же находится на консервации. В сентябре 1923 г. в эксплуатации находилось 53 скважины; в сентябре 1924 г. это число выросло до 58 скважин, при чем бóльшая часть их (49 скважин) оборудована глубокими насосами. В 1924 г. 59,7% добычи получено насосами, остальное компрессорами.

В 1922—1923 г. возобновилось бурение и достигло 242 саж.; в следующем году размеры его увеличились до 635 саж. В конце 1923—1924 года в бурении находилось 9 скважин. Вследствие небольшого числа работающих скважин, работа по ликвидации обводнения почти не производилась.

Расход нефти на собственные нужды составлял в 1922—1923 г. 11,5% общей добычи, а в 1923—1924 г. — 11,7%. Число рабочих в 1923—1924 г. достигло 2600 человек.

Азербайджанский, Грозненский и Уральский районы имеют всесоюзное значение. Кроме них имеется еще два эксплуатируемых района, имеющих лишь местное значение — Кубано-Черноморский и Ферганский.

§ 4.

Кубано-Черноморская нефтеносная площадь состоит из давно разрабатываемого Майкопского района, новых месторождений близ станции Калужской и едва намечающегося к разработке Таманского полуострова.

I. Майкопский район расположен в 55 верстах к югу от города Майкопа. В составе района имеются две нефтеносные площади: Нефтяно-Ширванская и Ходыжинская. В пределах первой из них обнаружены три нефтеносных горизонта, при чем два верхних содержат тяжелую нефть (0,940), а третий—легкую (0,840). Мощность обоих верхних горизонтов 25 саж., а нижнего 7—8 саж. Геологическое строение в Нефтяно-Ширванском районе весьма

оригинальное: залегание нефти в III пласте—так называемое «линзевое», т.-е. нефтесодержащие пески тянутся не сплошными пластами, а с перехватами, и образуют как бы четки. Этим объясняется то, что первые буровые работы привели к огромным фонтанам и создали великую славу Майкопу, в то время как последующие буровые, попавшие, повидимому, в перехват, ничего, кроме убытков, не принесли.

Разведочная деятельность на другой площади—Ходыжинской—началась одновременно с разведкой Нефтяно-Ширванских участков, т.-е. в 1910 г., при чем было обнаружено два горизонта, содержащих нефть. Верхний, на глубине залегания около 100 саж., содержит тяжелую нефть, а нижний, на глубине 300 саж.,—легкую.

Геолог С. И. Чарноцкий в докладе I Съезду нефтеработников определял первоначальные запасы легкой нефти в разведанной части площади в 83 милл. пудов, но к 1921 г. в недрах оставалось всего около 38 милл. пуд., при этом С. И. Чарноцкий полагал, что, так как часть района еще не разведана, то «общий запас месторождения может оказаться значительно больше приведенных цифр».

Промышленная разработка Майкопского района началась в 1910 г., после того как 28 августа 1909 г. с глубины 35 саж. забил огромной мощности фонтан легкой нефти, сразу же приковавший к себе внимание Лондонской биржи. Несмотря на значительные затраты и энергию, предприниматели (преимущественно англичане) успеха не имели, что объясняется не только указанным оригинальным строением недр, но и тем, что работы производились преимущественно на легкую нефть, а тяжелой уделялось гораздо меньше внимания, чем она того заслуживала. Добыча района до революции составляла (в тысячах пуд.):

1909 г.	673	1913 г.	4803
1910 »	1305	1914 »	3957
1911 »	7836	1915 »	7552
1912 »	9157		

Выходы главнейших нефтепродуктов, в порядке самого грубого приближения, таковы: бензина (очень высокого качества)—19%, керосина—40%, мазута—41%.

В районе имеется два нефтеперегонных завода: в Краснодаре и Новороссийске. Первый перерабатывает исключительно майкопскую нефть, поступающую по трубопроводу, второй обслуживает Грозный и способствует заграничному экспорту его продуктов. Майкопские промысла соединены трубопроводом с Туапсе и Краснодаром.

II. Калужский район расположен в 37 верстах от Краснодара; границы нефтеносности в нем пока не определены; разра-

батывается он с 1914 г., при чем разработка производится преимущественно Владикавказской жел. дорогой, добывающей тяжелую нефть. Промысла соединены трубопроводами с ближайшей железнодорожной станцией «Афинская».

III. Месторождения Таманского полуострова издавна привлекали к себе внимание русских и иностранных предпринимателей, но до сих пор работы имеют лишь разведочный характер.

В отличие от «Грознефти», «Азнефти» и «Эмбанефти», которые представляют собой тресты союзного значения, кубанская нефтяная промышленность признана имеющей только местное значение.

После гражданской войны восстановление района начинается лишь с 1920 г. Валовая добыча на государственных промыслах составляла в 1921—1922 г.—3076 тыс. пуд., в 1922—1923 г.—2805 тыс. пуд., в 1923—1924 г.—3319 тыс. пуд.

За те же годы бурение составляло: в 1921—1922 г.—357 саж., в 1922—1923 г.—917 саж., в 1923—1924 г. —1627 саж.

Главные работы по бурению производятся на Майкопской площади, где в 1923—1924 г. бурилось 12 скважин, в то время как на остальных площадях только 2 скважины. За 1923—1924 г. было перегнано 1360 тыс. пуд. нефти и получено бензина — 330 тыс. пуд., керосина—362 тыс. пуд., смазочных масел — 28 тыс. пуд. и нефтяных остатков 907 тыс. пуд. Получаемый из майкопской нефти бензин принадлежит к числу так называемых «каучуковых»; он применяется на заводах «Проводник» и «Треугольник» и имеет неограниченный сбыт.

В виду того, что кубано-черноморская промышленность не пользуется никакой поддержкой Центра и на все продукты, кроме бензина, имеет крайне ограниченный рынок сбыта, Краевое Совещание постановило ходатайствовать перед Центром о слиянии кубано-черноморской промышленности с грозненской. Однако, вследствие ряда обстоятельств, Центр не нашел возможным удовлетворить это ходатайство.

В Ферганском районе нефть разрабатывается на о. Челекене, который находится у восточного берега Каспийского моря, в 60 верстах от Красноводска. Нефть стала добываться здесь чуть ли не с 1830-х годов, но добыча носила кустарный характер. Глубокое бурение было начато с 1870-х годов. Забивший в 1907 г. мощный фонтан привлек усиленное внимание предпринимателей, и в 1911 г. на Челекене было уже 17 фирм, обладавших 66 скважинами. Из них ко времени революции уцелели только три фирмы. Добыча в миллионах пудов составляла:

1901 г. . . 0,5	1906 г. . . 0,6	1911 г. . . 13,3
1902 » . . 0,4	1907 » . . 0,8	1912 » . . 13,0
1903 » . . 0,2	1908 » . . 1,2	1913 » . . 7,8
1904 » . . 0,6	1909 » . . 3,0	1914 » . . 5,0
1905 » . . 0,9	1910 » . . 9,6	1915 » . . 4,0

Кроме Челекена разрабатываются еще промысла «Санто» и «Чимпон», добыча с которых незначительна.

Сделанный обзор нефтедобывания в СССР не может еще дать исчерпывающего представления о положении нефтяной промышленности. Для получения такого представления необходимо ознакомиться с деятельностью заводов и ходом реализации нефтепродуктов.

ГЛАВА III.

§ 1.

Переработка нефти представляет собой сферу, резко отличную от нефтедобывания. Заводское дело в гораздо большей степени, чем промысловое, зависит от организующей воли человека.

Типы заводских предприятий весьма разнообразны. Если распределить все бакинские нефтеперегонные заводы на группы по роду поставленных на них производств, то получится пять следующих категорий (в скобках приведено число заводов, действовавших в 1922—1923 г.):

I. Керосиновые заводы (5), перегоняющие сырую нефть на осветительные масла и мазут.

II. Керосино-масляный завод (1), вырабатывающий осветительные и смазочные масла непосредственно из масляной нефти. Работа завода разбита на два совершенно самостоятельных процесса: в первую перегонку пускается нефть и получаются смазочные и осветительные масла, во вторую перегонку поступают полуфабрикаты (дестиллаты цилиндрового масла, черно-смазочное масло и т. д.) и получаются смазочные масла высоких сортов.

III. Масляные заводы (4), вырабатывающие смазочные масла из нефтяных остатков, полученных от отборных масляных нефтей. Во избежание недоразумений нужно указать, что на эти заводы поступает продукт под названием «нефтяные остатки» и что под таким же названием выпускается с завода другой продукт. Таким образом под одним наименованием скрываются совершенно разные вещи. В первом случае в «остатках» содержатся масляные погоны, во втором случае в «остатках», уходящих с завода, масляных погонов либо совсем нет, либо их стало меньше.

IV. Бензиновые заводы (3), вырабатывающие бензин. Работа этих заводов разбита на два самостоятельных производства (перегонки). В первую перегонку пускаются «дестиллаты газолина», получаемые с других заводов, при чем под названием «газолин» нами понимаются: «газолин топочный», «бензин 2-го сорта» и «лигроин обыкновенный». Во вторую перегонку, для получения высококачественных бензинов, поступают бензины худших сортов.

V. Вискозиновый завод (1), вырабатывающий вискозины, т.-е. смазочные масла, отличающиеся своею вязкостью.

Схема деятельности перечисленных групп бакинских заводов, кроме вискозинового, представлена в следующей таблице, которая заключает в себе не только данные о процентном отношении выработанных в 1922—1923 г. продуктов ко всему поступившему для переработки нефтепродукту, но и показывает, в какой степени, помимо главных, из перегонки выпускаются и побочные продукты.

Формула выработки бакинских заводов в 1922 — 1923 г.

№№	Тип завода.	Что поступает на завод.	Что выпускается заводом в процентах.								
			Бензин.	Газолин.	Осветительн. масла.	Соляровые масла.	Легкие смазочн. масла.	Цилиндров. масла.	Тяжелые смаз. масла.	Нефтяные остатки.	Потеря.
1	Керосиновый	Нефть . . .	—	2,1	20,8	2,4	—	—	—	73,2	1,5
2а	Керосино-масляный	в 1 перегонку нефть . . .	—	1,2	26,3	34,3	14,9	—	—	19,5	4,8
2б		во 2 перегонку полуфабрикат . .	—	—	—	—	—	31,4	60,9	—	7,7
3	Масляный	нефтяные остатки . .	—	—	—	16,8	22,6	—	—	57,4	3,2
4а	Бензиновый	в 1 перегонку дестиллат газолина	—	71,5	24,2	—	—	—	—	—	4,3
4б		во 2 перегонку бензин 2 сорта . .	65,7	30,4	—	—	—	—	—	—	3,9

Национализация застала заводы в чрезвычайно тяжелом положении. Таковым оно было не только в силу изношенности оборудования, но и в силу кризиса сбыта. После национализации из 36 бакинских заводов оставлено было в действии только 4 наиболее крупных. Техническое состояние заводов в 1920—1921 г. было ужасающее. Не было материалов для самого пустячного ремонта, вследствие чего приходилось прибегать к таким мерам, как разборка бездействующих заводов; очистительные отделения в далеко недостаточной степени были снабжены реагентами; сама

нефть подавалась на заводы в загрязненном состоянии и с большой примесью воды; число рабочих с каждым днем все уменьшалось, ибо рабочие, не удовлетворяемые заработком, уходили в деревню. Словом, положение было в высшей степени тяжелое.

В Баку улучшение начинается лишь с проведением так называемой «недели аврала», когда на спасение гибнущих заводов были брошены все имевшиеся средства и силы. Характерно, что, как только Азнефть усиливает снабжение заводов техническими материалами и реагентами и как только улучшается оплата труда, заводское дело возрождается как феникс из пепла. Целые группы заводов, как, например, первая, в конце концов, оказались приведенными в такое состояние, которое может быть охарактеризовано как состояние полного порядка. Разумеется, что в связи с этим улучшилось и качество изготовляемого продукта.

Если подвести итог работе всех заводов за время национализации, то результат получится следующий:

Работа бакинских нефтеперегонных заводов с 1920 по 1924 г.

Работа заводов.	1920—1921		1921—1922		1922—1923		1923—1924	
	Милл. пуд.	%	Милл. пуд.	%	Милл. пуд.	%	Милл. пуд.	%
Отпущено в перегонку сырой нефти . . .	116,7	100,0	120,7	100,0	126,6	100,0	149,6	100,0
Получено из перегонки:								
Осветительн. масел .	28,1	24,1	28,3	23,4	28,3	22,4	38,7	25,9
Смазочных	6,0	5,1	6,3	5,2	8,0	6,3	7,2	4,8
Соляровых	7,9	6,8	8,9	7,3	13,0	10,3	15,5	10,4
Бензина	0,2	0,2	0,4	0,3	0,5	0,4	1,3	0,9
Газолина	0,7	0,7	1,5	1,2	1,4	1,0	3,8	2,5
Остатков	72,0	61,7	73,4	60,8	73,1	57,8	80,1	53,6
Прочих продуктов . .	0,3	0,3	0,5	0,5	0,5	0,4	1,1	0,6
Итого .	115,2	98,9	119,3	98,8	124,8	98,6	147,7	98,7
Потеря при перегонке	1,3	1,1	1,4	1,2	1,8	1,4	1,9	1,3
Всего .	116,7	100,0	120,7	100,0	126,6	100,0	149,6	100,0

Из приведенной таблицы прежде всего становится ясным, что на заводы поступает не вся добываемая нефть. В 1921—1922, 1922—1923 и 1923—1924 гг. в переработку поступило 68,4%, 61,1% и 61,6% добычи данного года. Далее, обращает на себя внимание то, что, несмотря на большое количество масляной нефти среди бакинской добычи, выход смазочных масел незначителен, и уже это одно показывает, что деятельность заводов была направлена «на мазут». Нужно указать еще и на то, что до 1923—1924 года с года на год уменьшается процент выхода керосина (осветительных масел). Увеличивается лишь процент получаемых соляровых масел, бензина и газолина. Это явление находится в зависимости от условий сбыта, и поэтому в выходе нефтепродуктов в отдельные месяцы могут быть значительные изменения, в связи с переменой политики перегонки. В этом смысле очень показателен 1923—1924 год. В начале года выход керосина почти отсутствовал, но во второе полугодие Азнефть в корне изменила политику и усилила работу «на керосин». В результате, выход последнего достиг почти 26%. Анализ рыночных отношений покажет в дальнейшем, что самым выгодным направлением деятельности заводов была бы работа «на бензин», но при существующей системе перегонки бензина и газолина получается из бакинской нефти весьма мало. Каким путем Азнефть полагает добиться большего выхода этих ценных нефтепродуктов, видно будет из последней главы; пока же ограничимся указанием, что все же бакинские заводы достигли уже некоторых успехов, и что процент получаемых легких продуктов возрастает из года в год.

Очистка нефтепродуктов на бакинских заводах выражается следующими цифрами (в милл. пуд.):

Нефтепродукты.	1920—1921	1921—1922	1922—1923	1923—1924
Осветит. масла .	29,9	29,3	28,2	37,8
Смазочные . . .	5,6	7,5	5,9	4,9
Соляровые . . .	—	—	—	—
Бензин	0,2	0,4	0,4	1,4
Остатки	0,2	0,2	0,2	—
Итого . .	35,9	37,4	34,7	44,1
Потери в % ко всему количеству очищаемых продуктов	3,3%	3,4%	3,3%	?

До 1925 г. Азнефтью не было произведено больших работ по рационализации переработки и по организации новых производств. Совсем иное приходится констатировать по отношению к Грознефти.

Нет никакого сомнения в том, что перерабатывающая способность грозненских заводов уже через год—два не могла бы удовлетворить потребности района при наблюдавшемся в нем быстром росте добычи нефти: затруднения могли бы наступить уже в 1924—1925 году. Поэтому Грознефть, в срочном порядке, приступила к сооружению новой 14-кубовой керосиновой батареи, окончание которой даст возможность довести переработку нефти до 120 милл. пудов в год. Из других крупных работ, предпринятых Грознефтью, следует остановиться на начатом сооружении большого парафинового завода, который после окончания сумеет перерабатывать почти всю добываемую парафинистую нефть и вырабатывать до 400 тыс. пуд. парафина в год. К сооружению этого завода было приступлено после большого числа опытов и изысканий; эта предварительная работа отняла много времени, и лишь в 1923—1924 г. удалось начать постройку.

Организация выработки парафина является предприятием большого государственного значения, ибо она не только избавит страну от необходимости переплачивать на парафине за границей, но вместе с тем прекратит те неприятности, которые доставляет своим потребителям парафинистое топливо. Наконец, необходимо отметить еще одно начинание, которое при небольшом значении в настоящем, несомненно, сыграет огромную роль в будущем. 11 августа 1924 г. начал работать в Грозном газолиновый завод, добывающий бензин из естественного нефтяного газа. Этот завод является первым в СССР, почему его появление приобретает совершенно исключительный интерес. Завод работает по следующей схеме: газ из буровой (на «Соленой Балке») по 8-дюймовому газопроводу, длиной около 9 верст, собственным давлением поступает на завод. У буровой поставлен аппарат, отделяющий нефть от газа. Газ поступает весьма неравномерно, в среднем, от 400 до 500 тыс. куб. футов в сутки, и из газопровода прежде всего попадает в газгольдер, откуда всасывается компрессорами. В компрессорах газ сжимается до 4 атмосфер; затем он поступает в холодильники и далее в аккумулятор, где происходит отделение конденсата. Уже и до этого выделение бензина частично происходит при прохождении газа по газопроводу. В дальнейшем газ идет на скрубберы, представляющие собой вертикальные цилиндры, в которых газ орошается тяжелым бензином. Бензин поглощает из газа все практически улавли-

[1] Нижеследующее описание сделано на основании статьи П. Аккермана в «Нефт. и Сланц. Хозяйстве», № 9 за 1924 г.

ваемые углеводороды, после чего оставшийся газ выпускается в отопительную газовую линию. В итоге бензин облагораживается, становится более легким и, естественно, количественно возрастает. Результат деятельности завода в настоящее время вполне благоприятен. Выработка достигла в августе 1924 г. 30,5 тыс. пуд., а в сентябре 59,5 тыс. пуд. бензина. Экономическое значение завода заключается прежде всего в том, что он позволяет, после поглощения газа некоторыми сравнительно тяжелыми фракциями, причислить эти фракции к бензинам, т.-е. придать им гораздо большую ценность. Если удастся организовать уловление газа в больших количествах, то это будет иметь первостепенное значение не только в смысле получения бензина, но и для газофикации промысловой работы, что должно уменьшить количество сжигаемой на промыслах нефти.

Результаты перегонки в Грозном за период национализации изображены в следующей таблице (в милл. пуд.):

Результаты перегонки.	1920 — 1921		1921 — 1922		1922 — 1923		1923 — 1924	
	Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%
Количество переработанной нефти. . .	55,6	100,0	63,2	100,0	70,9	100,0	79,8	100,0
Выход всех светлых нефтепродуктов . . .	6,0	10,7	10,1	16,0	11,3	15,9	15,9	19,9
В том числе выход бензина.	2,2	3,9	4,2	6,6	5,5	7,8	9,0	11,2

В полном соответствии с качеством грозненских нефтей и существовавшей конъюнктурой, основным направлением работ заводов было стремление к увеличению выхода ценных светлых продуктов. Достижения в этой области были наиболее значительными в 1924 г. Последний характеризуется увеличением выхода бензина в отдельные месяцы до 14%, а, в среднем, за год приблизительно до 11,0%. Это нужно признать прекрасным результатом, так как в 1914 г. не удавалось получать более 10% бензина. Общая выработка бензина составила в 1923—1924 году 9 милл. пудов и явилась тем базисом, на котором зиждется финансовое благополучие Грознефти.

Переработка эмбинской нефти происходит на двух заводах: Константиновском и «имени 26 комиссаров» (б. Варинском). В довоенное время заводы работали почти исключительно на керо-

син и машинные масла. В настоящий момент ассортимент вырабатываемых нефтепродуктов значительно расширен. Так как Константиновский завод обладает большею емкостью и лучшей аппаратурой, чем завод «имени 26 комиссаров», то большая нагрузка, естественно, приходится на его долю. Выработка обоих заводов составляла (в тысячах пудов):

Нефтепродукты.	1922—1923	1923—1924
Осветительных масел . .	463,5	821
Смазочных масел	855,1	687
Мазута	2891,4	2436
Прочих продуктов . . .	—	442
Всего.	4210,0	4386

Национализация до 1925 г. не внесла в заводское дело русской нефтепромышленности сколько-нибудь существенных изменений. Это, быть-может, объясняется тем, что в области заводского хозяйства объединение всего дела в одних руках не могло оказать такого революционизирующего влияния, как в области нефтедобывания. Но несомненно, что это объясняется и особыми условиями реализации нефтепродуктов в последние годы. К выяснению влияния рынка на постановку заводской работы мы и переходим.

§ 2.

Направление деятельности заводов определяется требованиями, предъявляемыми рынком, и поэтому полное представление о постановке работ по переработке нефти можно получить лишь после анализа потребностей страны в нефтепродуктах. Удовлетворяет ли деятельность заводов нужды страны? — это один из главнейших вопросов нефтяного дела. Но удовлетворяет ли спрос, предъявляемый страной, потребности заводов и позволяет ли он развернуть нормальную работу? — это тоже вопрос немалой важности.

В 1920 и 1921 гг. рынка вообще не было, и продукция отпускалась без денег по нарядам и распоряжениям Центра. Есть все основания полагать, что отпущенные нефтепродукты стоили гораздо больше, чем продовольствие, технические материалы и деньги, которые получались нефтяными объединениями. Следовательно, система безденежного отпуска была невыгодна для нефтяной промышленности и ослабляла ее мощь. Нужно отметить

также, что в период военного коммунизма потребители усиленно запасались «бесплатной» нефтью и к 1921 г. обладали весьма значительными запасами топлива, в то время как нефтяная промышленность никаких запасов нужных ей продуктов не делала.

Некоторое изменение существовавшего порядка последовало в сентябре 1921 г. С этого времени Азнефть и Грознефть начинают продавать свою продукцию за наличные (правда, падающие) деньги. Первоначально создается лишь, так сказать, прецедент платного отпуска; рынок оплачиваемого сбыта ограничивается лишь местностями, прилежащими к Грозному и Баку. Еще целых полгода главные потребители—НКПС, НКВоен и ВСНХ—не были обязаны платить и, конечно, не платили за получаемые ими нефтепродукты. Принцип, на котором покоится дело сбыта, радикально меняется лишь с апреля 1922 г., когда окончательно устанавливается платность для всех без исключения потребителей. В нашем распоряжении не имеется точных цифр о том, сколько и какие именно нефтепродукты были потреблены Советской Федерацией за этот период, однако, к некоторым выводам можно притти на основании следующей таблицы, в которой сравниваются внутренние перевозки до войны и в 1921/22 году.

Внутренний вывоз нефтепродуктов в миллионах пудов за 1921—22 год.

	Из Баку.	Из Грозного.	Из Ракуши.	Итого.
По морю	155,0	—	7,3	162,3
По железн. дор. .	19,1	50,8	—	69,9
По трубопроводу.	10,7	13,7	—	24,4
Итого . .	184,8	64,5	7,3	256,6
Всего в 1913 г.	—	—	—	279,0

Итак, в 1921/22 г. потребности страны удовлетворялись сравнительно неплохо. Конечно, это оказалось возможным благодаря большим запасам, найденным в Баку при установлении Советской власти.

В апреле 1922 г. при Главном Управлении Топливной промышленности организуется «Нефтеторг», в дальнейшем преобразованный в «Нефтесиндикат». Назначение этого органа, в главном, сводится к тому, чтобы реализовать за деньги продук-

цию Азнефти, Грознефти и Эмбанефти. Таким образом, за самими трестами остаются лишь производственные функции, а дело сбыта передано в руки специальной организации. Согласно § 14 устава Нефтесиндиката, расчеты с трестами производятся два раза в год по себестоимости, определяемой Центром.

Весь первый год тресты энергично протестовали против такого порядка, при котором сбыт производится органом, незаинтересованным непосредственно в ходе работ. Центр не нашел возможным удовлетворить домогательства трестов и сохранил Нефтесиндикат, предоставив трестам больше прав в смысле воздействия на политику этого торгующего органа.

Таким образом на ведение нефтяного дела в настоящее время оказывают влияние три типа организаций. Прежде всего, тресты, занятые производственной деятельностью, затем Нефтесиндикат, производящий сбыт продукции, и, наконец, государственные регулирующие учреждения, согласующие и увязывающие нефтяную промышленность со всем народным хозяйством СССР.

До 1920 г. больше половины вагонов-цистерн и почти весь наливной флот составляли собственность нефтеторговых фирм. В результате транспорт до революции был более дешевым, ибо в настоящее время, когда Нефтесиндикат собственных транспортных средств не имеет и производит перевозки на основе особых договоров с железными дорогами и пароходствами, тарифы и фрахты, примерно, в $1^1/_2$ — 2 раза выше довоенных. Нефтесиндикат не смог добиться понижения фрахта и тарифа, но, вместе с тем, он обладал и обладает достаточными средствами воздействия на размер и очередность совершаемых перевозок, так как все они происходят в плановом порядке. В общем нужно признать, что железные дороги и флот все время справлялись с взятыми на себя обязательствами и что перевозки нефтепродуктов протекали нормально.

Торговый аппарат Нефтесиндиката состоит из Правления, районных контор, нефтескладов и розничных лавок, охватывающих всю территорию СССР. Помимо этого, организовано заграничное представительство в Берлине и отделения его в Лондоне, Париже, Риме, Риге, Ревеле и Константинополе.

В 1922/23 г. затруднений в сбыте мазута не встречалось. Продажа его совершалась преимущественно централизованно, т.-е. непосредственно самим Правлением синдиката. Цены же делились на два вида: твердые (для планового потребителя) и торговые. В принципе, твердые цены устанавливались по себестоимости, но соответствовали ли они ей практически, сказать очень трудно. На 1922/23 г. СТО были установлены следующие цены на нефть и мазут: для Баку—24,8 тов. коп., для Грозного — 21,5 тов. коп. с переводом на совзнаки по общетоварному индексу

Госплана. Рыночные цены этого года были почти вдвое выше, и, разумеется, тресты усиленно (но безрезультатно) добивались увеличения и твердых цен. В этот период никому и в голову не приходило, что в стране создается избыток топлива. В 1923/24 г. конъюнктура была уже совсем иной. Топливная промышленность развивалась быстрее, чем остальные отрасли народного хозяйства СССР, и на складах стали накапливаться избытки нефти и угля. У нефти вновь появляется ее старый конкурент — донецкий уголь. Еще в январе 1924 г. в ряде промышленных центров нефтетопливо обходилось несколько дешевле угля, но затем, благодаря особому покровительству, оказываемому правительством Донбассу, картина изменилась, и в апреле почти повсеместно более дешевым оказывается уголь. За нефтью, вне конкуренции, остаются лишь приволжские города, а также Иваново-Вознесенск, Владимир, Орехово-Зуево и еще несколько других пунктов. На этом узком рынке нефтяное топливо не находило нужного потребителя. Даже плановые потребители иногда отказывались принимать назначенный им товар. В силу слабого спроса, цены на вольном рынке мало отличались от установленных правительством, составляя на местах производства 38 коп. за моторное топливо, 32,5 коп. за мазут беспарафинистый и 29 коп. за мазут парафинистый. В Москве вольная цена за год снизилась с 1 рубля до 76 коп. за пуд мазута, а в Ленинграде с 1 руб. 13 коп. до 81 коп. за пуд.

Всего за 1923/24 г. удалось реализовать на внутреннем рынке 180 милл. пудов нефтетоплива, т.-е. меньше, чем в предыдущем году, когда распродано было 186,3 милл. пуд. Между тем добыча за 1923/24 г. сильно возросла. Вследствие этого возник кризис сбыта, который заставил ударить тревогу. В результате правительство несколько изменило курс: «комитет содействия Донбассу» был ликвидирован, административный нажим, обеспечивавший углю потребителя, исчез, и нефтяная промышленность получила несколько более благоприятную обстановку для сбыта своей продукции. Тем не менее внутренний рынок продолжает оставаться явно недостаточным, и во весь рост встает вопрос о выходе на внешний рынок. Прежде чем перейти к изучению экспорта, выясним, как удавалась реализация других (кроме топлива) нефтепродуктов, в первую очередь — керосина.

Сбыт этого товара требует проникновения вглубь крестьянского населения и носит, в конечном итоге, характер розничной продажи. Нефтесиндикат не обладает для этого достаточно гибким аппаратом, вследствие чего проводником керосина в деревню должны были стать кооперация и частный торговец. Вследствие слабой покупательной способности населения, уже в 1922/23 г. значительная часть керосина оказалась непроданной. То же самое было и в следующем году. В результате, к концу каждого

операционного года, нефтяная промышленность обладала большими запасами керосина.

Как происходила реализация нефтепродуктов за два последних года внутри СССР и каковы были имевшиеся в распоряжении Синдиката остатки их, можно видеть из следующих данных (в милл. пуд.):

	Топливо.	Керосин.	Бензин.	Смазочн. масла.	Всего.
Реализовано в 1922/23 г.	186,3	18,2	2,1	3,1	209,7
Остатки на 1 октября 1923 г.	8,6	30,2	12,0		50,8
Реализовано в 1923/24 г. .	180,5	22,8	1,8	8,5	213,6
Остатки на 1 октября 1924 г.	98,7	25,9	2,1	—	145,7

Такие высокие запасы керосина, оставшиеся от прошлых лет, смогут оказаться использованными еще очень нескоро. Безобразно малое потребление керосина (35 — 40% довоенного) обязывает Нефтесиндикат протолкнуть его в деревню во что бы то ни стало. Дешевый керосин в деревню! — это одно из важнейших звеньев общей политики Советской власти по отношению к крестьянству. Нужно сознаться, что в 1922/23 г. это звено не могло вызывать радужных надежд. Чем же объяснить это явление? Прежде всего высокими продажными ценами, которые в значительной степени зависели от непомерной высоты акциза. Акциз на керосин составлял 80 коп. за пуд против 60 коп. довоенных (акциз на бензин составлял 1 руб. 60 коп. против тех же 60 коп. довоенных). Поэтому понижение акциза было одним из самых настойчивых требований, с которым Нефтесиндикат обращался к правительству. Совет Труда и Обороны уменьшил акциз с 80 коп. до 60 коп. и предложил НКПС уменьшить железнодорожный тариф на керосин на 20%, а водные фрахты на 30%. После введения твердой валюты Нефтесиндикат исключил из калькуляции страховку на курсовые потери и уменьшил еще целый ряд падающих на керосин расходов. В итоге, в 1923/24 г. цены керосина упали, и реализация его начала усиливаться (см. таблицу, приведенную выше), но и после этого цены оставались слишком высокими для крестьянина, ибо розничная цена на керосин не находится в прямой зависимости от оптовой. Накидки, делаемые розничниками, очень высоки; они колеблются, как это видно из приводимой ниже таблички, от 10 до 60%.

Розничные и оптовые цены на керосин в конце 1924 года.

	Воронеж.	Ростов н/Д.	Вологда.	Астрахань.	Минск.	Ив.-Возне-сенск.	Тула.
Розничная цена в коп. за пуд	200	180	220	160	300	240	280
% накидки на оптовую цену . . .	10%	12%	22%	27%	49%	50%	62%

Проводником керосина в деревню всегда служил частный лавочник, обладавший достаточным навыком по организации этого далеко не простого дела. В 1923/24 г., в соответствии с общим направлением экономической политики, Нефтесиндикат держал курс на вытеснение лавочника молодою сельскою кооперациею. Однако, последняя не сумела еще наладить свой аппарат, да и, к тому же, не обращала большого внимания на торговлю керосином. Все это сильно отразилось на успешности реализации этого вида нефтепродуктов. Как видно из приводимой ниже таблички, кооперация все же делала успехи, хотя успехи эти шли и за счет госорганов, а не только частного торговца, который, несмотря на враждебное отношение Нефтесиндиката, оказался очень живучим.

Реализовано контрагентами Синдиката.	1922—23 г.	1923 - 24 г.
Госорганами	25,3%	18,8%
Кооперациею	13,5%	29,6%
Частными торговцами	48,3%	35,5%
Правлением Синдиката и его лавками . .	12,9%	16,1%
Итого	100,0%	100,0%

В борьбе за расширение сбыта керосина, Нефтесиндикат в 1924 г. стал организовывать снабжение деревни лампами и горелками. Наркомвнуторгом в том же 1924 г. было издано обязательное постановление, согласно которому все потребительские кооперативы в деревне обязаны торговать керосином, при чем на него были установлены твердые цены. Все это должно

оказать свое влияние, и надо полагать, что в 1925 году реализация керосина пошла успешнее.

Переходя теперь к экспортным операциям Нефтесиндиката, отметим, что 1922/23 г. был первым годом, когда СССР выступил экспортером в полном смысле этого слова. Нефтесиндикат заарендовал емкости и инсталляции в Гамбурге, Ревеле и Риге, и это дало возможность продавать товар более мелкими партиями и прямо со склада за границей, а не фоб-русские порты, как это было в 1921/22 году.

Общая конъюнктура мирового рынка в 1922/23 г. была в общем удовлетворительной. Исключение составлял рынок смазочных масел, главный потребитель которого — Германия — переживал сильнейший хозяйственный кризис. Экспортные цены были достаточно приемлемыми, за исключением цен на керосин; последний продавался по ценам, которые наши тресты считали убыточными. Средние продажные цены Нефтесиндиката (конца 1922/23 г.) приведены в следующей таблице (в фунтах стерлингов за тонну).

Керосин	3 ф. 5 ш.
Бензин	14 ф. сиф
Машинное масло	9 ф. 10 ш. фоб
Соляровое масло	5 ф. 10 ш. фоб
Веретенное масло	10 ф. фоб
Парафинистая нефть	4 ф. 10 ш. фоб

Однако, нефтяной рынок вообще подвержен сильным колебаниям, и в конце 1922/23 года наметился резкий перелом в сторону понижения цен, что объясняется крайне интенсивным развитием американской добычи. Итоги вывоза за 1922/23 г. изображены в следующей таблице (в милл. пуд.):

Керосин	11,5
Бензин	2,5
Машинное масло	2,3
Соляровое масло	1,1
Веретенное масло	0,1
Цилиндр. масло	0,01
Вискозин	0,003
Грозненская нефть	2,0
Эмбинская нефть	0,01
Прочие продукты	0,3
Итого	19,8

Итак, в первый год активного вывоза удалось экспортировать всего 19,8 милл. пудов разных нефтепродуктов, из которых 11,5 милл. пудов керосина было продано по убыточным ценам. Несмотря на это, результаты деятельности Синдиката все же нужно признать очень важными, поскольку вновь удалось открыть «окно в Европу» и прорвать пресловутую «керосиновую блокаду», затеянную бывшими владельцами промыслов.

1923/24 год был вторым годом экспортной работы Нефтесиндиката. Вывезенными оказались следующие продукты:

		Тысяч пудов.
1.	Керосин	21 205
2.	Бензин	8 173
	(В том числе грозненский)	7 268
3.	Масло машинное	4 567
4.	» соляровое	2 864
5.	» веретенное	486
6.	» цилиндровое	41
7.	» прочее	31
8.	Нефть парафинистая	4 156
9.	Эмбинская нефть	260
10.	Мазут и проч.	2 372

Общий вывоз составлял 44 155 тыс. пудов и превысил вывоз предыдущего года на 133%, при чем по отдельным статьям это увеличение было гораздо более значительным: так, например, бензина было продано больше на 230%.

Грозненский район участвовал в экспорте лишь бензином и нефтью; почти все остальные продукты являются результатом бакинского производства.

По странам вывоз 1923/24 г. распределяется так: в Англию было вывезено 54,2% общего вывоза (преимущественно керосин), в Германию — 9,8% (масла и бензин) и во Францию — 7,9% (масла и бензин). Грозненская парафинистая нефть вывозилась в Венгрию, где в деле переработки этого сорта нефти достигли больших успехов.

Цены, по которым Нефтесиндикатом совершены были запродажи, подвергались сильным колебаниям в связи с общей конъюнктурой.

В среднем за год они были таковы:

Керосин	3 ф. 10 ш.	за тонну
Бензин легкий	11 ф.	» »
Бензин тяжелый	10 ф. 11 ш.	» »
Машинное масло	10 ф. 13 ш.	» »
Соляровое масло	5 ф. 17 ш.	» »
Мазут	2 ф. 17 ш. 9 п.	» »
Парафинистая нефть	3 ф. 13 ш.	» »

Цены на керосин оставались почти без изменений; наиболее сильно колебались цены на бензин, что явилось результатом колоссального увеличения производства его в Америке.

Чтобы приблизить свою продукцию к потребителю, Нефтесиндикат заарендовал за границей емкости на 2,5 милл. пуд.; далее он, совместно с Аркосом, организовал смешанное общество для торговли нефтепродуктами в Британской империи и приступил

к организации аналогичного общества в Турции. Главная же масса нефтепродуктов продавалась через комиссионные фирмы, от которых Нефтесиндикат получал авансы. Помимо созданных в 1922/23 г., были учреждены новые отделения Синдиката в Италии, Бельгии, Голландии и Китае. Чтобы стать более независимым от иностранных фирм, Нефтесиндикат решил приступить к сооружению в Ленинграде двух наливных судов грузоподъемностью до 7000 тонн каждое и начал переговоры о заказе нескольких судов за границей.

В 1923/24 операционном году мировой рынок не был достаточно благоприятен, и нефтяная промышленность вынуждена была продавать часть своей продукции по убыточным ценам. Азнефть заявляет даже, что на экспорте она потерпела убыток около 4 милл. рублей. Правда, исчисления Азнефти не могут считаться вполне достоверными; несомненно все-таки, что, поскольку советской продукции приходится сталкиваться с американской, последняя имеет преимущества, обусловливаемые большей дешевизной производства, и это делает наше положение весьма затруднительным, по крайней мере, на ближайшие годы.

В заключение рассмотрим, как происходило финансирование нефтяных трестов. Абсолютно все денежные поступления трестов происходили при посредстве Нефтесиндиката, даже правительственные дотации передавались через Синдикат. Согласно устава Нефтесиндиката расчет с трестами за отпущенную ими продукцию должен был производиться два раза в год по производственной себестоимости.

Практически же, финансирование трестов шло иным путем. Был установлен авансовый порядок расчета, согласно которому вся выручка, полученная Синдикатом от внутренней торговли (за вычетом понесенных им расходов как по внутренней, так и по внешней торговле), поступала трестам в виде авансов. Распределение выручки до февраля 1923 г. происходило в следующих долях: Азнефти — 11, Грознефти — 6, Эмбанефти — 1; с марта 1923 г. эти доли соответственно составляли 12, 5 и 1. Что касается валового дохода от внешней торговли, то он полностью поступает в распоряжение трестов.

В течение 1922/23 года Нефтесиндикатом было передано трестам (в товарных рублях):

От внутренней продажи	59 797 223
» экспорта	23 006 774
По государственной ссуде	23 252 777
Всего	106 056 774

Эти поступления не были только денежными. В их счет входили также всевозможные платные услуги, оказываемые

Синдикатом, как-то: оплата перевозок, технических материалов, продовольствия и т. д.

В 1923/24 г. нефтяная промышленность дотаций от государства не получила вовсе. Все поступления происходили за счет реализации товаров (незначительный кредит в банках, который получала нефтяная промышленность, мы оставляем в стороне). Валовая выручка Синдиката выразилась в следующих, приблизительно, цифрах (в миллионах червонных рублей):

От внутренней торговли	153,5
» внешней торговли	33,4
Всего же около	186,9

Предыдущие страницы показали, что в 1924 г. русский рынок оказался слишком узким для нефтяной промышленности, и что вследствие этого рациональная система переработки нефти была невозможна. Вместе с тем внешний рынок, который сулит необъятную ширь и своим разносторонним спросом открывает возможность самым полным образом использовать все таящиеся в нефти богатства, — этот внешний рынок оказывается для СССР убыточным или почти убыточным. Каковы же перспективы на дальнейшее? Придется ли сокращать производство и приспосабливать его размеры к потребностям внутреннего рынка, или же следует ориентироваться на заграничного покупателя? Вот главнейший вопрос, на который придется ответить в следующей главе. В зависимости от этого ответа можно будет установить, пойдет ли наша нефтяная промышленность дальше по пути рационализации, или же она будет вынуждена свернуть с него и успокоиться на проторенной дорожке хищнической эксплуатации природных богатств.

ГЛАВА IV.

В последнее время было сделано несколько попыток подсчитать, до каких пределов может дойти потребление нефтетоплива к 1928 году.

По данным, опубликованным плановым отделом бывшего Главного Горного Управления, потребность страны на 1927/28 год составит около 300 милл. пуд.; по другому же исследованию, произведенному по заданию Совета Нефтяной Промышленности В. И. Фроловым, в том же году на внутреннем рынке еле-еле удастся разместить 235 милл. пуд. нефтетоплива. Это второе исследование в общем проникнуто пессимизмом, но, вместе с тем, В. И. Фролов проявляет большой оптимизм по вопросу о реализации керосина и считает, что потребление его достигнет к 1927/28 г. 50 милл. пуд.

Оба варианта предполагаемого на 1927/28 год сбыта приводятся ниже (в милл. пуд.):

Нефтепродукты.	Вариант Гл. Горного Управления.	Вариант Фролова.
1. Нефтетоплива:		
Железные дороги	120	100
Флот	56	45
Водосвет	25	19
Промышленность	84	55
Наркоматы	10	16
Население	5	
Итого нефтетоплива	300	235
2. Керосина	40	50
3. Бензина	3	7
4. Смазочных масел	5	10
Всего нефтепродуктов	348	302

Из приведенных данных видно, что в 1927/28 г. наши три главных треста могут рассчитывать на размещение внутри страны 300—350 милл. пуд. Это означает, что союзная валовая добыча, включая и расходы на промыслах, потери и прочее, не должна превышать 400 милл. пуд.; если эта цифра будет превзойдена, придется искать покупателей вне СССР.

У нас делались также попытки подсчитать, до каких размеров может дойти добыча нефти с точки зрения производственных возможностей районов. В конце 1923 г. Азнефть предполагала, что с этой точки зрения валовая добыча 1927/28 года должна будет приблизиться к 500 милл. пуд., в то время как Грознефть рассчитывала довести свою годовую продукцию к этому времени до 170 милл. пуд. При таких условиях, естественно, напрашиваются два вопроса: целесообразно ли такое форсирование производства при ограниченности внутреннего потребления, и может ли излишек рассчитывать на реализацию среди иностранных потребителей?

Прежде всего постараемся ответить на последний вопрос. 200—300 милл. пуд. излишков нашей нефти не могут составить груза, отягощающего мировой рынок. Конечно, Нефтесиндикату придется наткнуться на противодействие современных нефтя-

ных королей, но при должной организации всегда можно найти покупателей, желающих освободиться от зависимости по отношению к Standard Oil или Schell. В этом смысле особых сомнений быть не должно. Но зато гораздо серьезнее вопрос, принесет ли этот экспорт сколько-нибудь существенную выгоду. По указанию Азнефти, в 1924 г. цены были убыточны для керосина и топлива, и лишь бензин и смазочные масла давали прибыль. Вся нефтяная пресса полагает, что ближайшее пятилетие будет проходить под знаком растущего спроса на бензин, при сравнительно слабом интересе к осветительным маслам. Значит, если Нефтесиндикату пришлось бы экспортировать преимущественно топливо и керосин, то убыточность такого начинания была бы почти вне сомнения. Если же главную роль среди предметов экспорта будет играть бензин, то, даже при убыточных ценах на остальные нефтепродукты, результат, в общем и целом, может быть благоприятен. То же, что о бензине, можно сказать и относительно смазочных масел, с той лишь разницей, что спрос на них более ограничен в своих размерах.

Таким образом, выгодность нашего будущего экспорта зависит от того, насколько удастся увеличить выход, а значит, и вывоз смазочных масел и бензина.

Прежде чем иметь суждение о том, насколько это увеличение возможно, выясним, что подразумевается на мировом рынке под словом «бензин». Оказывается, что у американцев это несколько иной продукт, чем у нас. Американский бензин обладает более низкой начальной и более высокой конечной точкой кипения. Это показывает, во-первых, что в Америке улавливаются те самые легкие части нефти, которые у нас уносятся в воздух, а во-вторых, что к бензинам относятся и такие фракции, которые при перегонке на советских заводах попадают в осветительные масла.

Получению такого «бензина» в Баку и Грозном препятствует нелепая система «открытой эксплуатации», при которой нефть, совершая путь с промысла к заводу, соприкасается с воздухом. Вследствие высокой бакинской температуры и частых резких ветров, биби-эйбатская нефть, например, теряет 3%, прежде чем дойти до отстоечного чана. Во время хранения в резервуарах происходит дальнейшее и значительное испарение, при чем, разумеется, из нефти улетучиваются самые легкие части, отсутствие которых так сильно сокращает выход бензина на бензиновых заводах. Для того чтобы увеличить в 5—6 раз получение бензина из бакинских нефтей, необходимо устройство герметически закупоренных приемников, закрытых стоков и т. д. Все это, по вычислениям одного из руководителей Бакинского района, Ф. Рустамбекова, должно обойтись, примерно, в 14 милл руб. и отнять около 4—5 лет времени.

Вторым путем, служащим для увеличения количества получаемого бензина, должно явиться устройство газолиновых заводов, позволяющих сравнительно тяжелые составные части нефти делать пригодными для бензина. Разумеется, при этом необходимо наладить полное уловление выходящего из скважин нефтяного газа. Последнее не представит большой трудности при замене желонки глубокими насосами.

Наконец, в-третьих, необходимо оборудование завода, в котором бензин получался бы при помощи крэкинг-процесса. Все это позволит довести выход бензина до столь значительных размеров, что выступление на внешнем рынке перестанет быть рискованным.

Конечно, все эти рассуждения имеют значение по отношению не только к Бакинскому, но и к Грозненскому району. Тем не менее у последнего имеются и некоторые особенности. Грозный уже в настоящее время дает большие партии бензина; при применении закрытой системы эксплуатации, выход его мог бы быть доведен до 20—25% общего количества перерабатываемой нефти. Вся беда в том, что после такой перегонки оставшийся парафинистый мазут, даже при 30° С, представляет собой почти твердое тело. Таким образом, проблема увеличения выхода бензина связана с постройкой парафинового завода. К этому, как мы видели, Грознефть уже приступила; кроме того, она создала и газолиновый завод. Однако, положению Грозного, как экспортера, препятствует еще одно обстоятельство — слабая перевозочная способность железной дороги, которая, быть-может, уже в 1927/28 г. не справится с поступающими к перевозке нефтяными грузами. Это обстоятельство, равно как и чрезмерная высота тарифов, заставили Грознефть ходатайствовать о постройке трубопровода от Грозного до какого-либо порта Черного моря. СТО разрешил эту постройку и предписал приступить к изысканиям; для финансирования предприятия была установлена специальная 3-копеечная надбавка на пуд грозненской нефти. Постройка нефтепровода вызовет необходимость сооружения, в конечном пункте его, завода для переработки поступающей нефти. По вычислениям Грознефти все эти работы, срок для которых установлен в 4 года, обойдутся в 44 милл. руб., в том числе нефтепровод (8″) к Черному морю—в 25 милл. руб., нефтеобрабатывающие заводы в Грозном и на берегу моря—в 15 милл. руб. и установки по переработке газа—в 4 милл. руб.

Мы видим, что вопрос о выгодности большого вывоза за границу решается в зависимости от норм выхода бензина, а увеличение добывания последнего находится в прямой зависимости от того, в каком размере удастся привлечь в нефтяную промышленность нужные для ее переоборудования капиталы. Каковы же перспективы, стоящие в этом отношении перед нашей нефтяной промышленностью?

Чтобы не терять реальной почвы для рассуждений и не строить расчетов на предположениях маловероятных, мы будем считать, что нефтяная промышленность может надеяться на поступление капиталов только изнутри страны. Так как после создания твердой валюты Наркомфин категорически отказывает в дотациях, то все поступления трестов могут получаться лишь от продажи нефтепродуктов. Поэтому чрезвычайно важно выяснить: дают ли продажные цены возможность накопить нужный трестам капитал, или они для этого слишком низки? Все это заставляет с особым вниманием проанализировать проблему продажных цен.

По предположениям Азнефти на 1924/25 г. намечался следующий масштаб работ: бурение 39 800 саж., добыча 299 милл. пуд. В этом случае стоимость эксплуатации ложится на пуд нефти в сумме 17,6 коп., а амортизационное отчисление составляет 14,9 коп. Таким образом получается полная себестоимость в 32,5 коп. Между тем еще в 1924 г. окончательно выяснилось, что правительство считает такие цены совершенно неприемлемыми для страны и настаивает на значительном их понижении. В калькуляции Азнефти внушали серьезные сомнения выставленные ею амортизационные отчисления. Поэтому в Баку была послана особая комиссия ЦКК и РКИ для проверки правильности расчетов Азнефти.

На основании ряда соображений комиссия установила среднюю норму падения производительности скважин, основываясь на которой она впоследствии вывела соотношение, долженствующее быть между добычей и новым бурением для поддержания продукции на том же уровне. Правильность произведенных комиссией вычислений полностью отвергается видными специалистами нефтяного дела; тем не менее они так интересны, что мы приводим их в следующей таблице:

Площади.	Среднее падение добычи всех скважин в год в %	Для поддержания добычи на том же уровне, на каждый миллион пудов добываемой нефти нужно		Кроме того, для увеличения добычи на 10%, на каждый миллион пудов добываемой нефти нужно	
		новых скважин	нового бурения в саженях	новых скважин	нового бурения в саженях
Балаханы . .	10,0	0,30	70	0,30	70
Сабунчи . . .	12,8	0,30	45	0,23	35
Романы . . .	10,5	0,44	92	0,42	88
Биби-Эйбат. .	12,0	0,26	70	0,22	58
Сураханы . .	26,8	0,20	70	0,08	26
Бинагады . .	25,0	1,55	310	0,62	124
Весь район .	15,5	0,37	83	—	—

Далее комиссия считала необходимым различать два вида начислений: начисления просто амортизационные и начисления восстановительные. Соотношение между ними понималось комиссией следующим образом: «Если назвать амортизацией только погашение основных капитальных затрат путем переноса их в цену продукции..., а поддержание... производственного эффекта, также за счет надбавок в цене, назвать, например, восстановительными начислениями..., то мы можем констатировать..., что в нефтяной промышленности амортизация вообще менее восстановительного начисления».[1]

Наконец, комиссия применила особый метод оценки всего имущества Азнефти и определила его в 165 милл. червонных рублей вместо установленных трестом 263 милл. довоенных рублей, т.-е. почти в три раза меньше.

Исходя из всех этих положений и принимая, что средняя стоимость проходки в одну сажень равна по ударному бурению 630,7 руб., а по вращательному 593 руб., комиссия пришла к выводу, что если к эксплуатационным расходам прибавлять даже не амортизационное, а восстановительное отчисление, то оно не должно превышать 7,79 коп. за пуд.

Эта колоссальная разница между данными комиссии и Азнефти заставляет серьезно задуматься, тем более, что СТО, вероятнее всего, на основании доклада комиссии, установил на 1924/25 год плановую цену в 26,5 коп. Не говоря уже о накоплении капитала, спрашивается: восстанавливается ли в этой цене стоимость имущества Азнефти, или нет? По мнению большинства специалистов, она не восстанавливается; а это значит, что трест понемногу проедает свой основной капитал.

Что касается Грозного, то себестоимость одного пуда нефти на Старой площади равна 47,6 коп., а на Новой — 15,4 коп. Значит, и Грознефть не делает блестящих дел при установленных ценах.

Теперь уже можно дать ответ на вопрос о том, следовало ли в 1924/25 г. форсировать производство нефти, или нет.

На этот вопрос необходимо ответить: нет, не следовало. В ближайшие годы нефтяной промышленности предстоит обратить все усилия на удешевление себестоимости и на увеличение выработки бензина; этим целям и должны быть подчинены все остальные. Постараемся обосновать это положение. В целях постепенной ликвидации обводнения наиболее желательным было бы введение в эксплуатацию всех ранее работавших скважин. Это удорожило бы добычу, но ведь нефтяная промышленность не является самоцелью, а призвана служить интересам всего народ-

[1] А. О. Сегаль, «Очерки хозяйства Азнефти», «Нефт. и Сланц. Хозяйство», № 29 за 1924 г.

ного хозяйства в целом, каковые интересы требуют низких цен на топливо. Совершенно несомненно, что, поскольку цены будут зависеть от решений плановых органов, они не будут иметь тенденции к повышению. Поэтому трестам необходимо приспособить размеры и направление своих работ к низкому уровню цен, а этот последний не позволяет производить накопление за счет реализации продуктов.

Капитальные затраты Азнефти, при которых себестоимость пуда нефти к 1927/28 г. должна будет упасть до 24,2 коп., выражаются, по вычислениям Рустамбекова, сделанным по методу Азнефти, следующими цифрами (в тыс. руб.):

Оборудование.	1924—25 г.	1925—26 г.	1926—27 г.	1927—28 г.
Оборудование буровых мерниками	2 204	3 542	3 542	3 557
Оборудование резервуаров клепаными крышами	421	421	421	—
Введение глубоких насосов	4 916	7 034	7 223	6 764
Прочее	100	120	120	120
Всего	7 641	11 117	11 296	10 441
Ежегодные отчисления для погашения затрат из 8% годовых . . .	—	1 336	3 282	5 263

Значит, для одних только промыслов Азнефти потребуется свыше 40 милл. руб.; на оборудование ее заводов потребуется, вероятно, также не менее 20 милл. руб. Как уже указано, Грознефти требуется сумма в 40 милл. руб. Итого нефтяной промышленности в целом на ближайшие пять лет необходим капитал в 100 милл. руб. Нет сомнения в том, что эти затраты принесли бы значительную прибыль, но вследствие бедности страны и отсутствия свободных капиталов, получение этих сумм встретит сильные препятствия.

По какому же пути предстоит итти нефтяной промышленности при малой вероятности значительного прилива капиталов?

Для того, чтобы сделать свою продукцию более прибыльной, тресты должны усилить выработку бензина и экспортировать его за границу. Это значит, что главные капитальные затраты должны производиться не на промысловой площади, как до 1924 г.,

а в заводском деле. Тут предстоят значительные трудности, так как придется выбирать правильную среднюю линию поведения, при которой не происходило бы разрушения нефтедобывающего хозяйства и не усиливалось бы обводнение пластов. При этом должна возрасти роль глубоких насосов, этого самого дешевого способа эксплуатации. Что касается бурения, то оно должно быть стабилизировано, или почти стабилизировано; введение в эксплуатацию новых партий скважин (из числа ранее заброшенных) должно производиться лишь в тех размерах, которые являются крайне необходимыми, и т. д. Все это, при неизменившихся нормах амортизационных отчислений, должно дать некоторую экономию, за счет которой и должны производиться работы по рационализированию заводского дела.

До тех пор, пока значение светлых продуктов не возрастет до той пропорции, которая имеет место в Америке, русское нефтяное дело, при низких продажных ценах внутри СССР, должно будет мириться с суженным (в рублях) воспроизводством основного капитала, сопровождаемым одновременным улучшением технической базы. Это означает, что, становясь меньшим в бухгалтерском понимании, капитал приобретет более производительную и прибыльную форму. Вместе с тем произойдет более правильное перераспределение капитала между промыслами и заводами к большей выгоде последних. Это повлечет за собой рационализацию переработки, но при этом темп, с которым шла рационализация нефтедобывания, должен будет понизиться.

Направлялась ли деятельность наших трестов уже в 1924/25 г. по этому пути, или же они клали в основу своего плана какой-нибудь иной принцип? В нашем распоряжении пока еще нет точных данных, но нам кажется, что в начале года политика нефтетрестов протекала именно в этом направлении. Краткая цифровая справка подтвердит это положение.

Добыча в первом полугодии 1924—1925 г.

Тресты.	Тартанием.		Фонтанами.		Компрессорами.		Насосами.		Всего, включая и проч. способы.	
	В миллион. пуд.	В % к плану.	В миллион. пуд.	В % к плану.	В миллион. пуд.	В % к плану.	В миллион. пуд.	В % к плану.	В миллион. пуд.	В % к плану.
Азнефть . .	70,7	90,5	16,5	?	34,1	80,6	7,8	52,3	131,1	95,1
Грознефть .	16,8	82,5	36,8	170,0	—	—	5,7	67,1	59,3	117,8
Эмбанефть .	—	—	0,9	?	1,3	100,0	3,5	100,0	5,8	122,9

Бурение в первом полугодии 1924—1925 г.

Тресты.	Пройдено.	% выполнения плана.	% прироста по отношению к 1-му полугодию 1923/24 г.
	В саженях.		
Азнефть	20 600	102,0	24
Грознефть . . .	9 397	75,2	8
Эмбанефть . . .	673	117,0	219

При чтении обеих таблиц нужно помнить, что план утверждался во время самых сильных затруднений в сбыте нефтетоплива и потому, уже сам по себе, отражал стремление к стабилизации промысловой работы. Жизнь внесла даже в этот порожденный депрессией план значительные коррективы. Если исключить Эмбанефть, значение которой очень невелико, то в деятельности обоих главных трестов особенно выпукло выступает следующая черта. Механическое нефтедобывание в этот период катится вниз, и общая стабильность результатов промысловой работы должна быть отнесена лишь за счет деятельности фонтанов, то есть за счет явления в значительной мере случайного. По сравнению с предыдущим трехлетием бурение развивается очень слабо и делает картину застоя лишь более цельной. Но зато, в силу причин, которые мы уже выяснили ранее, низкая конъюнктура совершенно обратно повлияла на размах заводской работы. Не выделяя отдельных трестов, отметим, что, в общем и целом, первое полугодие 1924/25 операционного года принесло против предшествующего полугодия значительное увеличение выхода ценных продуктов, а именно: бензина на 18% и керосина на 17%. Этот успех мог быть достигнут лишь в результате крупных затрат на заводское и, в частности, на бензиновое дело. Какие именно работы были в этом направлении осуществлены Грознефтью, мы указывали в III главе. Что же касается деятельности Азнефти, то в ней нужно отметить следующие важнейшие начинания 1925 года: 1) увеличение пропускной способности керосиновых и масляных батарей—первых на 30 милл. пуд., а последних на 7 милл. пуд. в год; 2) приспособление завода бывш. «Олеонафт» для медленной перегонки биби-эйбатских нефтей, в результате чего выход бензина достиг 7% поступающего сырья; 3) сооружение пробной крэкинг-установки «по патенту инженера Квитка»; 4) постройку в Сураханах и Раманах газолиновых установок, работающих по

так называемому «замкнутому циклу проф. Тихвинского» и превращающих нефтяной газ в газолин. Все это подтверждает наше предположение, что Азнефти пришлось перенести центр своего внимания на заводы, или, иными словами, ей пришлось ориентироваться уже не столько на внутренний рынок, сколько на внешний. Логическим завершением такой политики явились домогательства Азнефти в области сооружения нового (второго) трубопровода Баку—Батум и постройки в конечном пункте его нефтеперегонных заводов. Перекачка по нефтепроводу ликвидировала бы транспортные затруднения, сильно удешевила бы доставку нефтепродуктов в Батум и позволила бы конкурировать с американским и английским трестами. Эта выдвинутая Азнефтью идея подверглась длительному и страстному обсуждению и была, в конце концов, утверждена СТО, но уже при значительно изменившейся конъюнктуре. Во второе полугодие совершенно неожиданно обнаружилось такое стремительное увеличение спроса на топливо и керосин, что имевшиеся запасы этих нефтепродуктов стали быстро таять, а финансовое положение трестов стало резко улучшаться и, в конце концов, достигло состояния, которое иначе не может быть названо, как состояние финансового благополучия. В связи с этим деятельность промыслов стала усиливаться, и истекший год закончился следующими результатами:

Добыча нефти в 1924—1925 г.

Тресты.	Тартанием.	Компрессорами.	Насосами.	Фонтанами.	Всего.
	В миллионах пудов.				
Азнефть	132,1	83,5	35,4	38,7	289,7
Грознефть	29,5		20,9	75,4	125,8
Эмбанефть	—	2,2	8,4	1,3	11,9

Бурение в 1924—1925 г.

Тресты.	Пройдено всего.	В том числе вращательн. способом.
	В саженях.	
Азнефть	57 165	31 459
Грознефть . . .	26 700	4 120
Эмбанефть . . .	1 370	?

Из чтения таблиц можно убедиться, что первоначальные предположения не оправдались, и работы на промысловой площади вновь стали форсироваться. Особенно ясно это заметно по размерам бурения, которое во втором полугодии сделало огромный скачок (в особенности в Грознефти). Заметно подвинулась также установка глубоких насосов, которых в конце этого года насчитывалось: в Баку—804, а в Грозном—231; наконец, очень значительных размеров достигли работы по электрификации, по уловлению нефтяного газа, по борьбе с испарениями и проч. Нижеследующая таблица покажет, что в области переработки 1924/25 операционный год оказался годом крупных успехов в смысле увеличения выхода светлых продуктов.

Результаты деятельности заводов в 1924—1925 г.

Тресты.	Поступило нефти.	Вышло керосина.	Вышло лигроина, бензина и газолина.	Вышло смазочн. масел.
	В миллионах пудов.			
Азнефть	190,0	50,2	16,2	10,4
Грознефть	107,2	10,4	16,0	—

Эти успехи, напряженный внутренний спрос на топливо, равно как и благоприятное финансовое положение, заставляют наши нефтетресты ставить перед собой в наступающем 1925/26 операционном году задачи очень крупных размеров. По предполагаемой производственной программе придется сделать ряд крупных затрат как на промысловое, так и на заводское хозяйства. Поскольку же источником для покрытия всех этих затрат является реализация нефтепродуктов, снова выплывает, и опять в резкой форме, проблема установления продажных цен как внутри, так и вне Советских республик. И в изменившейся обстановке перед нефтяными трестами стоит все та же задача такого распределения капитала между заводами и промыслами, при котором была бы обеспечена возможность работы на мировой рынок.

Мы не стараемся преуменьшить тех трудностей, которые стоят перед трестами, поскольку им придется определять тот средний путь, при помощи которого удастся вывести промышленность на торную дорогу. Правительство не было слишком благосклонно к нефтяной промышленности в последние год—полтора. Но надо полагать, что и НКПС, и НКФ (главные антагонисты нефтяной промышленности), в конце концов, вынуждены будут согласиться, что и для них выгодна рационализация нефтяного

дела. Увеличение выработки бензина увеличит его перевозку по железным дорогам, между тем как этот груз является доходным для сети. Одновременно возрастет выход керосина, в качестве побочного продукта, который, будучи продаваем по дешевым ценам, осветит деревню, внесет в нее культуру и даст возможность крестьянину работать в долгие зимние вечера. Это принесет укрепление червонца, увеличение поступлений от акциза и создаст подлинную смычку с крестьянством. Активный экспорт бензина укрепит международное положение СССР и создаст еще более твердый фундамент для валюты.

Все это заставляет думать, что наше правительство пойдет по пути некоторого ослабления тех жестких налоговых требований, которые предъявляет к нефтяной промышленности Наркомфин, и поставит ее в такое положение, которое при упорной борьбе давало бы надежду на дальнейшее развитие.

В. Э. ДЕН.

ЖЕЛЕЗОРУДНАЯ и ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Литература. I. Общая: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в . . . г. (издание горного ученого комитета [с 1874 до 1910 г.]). Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности (особое приложение к смете горного департамента на 1916 г.), Пгр., 1915. Издания статист. бюро Совета Съезда горнопромышленников юга России: 1. Статистика железорудной промышленности южной России в 1900 г., Харьков, 1901; 2. Железорудная промышленность южной России в . . . г. (ежегодно с 1901 по 1915 г., Харьков); 3. Железная промышленность южной России в . . . г. (ежегодно с 1900 по 1914 г., Харьков).

II. По железорудной промышленности: «The iron ore resources of the world», Stockholm, 1910. (Два тома и атлас. Входящий в состав этой работы доклад о русских запасах был составлен проф. К. И. Богдановичем [т. I., стр. 361—544]; в несколько дополненном виде он был выпущен отдельным изданием на русском языке под заглавием: К. И. Богданович, «Железные руды России», Спб., 1911 [изд. геологического комитета]). К. И. Богданович, «Железо» (в серии «Естественные производительные силы России», том IV [полезные ископаемые], № 2 [изд. КЕПС]). М. Швецов, «Железные руды России». М. 1922. В. В. Слепченко, «Железорудная промышленность» (в сборнике «Народное хозяйство и железнодорожные перевозки», изд. под ред. В. И. Рудковского и В. Р. Чернышева, М. 1924). В. Л. Тухолка, «Железные и марганцевые руды» (в серии «Богатства СССР», под общею ред. А. Ф. Арского, вып. III, М. 1925). Статьи в «Горном Журнале» (сокращенно: «Г. Ж.»): Ф. Бублейников, «Современное положение и ближайшие перспективы рудодобывающей промышленности РСФСР» (№ 10—12 за 1922 г.); В. Т., «Рудная промышленность» (№ 10 за 1923 г.), «Обзор предприятий отдела ГГУ за 1922—1923 опер. год» (№ 1 за 1924) г.); Ф. Б., «Обзор рудной промышленности за 1923—1924 г.» (№ 9—10 за 1924 г.); статьи в «Экономическом Обозрении» (сокращенно: «Э. О»); Ф. Бублейников, «Железорудная промышленность СССР» (№ 12 за 1924 г.); Ф. Бублейников, «Рудная промышленность СССР в 1923—1924 г. и виды на 1924—1925 г.» (№ 21 за 1924 г.). Ф. Бублейников, «Железорудная промышленность СССР», М. 1925.

III. По железоделательной промышленности: Свод статистических данных по железоделательной промышленности, изд. редакции периодических изданий Министерства Финансов (с 1903 г. до войны). Данные свода за первые 10 лет его издания были разработаны Г. Касперовичем в книге «Железоделательная промышленность России за последнее десятилетие (1903—1912)», Спб., 1913. В. Э. Ден, «Каменноугольная и железоделательная промышленность», Спб., 1907. И. П. Гливиц, «Железная промышленность России», Спб., 1911. Ип. Гливиц, «Потребление железа в России», Спб., 1913. Г. Мерцалов, «Железная промышленность», в сборнике «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. 3, Пгр., 1920, стр. 12—40. Н. В. Гутовский

«Железоделательная промышленность Сибири», Томск, 1916. «Тельбесский железорудный район». Краткое содержание доклада, прочитанного проф П. П. Гудковым в заседании общества инженеров 17 марта 1916 г., Томск, 1916. В. С. Зив. «Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях», вып. I, «Германские капиталы», Пгр., 1915. В. С. Зив, «Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности», Пгр., 1917. П. В. Оль, «Иностранные капиталы в России», Пгр., 1922. «Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы», изд. РИО ВСНХ (сокращенно: Р. П. 1921), «Русская промышленность в 1922 г.». изд. РИО ВСНХ (сокращенно: Р. П. 1922), «Русская промышленность в 1923 г.» (сокращенно: Р. П. 1923). «Промышленность СССР в 1924 г.» (сокращенно: Р. П. 1924), «Народное хозяйство СССР за 1922—1923 г.», М. 1924, (сокращенно: «Н. Х. 1923), Народное Хозяйство СССР за 1923—1924 год», М. (сокращенно: «Н. Х.» 1924), «Народное и государственное хозяйство СССР к середине 1923 г.», М. 1923 (сокращенно: Н. и Г. Х.). «Петровские, Макеевские и Юзовские заводы и рудники Югостали в 1921 г.», Енакиево, 1922. «Металлические заводы юга России», изд. РИО УСНХ, Харьков, 1923. Южная металлургия по материалам обследования Югостали комиссиею ЦКК и НКРКИ под председательством горного инженера П. В Грунвальда, изд. М. 1924. В. Р. Чернышев, «Металлургическая промышленность», в названном выше сборнике «Народное хозяйство и железнодорожные перевозки», М. 1924. «Проблемы транспорта», выпуск второй (I. О металлопромышленности; II. Транспорт в борьбе с дороговизной), М.. 1924. Статьи В. И. Жданова, «Металлургическая промышленность России в 1922—1923 г.» в «Вестнике Металлопромышленности» (сокращенно: «В. М».), № 7—9 за 1924 г., и в «Технико-Экономическом Вестнике» (сокращенно: «Т.-Э. В.), № 8—9 за 1924 г. Статьи в «Экономическом Обозрении»: Н. Бурмистров, «Металлическая промышленность в первом квартале 1923 — 1924 г.» (№ 4 за 1924 г.); К. Воблый, «Металлургическая промышленность Украины» (№ 13 за 1924 г.); Н. Бурмистров, «Итоги работы металлической промышленности за три квартала 1923—1924 г.» (№ 17—18 за 1924 г.); В. Шарый, «Металлическая промышленность» (№ 23—24 за 1924 г.); И. Гохман, «Современные проблемы металлопромышленности», в журнале «Хозяйство и Транспорт», № 2 за 1925 г. «Металлопромышленность в 1924—1925 г.», под редакцией В. Межлаук, М. 1925.

Из работ, вышедших после сдачи настоящей статьи в набор, следует назвать: Ф. Дзержинский, «Промышленность СССР, ее достижения и задачи», М.—Лгр., 1925; В. И. Жданов, «Довоенная мощность металлопромышленности и ее значение в экономии страны», М.—Лгр., 1925; А. С. Чернов, «Металлопромышленность СССР», М., 1925; «Хозяйство Урала в 1924 г. Сборник материалов для агитаторов и пропагандистов», Свердловск, 1925; Ф. Локацков, «Положение и перспективы уральской промышленности», Свердловск, 1925.

I.

Запасы железной руды на земном шаре были предметом обширного исследования, произведенного в 1909 г. по инициативе организационного комитета по созыву XI Международного Геологического Конгресса, состоявшегося в Стокгольме в 1910 г. Хотя Стокгольмское исследование стремилось охватить весь земной шар, ему далеко не удалось осуществить эту цель в полной мере: значительные пространства, составляющие в общем 32,3 милл. *кв. км*, или 24,8% всей суши земного шара, и расположенные, главным образом, в Африке и Азии, остались, за отсутствием сколько-

нибудь точных сведений, вне сферы изучения. Но и по обследованной площади (98,5 милл. *кв. км*, или 75,2% всей суши земного шара) поступившие сведения отличались далеко не одинаковою точностью. В этом отношении все месторождения были разделены на три группы: группу *A*, когда оценка месторождений была основана на данных разведочных работ, определивших объем месторождения; группу *B*, когда она была сделана на основании приблизительных данных о площади и мощности месторождения и продолжении его в глубину, и группу *C*, когда оценка не могла быть представлена в цифрах. Отдельные страны целиком относились к одной из приведенных трех групп в зависимости от того, месторождения какой из этих групп в ней преобладали. В группу *A* были внесены все страны Европы, за исключением одних только балканских государств (с отнесением к последним и Боснии и Герцеговины), а из внеевропейских государств — Соед. Штаты и Япония (включая южную часть Сахалина, но без Кореи). В группу *B* вошли в Европе — балканские государства, кроме Турции, в Америке — Нью-Фаундленд, Бразилия, Мексика и Куба, в Африке — Алжир и Тунис, в Азии — Корея, в Австралии — Н. Южный Уэльс, Виктория и Новая Зеландия. Наконец, к группе *C* были отнесены: Турция—в Европе, Канада — в Северной Америке, значительная часть Центральной и Южной Америки, бо́льшая часть Азии (в том числе и Сибирь) и значительные части Африки и Австралии. Всего к группе *A* было отнесено 17,4 милл *кв. км* (13,3% всей площади суши), к группе *B* — 13,5 милл. *кв. км* (10,3%) и к группе *C*—67,6 милл. *кв. км* (51,6%).

Среди таящихся в недрах земли запасов железной руды Стокгольмское исследование различало два вида: запасы действительные или видимые (actual reserves) и запасы потенциальные или предположительные (potential reserves). Количество тех и других, по данным исследования, представляется в следующем виде (в милл. тонн):

Части света.	Действительные запасы.		Потенциальные запасы.		Итого.	
	Руда.	То же, выраженное в железе.	Руда.	То же, выраженное в железе.	Руда.	То же, выраженное в железе.
1. Европа . . .	12 032	4 733	41 029	12 085	53 061	16 818
2. Америка . .	9 855	5 154	81 822	40 731	91 677	45 885
3. Австралия .	136	74	69	37	205	111
4. Азия	260	156	457	283	717	439
5. Африка . .	125	75	Многие тысячи.	Многие тысячи.	> 125	> 75
Итого.	22 408	10 192	> 123 377	> 53 136	> 145 785	> 63 328

Таблица показывает, что главная масса известных (как действительных, так и потенциальных) запасов находится в Европе и Америке, и что в Австралии, Азии и Африке они совершенно незначительны. Однако, кроме приведенных в таблице учтенных потенциальных запасов имеются еще потенциальные запасы неучтенные, которые для Европы и Австралии определяются исследованием как «значительные» (considerable), а для Америки, Азии и Африки — «огромные» (enormous); эти запасы оставлены исследованием в стороне.

Мы видим, что наше знакомство с железорудными месторождениями земного шара еще весьма неполно, и мы еще далеко не можем составить себе исчерпывающего представления по этому вопросу. Несомненно, что еще во многих странах (Канаде, Аляске и южно-американских государствах, а равно и в Азии, Африке и Австралии) можно ожидать открытия значительных запасов железной руды.

Следует к этому прибавить, что и те сведения, которые в Стокгольмском труде собраны, носят лишь приблизительный характер, и что они для отдельных стран не вполне однообразны и не всегда между собою сравнимы. Тем не менее и эти сведения представляют огромный интерес, так как являются первою попыткою подытожить все имеющиеся данные о железорудных богатствах земного шара.

В следующей таблице представлены сведения о железорудных богатствах некоторых наиболее важных в этом отношении стран, как они были получены Стокгольмским исследованием (в милл. тонн) (см. табл. на стр. 249).

Таблица показывает огромное превосходство Соед. Штатов перед всеми другими странами; главная часть запасов этой страны расположена в месторождениях района Верхнего озера. Как бы продолжением Соед. Штатов является о. Нью-Фаундленд, с его еще мало изведанными, но, повидимому, громадными железорудными богатствами. Важнейшими центрами европейских действительных запасов является франко-люксембургско-бельгийское месторождение так называемой минетты (значительная часть его, принадлежавшая до войны Германии, к которой она отнесена и в таблице, ныне перешла к Франции), с действительным запасом в 1850 м. т. железа, и Северная Швеция с действительным запасом в 673 м. т. железа, а главными центрами потенциальных запасов являются два месторождения глинистого железняка на Великобританском острове, из которых одно расположено в Англии (включая Уэльс), с запасом в 7100 м. т. железа, а другое — в Шотландии, с запасом в 2400 м. тонн железа. Европейская часть довоенной России по своим действительным запасам занимала в Европе пятое место, а вся довоенная Россия занимала на земном шаре седьмое место.

Страны.	Действительные запасы.		Потенциальные запасы.	
	Руда.	То же, выраженное в железе.	Руда.	То же, выраженное в железе.
1. Соед. Штаты	4 258	2 305	75 105	37 222
2. О. Нью-Фаундленд . .	3 635	1 961	огромные.	огромные.
3. Германия	3 608	1 270	значит.	значит.
4. Франция	3 300	1 140	—	—
5. Вест-Индия (Куба) . .	1 903	857	1 007	454
6. Соед. Королевство . . .	1 300	455	37 700	10 830
7. Швеция	1 158	740	178	105
8. Довоенная Россия . . .	865	387	1 083+ +значит.	440+ +значит.
В том числе:				
Европейская часть . . .	865	387	1 056+ +значит.	425+ +значит.
Азиатская часть	—	—	27+ +значит.	15+. +значит.
9. Испания	711	349	значит.	значит.
10. Норвегия	367	124	1 545	525
11. Австро-Венгрия с Боснией и Герцоговиной . .	284	104	424	ок. 142
12. Люксембург	270	90	—	—
13. Бразилия[1]	—	—	5 710	3 055

Приведенное разделение должно считаться в настоящее время сильно устаревшим, так как война и последующие события внесли в него существенные изменения. Часть русских месторождений (с действительным запасом в 33,7 м. т. и потенциальным в 266,3 м. т.) отошла к вновь образованной Польше. Запасы Австро-Венгрии распределились между возникшими на ее обломках государствами. С переходом Эльзас-Лотарингии к Франции Германия потеряла $^3/_4$ своих железорудных богатств, после чего Франция, по размерам действительных запасов железной руды, заняла в Европе первое место; за нею следуют Соед. Королевство, Швеция и Германия, а затем Европейская часть СССР, которая и теперь занимает пятое место в Европе.

[1] В провинции Minas Geraes.

Сводку всех новых данных о железорудных запасах европейских государств в их современных границах сделал американец Реслер (M. Roesler): полученные им итоги помещены в приводимой ниже таблице. Расчеты Реслера покоятся на иной классификации, чем та, которая была принята в Стокгольмском исследовании, почему его цифры несравнимы с данными этого исследования.[1]

Страны.	Запасы в милл. тонн.			
	Видимые (известные).	Вероятные.	Возможные.	Итого.
1. Франция	1 790,0	1 053,6	1 526,0	4 369,6
2. Соед. Королевство .	317,5	464,3	1 472,3	2 254,1
3. Швеция	442,9	376,1	729,6	1 548.6
4. Германия	255,6	207,4	911,7	1 374,7
5. Европ. часть СССР .	269,5	378,0	412,5	1 060,0
6. Испания	353,1	116,3	148,9	618,3
7. Норвегия	85,8	56,4	330,1	472,3
8. Чехо-Словакия . . .	22,3	84,8	58,6	165,7
9. Польша	11,2	50,6	69,2	131,0
10. Австрия	76,7	9,5	30,0	116,2
11. Люксембург	60,0	21,0	—	81,0
12. Греция	18,0	18,0	22,5	58,5
13. Бельгия	2,5	14,1	23,2	39,8
14. Португалия	8,2	16,2	12,5	36,9
15. Югославия	9,5	8,0	16,0	33,5
16. Финляндия	3,6	11,4	1,9	16,9
17. Румыния	2,5	8,5	4,0	15,0
18. Италия	5,5	3,3	—	8,8
19. Швеция	1,2	—	2,2	3,4
20. Болгария	—	0,7	—	0,7
Итого . .	3 735.6	2 898,2	5 771,2	12 405,0

[1] Результаты сводки Реслера, опубликованной в № 706 бюллетеня геологического комитета Соед. Штатов, напечатаны в «Г. Ж.», №6 — 9 за 1922 г., стр. 339, и № 4—5 за 1924 г., стр. 475. Новая сводка мировых запасов приведена в журнале «Внешняя Торговля», № 23 за 1922 г. (см. Вольф и Мебус, «Статистический справочник по экономической географии СССР и других государств», год издания I, Лгр., 1924, стр. 113, год издания II, Лгр., 1925, стр. 163). Приводимые здесь данные о европейских государствах не совпадают с данными Реслера: «действительные» запасы по частям света исчислены здесь (в милл. тонн): Европа—10 010; Америка—21 340; Азия—820; Африка—250; Австралия—136, а «вероятные»: Европа—15 785, Америка—82 000, Азия—457 (для Африки и Австралии цифры вероятных запасов не приведены).

Приведенные данные показывают, что по своим железорудным запасам СССР стоит очень невысоко, и что положение его далеко не соответствует обычным представлениям о неисчерпаемых размерах русских естественных богатств: наш Союз далеко уступает не только Соед. Штатам и Нью-Фаундленду, но и Франции и Соед. Королевству (до войны он сильно уступал также и Германии). Однако, при оценке приведенных цифр следует иметь в виду, что касающиеся СССР подсчеты сделаны с большою осторожностью: в них не приняты, например, во внимание многочисленные железорудные месторождения, о запасах которых не было достаточно обоснованных данных, а также и месторождения озерных и болотных руд.[1] Для многих других стран расчеты сделаны гораздо менее осторожно: так, например, в Соединенном Королевстве к потенциальному запасу страны отнесено 34 000 м. т. углистых железняков с содержанием в 25—36% железа, недоступных разработке при современных условиях. Без этого было бы непонятно, почему Соед. Королевство при своих громадных запасах уже давно значительную часть необходимой ему железной руды ввозит из-за границы. Это приводит проф. К. И. Богдановича к выводу, что еще на многие десятилетия ресурсы Соед. Королевства не могут считаться более высокими, чем наши. И для Германии исчисление запасов было сделано в 1909 г. с гораздо меньшею осторожностью, чем для русских месторождений: так, например, в области минеттовых руд, ныне отошедшей к Франции, в качестве запаса для будущего приняты в расчет, в количестве 500 м. т., даже и такие руды, которые заключают в себе только 25% железа. При производстве расчета по одинаковому масштабу сумма действительных и потенциальных запасов, по мнению проф. Богдановича, получилась бы для довоенной Германии в 3108 м. т. руды (1125 м. т. железа), а для довоенной России — в 2 750 м. т. руды (1090 м. т. железа), при чем, в виду близости этих цифр, было бы трудно сказать, которое из обоих государств богаче железной рудою.

Следует, далее, принять во внимание, что СССР занимает на земном шаре довольно высокое место по количеству имеющихся высокосортных руд. Насколько такие руды редки, видно из следующей таблицы, заключающей в себе, по данным Сток-

[1] По словам проф. К. И. Богдановича, результаты разведочных работ на озерах нашего Севера «заставляют относиться очень скептически к очень распространенному взгляду о неисчерпаемости озерных руд». Так как такие работы произведены только на некоторых из северных озер, то «какому-либо учету даже возможный запас озерных руд нашего Севера совершенно не поддается, и в общем итоге наших запасов железных руд мы им пренебрегаем, как величиною не более 3—4% общего запаса вероятных руд России» («Железные руды России», СПБ., 1911, стр. 216—217).

гольмского исследования, сведения о встречающихся на земном шаре железных рудах с содержанием чистого металла не ниже 60% (в милл. тонн):

Страны.	Действительные запасы.	Потенциальные запасы.	Итого.
I. В Европе:			
Швеция: северная	1 035	123	1 158
» центральная . . .	ок. 60	—	ок. 60
СССР: Кривой Рог	86	—	86
» Кавказ	13	—	13
II. Вне Европы:			
О. Нью-Фаундленд	Огромные запасы титанистого магнетита в 65%.		
Мексика	ок. 55	—	ок. 55
Вест-Индия	3	—	3
Австралия	49	34	83
Британская Индия	—	400	400
Китай	—	100	100
Персия	—	30	30
Итого . . .	ок. 1 298	687	ок. 1 985

И здесь, по мнению проф. Богдановича, место СССР оценено не по достоинству, так как упущены в количестве не менее 14 м. т., действительные запасы руды с содержанием не менее 60 — 68% железа в Восточной Сибири. Кроме того, на Урале имеется действительный запас в 109 м. т. высокосортной руды, хотя и с несколько меньшим содержанием железа в 50 — 58%. Таким образом, для СССР получается общий действительный запас руды с высоким содержанием железа в 222 м. т. Этот запас, хотя и ниже шведского, занимает, тем не менее, почетное место среди цифр, характеризующих другие страны.

Таким образом, относительное значение железорудных богатств СССР должно быть признано более высоким, чем можно было бы полагать на основании голых цифр Стокгольмского исследования.

Распределение запасов Европейской части СССР между отдельными районами и видами руды представлено в следующей таблице (в милл. тонн):

Виды руды.	Юг			Урал.	Центр.	Кавказ.	Итого.
	Кривой Рог.	Керчь.*	Итого.				
I. Действит. запасы руды.							
1. Магнитный железняк	—	—	—	93,1	—	13,0	106,1
2. Красный »	86,0	—	86,0	5,3	—	—	91,3
3. Бурый » [1]	—	450,0	450,0	183,5	—	—	633,5
Итого	86,0	450,0	536,0	281,9	—	13,0	830,9
II. Потенц. запасы руды.							
1. Магнитный железняк	—	—	—	—	—	1,0	1,0
2. Красный »	—	—	—	—	—	—	—
3. Бурый » [1]	—	—	—	—	789,0	—	789,0
Итого	—	—	—	—	789,0	1,0	790,0
Общая сумма запасов руды.							
1. Магнитный железняк	—	—	—	93,1	—	14,0	107,1
2. Красный »	86,0	—	86,0	5,3	—	—	91,3
3. Бурый » [1]	—	450,0	450,0	183,5	789,0	—	1422,5
Итого	86,0	450,0	536,0	281,9	789,0	14,0	1620,9
Общий итог, выраженный в железе	53,3	180,0	233,3	135,4	315,6	8,3	692,6

[1] Отчасти шпатового и глинистого сферосидерита.

Сведения о потенциальных запасах приведены в таблице только для двух районов — Центрального и Кавказа, и в этом смысле итоги ее не могут считаться исчерпывающими и окончательными. Для остальных двух районов — Юга и Урала, являющихся в то же время важнейшими, потенциальным запасам не может быть дано цифрового выражения; но они определяются: для Юга — как «значительные», а для Урала — даже как «весьма значительные».

По общей сумме запасов на первом месте стоит Центральный район. Однако, залежи последнего, громадные, несомненно, по своим размерам, не имели до настоящего времени крупного значения. Это объясняется, главным образом, тем, что они разбросаны по огромной площади, отличаясь притом весьма низкою мощностью и гнездообразным залеганием руд, и что содержание чистого металла в их руде сравнительно невысоко (для всего района оно исчислено в 40%). С другой стороны, важнейшее месторождение этого района (Липецкое) еще недостаточно обследовано.

Наиболее важное промышленное значение у нас имели, как уже сказано выше, Юг и Урал. На Юге выделяются два месторождения — Криворожское и Керченское. Действительные запасы первого из них определены в таблице в очень скромную цифру — 86 м. т. или 5246 милл. пудов. Статистическое бюро Совета съезда горнопромышленников юга России определяло их в 1909 г. (год Стокгольмского исследования) в несколько более высокую сумму — 5463 м. п., присоединяя к ней еще и потенциальные запасы, которых у К. И. Богдановича нет, в сумме 12 533 м. п. По данным названного бюро за 1915 г., эти цифры составляли 4232 м. п. и 12 347 м. п. Весьма благоприятною особенностью Кривого Рога является, как уже отмечено выше, высокое качество его руды, почему при перечислении его запасов в чистое железо содержание последнего принято выше 62%.

Запасы керченской руды значительно превышают запасы Кривого Рога. Это станет особенно очевидным, если принять во внимание, что приведенная в таблице цифра в 450 м. т. (27 450 м. п.) составляет только половину той суммы, которая получилась на основании довольно тщательных разведок (54 900 м. п.).[1] Но по своему качеству керченская руда стоит гораздо ниже криворожской: представляя собою бурый железняк, она заключает в себе лишь 34 — 42% железа (обычно 37—39%) при содержании марганца в 5 — 7% и при значительном содер-

[1] Статистическое бюро Совета Съезда горнопромышленников юга России в своем последнем расчете (1909 г.) определяло запасы разведанной керченской руды в 31 502 м. п. В. И. Лучицкий определяет запасы керченской руды в 4 855,1 милл. тонн или 303,4 миллиардов пудов (в том числе 820 м. п. разведанных запасов и 302 625 м. п. запасов вероятных (см. «Г. Ж.» за 1922 г., № 10—12, стр. 528).

жании фосфора (0,5 — 2,0%). Поэтому при перечислении руды на чистое железо содержание последнего было принято только в 40%. Однако, целый ряд обстоятельств обеспечивает керченской руде хорошее будущее: правильность залегания пластов, мощность последних (от 2 до 5 сажен), обширность занимаемой месторождением площади и весьма благоприятное положение у берегов незамерзающего моря.[1]

Что касается Урала, то наименее богата рудою северная часть его, где, однако, встречается высококачественный железный блеск; средний Урал славится своим магнитным железняком (горы Благодать и Высокая); наиболее богат рудою южный Урал, из месторождений которого особенно следует назвать гору Магнитную (магнитный железняк), которая, вследствие отсутствия путей сообщения, до настоящего времени еще почти не разрабатывалась, и Бакальское месторождение (высококачественный бурый железняк). Д. И. Менделеев определял запасы одного только южного Урала в 150 миллиардов пудов (около 2,5 миллиардов тонн), однако, в пользу этой цифры нельзя привести сколько-нибудь реальных оснований. Но уже в 1917 г. проф. Богданович находил, что приведенная выше цифра уральских запасов (281,9 м. т.) должна быть увеличена на основании новых изысканий, примерно, до 400 м. т., и что, в частности, цифра запасов магнитного железняка (93,1 м. т.) должна быть более чем удвоена.[2]

Остается прибавить, что железорудные запасы как на Кавказе, отнесенном в предыдущих расчетах к Европейской части СССР, так и в остальных областях Азиатской части СССР (в Киргизских степях, на Алтае, в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в Туркестане) пока должны считаться незначительными, при чем преобладающим видом руды является магнитный железняк.[3]

За последнее время большие надежды возлагались на буровые работы, производившиеся в связи с изучением так называемой Курской магнитной аномалии. Поскольку сила отклонения магнитной стрелки заставляла ожидать здесь больших запасов высокосортной руды или даже, как полагали некоторые, чистого железа (как на о. Диско около Гренландии), эти ожидания не оправдались. Но они оправдались в том смысле, что в недрах

[1] Кроме названных в тексте двух месторождений, на Юге встречаются и некоторые другие (Корсак-Могила около Бердянска и месторождения Донецкого бассейна), имеющие, однако, гораздо меньшее значение и не включенные поэтому в приведенный в тексте расчет проф. К. И. Богдановича.

[2] К. И. Богданович, «Железо», стр. 18 — 19; А. Н. Рябинин, в «Горном Журнале» за 1922 г., № 10—12, стр. 391, определяет запасы Урала в 28 миллиардов п., т.-е. около 460 милл. тонн, а «Уральский Статистический Ежегодник на 1923 г.», стр. 179, в 29 миллиардов п., т.-е. около 475 милл. тонн.

[3] К. И. Богданович. «Железо», стр. 5 и 20—22.

Курской губернии действительно найдены большие запасы железорудных пород. Бурение показало, что на глубине около 150 метров залегает пласт железистых кварцитов, мощностью в 210 метров, с крутым наклоном (около 60°) и с содержанием железа от 34 до 46%. Подобные же кварциты имеются и в Кривом Роге, однако, они здесь рудою не считаются, добываются лишь как вмещающая подлинную железную руду пустая порода и идут на отвал. [1] Таким образом, поскольку можно судить на основании произведенных доселе работ, на ближайшее время перспективы использования курских залежей не могут считаться блестящими, но в более отдаленном будущем эти залежи приобретут крупное экономическое значение: [2] Дать им более точное цифровое выражение пока еще не представляется возможным. [3]

II.

Рассмотрев в предыдущем изложении данные о железорудным богатствах СССР, я перейду теперь к изучению добычи железной руды. Сведения по этому вопросу для важнейших государств за время с 1880 по 1913 г. представлены в следующей таблице (в милл. тонн): [4]

Годы.	Соед. Штаты.	Германия с Люксембургом.	Франция.	Соед. Королевство.	Испания.	Довоенная Россия.	Швеция.	Австро-Венгрия.	Итого в названных 9 странах.	% доля довоенной России.
1880	7,0	7,3	2,8	18,2	3,6	1,0	0,7	1,1	41,7	2,4
1890	16,1	11,1	3,3	14,1	6,0	1,8	0,9	2,1	55,4	3,3
1891—1895 . .	14,1	11,7	3,6	12,2	5,2	2,3	1,4	2.1	52,6	4,4
1896—1900 . .	21,5	16,5	4,8	14,2	7,9	4,7	2,3	3,2	75,1	6,2
1901—1905 . .	34,3	20,2	5,9	13,8	8,3	4,6	3,6	3,3	94,0	4,9
1906—1910 . .	46,6	26,6	10,9	15,5	9,4	5,4	4,9	4,3	126,6	4,3
1911—1913 . .	51,3	33,3	19,1	15,1	8,7	8,3	7,2	4,9	147,9	5,6

[1] См. заключение горного инженера В. Киселькникова в «Г. Ж.» № 10 за 1923 г., стр. 533.

[2] См. мнения В. М. Свердлова и Ф. Э. Дзержинского в «Экон. Жизни», от 30 января 1925 г.

[3] Для более подробного ознакомления с этим вопросом см. В. Э. Ден, «Курская магнитная аномалия», в «Экономическом Обозрении» за сентябрь 1925 г., стр. 88—96.

[4] См. названные выше (стр. 245) издания Статистического бюро Совета Съезда горнопромышленников юга России.

Мы видим, что в довоенной России добыча руды за рассматриваемый период возросла в 8 слишком раз, при чем это возрастание происходило быстрее, чем во всех названных в таблице странах, вместе взятых, и быстрее, чем в Соед. Штатах. Однако, первоначальная цифра 1880 г. — 1,0 милл. тонн — была чрезвычайно низка, почему и после указанного роста довоенная Россия продолжала занимать место, далеко не соответствовавшее ее площади и населению. Это объяснялось низким уровнем промышленного развития страны и незначительностью душевого потребления железа во всех его видах. Тем не менее относительная доля ее возрастала и с 2,4% в 1880 г. поднялась до 5,6% в трехлетие 1911 — 1913 гг.

Распределение добычи железной руды в довоенной России по отдельным районам за последние до войны 30 — 40 лет подверглось сильному изменению. Еще в 1880 г. из общей добычи в 62,5 м. п. 38,4 м. п., или более $^3/_5$, приходилось на Урал, тогда как на Юге было произведено только 2,7 м. п., или 4,3%. Дальнейшее развитие представлено в следующей таблице:[1]

Годы.	Юг.	В том числе.		Урал.	Царство Польское и Зап. Россия.	Центральный район.	Остальные районы.[2]	Итого.[3]
		Кривой Рог.	Керчь.					
1901—1905 . .	170,3	149,2	17,7	80,5	15,9	8,2	1,8	276,7
1906—1910 . .	239,8	222,4	16,0	69,5	12,1	8,0	0,7	330,1
1911—1913 . .	359,6	335,2	24,2	106,0	17,6	20,3	0,3	503,8
1914 . .	326,8	293,1	33,5	112,4	?	20,9	0,3	460,4
1915 . . .	248,1	231,5	16,3	83,1	?	?	0,2	331,4

Выросшая с головокружительною быстротою, начиная со второй половины 1880-х гг., южная железорудная промышленность в 1906—1910 гг. превысила $^7/_{10}$ всей русской добычи, далеко оставив за собою Урал, при чем львиная доля этой добычи приходилась на Кривой Рог.

Количество добываемой руды еще не может служить вполне точным измерителем степени развития чугуноплавильной промышленности в данном районе, так как плавка чугуна может вестись и на привозной руде. Из наших руд одна только криворожская имела значение за пределами своего района. Обладая высоким содержанием железа, она шла не только на южные заводы, но

[1] См. там же.
[2] Северный район, Сибирь и Кавказ.
[3] Эти итоги не вполне совпадают с данными предыдущей таблицы.

также вывозилась в другие металлургические районы (главным образом, в Польский) и за границу. Сведения по этому вопросу приведены в следующей таблице, заключающей в себе данные о вывозе криворожской руды по железным дорогам (в милл. пудов):[1]

Годы.	Для заводов.				За границу.	Итого.[3]
	Чугуноплавильных.			Передельных.		
	Юга России.	Других русских районов.	В том числе Царства Польского.[2]			
1901—1905	126,5	17,8	?	1,5	9,8	155,6
1906—1910	173,1	16,6	16,1	0,6	40,4	230,8
1911—1913	272,8	27,9	27,2	1,2	40,7	342,5
1914	245,9	19,0	18,3	0,9	14,8	280,5
1915	264,8	0,4	—	0,3	—	265,5

Таблица показывает нам, что до войны от $^3/_4$ до $^4/_5$ всей вывозной криворожской руды шло на южные чугуноплавильные заводы, небольшая доля (от 0,3 до 1,0%) шла на передельные заводы, а все остальное шло в другие районы и за границу. В частности в Польском районе потребление криворожской руды было настолько значительно, что даже превосходило, и притом за последнее до войны время довольно значительно, добычу собственной руды в этом районе. Из заводов Центрального района криворожской рудой пользовались, главным образом, только Выксунский и Кулебакский.

Вывоз криворожской руды за границу происходил двояким путем: по западной сухопутной границе через Границу и Сосновицы, и по Черноморской границе через Николаев-Порт.

[1] См. там же. Общий вывоз железной руды за границу составлял в 1901—1905 гг. 10,8 м. п., в 1906—1910 гг. 40,5 м. п., в 1911—1913 гг. 41,1 м. п., в 1914 г. 15,4 м. п. (в 1915 г. его уже не было). Таким образом, криворожская руда в общем вывозе руды за границу занимала подавляющее место.

[2] Кроме того, небольшое количество криворожской руды отправлялось в Центральный район, в Царицын и даже в Северный район.

[3] Приведенные в этой графе итоги железнодорожного вывоза из года в год превышают приведенные в предыдущей таблице итоги добычи криворожской руды, что, вероятно, объясняется каким-нибудь дефектом в статистике Совета Съезда горнопромышленников юга России.

Относительное значение этих двух направлений явствует из следующей таблицы:

Годы.	Вывоз криворжской руды.				
	Через Границу и Сосновицы.		Через Николаев-Порт.		Итого.
	Милл. п.	%	Милл. п.	%	
1901—1905	5,4	55,1	4,4	44,9	9,8
1906—1910	17,9	44,3	22,5	55,7	40,4
1911—1913	11,1	27,4	29,5	72,6	40,7
1914	—	—	14,8	100,0	14,8
1915	—	—	—	—	—

Вывоз через Николаев-Порт приобретал все большее как абсолютное, так и относительное значение. Любопытно, что вывоз железной руды через таможни Царства Польского издавна был запрещен. Это запрещение состоялось еще тогда, когда о Криворожском месторождении не было и помину и когда речь могла итти только о вывозе польской руды. Фактически вывоз железной руды через польские таможни, тем не менее, происходил, и даже в довольно крупных размерах, однако, лишь по получаемым в каждом отдельном случае от министра финансов, по соглашению с министром торговли и промышленности, разрешениям и с уплатою пошлины в $1^1/_2$ коп. с пуда. Вопрос об отмене этого запрещения неоднократно возбуждался съездами горнопромышленников юга России, но так и остался открытым вплоть до самой войны, когда вывоз руды вовсе прекратился.[1]

Сведения о государствах, покупавших нашу руду, имеются у нас лишь для всей вывозимой железной руды, но, в виду подавляющего значения криворожской руды в нашем вывозе, эти сведения смело могут быть распространены на нее. Они представлены в следующей таблице (в тыс. пудов):

Годы.	Германия.	Голландия.	Соед. Королевство.	Австро-Венгрия.	Финляндия.	Прочие государства.	Итого.
1901—1905	6 283	989	2 758	409	13	322	10 775
1906—1910	16 956	9 694	10 806	2.137	2	898	40 492
1911—1913	11 337	22 338	5 939	943	—	525	41 082
1914	4 087	9 573	1 755	—	2	0	15 418

[1] Гливиц, «Железная промышленность России», стр. 24—5. См. также ст. 5, п. 5 «Росписи товарам отпускаемым» довоенного таможенного тарифа.

Главными странами, получавшими нашу руду, были Германия, Голландия (откуда значительная часть привозившейся руды, вероятно, также шла в Германию) и Соед. Королевство, при чем вывоз в последнюю страну падал. Среди других государств стоит еще назвать Австро-Венгрию, остальные же, в том числе и Финляндия, играли ничтожную роль. Важное значение, какое Германия приписывала ввозу русской руды, явствует из постановления Брестского договора, согласно которому Советская республика на все предусматриваемое этим договором время действия принципа наибольшего благоприятствования (т.-е., по меньшей мере, до 31 декабря 1925 г.) обязывалась не устанавливать вывозной пошлины на вывозимые в Германию руды: среди последних железная руда, на ряду с марганцевою, играла наиболее важную роль.[1]

С отделением Польского района от Советской России вывоз железной руды и в этот район будет уже происходить в порядке заграничного вывоза.

В прошлом вывоз криворожской руды за границу и в Царство Польское составлял от $^1/_5$ до $^1/_4$ всей ее добычи. Представляется ли такой вывоз нашей лучшей руды за границу желательным? Мне кажется, что на этот вопрос может быть дан только отрицательный ответ.

Запасы криворожской руды незначительны; вместе с тем, в противоположность лишенной минерального топлива Швеции, на нашем Юге имеются налицо все условия для успешного развития и процветания обширной собственной чугуноплавильной промышленности.

На ряду с количественным ростом в железорудной промышленности довоенной России происходили и внутренние изменения. Это касается прежде всего техники добычи. На Урале вплоть до настоящего времени руда добывается преимущественно открытыми работами. И в Керченском месторождении вся добыча производилась открытыми разрезами. Между тем в Криворожском месторождении значение открытых работ постепенно падало, и уже накануне войны $^7/_{10}$ всей руды (на 39 рудниках из 44 в 1914 г.) добывалось здесь с помощью подземных работ, при чем наибольшая глубина выработок постепенно возрастала: с 67 саж. в 1907 г. она поднялась до 140 саж. в 1914 г. Вместе с тем наблюдалась постепенная концентрация производства в смысле увеличения приходящегося на один рудник количества добываемой руды. Различие, которое в этом отношении наблюдалось между Кривым Рогом и Уралом, явствует из следующей таблицы, относящейся к 1913 году:[2]

[1] Ст. 3 Приложения 2-го к Брестскому мирному договору.
[2] К. И. Богданович, «Железо», стр. 10.

	Число рудников.	Число рабочих, включая вспомогательных.	Добыча руды в милл. пуд.
Кривой Рог	49	23 595	387,8
Урал	301	17 222	104,8

Одновременно с увеличением средней добычи рудников увеличивались также и средние размеры отдельных предприятий. С другой стороны, наблюдалось усовершенствование технического оборудования. Подробные сведения по этому вопросу имеются для Криворожского района: они показывают, что на рудниках этого района за время с 1900 г. быстро возрастало применение пара и, в особенности, электричества, при одновременном падении применения конной силы (например, при подъеме руды). Почти каждое предприятие имело свою электрическую станцию; имелись и такие станции, которые обслуживали по нескольку предприятий. О техническом усовершенствовании производства на Юге и Урале свидетельствовал также и рост производительности труда: средняя добыча железной руды на одного рабочего (включая вспомогательных рабочих) составляла (в тыс. пудов):[1]

Годы.	Юг.	Урал.	Центр. район.	Ц. Польское.
1890	10,7	2,4	3,4	3,4
1900	19,3	3,3	3,1	4,5
1908	21,9	5,3	2,9	5,4

III.

Рассмотрев железорудную промышленность, я перейду теперь к изучению дальнейшей переработки руды. Сведения о мировом производстве чугуна представлены в следующей таблице (в милл. тонн):[2]

[1] Гливиц, «Железная промышленность России», стр. 28.

[2] См. М. Б. Вольф и Г. А. Мебус, «Статистический справочник», год издания II, стр. 166.

Годы.	Соед. Штаты.	Германия (с Люксемб.).	Соед. Корол.	Франция.	Довоенная Россия.	Бельгия.	Австро-Венгрия.	Швеция.	Остальные страны.	Итого.
1890 . . .	9,4	4,1	8,0	2,0	0,9	0,8	1,0	0,5	0,8	27,5
1900 . . .	14,0	7,5	9,1	2,7	2,9	1,0	1,5	0,5	1,6	40,8
1901—1905.	18,5	9,5	8,8	2,7	2,6	1,2	1,3	0,6	1,2	46,4
1906—1910.	24,4	13,0	10,0	3,6	2,9	1,5	1,9	0,6	1,3	59,2
1911—1913.	28,5	17,5	10,0	4,9	4,1	2,3	1,9	0,7	2,3	72,2

Мы видим, что как мировое, так и русское производство чугуна быстро возрастало. В 1890 г. довоенная Россия по производству чугуна стояла на шестом месте, но уже в начале 1890-х гг. она перешла на пятое, которое и занимала вплоть до войны. При этом доля довоенной России в мировом производстве за это время повысилась с 3,3% в 1890 г. до 5,9% в 1911—1913 гг. Этот рост был связан с появлением южнорусской железоделательной промышленности. Так же, однако, как и в железорудной промышленности, доля довоенной России в мировом производстве чугуна далеко не соответствовала ее площади и населению, почему и душевая выплавка чугуна была ниже, чем, в среднем, для всего земного шара, не говоря уже о более промышленных странах.

Весьма сходную картину мы получим, если обратимся к производству литого металла, — с тем только отличием, что здесь развитие совершалось еще значительно быстрее. Это явствует из нижеследующей таблицы (в милл. тонн):[1]

Годы.	Соед. Штаты.	Германия (с Люксемб.).	Соед. Корол.	Довоенная Россия.	Франция.	Австро-Венгрия.	Бельгия.	Швеция.	Остальные страны.	Итого.
1890 . . .	4,3	2,2	3,6	0,4	0,7	0,5	0,2	0,2	0,5	12,6
1900 . . .	10,3	6,4	5,0	2,2	1,6	1,4	0,6	0,3	2,2	30,0
1901—1905.	15,6	8,4	5,3	2,4	1,8	1,2	0,9	0,3	0,8	36,7
1906—1910.	22,5	11,9	6,1	2,6	2,9	1,7	1,3	0,4	2,2	51,6
1911—1913.	21,9	17,1	7,7	4,4	4,3	2,6	2,2	0,5	2,2	62,9

[1] См. там же, стр. 167.

Производство довоенной России за приведенное в таблице время увеличилось в 11 раз, при чем уже в 1900 г. довоенная Россия занимала четвертое место, которое она продолжала сохранять и почти все дальнейшее время. При этом доля довоенной России в мировом производстве с 1900 г. составляла около 7% мирового производства, также не соответствуя ни площади, ни населению страны. Как и в других странах, из двух способов получения литого металла — Бессемера и Сименс-Мартена — последний у нас все больше брал перевес над первым. Доля мартеновского металла на русских заводах за время с 1886 — 1890 гг. по 1906 — 1910 гг. увеличилась с 62% до 81%, при соответственном падении роли бессемерования.

Я перейду теперь к рассмотрению железоделательной промышленности довоенной России по отдельным районам. Сведения о производстве чугуна и литого металла представлены в нижеследующей таблице (в милл. пуд.).[1]

Районы.	Производство чугуна.				Производство литого металла.[3]			
	1891—1900.	1901—1905.	1906—1910.	1911—1913.	1891—1900.	1901—1905.	1906—1910.	1911—1913.
Юг	43,6	94,8	115,8	170,1	30,0	77,6	93,7	149,6
Урал	37,4	42,8	37,0	50,4	9,9	26,8	34,6	49,6
Царство Польское	13,0	18,7	15,2	23,6	11,0	20,8	21,9	31,3
Центральный район.	9,5	7,4	5,4	8,5	7,5	13,2	16,3	23,6
Остальные районы[2] . . .	2,7	3,0	1,1	0,1	9,8	6,6	9,5	14,1
Итого. .	106,2	166,7	174,5	252,7	68,2	145,0	176,2	268,2

[1] По «Сборникам статистических сведений о горнозаводской промышленности» и изданиям статистического бюро Совета Съезда горнопромышленников юга России.

[2] До 1910 г. Сев.-Западный район, Сибирь с Финляндией; с 1911 г. то же без Финляндии.

[3] Общее количество произведенного «полупродукта» (т.-е. литого и сварочного металла, вместе взятых) составляло: в 1901 — 1905 гг. — 168,3 м. п., в 1906—1910 гг.—185,3 м. п. и в 1911—1913 гг. (без Финляндии и Сибири)— 272,2 м. п. Сопоставление этих цифр с итогами второй части таблицы показывает, в какой степени производство сварочного металла теряло свое значение.

Производство готовых продуктов развивалось по отдельным районам следующим образом (без Финляндии, в милл. пуд.).[1]

Годы.	Юг.	Урал.	Ц. Польское.	Центральн. район.	Сев.-Зап. район.	Сибирь.	Итого.
1886—1890	4,7	16,2	7,1	5,4	5,7	?	39,1
1891—1895	15,2	19,3	9,7	7,1	8,7	?	60,1
1896—1900	37,1	24,3	14,5	11,4	11,7	?	99,0
1901—1905	66,4	29,5	17,5	15,0	9,9	0,1	138,4
1906—1910	79,9	32,7	18,8	15,1	10,0	0,1	156,5
1911—1913	127,3	39,1	24,8	19,3	15,0	0,1	225,7
1914	143,9	40,6	17,3	22,0	15,8	?	239,7

Приведенные цифры показывают, как Юг, выросши с неимоверною быстротою в 1890-х гг., к началу XX века успел прочно занять у нас первенствующее место, вытеснив Урал, который это место издавна занимал. На долю Юга в 1911 — 1913 гг. приходилось 67,3% всей выплавки чугуна, 55,8% производства полупродукта и 56,4% проката.

При изучении готовых продуктов представляется интересным разбить их на группы в зависимости от их назначения. В этом отношении мы встречаем в литературе различные классификации, из которых, однако, ни одна не может считаться сколько-нибудь совершенной.

В течение долгого времени сведения о производстве готовых продуктов в довоенной России публиковались только статистическим бюро Совета Съезда горнопромышленников юга России с разделением их на три группы.

Первую из них составляли рельсы, а так как, начиная с 1880-х гг., железные дороги строились у нас преимущественно казною, а если и частными компаниями, то под надзором казны, то эта группа считалась идущею на удовлетворение «казенного» спроса. Вторую группу составляли сортовое железо и сталь, двутавровые балки и швеллера, круглая и катанная проволока в кругах и обжатая болванка,

[1] Гливиц, «Железная промышленность России». Статистическое приложение, стр. 16—20, и издания статистического бюро Совета Съезда горнопромышленников юга России.

т.-е. продукты, идущие на удовлетворение, главным образом, рыночного («народного») спроса. Наконец, третью группу составляли листовое, кровельное и универсальное железо и сталь, идущие на удовлетворение отчасти рыночного, отчасти фабрично-заводского спроса.[1] Часть готовых продуктов оставалась вне этих трех групп.

Описанная классификация обладала тем недостатком, что охватывала не все готовые продукты и оставляла в стороне некоторые из них, как, например, производимые для железных дорог бандажи и оси. Но и сама по себе классификация эта была несовершенна: так, например, немаловажная часть изделий, отнесенных ко второй группе, шла на удовлетворение не рыночного, но фабрично-заводского спроса. В виду этих недостатков я не буду приводить подробных статистических данных по всем трем группам, и ограничусь лишь следующими весьма показательными цифрами, касающимися развития производств рельсов по отдельным районам (включая рельсы для городских дорог и рудничные рельсы):

Годы.	В милл. пуд.					В % ко всему готов. прод.				
	Юг.	Урал.	Ц. Польское.	Центр и Сев.-Зап.	Итого.	Юг.	Урал.	Ц. Польское.	Центр и Сев.-Запад.	Итого.
1886—1890.	2,3	1,3	0,4	2,3	6,3	48,9	8,0	6,2	20,4	16,1
1891—1895.	8,5	2,2	0,5	2,8	14,0	55,9	11,4	5,3	18,0	23,3
1896—1900.	19,5	3,9	1,8	1,5	26,8	52,6	16,0	12,7	6,6	27,1
1901—1905.	20,2	5,0	0,8	0,1	26,2	30,4	16,9	4,6	5,4	18,9
1906—1910.	20,1	4,1	0,2	0,0	24,5	25,2	12,5	1,2	0,1	15,7
1911—1913.	29,6	8,0	0,3	0,0	37,9	23,3	20,5	1,2	0,0	16,8
1914. . . .	34,3	8,8	0,0	0,0	43,2	23,8	21,7	0,0	0,0	18,0

Таблица весьма ярко показывает, сколь важное значение для нашей железоделательной промышленности имели рельсы, поглощая в разные периоды от $^1/_6$ до почти $^3/_{10}$ всего производства готовых продуктов. Она показывает также ту тесную связь, какая существовала между развитием нашей железоделательной про-

[1] См., например, «Железная промышленность южной России в 1913 г.», стр. 88 — 90; Глинвиц, «Железная промышленность России», стр. 47 — 48.

мышленности и железнодорожным строительством.[1] Особенно большое значение производство рельсов имело для заводов Юга, на которых в течение 15 лет, с 1886 до 1900 г., рельсы составляли целую половину всего производства. После 1900 г. относительное значение рельсов на Юге падает, хотя абсолютные цифры производства продолжают расти. На Урале производство рельсов, незначительное в начале рассматриваемого периода, постепенно растет и накануне войны достигает почти того же относительного уровня, как и на Юге; в остальных районах производство рельсов постепенно падает и, в конце концов, совершенно сходит на-нет.

С 1903 г. редакциею периодических изданий Министерства Финансов стали издаваться ежемесячные «Своды» с подробными статистическими данными о производстве отдельных видов готовых продуктов по районам. «Своды» явились с тех пор главным источником статистических данных по указанному вопросу. Попытка свести важнейшие из устанавливаемых «Сводами» видов готовых продуктов в известные группы была сделана И. Гливицем. Согласно его классификации эти виды делятся на две основные группы: I. группу железнодорожного (казенного) спроса (рельсы, бандажи и оси), и II. группу рыночного спроса, при чем вторая группа подразделяется далее на следующие подгруппы: 1) собственно рыночную (сортовое и фасонное железо и сталь), 2) фабрично-заводскую (листовое железо и катанную проволоку) и 3) строительную (балки и швеллера и кровельное железо).[2] Эта классификация, хотя и несколько более подробная, обладает теми же недостатками, как и приведенная выше, при чем и ею охватываются не все виды готовых продуктов.[3] Тем не менее она облегчает изучение вопроса, почему я в следующей таблице привожу данные о производстве главных видов готовых продуктов согласно этой классификации по данным «Сводов» за пятилетие 1909 — 1913 гг. и, с подразделением на районы, за 1913 г.

---

[1] Длина построенных у нас железных дорог составляла: за 1891 — 1895 гг. — 8196 в., за 1896 — 1900 гг. — 15 455 в. и за 1901 — 1905 гг. — 7962 в. (Н. и Г. Х., стр. 217).

[2] Гливиц, «Потребление железа в России», стр. 23—24.

[3] Из общего производства готовых продуктов («третьего продукта») в 246,5 м. п. в 1913 г. классификация не охватывает 27,2 м. п. или 11,0%, при чем в число неохваченных ею продуктов входят кованная и обжатая болванка, а равно квадратная и плоская заготовка (14,2 м. п.), сталь рессорная и пружинная (1,0 м. п.). инструментальная (0,3 м. п.), цементная (2,7 м. п.), универсальное железо и сталь (5,1 м. п.), всякие обрезки и концы и бандажные выдавки (3,9 м. п.).

Особый вид готовых продуктов, не включенный в цифру 246,5 м. п., в статистике «Сводов» составлял так называемый «четвертый продукт», куда входят железные сварные трубы (5,3 м. п. в 1913 г.) и рельсовые накладки и подкладки (6,6 м. п.).

Группы и подгруппы:	1909 — 1913 Вся страна.	1913 г.				
		Юг.	Урал.	Ц. Польское.	Центр и С.-Зап.	Вся страна.
А. В миллионах пудов:						
I. Железнодорожная	39,2	33,3	8,1	1,8	2,3	45,5
II. 1. Рыночная	70,4	42,6	9,2	16,3	17,4	85,5
2. Фабрично-заводская . .	35,1	28,0	3,2	5,1	9,5	45,8
3. Строительная	36,9	22,8	15,7	1,2	2,8	42,5
Итого[1] . . .	204,8	141,0	40,8	27,1	37,6	246,5
Кроме того жел. сварные трубы.	3,8	4,4	—	0,5	0,4	5,3
Б. В процентах:						
I. Железнодорожная	19,1	23,6	19,9	6,6	6,1	18,5
II. 1. Рыночная	34,4	30,2	22,5	60,1	46,3	34,7
2. Фабрично-заводская . .	17,1	19,9	7,8	18,8	25,3	18,6
3. Строительная	18,0	16,2	38,5	4,4	7,4	17,2
Итого[1] . . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Для характеристики нашей довоенной железоделательной промышленности следует еще прибавить, что она достигала высокой степени вертикальной концентрации: наши доменные заводы не ограничивались одною плавкою чугуна, но в большинстве случаев занимались также и переделом чугуна на полупродукт. С другой стороны, как доменные, так и передельные заводы сами перерабатывали свой полупродукт на готовые изделия и, кроме того, подвергали часть готового продукта дальнейшей переработке. Вот почему чугун, а еще в большей степени полупродукт, лишь в незначительных количествах поступали в продажу (около 25% чугуна и не более 1 — 2% полупродукта); готовый продукт поступал в продажу с произведших его заводов в количестве около 80%.[2]

[1] Включая продукты, не вошедшие в классификацию.

[2] Гливиц, «Потребление железа в России», стр. 19 — 20; Мерцалов, стр. 17, 21 и 25; «Металлические заводы», стр. 7.

Представляется интересным установить, в какой мере довоенная Россия собственным производством удовлетворяла свою потребность в продуктах железоделательной промышленности, и в какой она нуждалась в привозных продуктах этого рода или давала избытки для вывоза за границу. Ответ на этот вопрос дается в следующей таблице:[1]

Годы.	Выплавка чугуна.	Ввоз из-за границы чугуна, железа и стали.	Вывоз за границу чугуна, жел. и стали.	Потребление (гр. 2 + гр. 3 — гр. 4)	Число жителей в миллионах.	Видимое потребление чугуна на 1 жителя в пудах.	Отношение внутрен. производ. к потреблению (гр. 5 = 100,0).
	В тысячах пудов.						
1	2	3	4	5	6	7	8
1900	177 216	12 629	370	189 455	135,0	1,40	93,5
1901—1905	165 313	7 155	1 564	170 805	141,6	1,21	96,8
1906—1910	173 726	5 110	11 913	166 925	155,0	1,08	104,1
1911—1913	252 863	9 724	3 684	258 903	167,0	1,55	97,7
1914	264 134	14 485	1 769	276 850	173,0	1,60	95,4

Мы видим, что потребность страны в чугуне, железе и стали почти полностью удовлетворялась продуктами внутреннего производства, и что в 1906 — 1910 гг. внутреннее производство даже превысило потребление. Впрочем, если бы были приняты в расчет также и чугунные, железные и стальные изделия, машины и аппараты, то получилась бы картина менее благоприятная.

В таблице обращает на себя внимание также и низкий уровень душевого потребления чугуна в довоенной России. Тогда как во Франции оно накануне войны составляло около 6 пудов, в Соед. Королевстве — 7 п., в Германии — 8 — 9 пудов, а в Соед. Штатах даже 14 пудов, в России оно составляло лишь около 1,5 — 1,6 пуда.

IV.

По мере быстрого роста Южного района менялся и весь облик нашей железоделательной промышленности, так как Юг, с одной стороны, и главный район нашей прежней железодела-

[1] Кроме чугуна, цифры ввоза заключают в себе полосовое, сортовое и листовое железо и сталь, железные и стальные рельсы, а цифры вывоза — листовое железо, железо и сталь в лому, железо и сталь прочих сортов. При переводе железа и стали на чугун вес их увеличивался на $33^1/_3\%$. Ввоз и вывоз железных и стальных изделий, машин и аппаратов в расчет не вошел.

тельной промышленности — Урал — с другой, во многих отношениях представляют собою полную противоположность.

Будучи богат лесом и беден каменным углем, при полном отсутствии коксующегося угля, Урал всегда применял для металлургических целей одно только древесное топливо. Это оказало весьма существенное влияние на характер его промышленного развития.

Применение древесного топлива, разбросанного по громадной территории, так же как и широкое использование водяной силы, вело к тому, что уральская железная промышленность была рассеяна между значительным числом сравнительно небольших предприятий, и, хотя число последних, несмотря на рост производства, падало, все же и после этого средние размеры уральских заводов продолжали оставаться незначительными. Еще в 1901 г. на Урале было 107 железоделательных заводов; в 1910 г. число их составляло уже только 81, в том числе 52 доменных завода. Впрочем, и последние не ограничивались плавкою чугуна, но производили также и железо и сталь, а иногда и изделия, как-то: чугунное литье, продукты механической промышленности, снаряды и т. д. Они имели собственные леса и каменноугольные копи; бо́льшая часть железной руды также добывалась заводами из принадлежащих им собственных рудников.

Применение древесного топлива ставило дальнейшее промышленное развитие Урала в довольно тесные границы. Использование уральских лесов для металлургических целей успело уже до войны дойти до своего предела, и не привлеченных к этому делу лесов оставалось уже мало. Правда, что лесное хозяйство на Урале в большинстве случаев было поставлено неудовлетворительно; однако, едва ли можно ожидать его улучшения, а вместе с тем и увеличения древесного запаса, в сколько-нибудь близком будущем. Перспективы уральской промышленности сильно увеличились бы, если бы для ее нужд удалось привлечь каменноугольные богатства Западной Сибири или Киргизской степи.

Дальнейшею особенностью Урала являлось то обстоятельство, что вплоть до самой войны ему не удалось побороть следов старины, связанных с давнишним происхождением его промышленности. Отличительною чертою уральских заводов являлась техническая отсталость, выражавшаяся в небольших размерах печей, в их устарелой конструкции и плохом оборудовании, в применении холодного дутья и т. д. Хотя со времени уничтожения крепостного права и были достигнуты разнообразные улучшения, Урал и после этого все еще обнаруживал те навыки, которые были приобретены во время крепостного хозяйства. Особенно это сказывалось на поссессионных заводах, которые уже давно были признаны подлежащими ликвидации, но просуществовали вплоть до революции 1917 года. На техническую отсталость Урала влияло также

и слабое развитие путей сообщения: лишь за последнее до войны время уральская железнодорожная сеть подверглась значительному расширению. Важное значение имело и то обстоятельство, что многие из уральских заводчиков были магнатами-абсентеистами, жившими в столице или за границею, и очень мало интересовались своими заводами. Лишь со второй половины 1890-х гг. в последнем отношении стала обнаруживаться перемена: на Урале появились иностранные предприниматели, вложившие в уральскую промышленность свои капиталы, основавшие ряд более передовых предприятий и тем вдохнувшие в затхлую атмосферу уральской промышленности некоторую новую струю. В отношении снабжения рабочею силою уральские заводы обладали устойчивым и в большинстве случаев более чем достаточным контингентом рабочих, фактически и после освобождения крестьян прикрепленных к данному заводу земельною собственностью. Обладание последнею, равно как и возможность работать, не отрываясь от семьи и дома и уделяя часть времени собственному хозяйству, наличность заработков при заводе и для членов семьи, — все это понижало уровень заработной платы и делало труд на Урале дешевым, хотя и малопроизводительным: отсталость уральской техники в немалой степени зависела от обилия и дешевизны рабочих рук. Летом все горнозаводское население Урала устремлялось на полевые работы, главным образом, на покос. Впрочем, к некоторым вспомогательным работам (добыче руды, заготовке топлива и т. д.) привлекались также и пришлые рабочие; но и это не повышало заработной платы, так как пришлые рабочие комплектовались либо из малопритязательных инородцев (зырян, татар и т. д.), либо из русских крестьян, видевших в этих временных горных работах лишь подспорье к своему сельскохозяйственному заработку.

К приведенной характеристике Урала остается еще прибавить, что в области прокатного дела Урал главное внимание всегда сосредоточивал на продуктах рыночного и фабрично-заводского спроса, хотя за последнее до войны время на Урале стало возрастать и рельсовое производство (см. выше таблицу на стр. 265).

Совершенно иными особенностями отличается Южный район. В противоположность Уралу, Юг совершенно безлесен, но зато имеет в своем распоряжении огромные каменноугольные богатства Донецкого бассейна. Это обстоятельство всегда налагало свою печать на южную железоделательную промышленность; вместе с обилием руды, оно ставит Юг в весьма благоприятные условия, создавая для него, в смысле дальнейшего промышленного развития, возможности, практически почти беспредельные.

Быстрый рост южной железоделательной промышленности, как уже указано выше, сильнейшим образом отразился на общем

характере железоделательной промышленности всей страны. Тогда как в 1881—1885 гг. доля выплавленного на древесном топливе чугуна составляла у нас для всех районов 91%, к 1906 — 1910 гг. она упала до 25%. Таким образом наша железоделательная промышленность все более переходила к минеральному топливу, следуя в этом отношении примеру всех передовых промышленных стран.

Такова первая отличительная черта Юга. Дальнейшая особенность его заключалась в том, что, в противоположность Уралу, который существовал уже давно и носил на себе следы старой, отсталой техники, Юг вырос лишь весьма недавно. При этом его зарождение и дальнейший рост были тесно связаны с иностранными капиталами, которые, начиная со второй половины 1880-х гг., в большом количестве стали устремляться в южную каменноугольную и железоделательную промышленность. До этого времени на Юге существовало лишь два железоделательных завода— Юзовский Новороссийского Общества и Сулинский Пастухова, из которых второй почти бездействовал. С 1887 г. начинается основание новых заводов, чему содействовало открытие Криворожского месторождения, и быстро, один за другим, вырастают громадные чугуноплавильные, сталелитейные, рельсопрокатные и т. д. заводы. К концу XIX в. на Юге было основано 18 заводов с доменным производством (Юзовский, Сулинский, Александровский, Днепровский, Гданцевский, Дружковский, Петровский, Донецко-Юрьевский, Алмазный, Ольховский. Никополь-Мариупольский, Таганрогский, Верхнеднепровский, Макеевский, Русский Провиданс, Краматорский, Белянский и Керченский). Из них два завода (Верхнеднепровский и Белянский) вскоре были закрыты: таким образом к 1900 г. оставалось 16 заводов, при чем Алмазный завод был переименован в Кадиевский. Одновременно с этим к 1900 году было основано 8 передельных заводов без доменной плавки (Константиновский, «Павел Ланге и К°», Гартмана, Общества Екатеринославских железоделательных и сталелитейных заводов, Екатеринославский и Нижнеднепровский заводы Общества русских трубопрокатных заводов (б. Шодуар), Торецкий, Николаевский судостроительный).[1] Общее число рабочих на этих заводах в 1900 г. составляло: на 16 доменных заводах — 41 792 чел., а на 7 передельных (без Николаевского судостроительного) — 8726 чел., а всего — 50 518 чел.

За время с 1900 по 1915 гг. передельные заводы обнаружили стремление обзавестись собственным доменным производством. В результате 3 передельных завода перешли в разряд доменных:

[1] Кроме того, статистическое бюро Совета Съезда горнопромышленников юга России относило к числу передельных заводов Юга также и Царицынский завод Уральско-Волжского металлургического общества.

Константиновский в 1912 г., Екатеринославский Общества русских трубопрокатных заводов — в 1914 г. и Гартмана — в 1915 г. С другой стороны, два передельных завода прекратили свое существование («Павел Ланге и К⁰», сгоревший в 1905 г., и завод общества Екатеринославских железоделательных и сталелитейных заводов, закрывшийся в 1907 г.). Таким образом, к 1915 г. общее число заводов с доменной плавкою составляло 19, а передельных — 3. Число рабочих на металлургических заводах Юга в 1913 г. составляло: на 17 заводах с доменною плавкою — 69 377, на 5 передельных заводах — 14 387, а всего — 83 764 чел.

Мы видим, что южная железоделательная промышленность сосредоточилась в весьма небольшом числе заводов. Однако, благодаря своим, в большинстве случаев, очень крупным размерам, эти заводы накануне войны производили в три слишком раза больше чугуна и стали, чем гораздо более многочисленные заводы Урала.

Высокая степень концентрации южной железоделательной промышленности видна из следующей таблицы, заключающей в себе данные о распределении производства чугуна на 17 южных заводах, имевших доменную плавку, в 1913 г.:

Заводы с производством чугуна в 1913 г.	Число заводов.	Их общее производство в 1913 г. в тыс. пуд.	То же в %.	Среднее производство одного завода в 1913 г. в тыс. пуд.
Ниже 1 м. п.	1 [1]	608	0,3	608
1 — 5 м. п.	4 [2]	16 083	8,5	4 021
5 — 10 м. п.	3 [3]	22 689	12,0	7 241
10 — 15 м. п.	4 [4]	45 855	24,3	11 464
15 — 20 м. п.	2 [5]	32 033	16,9	16 017
Свыше 20 м. п.	3 [6]	71 893	38,0	23 964
Итого . .	17	189 161	100,0	11 127

Сходную с этой таблицей картину мы получили бы, если бы в основу расчета положили количество производившегося каждым отдельным заводом полупродукта или готового продукта.

[1] Керченский, приступивший к работе только в октябре 1913 г. [2] Гданцевский, Константиновский, Никополь-Мариупольский, Сулинский. [3] Кадиевский, Ольховский, Таганрогский. [4] Дружковский, Краматорский, Макеевский и Русский Провиданс. [5] Донецко-Юрьевский и Юзовский. [6] Александровский, Днепровский и Петровский.

Южные заводы все более и более обнаруживали тенденцию к самодовлению. Это выражалось в том, что все доменные заводы, за исключением трех (Гданцевского, Ольховского и Кадиевского), занимались также и переделом чугуна на полупродукт, а вместе с тем обладали и прокатными цехами. Последние имелись и на передельных заводах, которые, с другой стороны, также стремились, как уже указано выше, обзавестись собственными доменными печами. Тенденция южных заводов к самодовлению выражалась также и в стремлении обеспечить себя собственными материалами — главным образом, рудою, каменным углем и коксом. Для этой цели заводы приобретали месторождения железной руды и каменноугольные копи и строили коксовые печи. В Криворожском районе накануне войны $^4/_5$ всей руды получались на рудниках, принадлежавших металлургическим обществам; в Керченском районе все рудники принадлежали двум металлургическим заводам (Таганрогскому и Русскому Провидансу). Точно установить количество угля и кокса, добывавшегося заводами на собственных копях и в собственных коксовых печах, представляется невозможным; можно только сказать, что количество кокса, произведенного заводами на собственных печах, расположенных на самих заводах, составляло накануне войны около $^1/_3$ всего их потребления кокса.

Главным продуктом южнорусской железоделательной промышленности первоначально, как мы видели, были рельсы. Общеизвестно, что южнорусские заводы основывались в расчете на казенные заказы, среди которых железнодорожные принадлежности и, в частности, рельсы играли важнейшую роль. С тех пор, однако, условия изменились. Одни железнодорожные нужды не могли служить достаточным базисом для экспансивных устремлений южных заводов, почему последние пустились в поиски за новыми рынками и обратились к производству продуктов, рассчитанных на иной, не железнодорожный, спрос. Результаты этого нового направления наглядно сказываются в таблице на стр. 267: производство рельсов стало относительно падать, и главное внимание заводов стало обращаться на изготовление продуктов, рассчитанных преимущественно на рыночный, фабрично-заводский и строительный спрос (сортового и фасонного железа, двутавровых балок и швеллеров, листового железа, проволоки, кровельного железа). В результате в отношении всех готовых продуктов, включая сортовое железо и сталь, Юг превзошел (и притом, в большинстве случаев, значительно) Урал, и лишь в отношении кровельного железа Урал продолжал сильно (раза в два) превосходить южную промышленность.

Остается прибавить, что и в отношении снабжения рабочими руками Юг был поставлен в совершенно иные условия, чем Урал. Возникнув в пустынной, малонаселенной местности, южные заводы

были вынуждены привлекать рабочих из других частей страны. Поэтому их население образовалось из пришлых рабочих, притекавших сюда из самых разнообразных частей довоенной России — из губерний великороссийских, северо-западных, малороссийских и даже польских. Такое положение влекло за собою целый ряд последствий: с одной стороны, оно вело к более высокому, чем на Урале, уровню заработной платы, а с другой стороны, создавало необходимость сооружения жилищ для рабочих, а так как последняя проблема далеко не везде разрешалась в достаточной степени, то это нередко вело к большим жилищным затруднениям.

Дав общую характеристику двух важнейших железоделательных районов — Урала и Юга — я вкратце остановлюсь и на остальных районах.

Наиболее важным из них был район Польский, не вошедший в СССР. В настоящее время этот район представляет для нас интерес лишь в том смысле, что, обладая рудою невысокого качества, он нуждается в привозной руде, которая, как уже указано выше, доставлялась ему из Кривого Рога в количестве около 30 м. п. в год накануне войны.

Центральный район, как мы уже видели, весьма богат рудою, но обладает целым рядом неблагоприятных особенностей. Первоначально он пользовался древесным топливом, но по мере истощения лесов все более переходил к привозному донецкому углю. Железоделательная промышленность района рассеяна по целому ряду губерний, при чем, однако, производство полупродукта и готового продукта, как видно из таблиц на стр. 263 и 264, преобладало над доменною плавкою. В 1901 г. в районе было 46 заводов; к 1910 г. число их упало до 26, из которых 19 заводов занималось доменною плавкою; средние размеры заводов были невелики.

Сибирская железоделательная промышленность всегда имела ничтожные размеры: в момент наибольшего развития, в конце 1890-х гг., она давала 0,6 м. п. чугуна и ничтожное количество железа; с 1911 г. она вовсе прекратилась.

Гораздо более важное значение имел район Северо-Западный. Здесь имеются значительные запасы руды, преимущественно дерновой и озерной, главным образом, в Карельской республике: размер этих запасов определяется в 3,5 — 4,7 миллиардов пудов. Однако, выплавка чугуна никогда не достигала здесь сколько-нибудь заметных размеров: поднявшись в конце 1890-х и начале 1900-х гг. до 2 м. п., она к 1910 г. упала до нескольких сотен тысяч пудов. Но зато в этом районе немаловажное значение имела передельная промышленность, направленная на передел привозного чугуна и производство прокатных изделий и обслуживавшая весьма значительную по своим размерам петербургскую металлообрабатывающую промышленность.

В нашей довоенной статистике к русской железоделательной промышленности нередко причислялась также и финляндская (она вошла, например, в данные таблицы на стр. 263 за время до 1910 года). Промышленность эта имела весьма скромные размеры: чугуноплавильное производство Финляндии с 2 м. п. в 1900 г. упало до 0,5 м. п. в 1910 г., а производство железа и стали давало около 1 м. п. в год.

V.

Война повлекла за собою перерыв в том наступательном движении мировой железоделательной промышленности, которое наблюдалось до нее. Выплавка чугуна сразу сильно упала. С 1916 г. она снова поднялась благодаря, главным образом, значительному росту ее в Соед. Штатах. Но затем она снова стала падать, и, все более (хотя и с перерывом в 1920 г.) понижаясь, достигла своего минимума в 1921 г., в связи с наступившим в этом году мировым кризисом. С 1922 г. размеры мировой выплавки снова стали в общем повышаться, но и теперь еще не достигли довоенного уровня. Более подробные сведения о развитии чугуноплавильного производства за время с 1913 г. приведены в следующей таблице (в тыс. тонн):[1]

Годы.	Соед. Штаты.	Германия.[2]	Соед. Королевство.	Франция.[3]	Россия (СССР).	Люксембург.	Бельгия.	Швеция.	Остальные страны.	Итого.
1913	31,5	16,8	10,4	5,2	4,6	2,5	2,5	0,7	4,6	78,8
1914	23,7	12,6	9,1	2,7	4,1	1,8	1,5	0,6	3,8	59,9
1915	30,4	10,2	8,9	0,6	3,7	1,6	0,1	0,8	3,9	60,2
1916	40,1	11,3	9,1	1,3	3,8	2,0	0,1	0,7	4,2	72,6
1917	39,2	11,6	9,5	1,4	3,0	1,5	0,0	0,8	3,4	70,4
1918	39,7	10,7	9,3	1,3	0,5	1,3	—	0,8	2,8	66,4
1919	31,5	5,7	7,5	2,4	0,1	0,6	0,3	0,5	3,0	51,6
1920	37,5	6,4	8,2	3,3	0,1	0,7	1,1	0,5	3,1	60,9
1921	17,0	7,9	2,7	4,1	0,1	1,0	0,9	0,3	2,7	36,7
1922	27,7	9,2	5,0	6,4	0,2	1,7	1,6	0,3	2,7	54,8
1923	41,0	4,9	7,6	6,4	0,4	1,4	2,1	0,3	3,5	67,5[4]
1924	31,6	7,8	7,4	9,0	0,7	2,2	2,8	0,5	2,5	64,5[4]

[1] «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich» за 1924/5 г.

[2] С 1919 г. без Эльзас-Лотарингии и Саарской области.

[3] С 1919 г. с Эльзас-Лотарингией, а с 1921 г. с Саарской областью (за 1919 и 1920 гг. о Саарской области сведений нет).

[4] Без некоторых второстепенных государств.

Производство литого металла по отдельным отраслям за это же время представлено в следующей таблице: [1]

Годы.	Соед. Штаты.	Германия.	Соед. Королевство.	Россия (СССР).	Франция.	Бельгия.	Швеция.	Остальные страны.	Итого.
1913	30,8	17,1	7,8	4,2	4,7	2,5	0,7	6,3	74,1
1914	23,9	13,7	8,0	4,4	2,8	1,4	0,6	5,6	60,4
1915	32,7	12,0	8,7	4,1	1,1	0,1	0,6	6,4	65,7
1916	43,5	14,2	9,3	4,3	1,8	0,1	0,7	7,9	81,8
1917	45,8	14,3	10,0	3,1	2,0	0,0	0,8	8,5	84,5
1918	45,2	11,8	9,7	0,4	1,8	0,0	0,6	6,8	76,3
1919	35,2	6,9	8,0	0,2	2,2	0,3	0,6	4,3	57,7
1920	42,8	8,4	9,2	0,2	3,1	1,3	0,5	4,9	70,4
1921	20,1	9,9	3,8	0,3	3,1	0,8	0,2	5,1	43,3
1922	36,2	9,5	6,0	0,4	4,5	1,6	0,3	5,7	64,2
1923	45,7	6,0	8,6	0,6	5,0	2,3	0,3	6,8	75,3
1924	33,5	8,6	8,4	1,0	6,9	2,9	0,5	6,1	72,9

Мы здесь видим несколько иное развитие, чем в отношении чугуна: мировое производство литого металла, если не считать первых двух лет войны, во время войны приняло невиданные дотоле размеры, достигнув рекордной цифры в 1917 г. Прекращение войны сразу его понизило, а новое понижение, в связи с мировым кризисом, наступило в 1921 и 1922 гг. В 1923 и 1924 гг. вновь наблюдается повышение. Особенно сильного развития производство литого металла достигло в Соед. Штатах; в Германии оно сильно сократилось (даже во время войны оно здесь было ниже довоенного уровня), в Соед. Королевстве оно сохранило, примерно, прежний уровень.

Я обращусь теперь к изучению развития железорудной и железоделательной промышленности в России и СССР за время с 1913 г. В следующих четырех таблицах (см. стр. 278 и 279) представлены сведения о производстве железной руды, чугуна, полупродукта и готового продукта за это время. При рассмотрении этих таблиц следует иметь в виду, что наша современная статистика к «Центру» относит как Центральный район, так и Северо-Западный. [2]

[1] «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich» за 1924/5 г.

[2] Данные таблиц взяты: за 1921—1922 и 1922—1923 гг. из Р. П., 1923, стр. 108, 178, 181, 182 и 186, а за 1923—1924 г. из Р. П., 1924, стр. 132, 182, 185 и 188. Данные за более ранние годы взяты: по руде—из «Г. Ж.», № 6—9

Война и последовавшие за нею события оказали на нашу железоделательную промышленность, как мы видим, весьма глубокое влияние.

Уже с самого начала войны от России отошел Польский район, на долю которого в 1911—1913 гг. приходилось 3,5% всей добытой в России железной руды, 9,3% чугуна, 11,7% литого металла и 11,0% готового продукта. Вместе с тем прекратился экспорт руды за границу и вывоз ее в Польшу. Война создала, далее, большие затруднения в снабжении сырьем и топливом, а равно и разного рода инструментами и вспомогательными материалами (например, материалами для ремонта доменных и мартеновских печей). Сюда присоединялся отлив рабочих в связи с мобилизациями и ухудшение их качественного состава. Постепенно все более стали ощущаться транспортные, продовольственные и иные затруднения.

Влияние войны сказалось и в изменении направления спроса. Сильно увеличился спрос на предметы, идущие на нужды военной обороны. Вместе с тем как на Юге, так и на Урале предприятия чисто металлургические стали заводить у себя механические отделения для производства таких предметов (снарядов, фугасов, запальных стаканов и т. д.). На рыночные сорта железа (особенно на строительное железо) спрос, напротив того, стал падать, а вместе с тем на первых порах стали падать и цены на них. Однако, низкие цены были лишь мимолетным явлением: уже весьма скоро в стране обнаружился недостаток в железе, и цены на него уже со второй половины 1915 г. стали резко возрастать. Этот недостаток побудил государственную власть вмешаться в производство и сбыт металлов с целью регулирования их выпуска с заводов для разных групп потребителей. Для этого были учреждены особые органы; заводам было разрешено выполнять заказы только на изделия, прямо или косвенно необходимые для обороны, и на эти изделия стали устанавливаться высшие предельные цены. Поэтому уже в 1916 г. частный рынок остался почти без железа, получая его за очень высокие деньги преимущественно из имевшихся на складах остатков, от

за 1922 г., стр. 320—321, и из статьи В. В. Слепченко в сборнике «Народное хозяйство СССР и железнодорожные перевозки», стр. 215; по чугуну—за 1913—1916 гг.—у Г. Мерцалова, стр. 13, и за 1917—1921 гг. из «Н. и Г.Х.», стр. 238, и из «Статистического справочника» М. Б. Вольфа и Г. А. Мебуса, год издания I, стр. 116; по полупродукту—за 1913—1916 гг.—у Г. Мерцалова, стр. 14, за время с 1917 по 1920—1921 гг. — из «Н. и Г.Х.», стр. 239, и у М. Б. Вольфа и Г. А. Мебуса, там же, стр. 117; по готовому продукту—за 1913—1916 гг.— у Г. Мерцалова, стр. 14, за время с 1917 по 1920—1921 гг.—из «Н. и Г. Х.», стр. 240, из статьи В. Р. Чернышева в сборнике «Народное хозяйство СССР и железнодорожные перевозки», стр. 248, и из Р. П., 1922, стр. 124.

1. Добыча железной руды в милл. пудов.

	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	$19^{21}/_{22}$	$19^{22}/_{23}$	$19^{23}/_{24}$	$19^{23}/_{24}$ в % к 1913
Юг	420,1	322,8	247,1	333,9	222,0	(?)	—	—	0,5	5,9	10,3	26,7	6,4
Урал	109,9	111,3	(?)	(?)	86,5	(?)	(?)	8,6	5,0	3,3	13,1	26,8	24,4
Центр.	32,5	23,7	(?)	11,6	12,1	1,7	(?)	1,4	2,9	1,8	2,7	1,9	5,8
Итого	562,5 [1]	457,9	(?)	(?)	320,5	18,3	2,0	10,0	8,5	10,9	26,1	55,8 [2]	9,9

[1] Кроме того, в Польском районе 19,0 м. п.
[2] Сюда входит также 0,4 м. п. по ДВО.

2. Выплавка чугуна в милл. пудов.

	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	$19^{21}/_{22}$	$19^{22}/_{23}$	$19^{23}/_{24}$	$19^{23}/_{24}$ в % к 1913
Юг	189,2	186,2	167,5	176,1	131,6	12,6	1,7	0,9	2,0	4,8	6,9	22,5	11,9
Урал	55,7	52,4	50,3	46,0	43,9	15,7	3,6	5,0	4,0	4,3	8,5	15,0	22,6
Центр	11,9	10,5	7,1	9,7	9,0	3,2	1,6	1,1	1,0	1,3	3,0	2,4	20,2
Итого	256,8 [1]	249,2 [1]	225,0	231,9	184,5	31,5	6,9	7,0	7,0	10,5	18,3	40,3 [2]	15,7

[1] Кроме того, в Польском районе 25,6 м. п. в 1913 г. и 14,9 м. п. в 1914 г.
[2] Сюда входит также 0,4 м. п. по Сибири.

3. Производство полупродукта в милл. пудов.

	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	$19^{20}/_{21}$	$19^{21}/_{22}$	$19^{22}/_{23}$	$19^{23}/_{24}$	$19^{23}/_{24}$ в % к 1913
Юг	166,6	171,4	151,7	161,6	109,1	7,3	4,9	2,7	2,1	7,9	13,2	24,3	14,6
Урал	55,3	56,8	57,5	57,9	50,6	9,2	4,8	7,2	6,5	6,4	12,9	19,0	34,4
Центр	42,0[2]	44,4	42,1	41,4	28,3	8,0	2,4	1,7	1,3	5,2	11,4	17,3	46,3
Итого	263,9[1 2]	272,4[1]	251,3	260,9	188,0	24,5	12,1	11,6	9,9	19,4	37,5	60,6[3]	23,4

[1] Кроме того, в Польском районе 36,3 м. п. в 1913 г. и 21,6 м. п. в 1914 г.
[2] В том числе 4,6 м. п. в отошедших к вновь образовавшимся республикам частях Сев.-Западного края.
[3] Без заводов ГУВП.

4. Производство готового продукта в милл. пудов.

	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	$19^{20}/_{21}$	$19^{21}/_{22}$	$19^{22}/_{23}$	$19^{23}/_{24}$	$19^{23}/_{24}$ в % к 1913
Юг	141,0	144,3	125,7	130,3	89,6	5,1	5,1	2,6	2,1	6,0	10,5	17,7	12,5
Урал	40,8	40,6	40,2	41,0	38,8	9,4	4,4	8,2	5,0	5,5	8,9	12,5	30,7
Центр	37,5	37,8	33,6	34,6	20,8	7,2	2,5	1,2	2,2	4,3	8,6	11,9	36,7
Итого	219,5[1 2]	222,7[1]	199,4[1]	205,9	149,2	21,7	12,0	12,0	9,3	15,8	27,9	42,1	19,6

[1] Кроме того, в Польском районе 27,1 м. п. в 1913 г., 17,3 м. п. в 1914 г. и 0,1 м. п. в 1915 г.
[2] В том числе 5,3 м. п. в отошедших к вновь образовавшимся республикам частях Сев.-Зап. края.

перекупщиков и т. д. Существенные потребности домашнего быта, сельского хозяйства, промышленности и городского благоустройства должны были оставаться без удовлетворения. Между ценами на предметы обороны и частного рынка установилась громадная разница.

Как показывают приведенные выше таблицы, производство руды, чугуна и готового продукта за время войны обнаружило некоторую, хотя не особенно сильную, тенденцию к падению, тогда как производство полупродукта оставалось, примерно, на прежнем уровне.

С 1917 г., а особенно с 1918 г. начинается резкое падение по всему фронту железоделательной промышленности. Главные районы последней — Юг и Урал — явились ареной долгой и упорной гражданской войны. Все более возрастали транспортные, продовольственные и топливные затруднения, затруднения с получением необходимых инструментов, материалов и т. д. Это гибельным образом отразилось на промышленности. В период времени 1919 — 1921 гг. производство руды, полупродукта и готового продукта упало до десятка миллионов пудов, а выплавка чугуна — даже до 7 милл. пуд. Железные дороги бездействовали, гужевой транспорт переживал величайшие трудности вследствие отсутствия фуража, главным образом, овса, что особенно важно было на Урале,[1] домны стояли без руды и без топлива (каменного угля на Юге, древесного — на Урале), оборудование постепенно изнашивалось, рабочие, не получая продовольствия, обуви (особенно зимней), проз- и спецодежды (например, фартуков, рукавиц и т. д.), а равно и денежных знаков, разбегались, производительность труда падала катастрофически, дисциплина расшатывалась, прогулы становились обычным явлением, доходя до 25 — 30%, а иногда даже до 48%, — вот характерные особенности железоделательной промышленности того времени.

В конце 1920 г. наступает ликвидация гражданской войны, и в состав Советской России возвращаются те части, которые были временно от нее отторгнуты. Однако, некоторый поворот в сторону возрождения промышленности стал наблюдаться лишь с 1921 — 1922 г. Более быстрому улучшению воспрепятствовал ряд неблагоприятных обстоятельств: на Урале неурожай 1921 г. временно обострил отсутствие гужа, а на Юге росту выплавки препятствовал недостаток топлива вследствие отсутствия про-

[1] Так, например, в конце 1920 г., вследствие неполучения овса, заготовленный в уральских лесах уголь не мог быть вывезен на заводы: за ноябрь и декабрь 1920 г., вместо назначенных 648 тыс. коробов, было вывезено только 82,5 тыс. Вследствие этого пришлось значительно сократить работу заводов сравнительно с первоначальным планом, тогда как остававшийся около углевыжигательных печей уголь, поглощая влагу, приходил в негодность (Р. П., 1921, стр. 37).

довольствия и технического состояния шахт Донецкого бассейна. При таких условиях и введение новой экономической политики не сразу могло вывести промышленность из затруднений. Поэтому, если в производстве полупродукта и готового продукта некоторый рост наблюдался уже в 1921 — 1922 г., в добыче руды и выплавке чугуна более значительное улучшение стало обнаруживаться только в 1922 — 1923 г.

С тех пор начался медленный, но неуклонный рост. Положение с топливом, неудовлетворительное еще в 1922 г., заметно стало улучшаться, и 1922 — 1923 г. был первым, когда задержек с топливом уже более не было и даже удалось его накопить — в размере $1^1/_2$-годичного запаса дров на Урале и 3-месячного запаса минерального топлива на Юге.[1] Вместе с тем и продовольственные затруднения стали постепенно смягчаться, а затем и вовсе прекратились, заработная плата стала расти, рабочие стали вновь возвращаться на рудники и заводы, прогулы стали исчезать, производительность труда стала возрастать — а вместе с тем стала возрождаться и деятельность рудников и заводов. В 1923 — 1924 год металлургическая промышленность вступила в сравнительно благоприятном положении, и программа этого года, несмотря на повышение ее в сравнении с 1922 — 1923 г., была выполнена с избытком. Согласно производственной программе на 1924 — 1925 г., в этом году было предположено произвести 117,2 м. п. руды (70,0 м. п. на Юге, в том числе 17,0 м. п. для экспорта, 44,2 м. п. на Урале, 2,3 м. п. в Центре, 0,7 м. п. в Сибири), 59,7 м. п. чугуна, 81,6 милл. пуд. полупродукта и 58,1 м. п. готового продукта по первому варианту, и 56,9 м. п. чугуна, 79,0 м. п. полупродукта и 56,1 м. п. проката — по второму варианту, принятому СТО 24 ноября 1924 г. Программа эта затем несколько раз повышалась; фактически за 1924—1925 г. было произведено 79,6 м. п. чугуна, 113,8 м. п. мартена и 80,7 м. п. проката; что же касается добычи железной руды, то она за 1924—1925 г. составила 128,1 м. п. (в том числе 78,0—на Юге, 47,4 — на Урале и 2,1 — в Центре). Мы видим, таким образом, сильное увеличение по сравнению с предыдущим годом и значительное превышение программы.

VI.

В трудах упоминаемой ниже комиссии под председательством П. А. Богданова у нас имеется обильный материал о том, как описанная эволюция совершалась на Юге, почему на этом вопросе я остановлюсь несколько подробнее.

---

[1] В. З. Жданов в «В. М.», стр. 160, и «Т.-Э. В.», стр. 535.

К концу 1919 г. металлургические заводы Юга почти совершенно приостановили свою деятельность. Управление заводами пришло в полное расстройство, часть административно-технического персонала была отозвана иностранными правлениями заводов, другая часть ушла с белыми, часть просто разбежалась. Однако, несмотря на огромное падение производства, число рабочих составляло 30 000 чел., т.-е. более трети довоенного числа, но производительность труда была невероятно низка. Выработка проката на одного рабочего на всех заводах Центрального Правления Тяжелой Индустрии (ЦПТИ) составляла в 1920 г. только 3,5% довоенной выработки.

Так продолжалось в течение всего 1920 г., и если на заводах еще сколько-нибудь теплилась жизнь, то разве только для поддержания водоснабжения и освещения. Продовольственное положение того времени явствует из того, что на пяти наиболее интенсивно работавших заводах Юга рабочие за первые 6 месяцев 1920—1921 г. получали только по 1694 калории в сутки, тогда как для одного только отправления физиологических процессов жизни человеку нужно 2000 калорий, а до войны нормальное питание рабочего составляло 3750 калорий. Весною 1921 г. продовольственные затруднения еще усилились, а летом они как на рудниках, так и на заводах приняли даже катастрофический характер.

С сентября 1921 г. стало обнаруживаться некоторое улучшение: неурожай 1921 г. повлек за собою прилив рабочих на южные рудники и заводы, куда стал притекать также и продналоговой хлеб.[1] Однако, этот подъем носил лишь временный характер, и вследствие неустойчивости производства заводам пришлось еще пережить в 1921—1922 г. много тягостных перипетий. Положение вновь стало ухудшаться уже с января 1922 г.: недостаток хлеба на рудниках и заводах погнал рабочую силу, особенно квалифицированную, обратно в деревню, в более богатые хлебом места. Кроме того, голод повлек за собою небывалое сокращение сбыта вследствие резкого понижения покупательной способности населения. Сюда присоединялись огромные трудности, вызванные уменьшением оборотного капитала и денежным кризисом. Как доменное, так и мартеновское и прокатное производства работали с большими перебоями, и ряд заводов приостановился с переводом на консервацию. Со второй половины 1922 г., вследствие бегства рабочих с рудников, кризис в каменноугольной промышленности Донбасса вновь усилился, создавая для металлургических заводов новые затруднения. Лишь с октября 1922 г. добыча угля опять повышается, и это улучшение распро-

[1] Р. П., 1921, стр. 50. «Металлургические заводы юга России», стр. 16, 419, 423—433.

страняется и на металлургию. В результате, несмотря на все пережитые трудности, 1921—1922 г. представляет собою на Юге некоторый шаг вперед по сравнению с 1920—1921 г., обнаруживая рост доменного, мартеновского и прокатного производств.[1]

Положение южной железоделательной промышленности в 1921—1922 г. по сравнению с 1913 г. обнаруживается из следующей таблицы (данные за 1913 г. относятся только к тем заводам, которые работали в 1921—1922 г.).[2]

	1913 г.	1921—1922 г.	
	Абсол. цифры	Абсол. цифры	% к 1913 г.
Выплавка чугуна в милл. пуд.	109,7	4,8	4,4
Производство мартен. болванки в милл. пуд.	110,7	7,7	7,0
Производство гот. прокатных изделий в милл. пуд. . . .	93,3	5,8	6,2
Число рабочих	48 619	28 454	58,5
Месячная заработная плата рабочего в рублях	43,30	14,85	34,3
Год. выплавка чугуна на 1 рабочего в пудах	2 256	169	7,5
Год. выплавка чугуна на 1 рабочего доменного цеха в пудах	18 800	3 680	19,6
Год. выработка гот. проката на 1 рабочего в пудах . .	1 919	204	10,6
Средний расход угля (без кокса) на 1 пуд гот. проката в пудах	1	6	600,0

Как количество произведенных продуктов, так и производительность труда упали гораздо сильнее, чем число рабочих и заработная плата. Поэтому и себестоимость изделий значительно поднялась. Этот подъем по южной промышленности составлял: для чугуна — с 45—50 коп. до 160—200 коп. за пуд, для мартеновской болванки — с 72—80 коп. до 250—300 коп., для рельсов — с 90—110 коп. до 570 коп., для мелкосортного железа — с 89—110 коп. до 520—615 коп.[3] В среднем, себестоимость метал-

[1] «Металлургические заводы юга России», стр. 433—437.
[2] Там же, стр. 404—410 и 442.
[3] Там же, стр. 442.

лургических изделий определялась Съездом металлопромышленников, заседавшим в Москве в ноябре 1922 г., в 300% по отношению к 1913 г.

Тяжелое положение южной железоделательной промышленности побудило президиум УСНХ учредить в июне 1922 г. специальную комиссию для ее изучения. В августе с тою же целью в Харьков направилась особая полномочная комиссия СТО под председательством председателя ВСНХ П. А. Богданова. Комиссия эта собрала обильный материал и выработала ряд предложений относительно дальнейшей участи южной железоделательной промышленности.[1]

Комиссия обследовала десять заводов: Александровский, Днепровский, Донецко-Юрьевский, Екатеринославский трубопрокатный (б. Шодуар), Макеевский, Никополь-Мариупольский, Петровский, Русский Провиданс, Таганрогский и Юзовский. Остальные 8 заводов (о Луганском комиссия не упоминает) не были обследованы, и притом по разным причинам: Гданцевский, Кадиевский и Ольховский — потому, что они являются исключительно чугуноплавильными заводами, Дружковский — потому, что он лишился почти всех своих материальных средств и многих частей оборудования, перевезенных на другие заводы, Константиновский и Сулинский—в виду их незначительной производительности, Краматорский—потому, что он является преимущественно заводом машиностроительным и был передан в ведение центрального правления каменноугольной промышленности (ЦПКП), наконец, Керченский — так как он по своему характеру близок к подвергнутым обследованию заводам Таганрогскому и Русскому Провидансу.

В результате обследования комиссия пришла к следующим заключениям. Днепровский завод занимает исключительное положение по своим размерам и техническому оборудованию, но его пуск не по силам государству при современных условиях. Кроме того, на этом заводе нет цехов мостового, трубопрокатного и труболитейного, совершенно необходимых государству в настоящее время, почему, в случае пуска завода, эти цеха пришлось бы организовать на других заводах, что противоречило бы принципу столь необходимой в настоящее время концентрации производства. На Петровском и Юзовском заводах оборудование настолько изношено, что необходим капитальный ремонт, невыполнимый при современных условиях. Заводы Таганрогский и Русский Провиданс должны считаться при современных условиях совершенно выбывшими из строя вследствие несовершенства оборудования, недостаточной механизации труда и слабой электрификации. Кроме того, для их пуска необходимо восстановление Керченских

[1] Материалы комиссии собраны в книге «Металлургические заводы юга России», Харьков, 1923 (см. стр. 419).

рудников, на руде которых эти заводы в значительной мере работали, приведение в порядок портовых сооружений и транспортных средств и углубление канала в Азовском море, что в настоящее время трудно осуществимо.

Таким образом, из десяти заводов остается пять, на которых и должно быть сосредоточено производство. Из них в первую очередь должны быть пущены Александровский и Екатеринославский трубопрокатный (Екатеринославская группа А) и Макеевский. Хотя доменный цех Екатеринославского трубопрокатного завода находится в безнадежном состоянии, так как все котлы вывезены с завода, а паровые турбины повреждены пожаром, тем не менее, при условии регулярного снабжения этих заводов топливом, сырьем, вспомогательными материалами и при условии привлечения достаточного числа рабочих как квалифицированных, так и простых, они обладают всеми данными для производства в требуемых размерах необходимых государству изделий— чугуна, стали, сортового, листового и кровельного железа, проволоки, рельсов, катанных и литых труб и т. д. Поэтому южная промышленность должна быть обоснована прежде всего на их производстве, при чем, однако, при современных условиях последнее не может быть доведено выше 60 — 70% довоенного.

На вторую очередь должны быть поставлены заводы Донецко-Юрьевский и Никополь-Мариупольский. Первый из них обладает посредственным, но в общем довольно хорошо сохранившимся оборудованием: его достоинствами являются широкий сортимент прокатных изделий и сравнительная экономичность производства. Что же касается Никополь-Мариупольского завода, то он приспособлен исключительно для производства брони, листового металла и сварных труб, почему он представляет интерес только с точки зрения нужд морского ведомства и нефтяной промышленности; оборудование его сохранилось в сравнительно хорошем состоянии. [1]

Резюмируя свои наблюдения в отношении обследованных ею заводов, комиссия нашла, что доменные цеха последних находятся в очень плохом состоянии, хотя и не в совершенно безнадежном; бессемеровские и томасовские цеха могли бы быть пущены после незначительного ремонта, но об этом нельзя теперь и думать вследствие слабого спроса на их изделия и затруднений с керченскою рудою; мартеновские цеха находятся в сравнительно неплохом состоянии, и можно было бы легко вернуться к довоенным нормам, а быть-может, и превзойти их; состояние прокатных цехов неудовлетворительно, так как труд недостаточно механизирован, имеются совершенно устаревшие мастерские, и электрификация по большей части не закончена. О состоянии заводских

[1] «Металлургические заводы юга России», стр. 443—5 и 453.

электрических станций комиссия не высказала общего суждения, однако, ею было обнаружено, что значительная часть электромоторов требует ремонта и что на всех заводах кладовые электрических цехов пусты и запасы ремонтных материалов совершенно исчерпаны. Оборудование телефонов и электрического освещения находится в самом плачевном виде; состояние железнодорожных цехов также должно быть признано неудовлетворительным.[1]

В результате комиссия приходит к выводу, что состояние основного капитала обследованных заводов весьма серьезно и что он в значительной своей части обесценен, при чем и остающаяся часть его будет окончательно обесценена, если в ближайшие годы не будут произведены восстановительные работы. То же самое комиссия находит и в отношении заводов, не подвергшихся обследованию: вследствие их устарелости, происшедших разрушений и общей неудовлетворительности их состояния, бо́льшая часть их основного капитала погибнет безвозвратно, если в ближайшем времени не будут приняты меры для их переустройства, ремонта и поддержания в годном состоянии. Что же касается материального оборотного капитала, то он, по мнению комиссии, доведен до последних пределов истощения, и для преодоления связанных с этим опасностей необходимо громадное напряжение всех сил и финансовых средств.[2]

Материалы полномочной комиссии СТО дали яркую картину состояния южной железоделательной промышленности за четырехлетие 1919—1922 гг. Любопытно, что на Урале и в Центре, как видно и из приведенных выше таблиц (стр. 278—9), события этого времени сказались несколько менее резко. На Юге промышленная жизнь в 1919—1921 гг. почти совершенно замерла, а добыча руды и вовсе прекратилась, между тем как на Урале и в Центре, при всем сокращении производства, жизнь все же продолжала теплиться. Не удивительно поэтому, что Урал за эти годы вновь занял первенствующее место среди наших железоделательных районов; да и Центр в течение нескольких лет стоял выше Юга по добыче руды, а в 1920 г.—и по выплавке чугуна.

Преимущества Юга—более высокое техническое совершенство, бо́льшие размеры доменных, мартеновских и иных печей и т. д.—в описываемую эпоху явились его слабыми сторонами. Задуть большую домну при неустойчивости хозяйственной жизни того времени и необеспеченности снабжения рудою и топливом было гораздо более рискованно, чем пустить в ход домну небольших размеров. Вот почему Центр с его маломощными домнами (25—60 тыс. пуд. чугуна в месяц) в 1922—1923 г. достиг 25% довоенной выплавки, Урал с его несколько более крупными

[1] Там же, стр. 449—480.
[2] Там же, стр. 448.

домнами—15,3%, а Юг с его наиболее крупными домнами (до 350 тыс. пуд. чугуна и более) — всего только 3,6%.

На стороне Урала были и некоторые другие преимущества. Гражданская война протекала на нем менее длительно и болезненно, чем на Юге; заводское население его, в силу полукрестьянского уклада жизни, легче могло довольствоваться скудною оплатою и легче сносило перебои в снабжении. И на самом Урале наблюдалось, что заводы более крупные и в большей степени пользовавшиеся пришлым населением (как, например, Надеждинский, Лысьвенский, Чусовской) с бо́льшим трудом переживали хозяйственную разруху того времени, чем остальные.

С постепенным восстановлением хозяйственной жизни Юг с его более совершенным оборудованием вновь стал выдвигаться на первое место. В 1923—1924 г. выплавка Юга составляла уже 56% всей выплавки страны.

VII.

Я перейду теперь к рассмотрению отдельных последовательных стадий производства, при чем начну с добычи руды.

Наша железорудная промышленность работала на государственном снабжении до 1922 г., когда она была переведена на хозяйственный расчет с передачею ее в ведение учрежденных в отдельных районах трестов и комбинатов. В частности южная железорудная промышленность (вместе с южной марганцевою) перешла в ведение учрежденного в мае 1922 г. «Южнорусского треста» (ЮРТ), начавшего работать с 1 июля.

В 1917—1918 г. криворожские рудники были затоплены (за исключением Шмаковского, поддерживавшего водоотлив до середины 1919 г.), и с этого времени они бездействовали в течение нескольких лет. Лишь в 1921—1922 г. добыча была возобновлена на трех наиболее сохранившихся рудниках—Артемовском (б. Галковского акц. общества Сулинского завода), Либкнехта и Октябрьском (б. Шмаковском и Ростковском Днепровского металлург. общества), на которых для этой цели были предварительно произведены водоотливные и ремонтно-восстановительные работы. Успешному ходу водоотливных работ вначале сильно препятствовал недостаток топлива вследствие трудности получить донецкий уголь, почему было даже приступлено к добыче местного бурого угля: впоследствии эти трудности были преодолены, и уже в 1921—1922 г. названные три рудника дали 5,9 м. п. руды, а в 1922—1923 г. — 10,3 м. п. Остальные 46 рудников либо находились на положении технической охраны, либо просто окарауливались, на что в 1922—1923 г. требовалось 437 рабочих и служащих.

Работавшая с января 1923 г. комиссия по пересмотру трестов постановила сохранить в действии названные три рудника, а из

остальных 46 рудников оставить 14 более мощных, сохранивших свое оборудование, на положении технической охраны, с оплатою последней государством, а прочие 32 рудника ликвидировать, что и было выполнено.

Во втором полугодии 1923 — 1924 г. был пущен в ход еще четвертый, Ленинский (б. Калачевский) рудник, при чем общая добыча этого года дошла до 26 м. п. (до войны четыре названных рудника давали 120 м. п. в год). Для осуществления намеченного на 1924 — 1925 г. расширения добычи были затем пущены в действие еще два рудника — имени Троцкого (б. Саксаганский) и Пролетарский (б. Карнаватский), и, кроме того, было предположено произвести необходимые работы по централизации силового хозяйства и замене устаревших и износившихся механизмов новыми. После этого на положении технической охраны должно было остаться 11 рудников.

Добыча руды в Керченском месторождении прекратилась еще во время войны, отчасти вследствие установки мин в Керченском заливе, отчасти вследствие правительственного запрещения изготовлять из томасовской стали какие-либо ответственные предметы, кроме рельсов. С тех пор Керченские рудники продолжают бездействовать и по настоящее время.

Число рабочих в Кривом Роге, составлявшее в 1913 г. 23,6 тыс. чел., на 1 октября 1923 г. составляло 3115 чел., а на 1 апреля 1924 г.—3101 чел. (в том числе на работающих рудниках 2228 чел.); на 1924 — 1925 г. было предположено 6279 рабочих и 235 служащих.

На Урале добыча руды и до войны носила более децентрализованный характер, чем на Юге; этот характер она продолжает сохранять и до настоящего времени, несмотря на сильное сокращение производства. Руда добывается на целом ряде рудников (13 — в 1922 — 1923 г. и 17 — в 1923 — 1924 г.), принадлежащих Надеждинскому комбинату и четырем трестам (Уралруде [б. Средне-Уральскому], Свердловскому [б. Екатеринбургскому], Пермскому и Южно-Уральскому), но большая часть рудников бездействует и находится на положении охраны. Число рабочих, занятых в железорудном деле, в 1913 г. составляло 17,2 тыс. чел.; в 1922—1923 г. оно составляло 5600 чел. В 1924—1925 г. на Урале было произведено несколько более 40 м. п. руды, т.-е. около 40% довоенной добычи.

В Центральном районе добыча руды также носит разбросанный характер, при чем часть рудников (например, Липецкие с 1919 г.) находится в консервации. В 1922—1923 г. работало 15 рудников, а в 1923—1924 г. — 8. Добыча района, ничтожная в 1923—1924 г., была таковою и в 1924—1925 г.

На 1924—1925 г. небольшая добыча руды (0,7 м. п.) предположена и в Кузнецком бассейне (на Салаирском руднике).

В следующей таблице представлены сведения, имеющиеся у нас по вопросу о расходовании железной руды за последние годы (в милл. пуд.):

Годы.	Отпущено.						Источники.
	Кривым Рогом (ЮРТ'ом).			Уралом.	Центром.	Итого.	
	На металлургические заводы.	Для экспорта.	Итого.				
1921—1922.	5,8	0,9	6,7	4,5	1,2	12,3	Р. П., 1923, 110
1922—1923.	12,4	0,6	13,0	13,3	2,0	28,4	
1923—1924.	33,1	0,4	33,5	27,9	2,2	63,4[1]	Р. П., 1924, 134—135.

Отпуск руды превышал ее производство (см. таблицу на стр. 278): это объясняется тем, что часть отпуска шла за счет запасов. И в 1924—1925 г. из общего предположенного внутреннего потребления (63 м. п.) 10 м. п. должны были быть взяты из запасов. Сведения в движении запасов представлены в следующей таблице (в милл. пуд.):

	Юг (Криой Рог).	Урал.	Центр.	Итого.	Источники.
1 января 1920 г. .	?	80	?	?	Р. П., 1921, 2.
1 января 1921 г. .	86	70	2	158	
1 октября 1922 г. .	81,2	94,0[2]	9,5	184,7[2]	Н. и Г. Х., 254.
В том числе доступных . . .	25,0	32,0	?	?	Р. П., 1923, 108.
1 октября 1923 г.	79,2	51,9[3]	9,1	140,2[3]	Р. П., 1923, 110.
В том числе доступных . . .	20	30,6	?	?	Э. О., 1924, № 12, 45.
В том числе недоступных . . .	60	68,8	?	?	
1 октября 1924 г. .	72,3	60,7	?	?	Р. П., 1924, 146.

[1] Включая 0,1 м. п. по Дальнему Востоку, где работал один рудник.
[2] В «Г. Ж.», 1922, № 10—12, 473, приведена цифра 99,3 м. п. для Урала, а в Р. П., 1923, 110, приведена цифра 148,3 м. п. для всей страны.
[3] Эти цифры вызывают сомнения.

Мы видим, что запасы были весьма значительны и продолжали быть таковыми и в конце 1924 г. Медленное расходование объясняется их местонахождением. Так, из 81,1 м. п. запасов, имевшихся в Кривом Роге на 1 сентября 1922 г., только 24,5 м. п. (в том числе 22 м. п. руды с содержанием железа в 60% и выше) находились на погрузочных эстакадах и при исправных подъездных путях: 26,8 м. п. находились при неисправных подъездных путях, но при эстакадах, и для их вывозки необходимо было возобновить 64 версты разрушенных или пришедших в негодность путей; наконец, 29,8 м. п. находились вне подъездных путей на шахтах и могли быть вывезены только гужем на расстоянии от 1 до 10 верст. И на Урале лишь часть имевшихся запасов могла быть вывезена. Остальной запас представлялся «мертвым, требующим для своего оживления улучшения продовольственных условий, местных транспортных средств, а также дополнительного оборудования по сортировке и обогащению бедных руд».[1]

Экспорт криворожской руды, производившийся с 1922 г. через Николаевский порт (см. таблицу стр. 289), не дал благоприятных результатов. Причинами являлись высокая себестоимость, высокий уровень железнодорожных тарифов и морских фрахтов, низкий уровень заграничных цен, неустойчивость заграничных рынков. Средняя себестоимость пуда криворожской руды, составлявшая до войны $5^1/_8$ коп., в 1922—1923 г. составляла около 12,5 коп. франко-рудник, что соответствует себестоимости в Николаеве в 20 коп. Руда была продана по цене 27 шилл. за тонну 60-процентной руды франко-порт назначения, с приплатою по 6 пенсов за каждый дальнейший процент в тонне. При фрахте от Николаева в 14 шилл. оставалось только 13 шилл., т.-е. около 10 коп. за пуд. Таким образом экспорт оказался убыточным, почему он в 1922—1923 г. и 1923—1924 г. падал. На 1924—1925 г. было предположено усилить вывоз и довести его до 17 м. п., при чем, в случае увеличения добычи до 70 м. п., ожидалось понижение себестоимости до 8,325 коп. за пуд франко-рудник против 9,76 коп. в 1923 — 1924 г.[2] Существовало предположение еще больше повысить вывоз руды за границу с тем, чтобы этим путем получить средства на необходимые восстановительные работы: с этой целью весною 1924 г. ЮРТ-ом велись с Польшею переговоры о поставке туда 30 м. п. в течение двух лет по цене 11 коп. франко-станция отправления, но эти переговоры затем прервались.[3] Фактически в 1924—1925 г. Кривым Рогом было запродано за границу 15 милл. пуд. железной руды.[4]

[1] «Г. Ж.», № 10—12 за 1922 г., стр. 470—472.
[2] «Г. Ж.», № 9—10 за 1924 г., стр. 727.
[3] «Э. О.», № 21 за 1924 г., стр. 35.
[4] Ф. Дзержинский, стр. 23.

Несомненно, что на экспорте наша железорудная промышленность не может длительным образом основать своего благополучия, да это было бы и в высшей степени нежелательно: необходимо дальнейшее развитие нашей чугуноплавильной промышленности, незначительные размеры которой являлись основною причиною слабого развития железорудного дела. Но нельзя скрывать от себя, что дальнейшее развитие добычи руды требует значительных расходов как на восстановительные работы, так и на новое оборудование. Так, например, многие из рудничных установок Кривого Рога созданы за десять лет до войны, почему даже в случае их сохранности они в настоящее время уже устарели. Для правильной постановки рудничного дела в Кривом Роге необходимы большие затраты как на эти работы, так и на увеличение оборотных средств.

В июле 1923 г. ЮРТ выработал пятилетний план восстановления, согласно которому добыча железной руды, постепенно повышаясь, в 1927—1928 г. должна дойти до 113—125 м. п.. Для осуществления этого плана необходимо расширить жилую площадь рудников, устроить новые и переоборудовать старые подъемы и произвести значительные подготовительные работы; нужная для этого сумма была определена в 3,4 милл. довоенных золотых рублей, — в счет этой суммы ЮРТ-у до середины 1924 г. было отпущено 800 тыс. черв. рублей.

Производство таких крупных затрат очень затруднялось тяжелым финансовым положением ЮРТ-а, вызываемым целым рядом причин. С одной стороны, забираемая у ЮРТ-а руда оплачивалась Югосталью не полностью, почему, например, в 1922 — 1923 г. ЮРТ потерпел на этом убыток в 582 т. р.— убыток, который не был вполне покрыт и полученною им государственною дотациею в 342 т. р.[1] С другой стороны, техническая охрана неработающих рудников обошлась ЮРТ-у в том же году в 200 тыс. р., из которых государством было уплачено только 68 тыс. р.

Для улучшения финансового положения железорудной промышленности необходимо, прежде всего, понижение себестоимости руды, что, в свою очередь, предполагает повышение производства и нагрузки отдельных предприятий. С повышением нагрузки повысится и производительность труда, которая в настоящее время ниже довоенной: так, например, в Кривом Роге годичная производительность одного рабочего составляла в 1923 — 1924 г. 29 000 пудов горной массы (руды и пустой породы), т.-е. лишь около 64% довоенного количества (46 000 пуд.).[2]

[1] Себестоимость руды в 1922 — 1923 г. составляла, как мы видели, 12,5 коп. на пуд, между тем как Югосталь платила за пуд руды: в октябре—декабре 1922 г. 3,5 к., в январе — августе 1923 г.—8 к., в сентябре 1923 г.—10 к.

[2] «Г. Ж.», № 9—10 за 1924 г., стр. 720.

На Урале, согласно выработанной пятилетней программе, добыча руды должна быть доведена до 49 м. п. в 1926—1927 г.; для осуществления этой программы необходима сумма в 867 т. довоенных золотых рублей.

Несомненно, что вследствие быстрого роста нашей металлической промышленности приведенные программы добычи железной руды будут значительно превзойдены.

VIII.

Выплавка чугуна сильнее всего за годы революции, как мы видели, сократилась на Юге. Еще в 1917 г. часть южных заводов была остановлена, а в 1918 г. наступило новое и притом катастрофическое падение; выплавка чугуна понизилась до уровня, на котором стояло в самом начале развития Южного района — в 1890 г. К концу 1919 г. на всем Юге из 63 доменных печей работала уже одна только небольшая домна № 6 на Петровском заводе, да и то лишь в качестве газогенератора для снабжения заводских газовых двигателей, давая небольшое количество чугуна в виде побочного продукта. В сентябре 1920 г. была задута домна № 2 Макеевского завода, однако, 6 января 1921 г., за израсходованием запасов кокса, она была выдута; после этого она вновь работала с 21 января по 6 марта 1921 г., когда была окончательно выдута. Кроме того, 10 декабря 1920 г. была задута домна № 4 Юзовского завода, которая работала до 5 января 1921 г., когда была приостановлена вследствие истощения запасов кокса; она вновь работала с 27 февраля по 9 марта, после чего опять наступил перерыв; с 6 июня она вновь была пущена. Засим 5 ноября 1921 г. на Петровском заводе, вместо домны № 6, крайне изношенной, была пущена домна № 2.

Таким образом, в начале 1922 г. на Юге работали две домны, но 8 февраля 1922 г. на юзовской домне № 4 произошла катастрофа (взрыв газопровода), после чего она окончательно выбыла из строя; зато в середине мая 1922 г. на Юзовском заводе была пущена домна № 2.[1] В том же 1922 г. должна была быть пущена еще одна домна — на Александровском заводе, но вследствие топливных затруднений это пришлось отложить, и она была пущена только в середине четвертого квартала 1922—1923 г.[2] Весною 1923 г. домна Петровского завода прекратила работу, и завод был переведен на консервацию. Взамен ее в мае была

[1] «Металлургические заводы юга России», стр. 419, 422, 428, 431, 432, 434, 435. «Петровские, Макеевские и Юзовские заводы и рудники Югостали в 1921 г.», стр. 16, 25—26, 33, а также таблицы и диаграммы.

[2] Р. П., 1922, стр. 128, и Р. П., 1923, стр. 179. Проф. К. Воблый, в «Э. О.», № 13 за 1924 г., стр. 58, приурочивает пуск этой домны к июню 1923 г.

пущена вторая домна на Юзовском заводе.[1] Затем 27 сентября 1923 г начала работать четвертая домна (на Краматорском заводе), а 25 октября 1923 г.—пятая на Александровском заводе (Брянская № 2).[2] В июне 1924 г. были пущены две новые домны — одна на Краматорском заводе, а другая на Юзовском, осенью того же года была пущена еще одна (третья) доменная печь на Александровском заводе, переименованном в завод имени т. Петровского. Вместе с тем одна из доменных печей этого завода была переведена на выплавку ферромарганца.[3]

В конце 1924 г. (16 ноября) была задута одна доменная печь на Макеевском заводе. С тех пор были задуты еще одна печь на Юзовском заводе, одна на Макеевском, две на заводе имени т. Дзержинского (б. Днепровском). Таким образом, на Юге в настоящее время (октябрь 1925 г.) работают 13 доменных печей. В близком будущем ожидается пуск двух печей на Никополь-Мариупольском заводе.

Мы видим, какие огромные перебои до недавнего времени происходили в плавке чугуна на Юге. За первое полугодие 1920 г. его было выплавлено только 89 тыс. пуд., за второе — 815 тыс. пуд., за первое полугодие 1921 г.—419 тыс. пуд. К понижению выплавки присоединялось еще и низкое качество чугуна: на 40,3 тыс. пуд., выплавленных Юзовским заводом за сентябрь 1921 г., 36 тыс. пуд. составляли брак.[4]

Сильнее сокращение действующих доменных печей наблюдалось не только на Юге, но и в остальных районах. Сведения о числе действовавших доменных печей по сравнению с 1913 г. представлены в следующей таблице (см. табл. на стр. 294):

На Юге в 1922—1923 г. выплавка производилась на четырех заводах — Юзовском (4,2 м. п.), Петровском (1,8 м. п.), Александровском (0,9 м. п.) и Краматорском (12 тыс. п.). На Урале она производилась на 19 заводах (не считая небольшой выплавки на арендованных заводах), и в Центре — на 13 заводах.[5] С тех пор число действующих заводов увеличилось. Любопытно, что,

---

[1] К. Воблый, там же.

[2] Р. П., 1923, стр. 179.

[3] Н. Бурмистров, в «Э. О.», № 17—18 за 1924 г., стр. 63, говорит о пуске третьей домны на Петровском заводе, а также сообщает, что вследствие ощущавшегося недостатка в ферромарганце и других специальных сортах чугуна, имеющих хорошие экспортные возможности, одна домна Петровского завода была переведена на производство ферромарганца, которого она выплавила в июне 131 т. п. Оба эти сообщения неверны, так как Петровский завод, как сказано выше, состоял на консервации; с другой стороны, уже в 1922—1923 г. на Петровском заводе было выплавлено 146 т. п. ферромарганца и 20 т. п. зеркального чугуна. См. В. И. Жданов в «В. М.», № 7—9 за 1924 г., стр. 141, и в Т.-Э. В., № 8—9 за 1924 г., стр. 527.

[4] «Металлургические заводы юга России», стр. 423, 428, 431.

[5] В. И. Жданов, в «В. М.», стр. 141—5, и Т.-Э. В., стр. 527—8.

	Юг.	Урал.	Центр.	Итого.	Источники.
Итого печей в 1913 г. . . .	57	95	28	180	Мерцалов, 16.
Действующих печей в 1913 г. .	50	73	17	140	Мерцалов, 16.
» » на 1 окт. 1922 г.	2	4	5	11	Р. П., 1923, 179.
Действующих печей на 1 окт. 1923 г.	4	10	4	18	Р. П., 1923, 179.
Действующих печей на 1 окт. 1924 г.	7	14	5	26[1]	Р. П., 1924, 181.
То же в % к общему числу печей в 1913 г.	12,3	14,7	17,9	14,4	

под влиянием чугунного голода, выплавка чугуна в 1922—1923 г. была восстановлена, после перерыва в несколько десятилетий, на Кавказе, где к ней было приступлено на Чатахском заводе (на древесном топливе).[2] В этом же году в Приокском округе были сделаны удачные опыты по выплавке чугуна на одном торфе,[3] а в 1923—1924 г. на Урале была сделана первая попытка плавки чугуна на кузнецком коксе, на котором с июня 1924 г. начала работать домна на Нижне-Салдинском заводе.[4]

Еще до войны выплавка чугуна начала отставать от производства полупродукта, вследствие чего, в конце концов, наступил «чугунный голод». Это привело к необходимости допустить льготный привоз иностранного чугуна в количестве 10 м. п. в 1911 г. и 20 м. п. в 1914—1915 гг.[5] Кроме того, в большом количестве в сталелитейном деле применялся стальной лом (90,7 м. п. в 1913 г. и 99,9 м. п. в 1916 г.): этим объясняется, почему, например, на Урале производство стали росло при падении выплавки чугуна.[6] Особенно сильное использование лома происходило на заводах Центра, которые были на это рассчитаны.[7]

Отставание выплавки чугуна от производства полупродукта наблюдается и за все время войны и революции (за исключением одного только 1918 г.). Нехватка покрывалась отчасти

[1] В сентябре 1925 г. число работающих доменных печей составляло 41.
[2] В. И. Жданов, в «В. М.», стр. 149, и Т.-Э. В., стр. 529.
[3] Там же.
[4] Н. Бурмистров, в «Э. О.», № 17—18 за 1924 г., стр. 63.
[5] Металлургические заводы юга России, стр. 417.
[6] Мерцалов, стр. 14.
[7] Р. П., 1923, стр. 181.

старыми запасами чугуна, отчасти ломом. Потребление лома составляло за последние годы 18—20 м. п. в год, при чем и после этого оставались довольно значительные запасы его: в 1923 г. эти запасы определялись в 100—110 м. п., т.-е. в таком количестве, какого могло хватить еще на 5—6 лет.[1] Между тем запасы чугуна постепенно все же истощались, и в конце лета 1923 г. недостаток чугуна стал настолько острым, что принял характер настоящего «чугунного голода», особенно на Юге.[2] Расширение доменной плавки становилось поэтому, особенно на Юге, все более неотложной задачей нашей металлургической промышленности. Такое расширение действительно наступило в 1923—1924 г., а затем и в 1924—1925 г. Но чугунный голод продолжает ощущаться и теперь.

Производство полупродукта и проката развивалось за годы войны и революции, примерно, в том же направлении, как и выплавка чугуна, с тем лишь отличием, что в отношении этих продуктов упадок был несколько менее значителен. И эти процессы пережили свое наиболее тяжелое время в 1919—1921 гг., после чего началось повышательное движение.

Из отдельных способов производства полупродукта уже до войны, как мы выше (стр. 263) видели, все более выдвигался мартеновский. В 1916 г. этим способом было получено 83,1% всего полупродукта (216,9 м. п.), тогда как на бессемерование приходилось только 12,4% (32,3 м. п.), а на томасирование 3,7% (9,6 м. п.); кроме того, 0,8% (2,1 м. п.) приходилось на пудлинговые и тигельные болванки и на кричное железо.[3] Томасовский процесс применялся только на тех заводах, которые работали на керченской руде—Таганрогском, Русском Провидансе и Керченском; и бессемеровский процесс применялся на немногих лишь заводах (из южных заводов—на Александровском, Днепровском, Петровском и Дружковском).

Падение бессемерования объясняется некоторыми преимуществами процесса Сименс-Мартена. Кроме того, для Юга оно объясняется также и растущею трудностью получать необходи-

---

[1] Р. П., 1923, стр. 181. Об имеющемся у железных дорог ломе см. Гр. Спектор, «Об использовании лома на транспорте» в сборнике «Проблемы транспорта», вып. II, стр. 102—110.

[2] На южных машиностроительных заводах уже в течение всего первого полугодия 1922—1923 г. из-за недостатка в чугуне неоднократно происходили перебои в работе, а некоторые заводы были даже вынуждены остановиться на продолжительное время. К концу 1922—1923 г. заводы Южмаштреста (в частности, самый крупный из них, Луганский) оказались без запасов как чугуна, так и мартеновской болванки (Р. П., 1923, стр. 180). Во второй половине 1922—1923 г. цены чугуна на вольном рынке дошли до 4 р. за пуд, т.-е. превысили цены сортового железа (В. И. Жданов, в «В. М.», стр. 149, и Т.-Э. В., стр. 529).

[3] Мерцалов, стр. 21.

мые для него чугуны, чистые от фосфора, что и побуждало заводы переходить к мартеновским печам на основном поду, хотя себестоимость мартеновской стали на 6—10 к. с пуда была выше себестоимости бессемерования.[1] Бессемеровская сталь шла, главным образом, на производство рельсов и крупных балок.

Со времени войны бессемеровское и томасовское производства совершенно прекратились, и за последние годы весь полупродукт получался в мартеновских печах. Сведения о числе печей в производстве полупродукта приводятся в следующей таблице:

	Юг.	Урал.	Центр.[3]	Итого.		Источники.
	Мартеновских печей.				Конвертеров.	
Итого печей в 1913 г.[2] .	87	69	68	224	42	Мерцалов, 22.
Действующ. печей 1 окт. 1922 г.	6	6	12	24	—	Р. П., 1923, 182.
Действующ. печей 1 окт. 1923 г.	13	12	24	49	—	
Действующ. печей 1 июля 1924 г.	15	21	28	64[4]	—	Р. П., 1924, 185.
То же в % к общему числу печей в 1913 г. . . .	17,2	30,4	41,2	28,6	—	

В 1922—1923 г. полупродукт производился на 10 заводах Юга (Юзовском, Александровском, Никополь-Мариупольском, Екатеринославском трубопрокатном, Краматорском, Луганском, Петровском, Донецко-Юрьевском, Днепровском и Ланге); на Урале он производился на 19 заводах (не считая небольшого количества на арендованных заводах), а в Центре — на 11 заводах.[5]

Как чугун не поспевал за полупродуктом, так и производство полупродукта отставало от прокатки, что объяснялось наличием

[1] «Металлургические заводы юга России», стр. 81 — 85.

[2] Кроме того, имелись невошедшие в таблицу пудлинговые печи, кричные горны, тигельные печи, тигли, отражательные, нагревательные и сварочные печи.

[3] Большое число печей на заводах Центра объясняется широким применением лома в этом районе.

[4] В сентябре 1925 г. число действующих мартеновских печей дошло до 115.

[5] В. И. Жданов, в «В. М.», стр. 141 — 145, и Т.-Э. В., стр. 527 — 8.

запаса болванок от прежнего времени. Постепенно, однако, эти запасы истощались; на Урале и в Центре они пришли к концу еще в 1921—1922 г., а на Юге — в 1922—1923 г.[1]

Развитие производства готового продукта по отдельным сортам его за последние годы представлено в следующей таблице (в милл. пуд.):[2]

		1913 г.[3]	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1922—1923 г.	1923—1924 г.
I.	1. Рельсы.	39,7	2,15	1,22	1,01	0,45	3,97	5,69
	2. Бандажи.	4,2	0,20	0,05	0,25	0,23	1,01	0,97
	Итого жел.-дор. спроса.	43,9	2,35	1,27	1,26	0,68	4,98	6,66
II.	1. Рыночный спрос (сортовое железо). .	85,5	2,50	1,50	4,90	8,00	9,55	15,33
	2. Фабрично-заводский спрос:							
	а) Листовое железо .	27,6	1,10	0,80	1,15	1,07	2,75	3,56
	б) Проволока катанная.	18,2	0,63	0,21	0,73	1,77	3,37	5,22
	Итого фабрично-заводск. спроса.	45,8	1,73	1,01	1,88	2,84	6,12	8,78
	3. Строительн. спрос:							
	а) Кровельн. железо .	25,3	2,94	1,14	1,14	2,85	4,58	6,73
	б) Балки и швеллера.	17,2	0,03	—	—	—	0,15	—
	Итого строительн. спроса.	42,5	2,97	1,14	1,14	2,85	4,73	6,73
	Всего.	217,7	9,55	4,92	9,18	14,37	25,38[4]	37,50[5]

[1] Там же, стр. 147 и 528.

[2] Для 1919—1922 гг. «Н. и Г. Х.», стр. 241 и след., а для 1922—1923 г. Р. П., 1923, стр. 183, и «Н. Х.», 1923, стр. 264. В «Н. и Г. Х.» цифры производства за 1919—1922 гг. неправильно сравниваются с цифрами отпуска на продажу за 1903—1911 и 1913 гг.

[3] См. выше таблицу, стр. 267.

[4] Кроме того произведено рессор 0,10 м. п., труб тянутых и катанных 1,69 м. п. и стали поделочной 0,40 м. п., после чего получается общий итог в 27,57 м. п.

[5] Кроме того произведено 3,0 м. п. труб и 1,6 м. п. других изделий.

Более подробные данные по отдельным районам за 1922—1923 г. и за 1923—1924 г. представляются в следующем виде (в милл. пудов):[1]

	1922—23 г.				1923—1924 г.			
	Юг.	Урал.	Центр.	Итого.	Юг.	Урал.	Центр.	Итого.
I. 1. Рельсы	1,67	2,30	—	3,97	3,64	2,05	0,00	5,69
2. Бандажи	0,17	—	0,84	1,01	0,13	—	0,84	0,97
3. Рессоры	—	0,00	0,10	0,10	—	—	—	—
Итого жел.-дор. спроса.	1,84	2,30	0,94	5,08	3,77	2,05	0,84	6,66
II. 1. Рыночный спрос (сортовое железо) .	3,45	1,88	4,22	9,55	6,25	2,95	6,13	15,33
2. Фабр.-зав. спрос:								
а) Листов. железо .	1,53	0,24	0,98	2,75	1,97	0,31	1,28	3,56
б) Проволока . . .	1,42	0,89	1,06	3,37	2,14	1,58	1,50	5,22
Итого фабр.-зав. спроса	2,95	1,13	2,04	6,12	4,11	1,89	2,78	8,78
3. Строит. спрос:								
а) Кровельн. железо	0,91	3,12	0,55	4,58	1,09	4,93	0,71	6,73
б) Швеллера . . .	0,02	0,04	0,09	0,15	—	—	—	—
Итого строит. спроса .	0,93	3,16	0,64	4,73	1,09	4,93	0,71	6,73
Кроме того:								
Трубы тянутые и катанные	1,26	0,05	0,38	1,69	2,14	0,11	0,75	3,00
Сталь поделочная [2]	—	0,20	0,20	0,40	0,29	0,62	0,70	1,60
Всего	10,43	8,72	8,42	27,57	17,65	12,55	11,91	42,10

[1] Р. П., 1923, стр. 183, «Н. Х.», 1923, стр. 264, Р. П., 1924, стр. 189.
[2] Для 1923—1924 г. — «все остальные продукты».

Приведенные данные доказывают, что сортовое и листовое железо изготовляется, главным образом, на Юге и в Центре; проволока производится во всех трех районах; кровельное железо—главным образом, на Урале, дающем, к тому же, и наиболее высококачественный продукт этого рода; рельсы производятся на Урале и Юге; трубы—почти исключительно на Юге: они идут, главным образом, на удовлетворение нужд нефтяной промышленности.

Сопоставление процентной доли производства отдельных групп прокатных изделий дает поразительное сходство между 1913 г., 1922—1923 г. и 1923—1924 г., как видно из следующей таблицы:[1]

	1913 г.	1922—23 г.	1923—24 г.
I. Жел.-дор. спрос (рельсы и бандажи) .	17,8[2]	18,1	15,8
II. 1. Рыночный спрос (сортовое железо) .	34,7	34,3	36,4
2. Фабр.-зав. спрос (лист. железо и проволока)	18,6	22,2	20,9
3. Строит. спрос (кров. железо, балки и швеллера)	17,2	17,2	16,0
III. Остальные продукты	11,7[3]	8,2	10,9
Итого	100,0	100,0	100,0

Рост прокатного дела нашел свое выражение в наблюдаемом за последние годы увеличении числа действующих прокатных станов. Сведения о числе последних приведены в следующей таблице (данных за 1913 г. не имеется):[4]

	Юг.	Урал.	Центр.	Итого.
1 января 1921 г.	9	25	11	45
1 » 1922 »	25	19	14	58
1 » 1923 »	25	39	35	99

[1] Для цифр 1913 г. см. выше таблицу, стр. 267. Сходный расчет см. у Жданова, в «В. М.», № 7—9 за 1924 г., стр. 145, и в Т.-Э. В., № 8—9 за 1924 г., стр. 528.

[2] Без осей.

[3] Включая оси.

[4] «В. М.», № 4—8 за 1923 г., стр. 101. В октябре 1923 г. число действующих прокатных станов дошло уже до 143, а в сентябре 1925 г.—до 210.

В 1922—1923 г. прокатка производилась на Юге на 12 заводах, на Урале—на 26 заводах (не считая небольшого количества на арендованных), а в Центре—на 11 заводах. Таким образом, прокатка была рассеяна по большому числу предприятий: больше 1 милл. пуд. готовых изделий дали лишь 5 заводов на Юге (Александровский, Юзовский, Никополь-Мариупольский, Петровский и Луганский), 1 завод на Урале (Надеждинский) и 4 завода в Центре (Царицынский, Выксунские, Сормовский и б. Гужон). Остальные заводы дали лишь по небольшому, иногда даже по ничтожному количеству прокатных изделий.[1]

1а.

При изучении рыночных условий железоделательной промышленности за время войны и революции приходится выйти из тесных рамок металлургического производства и включить в сферу наблюдения всю область металлической промышленности.

Сбыт металлов и металлических изделий на частный рынок во время войны все более суживался, а после национализации промышленности и товарообмена он и вовсе прекратился. Металлическая промышленность в то время находилась на госбюджете, ее изделия сдавались потребителям безденежно, а необходимые средства отпускались в бюджетном порядке. Так как эти средства, однако, отпускались в недостаточном количестве и несвоевременно, то оборотный капитал, вследствие израсходования запасов топлива, сырья и вспомогательных материалов, постепенно истощался, задолженность по заработной плате росла, а вместе с тем и основной капитал, вследствие неотчисления на амортизацию, постепенно приходил в упадок.

С мая 1922 г. промышленность переводится на хозяйственный расчет, и сметное ее финансирование формально прекращается. Вместе с тем вновь появляется рынок как государственный, так и частный. В это время положение металлопромышленности было в высшей степени тягостное, да и рыночные условия сложились для нее на первых порах весьма неблагоприятно. Что касается государственного рынка, то в эту эпоху еще не было выработано программы государственных заказов, металлопромышленность работала, главным образом, на склад, и уже со складов изделия забирались ведомствами. Лишь с июля 1922 г. кредиты на оплату этих изделий стали вноситься в сметы ведомств (НКПС, Военвед), но и после этого, вплоть до октября — ноября 1922 г., изделия оплачивались нерегулярно и по убыточным ценам. К тому же, хозяйство плановых потребителей, особенно НКПС,

[1] В. И. Жданов, в. «В. М.», стр. 141—145, Т.-Э. В., стр. 527—8.

еще только начинало развертываться и в значительной мере питалось собственными запасами.

Частный рынок в сравнении с государственным обладал тем преимуществом, что не задерживал расплаты и давал более высокие цены. Однако, он страдал тем недостатком, что был весьма незначителен. Крестьянское хозяйство еще не успело оправиться от неурожаев 1920 и 1921 гг., городской рынок также еще не успел развернуться, а промышленный рынок ограничивался преимущественно легкою индустрией, работавшей на «широкого» потребителя, страдавшего слабою платежеспособностью. Поэтому и на частном рынке заводы, вследствие своего тягостного положения, были вынуждены продавать свои изделия по ценам убыточным. Впрочем, постепенно цены стали обнаруживать повышательную тенденцию, что отчасти обусловливалось ослаблением конкуренции вследствие объединения продажи путем образования синдикатов.

В виду изложенных условий расходы металлопромышленности за 1921—1922 г., несмотря на государственную долгосрочную ссуду (в 8,6 милл. золотых индексных рублей), могли быть покрыты лишь за счет старых запасов сырья, топлива, вспомогательных материалов и готовых изделий: общая убыль ценности всех этих предметов, вместе взятых, в металлической промышленности за этот год определяется в сумму около 40 милл. руб.

В конце 1922 г. в рыночных условиях металлопромышленности начали обнаруживаться признаки улучшения. Государственные финансы стали поправляться, почему с октября 1922 г. финансирование металлопромышленности приобретает бóльшую определенность и реальность в форме программы государственных заказов, определяемой интересами не только потребления, но и производства: государство, в крупных для его бюджета размерах, берет на себя обеспечение металлопромышленности заказами, имея в виду при этом оказать поддержку наиболее важным предприятиям. НКПС и Военвед в декабре 1922 г. заключают генеральные договоры, вливая, таким образом, предъявляемый ими спрос в определенные формы. При этом устанавливаются цены, соответствующие довоенным, с учетом себестоимости производства, т.-е. с коэффициентом вздорожания в 1,5—1,7. Вместе с тем и крестьянство к этому времени, после хорошего урожая, начинает оправляться, в то время как запасы металлов в стране все более приходят к концу и на рынке начинает ощущаться их недостаток.

Границею перелома был февраль 1923 г., когда цены достигли довоенных размеров и даже превысили их. В дальнейшем эта тенденция продолжала усиливаться и к началу строительного сезона достигла своей высшей точки. Усиленный ремонт железнодорожного состава повысил спрос со стороны государства; хоро-

шие виды на урожай содействовали повышению спроса со стороны сельского населения; в городах усилились ремонтно-строительные работы, увеличивая спрос на строительные материалы (кровельное железо, гвозди, трубы, арматуру и т. д.). Если в первой половине 1922—1923 г. рыночные цены стояли ниже цен конвенции и синдикатов, то во второй половине они, под влиянием указанных обстоятельств, начинают значительно опережать установленную конвенцией расценку, почему и конвенция в июле 1923 г. была вынуждена поднять цены до уровня «восстановительных». Наступил период знаменитых «ножниц». Вместе с тем обостряется и тот чугунный голод, о котором речь уже была выше.

Однако, это благополучие продолжалось недолго. Рост цен не соответствовал уменьшившейся покупательной способности страны, и со второй половины сентября спрос стал стремительно падать: раздвинувшиеся-было ножницы вновь стали смыкаться. Вместе с тем в металлической промышленности вновь наступает депрессия. Угнетенное состояние рынка усиливалось тем, что НКПС замедлил оформление генерального договора на 1923—1924 г. и забил тревогу о сокращении своих потребностей.[1] В конце 1922—1923 г. тов. Дзержинский на чрезвычайном заседании президиума Госплана заявил, что НКПС настолько обеспечен паровозным и вагонным парком, что на ближайшее десятилетие дальнейшее паровозостроение не является необходимым, почему он советовал приспособить паровозо- и вагоностроительные заводы к выработке других изделий, например, с.-хоз. орудий и иных предметов массового назначения. Между тем в спросе и на эти предметы наступила заминка.[2]

Спрашивается: как отразились изложенные рыночные условия на производстве и на реализации продуктов?

В таблице на стр. 303 представлены сведения об условно-чистой продукции основной и местной металлопромышленности и об ее реализации за 1922—1923 г. (в милл. довоенных рублей).[3]

Часть произведенного проката переработана на других заводах металлопромышленности и не поступила на рынок; поэтому рыночная часть производства была несколько ниже 154,9 м. р.

---

[1] П. Р., 1922, стр. 131—132, П. Р., 1923, стр. 197—198, «Н. Х.», 1923, стр. 273 и сл.

[2] Р. П., 1923, стр. 192. После этого обстоятельства настолько изменились (см. ниже), что уже при обсуждении плана на 1924 — 1925 г. тов. Дзержинский находил сохранение нашего паровозостроения необходимым, а переход паровозостроительных заводов на производство других изделий недопустимым (Р. П., 1924, стр. 195. См. также Дзержинский, стр. 11).

[3] Р. П., 1923, стр. 193, и «Н. Х.», 1923, стр. 272 и 275—6. Нельзя не пожалеть о несогласованности в номенклатуре предметов продукции и реализации в названных изданиях, которая лишает уверенности, что те и другие данные между собою сравнимы.

Продукция металлопромышленности.	Условно-чистая продукция металлопром-сти.				Реализация всей металлопромышленности.	
	Основной.	Местной.	Всей.	В %	В милл. довоенн. рублей.	В %
	В милл. довоенн. рублей.					
Черные металлы	60,6	1,0	61,6	39	46,9[1]	38
Транспорт жел.-дор., водный и прочий . . .	25,6	1,3	26,9	18	26,0	21
Предметы широкого потребления (предметы хоз. обихода, инструменты, проволока, гвозди и т. д.) . . .	13,2	5,7	18,9	12	18,0	15
С.-хоз. машины и орудия	2,8	14,4	17,2	11	8,5	7
Цветные металлы и изделия из них	15,1	0,6	15,7	10	12,5	10
Машины, конструкции, двигатели, части машин, арматура . . .	11,9	1,7	13,6	9	10,9	9
Точная механика	1,0	—	1,0	1	—	—
Итого	130,2	24,7	154,9	100	122,8	100

и составляла 147 м. р. Из этой суммы, как видно из таблицы, было реализовано продуктов на 123 м. р., из которых на основную металлопромышленность приходилось 106 м. р., а на местную — 17 м. р.[2]

Таким образом запасы непроданных изделий на складах увеличились на 24 м. р., при чем это увеличение приходилось, главным образом, на долю основной промышленности.

Основная металлопромышленность по всем статьям превосходила местную, за исключением производства сельскохозяйственных машин и орудий, которое для заводов основной промышлен-

[1] В том числе 4,8 м. п. чугуна на 3,3 м. р., проката на 34,6 м. р., и тянутой проволоки и белой жести на 5 м. р.

[2] «Н. Х.», 1923, стр. 276. В Р. П., 1923 г., стр. 206, реализация по основной металлопромышленности по предварительным данным определяется в 104,3 м. р. с следующим подразделением на приведенные в таблице статьи: 1) 42,3; 2) 25,0; 3) 17,0; 4) 1,6; 5) 10,4; 6) и 7) 8,0 м. р.

ности являлось производством подсобным; немаловажную роль местная промышленность играла также и в производстве предметов широкого потребления.

К внутреннему производству металлопромышленности следует прибавить ввоз. В 1918—1920 гг., вследствие блокады, ввоза металлов и металлических изделий у нас совершенно не было. После этого ввоз начинает быстро расти, и в 1922—1923 гг. к нам было ввезено на 48,6 милл. довоенных рублей, что составляет 39,6% по отношению к сумме реализации внутреннего производства. Главными статьями ввоза являлись паровозы и вагоны, с одной стороны, продукты машиностроения—с другой. Черные металлы играли лишь ничтожную роль (114 т. п. на 297 т. р.). Ввозу следует противопоставить вывоз, составивший за 1922—1923 г. 4,6 м. п. на 4,2 м. р., при чем он почти исключительно состоял из лома.[1]

Финансовое положение металлопромышленности и в 1922—1923 г. было неудовлетворительно. Целый ряд обстоятельств приводил к убыточности производства. Сюда относятся слабая нагрузка предприятий (несмотря на производившуюся концентрацию), устаревшее и износившееся оборудование, уменьшение относительного числа квалифицированных рабочих, крупные расходы на консервацию, дороговизна топлива, невозможность сбыть всю продукцию и т. д.[2] Впрочем, наступивший осенью 1923 г. рост цен несколько улучшил положение.

В виду этого и в 1922—1923 г. металлическая промышленность не могла обойтись без дотаций: последние были получены ею в размере 37,0 милл. тов. рублей. Несмотря, однако, на эти дотации, 1922—1923 год закончился с убытком в 19,3 м. р.[3]

Кризис сбыта конца 1922—1923 г., коснувшийся не только металлургической промышленности, побудил правительство принять энергичные меры, направленные на понижение цен. Насколько эти меры были успешны, видно из того, что за время от 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. на Московской товарной бирже цена сортового железа упала на 28%, цена кровельного железа—на 26%, гвоздей—на 35%, катанной проволоки—даже на 45%.[4] Так как, однако, это понижение лишь в слабой

---

[1] Р. П., 1923, стр. 207 — 209, стр. 276 — 277. В Р. П., 1924, стр. 214, ввоз 1922 — 1923 г. определяется в 44,5 милл. дов. руб.

[2] Финансовые затруднения металлопромышленности принимали иногда характер острого кризиса, как это было, например, в первую половину 1922—1923 г. с Югосталью; лишь в середине лета 1923 г. этот кризис стал проходить, что дало Югостали возможность повысить свое производство. Р. П., 1923, стр. 178.

[3] «Металлопромышленность в 1924—1925 г.», стр. 285, Ср. «Н. Х.», 1923, стр. 277.

[4] В. И. Шарый, в «Э. О.», № 23—24 за 1924 г., стр. 61. См. также «Металлопромышленность в 1924—1925 г.», стр. 10 и 69 и сл.

степени доходило до первичного потребителя, то были приняты и дальнейшие меры по кредитованию кооперации и развитию сети государственных торговых организаций.

Понижение цен в металлической промышленности было достигнуто в 1923—1924 г. различными путями, среди которых следует назвать повышение нагрузки предприятий и уменьшение накладных расходов, экономию в стоимости рабочей силы вследствие повышения выпуска на одного рабочего, понижение расхода топлива вследствие улучшения технических коэффициентов, понижение цен сырья, топлива и вспомогательных материалов. Все это, вместе взятое, дало за 1923—1924 г. экономию, примерно, в 55—60 м. р.[1]

Понижение цен привело к тому, что «ножницы» постепенно стали все более и более смыкаться: на 1 декабря 1923 г. уровень цен на сельскохозяйственные продукты, с одной стороны, и промышленные изделия, с другой, составлял 71 и 125; к 1 февраля 1924 г. он дошел уже до 89 и 110.[2] В связи с этим кризис конца 1922—1923 г. в 1923—1924 г. постепенно сменяется промышленным оживлением: с февраля—марта 1924 г. конъюнктура на металлическом рынке постепенно улучшается — растет спрос на предметы широкого потребления — гвозди, домашнюю утварь, посуду, шинное и обручное железо.[3] Значительное улучшение наблюдается и в области сельскохозяйственных машин и орудий: производство последних, вследствие заминки в сбыте, за первые месяцы 1923 — 1924 г. начало было сокращаться, и заводы стали свертывать работу, а некоторые из них были даже переведены на консервацию: с третьего квартала 1923 — 1924 г. спрос на сельскохозяйственные машины и орудия, вследствие понижения цен и установления льготного кредитования, стал снова возрастать, и производство их стало увеличиваться.[4] Вместе с тем наблюдался также и рост производства разных сортов проката для промышленного потребления и для ремонта и строительства в коммунальном хозяйстве, а равно и рост производства паровозов, вагонов и рельсов — по заказам НКПС, и труб — для нужд растущей нефтяной промышленности.[5]

---

[1] Б. Добровольский, в «Экономической Жизни», № 317, за 1924 г. Как справедливо в этом же номере, в статье «Курс и покупательная сила рубля», указывает проф. Л. Н. Юровский, рассматриваемое в тексте понижение цен, хотя оно и проводилось в порядке управления промышленностью, не было «искусственным», но соответствовало внутренним процессам развития нашей промышленности, дальнейшее осуществление которых необходимо и в будущем.

[2] С. Первушин, «Народное хозяйство к 1 января 1924 г.», в «Э.О.», № 4 за 1924 г., стр. 5 и сл.

[3] С. Первушин, «Торговая конъюнктура во втором квартале 1923—1924 г.», в «Э. О.», № 6 за 1924 г., стр. 36.

[4] Н. Бурмистров, в «Э. О.», № 17—18 за 1924 г., стр. 66.

[5] Н. Бурмистров, там же, стр. 65.

С этого времени в металлопромышленности наблюдается неуклонный подъем, превышающий все самые оптимистические ожидания и тесно связанный с общим подъемом народного хозяйства СССР, в частности с денежною реформою и с укреплением крестьянского хозяйства.

Вследствие описанного развития уже 1923—1924 год дал весьма благоприятные результаты. Еще быстрее пошло развитие в 1924—1925 г., когда наступил прямо-таки бурный рост производства. Цифровые данные по этому вопросу представлены в следующей таблице, заключающей в себе сведения о продукции крупной металлопромышленности, включенной в программу Главметалла (в милл. довоенных рублей).[1]

Металлопромышленность.	1913 (по работающим ныне заводам).	1922—1923 г.	1923—1924 г.	Программа на 1924—1925 г.	
				I вариант.	II вариант.
1. Металлургия черных металлов	233,6	45,5	77,3	115,6	109,7
2. Металлургия цветных металлов . . .	39,2	18,3	24,9	41,8	32,8
3. Общее машиностроение	173,1	47,3	65,2	98,5	82,1
4. Судостроение	25,4	3,3	6,2	6,9	6,4
5. Сельмашстроение . .	30,1	11,0	15,2	31,6	31,6
6. Метиз	26,7	5,9	9,4	11,7	10,5
Итого . .	528,1	131,2	198,2	306,1	273,1

[1] «Металлопромышленность в 1924—1925 г.», стр. 15—16. «Н. Х.», 1924, стр. 336—338. К сожалению, статистика продукции и реализации нашей металлопромышленности отличается крупными недостатками, страдая неясностью, противоречивостью и несогласованностью. Причины этого явления разнообразны. Главною из них является то обстоятельство, что не только у отдельных авторов, но и в официальных изданиях в большинстве случаев не указывается, какой в каждом данном случае имеется в виду охват промышленности или способ оценки ее продукции. Между тем у нас следует различать: до 1922—1923 г. — промышленность «основную» и «местную», а с 1923—1924 г. — промышленность «общесоюзную», «республиканскую» (подведомственную отдельным союзным республикам) и «местную» (в отдельных республиках). (См. выше статью проф. А. В. Венедиктова, стр. 102.) Особо стоят, кроме того, промышленность ремесленная и кустарная, с одной стороны, и военная — с другой. Кроме того, следует различать разные виды оценки продукции — валовую, условно-валовую и т. д. Отсутствие указаний в каждом отдельном случае по всем отмеченным вопросам вносит неимоверную разноголосицу в приводимые в литературе данные и лишает читателя

В приведенной таблице продукция отдельных трестов распределена по основной специальности последних. Между тем почти все тресты выпускают продукты и по другим специальностям. Если мы распределим производство трестов по отдельным специальностям, то получим следующие данные о продукции (в милл. довоенных рублей).[1]

Металлопромышленность.	1912 (по всем заводам).	1923—1924.	1924—1925 (II вариант).
1. Металлургия черных металлов	425,0	69,1	100,8
2. Металлургия цветных металлов	113,5	20,5	24,4
3. Общее машиностроение .	199,0	55,1	67,3
4. Судостроение	27,7	6,3	7,3
5. Сельмашстроение	60,5	15,7	32,4
6. Метиз	81,8	31,5	40,9
Итого	907,5	198,2	273,1

Присоединив продукцию местной промышленности (20 милл. руб.) и мирную продукцию военной промышленности (6 милл. руб.), мы для 1923 — 1924 г. получим общую продукцию, примерно, в 225 милл. довоенных рублей.[2] Ввоз металлов и металлических изделий составил за 1923 — 1924 г. 47,8 милл. довоенных рублей.[3]

Выраженная в червонных рублях продукция включенной в программу Главметалла металлопромышленности составляла в 1922 — 1923 г. 215,8 милл. и в 1923 — 1924 г. — 339,7 милл., а согласно программе на 1924 — 1925 г. — 469 милл. по I варианту

возможности разобраться в имеющихся перед ним цифрах. Было бы весьма важно, чтобы соответствующие статистические учреждения и органы специальной печати обратили на это обстоятельство должное внимание. Другою, хотя гораздо менее важною причиною разноречий является применение, в качестве единицы оценки, то довоенного, то червонного рубля.

В частности, следует указать на полную несогласованность данных о продукции металлопромышленности, приводимых в Р. П. 1924 (и притом как в первом текстовом томе, стр. 197 и след., так и во втором томе) с данными, приводимыми в Р. П. 1923, стр. 193 и след.

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Р. П. 1924, стр. 214.

и 418 (а после понижения цен, принятого СТО 7 января 1925 г. — 395 милл.) по II варианту.[1]

Рядом с приведенными цифрами продукции мы в нашей статистике находим и другие, совершенно с ними не согласующиеся. По этим цифрам валовая условная продукция нашей металлопромышленности составляла в довоенных рублях: в 1922 — 1923 г. — 201,5 милл., а в 1923 — 1924 г. — 274,7 милл. (без кабельного цеха Кольчугинского завода — 270,5 милл.).[2] За 11 месяцев 1924—1925 г. эта цифра, со включением названного только-что цеха, составляла 513,3 милл., а без него — 503,4 милл.

Ф. Э. Дзержинский в докладе, сделанном 19 ноября 1925 г. на VII Всесоюзном Съезде рабочих металлистов, определил продукцию металлопромышленности (в милл. рублей — очевидно, довоенных) следующим образом: 1923 — 1924 г. — 191; 1924 — 1925 г. — 384; программа на дальнейшие года: 1925 — 1926 г. — 653; 1926 — 1927 г. — 923; 1927 — 1928 г. — 1221.[3]

Реализация металлопромышленности определяется теперь за 1922 — 1923 г. в 173 милл. черв. рублей; за 1923 — 1924 г. она достигла 306,5 милл. черв. руб., при чем последняя цифра следующим образом распределяется по отдельным категориям: черная металлургия — 149,5, цветная металлургия — 23,1, машиностроение — 98,1, судостроение — 5,8, сельмашстроение — 15,1 и метиз — 14,9.[4]

На 1923 — 1924 г. металлопромышленность получила государственную дотацию в 34,2 милл. черв. руб.; однако, несмотря на это, она дала убыток в 6,4 милл. руб. Производство за этот год, как мы видели, сильно увеличилось. Так как, однако, в течение года пришлось значительно сократить утвержденную первоначально расходную смету, то это увеличение могло быть достигнуто лишь за счет имевшихся запасов, и это повлекло за собою дальнейшее сокращение последних, особенно на консервированных предприятиях. Продолжать такой образ действия в дальнейшем было бы, по мнению специалистов, большою неосторожностью; к тому же, повидимому, процесс опустошения запасов на консервированных предприятиях в дальнейшем уже и невозможен.[5]

---

[1] «Металлопромышленность в 1924—1925 г.», стр. 4, 8, 22, 28—29, 279; «Н. Х.», 1924, стр. 340.

[2] Р. П., 1924, т. II (таблицы), стр. 27 — 28. Цифра 270,5 милл. руб. распределялась следующим образом (в милл. довоенн. рублей): предприятия, подчиненные Цупрому ВСНХ СССР, — 150,7, предприятия, подчиненные Угпрому ВСНХ РСФСР, — 11,4, предприятия местных органов: РСФСР — 87,6, УССР — 20,1 и ССРБ — 0,8.

[3] «Экон. Жизнь» от 20 и 21 ноября 1925 г., №№ 265 и 266.

[4] «Металлопромышленность в 1924 — 1925 г.», стр. 25. «Н. Х.», 1924. стр. 343 — 344.

[5] «Экон. Жизнь», № 317 за 1924 г.

Государственная дотация на 1924 — 1925 г. была намечена первоначально в размере 42 милл. черв. руб., но затем была понижена до 36 м. р.;[1] на 1925 — 1926 г. дотация намечена Наркомфином в 94 милл. руб. В 1924 — 1925 г. металлическая промышленность дала прибыль в 26 милл. руб., а на 1925 — 1926 г. ожидается прибыль в 46 милл. руб.

Если мы, в заключение, попытаемся установить ценность производства металлической промышленности за время с 1920 по 1923 г., то для основной металлической промышленности получим следующие данные (в милл. довоенных рублей):[2]

	1920 г.	1921 г.	1922 г.	$19^{21}/_{22}$.	$19^{22}/_{23}$.
Валовая ценность производства .	76,5	81,7	127,8	119,4	202,7
Ценность черного полупродукта (чугуна, мартена, заготовки) . .	19,0	19,4	36,0	31,3	63,6
Условно-чистая ценность производства[3].	57,5	62,3	91,8	88,1	139,1

Приведенные цифры показывают неуклонный рост основной металлопромышленности за приведенное в таблице время. Принимая валовую ценность производства крупной металлопромышленности за 1913 г. в теперешних границах Союза за 850 м. р.,[4] мы получим, что производство 1922 — 1923 г. составило 23,8% производства 1913 г. В 1923 — 1924 и 1924 — 1925 гг. продукция подверглась значительному увеличению.

X.

Отмеченный только-что рост металлопромышленности был, конечно, вызван общим подъемом народного хозяйства. Но, вместе с тем, он был тесно связан с целым рядом направленных на поднятие промышленности мероприятий. Среди последних должны быть названы два: 1) концентрация производства в небольшом числе наиболее крупных и хорошо оборудованных предприятий, с оста-

[1] По черной металлургии дотация составила 21,5 милл. тов. руб. в 1922 — 1923 г., 16,1 милл. черв. руб. в 1923 — 1924 г. и была намечена в 10,5 милл. черв. руб. на 1924 — 1925 г.

[2] Р. П., 1923, стр. 196.

[3] Со включением полупродукта цветной металлургии, ценность которого составляла 8,5 м. р.

[4] «Н. и Г. Х.», стр. 235.

влением прочих заводов на консервации или с полной их ликвидацией или сдачей в аренду, и 2) улучшение условий труда.

Стремление концентрировать производство на небольшом числе предприятий является одною из основных особенностей нашей хозяйственной политики за последние годы. Особенно строго концентрация производства стала проводиться с начала 1923 г., когда работала специально организованная комиссия по пересмотру трестов, имевшая своею задачею жесткий отбор наиболее жизнеспособных предприятий в целях возможного увеличения нагрузки. В результате из общего числа 1110 заводов в национализированной металлической промышленности многие заводы были сданы в аренду, а некоторые были и вовсе ликвидированы. Остающиеся засим заводы (в числе 458 на 1 октября 1922 г., без местных заводов Украины и Киргизии) были сохранены в ведении ВСНХ, при чем они были разделены на две группы. Первую составили заводы общегосударственного значения (основная металлическая промышленность), подчиненные Главному Управлению Металлической Промышленности (ГУМП), а вторую — заводы местного значения, состоящие в ведении местных органов (ГСНХ). Более подробные сведения об этих двух группах заводов и числе состоящих на них рабочих приведены в следующей таблице:[1]

	На 1/X 1922 г.			На 1/X 1923 г.		
	Основная	Местная	Вся	Основная	Местная	Вся
	металлопромышленность.					
Общее число заводов . . .	227	231	458	212	207	419
Общее число рабочих на них (в тысячах)	186,0[2]	14,8	200,8	267,0[3]	16,9	283,9
Общее число служащих (в тысячах)	38,2	?	?	35,7	?	?
Число действующих заводов	166	?	?	137	162	299
Число рабочих на них (в тысячах)	134,5	?	?	182,5	16,6	199,1

[1] Р. П., 1923, стр. 167 — 169. Данные о числе заводов и рабочих, приводимые в Р. П. 1924, стр. 174—178, настолько не согласованы между собою и с данными Р. П. 1923, хотя они и принадлежат перу одного и того же автора, Н. Бурмистрова, что мы лишены возможности их здесь привести.

[2] В том числе заводских рабочих 142,4 тыс., внезаводских 43,6 тыс.

[3] В том числе заводских рабочих 189,9 тыс., внезаводских 77,1 тыс.

Мы видим, в сколь быстром темпе процесс концентрации у нас проводился, и притом как в основной, так и в местной промышленности. Тем не менее и после этого он не мог считаться проведенным в достаточной мере, как это и видно из приведенных выше (см. стр. 293, 296 и 300) данных о числе действовавших у нас заводов, занятых доменною плавкою, производством полупродукта и прокаткою. Поэтому вопрос о дальнейшей концентрации продолжал стоять на очереди дня как в 1923 — 1924 г., так и в 1924 — 1925 г.: только этим путем могла быть увеличена нагрузка действующих предприятий. Между тем недостаточная нагрузка являлась важнейшею причиною низкой производительности и убыточности производства, так как она влекла за собою перерасход топлива и понижение выпуска продукта на одного рабочего. Не следует, однако, скрывать от себя, что проведение концентрации нередко наталкивалось на большие препятствия. С одной стороны, закрытие заводов связано с увольнением рабочих; с другой стороны, концентрация встречается и с чисто техническими затруднениями, как это указано выше на примере южных заводов (см. стр. 284). На Урале проведению концентрации препятствовали также и описанные выше местные условия: работа на древесном топливе, применение водяной силы, невозможность перебрасывать имеющих свою оседлость рабочих с одного места на другое.[1]

Слабая нагрузка заводов приводила к повышению себестоимости, между прочим, вследствие относительного увеличения числа служащих. Тогда как в 1913 г. численность административно-технического персонала составляла 8—10 чел. на 100 рабочих, на 1 октября 1922 г. она составляла 20,5 чел., а на 1 октября 1923 г.—13,4 чел. (см. выше таблицу на стр. 310).

Происходивший за последнее время рост металлопромышленности повлек за собой повышение нагрузки заводов. С 27% в 1922 — 1923 г. последняя поднялась в 1923 — 1924 г. до 40%, а в программе на 1924 — 1925 г. была исчислена уже в 55%.[2] За последнее время, благодаря непредвиденно-быстрому росту производства, нагрузка, по свидетельству Ф. Э. Дзержинского, стала даже «огромною» (101% по всем работающим металлическим заводам и 98% в области черной металлургии).[3] Вместе

[1] Многочисленные указания на недостаточную концентрацию производства и вытекающую отсюда недостаточную нагрузку заводов приведены в книге «Южная металлургия по результатам обследования Югостали комиссией ЦКК и НКРКИ». Перечень металлургических заводов (по всем районам), остановленных в 1922—1923 г. и намеченных в конце этого года к передаче на консервацию и к ликвидации, приведен у В. И. Жданова, в Т.-Э. В., № 8—9 за 1924 г., стр. 524—526.

[2] «Металлопромышленность в 1924 — 1925 г.», стр. 18, «Н. Х.», 1924, стр. 347.

[3] «Экон. Жизнь» от 21 ноября 1925 г., № 266.

с тем вопрос о необходимости концентрации и о закрытии заводов сошел со сцены, и вместо него возник другой вопрос — о сооружении новых заводов: таковых намечено около двух десятков, на что на 1925 — 1926 г. испрашивается 25 милл. руб.[1]

О числе заводов и рабочих в металлопромышленности за время после 1922 — 1923 г., так же как и о продукции и реализации, у нас, к сожалению, имеются лишь данные, несравнимые с приведенными выше цифрами за предыдущие годы. Согласно этим данным в 1922 — 1923 г. числилось 418 действующих заводов и 261,6 тыс. рабочих, а для 1923 — 1924 г. эти цифры составляли 351 и 288,6 тыс. Последние две цифры распределялись следующим образом:[2]

	Число действующих заводов.	Число рабочих в тысячах.
Предприятия, подчиненные Цупрому ВСНХ СССР	93	153,7
Предприятия, подчиненные Упрому ВСНХ РСФСР	28	12,1
Предприятия местных органов ВСНХ РСФСР	182	109,0
Предприятия местных органов ВСНХ УССР	45	13,4
Предприятия местных органов ВСНХ БССР	3	0,4
Итого	351	288,6

Улучшение условий труда выразилось, главным образом, в постепенном повышении заработной платы и в установлении сдельной оплаты; кроме того стала прекращаться задолженность по заработной плате, и последняя стала уплачиваться

[1] «Экон. Жизнь» от 19 и 21 ноября 1925 г., №№ 264 и 266. Среди намеченных к постройке заводов значатся четыре железоделательных завода — Криворожский, Южно-Уральский, Кушвинский и Кузнецкий, с общею производительностью в 140 милл. пуд. чугуна в год.

[2] Р. П., 1924, т. II (таблицы), стр. 27 — 28. Эти данные не сходятся с данными о числе заводов и рабочих в Р. П. 1924, стр. 174 — 178, которые, в свою очередь, не согласованы как между собою, так и с приведенными выше данными Р. П. 1923, стр. 167 — 169. Совершенно другие цифры приводятся в «Металлопромышленности в 1924 — 1925 г.», стр. 18 и 20, и в «Н. Х.», 1924, стр. 333.

более своевременно.[1] В связи с этим стала восстанавливаться трудовая дисциплина, сократились прогулы и увеличилась производительность труда.

Сведения о том, как менялась месячная выработка одного рабочего на действующих металлических заводах (в довоенных рублях) и месячная заработная плата металлиста (в индексных рублях бюджетного индекса статистики труда, а с IV четверти 1922 г. — в товарных рублях) представлены в следующей таблице:[2]

	Месячная выработка.	Мес. зар. плата.
1913 г.	160,0—180,0	33,5
1920 г.	30,6	?
1921 г.	34,6	5,0 — 5,3
1922 г. I четверть	65,4	6,9
II четверть		7,8
III четверть		8,9
IV четверть	54,1	10,5
1923 г. I четверть	67,4	11,9
II четверть	73,4	12,1
III четверть	74,9	13,0
IV четверть	79,4	16,2
1924 г. I четверть	77,8	16,3
II четверть	81,0	16,7

При оценке приведенных данных следует принимать во внимание также и различные коммунальные и жилищные льготы, коими рабочие в настоящее время пользуются. При учете этих льгот можно полагать, что уже в III четверти 1923 г. заработная плата составляла около половины довоенной.[3]

[1] Однако, и в 1923 — 1924 г. задолженность по заработной плате продолжала наблюдаться. См. «Металлопромышленность в 1924 — 1925 г.», стр. 47 — 48 и 292 и след.

[2] Данные до I четверти 1922 г. включительно взяты из Н. и Г. Х., стр. 258 и 260; данные со II четверти 1922 г. взяты у Н. Бурмистрова, «Э.О.», № 17—18 за 1924 г., стр. 60, при чем последние данные, к сожалению, не согласованы с данными, приводимыми тем же автором в Р. П., 1923, стр. 173, и в «Н. Х.», стр. 259, и не совпадают с ними.

[3] Денежная часть заработной платы, составлявшая к 1 января 1922 г. всего только 10 — 15%, в конце 1922 г. повысилась уже до 60 — 80%.

Таблица показывает также, что если в 1922 — 1923 г. рост производительности труда обгонял рост заработной платы, в 1923 — 1924 г. рост заработной платы совершался быстрее роста производительности труда.[1]

По вопросу о заработной плате и производительности труда металлиста мы можем представить еще следующую табличку, заключающую в себе данные о месячной выработке одного заводского рабочего в довоенных рублях и о средней месячной заработной плате в московских условных рублях:

	Месячная выработка.[2]	Месячн. зараб. плата.	
		По Р.П., 1924, т. II (таблицы), стр. 122.	По «Н.Х.», 1924, стр. XXXV.
1922 — 1923 г.	65,8	16,2	17,6
1923 — 1924 г.	84,2	23,1	22,6

XI.

Выше были приведены данные полномочной комиссии СТО, свидетельствующие о том, что оборудование железоделательных заводов Юга в значительной своей части изношено, а отчасти подверглось полному разрушению. К этому следует прибавить, что, поскольку оно и не изношено, оно признается сильно устаревшим. Несмотря на сравнительно высокую технику южных заводов, устарелость оборудования и необходимость его обновления начинала сказываться на них уже и в довоенное время. Последние годы до войны были в этом отношении временем довольно энергичной деятельности. Период с 1910 по 1913 г. характеризуется постройкой новых, более совершенных по своему устройству и оборудованию доменных печей, переустройством старых и переходом к использованию колошникового газа непосредственно в газомоторах, при чем новые домны строятся с механическою подачею материалов и автоматическою загрузкою их в печь. И в прокатном деле время с 1907 г. до войны характеризуется развитием применения электромоторов в качестве двигателей как

[1] Противоположный взгляд относительно 1922 — 1923 г. высказывает В. И. Жданов в «В. М.», стр. 160, и Т.-Э. В., стр. 535.

[2] «Металлопромышленность в 1924 — 1925 г.», стр. 19; «Н. Х.», 1924, стр. 345.

при прокатных станах, так и для подачи и уборки металла и для вспомогательных механизмов при станах. Да и вообще электрификация, начиная с 1910 и по 1916 г., делает на заводах Юга большие успехи: старые станции заменяются новыми, на станциях устанавливаются новые двигатели, вводится оборудование более высокого напряжения, строятся высоковольтные многоверстные передачи, станции все более становятся силовыми при относительном падении расхода на освещение.[1]

Война прервала этот процесс обновления, а, кроме того, техника с тех пор значительно подвинулась вперед, почему оборудование южных заводов становилось все более устаревшим в сравнении с современными иностранными заводами. Поэтому, например, по мнению А. Свицына, «невозможно затратить рационально средства на переустройство старых заводов», и «есть только один путь — постройка новых металлических заводов, оборудованных по последнему слову техники».[2]

Что же касается уральских железоделательных заводов, то подробные данные о их оборудовании имеются в «Уральском Статистическом Ежегоднике на 1923 г.» (Екатеринбург, стр. 264—273). Хотя здесь и не дано общих выводов из приведенных в отношении отдельных заводов сведений, но общее впечатление получается такое, что значительная часть оборудования (вероятно, около половины) должна считаться устаревшей или изношенной.

В частности относительно силового оборудования наших металлургических заводов инж. М. А. Ломов высказывает взгляд, что оно «безнадежно устарело почти все», и что оно должно быть заменено новым, почему «при сроке в 10 лет в среднем ежегодному обновлению подлежит 40 000 лош. сил».[3] Если взять всю металлическую промышленность, то имеется расчет, согласно которому основной капитал ее сократился к 1922 г., по сравнению с довоенным временем, в два раза, а оборотный даже во много раз.[4]

Таким образом уже и до современного промышленного подъема намечалась необходимость обновления нашей железоделательной промышленности путем постройки новых заводов. В настоящее время вопрос о постройке новых заводов уже принял, как мы видели, конкретное направление. Однако, впредь до осуществления этой задачи нужно пользоваться старыми заводами, и все усилия теперь направлены на наиболее рациональное их использование, пока не будет выполнена задача обновления, по существу своему длительная.

---

[1] «Металлические заводы юга России», стр. 39, 101 и 212 — 213.
[2] Цит. у Б. Шарого, «Э. О.», № 23 — 24 за 1924 г., стр. 65.
[3] Инж. М. А. Ломов. «Одна из новых отраслей нашего машиностроения», в «В. М.», № 4 — 6 за 1924 г., стр. 73.
[4] «Н. и Г. Х.», стр. 220.

XII.

Установить разделение сбыта нашей металлопромышленности по отдельным категориям заказчиков или потребителей представляется, по состоянию имеющихся у нас материалов, весьма трудным, почему в нашей литературе господствует большая несогласованность в отношении как разделения потребителей на группы, так и отводимой каждой из этих групп доли потребления. В качестве иллюстрации я приведу следующую таблицу, заключающую в себе данные о значении отдельных категорий заказчиков за 1922—1923 и 1923—1924 гг. по двум разным источникам:[1]

	1922 — 1923 г.		1923 — 1924 г.	
	Р. П. 1923, 203.	«Э. О.», № 23—24 за 1924 г., 61—62.		
	1	2 [2]	3 [2]	4 [3]
НКПС.	70 [4]	40,0 [6]	29,0 [6]	30,3
Госучреждения.				17,7
Промышленность	15 [5]	36,7	35,7	23,0
Комхоз		2,3	3,0	?
Широкий рынок	15	21,0	32,3	29,0
Итого . .	100	100,0	100,0	100,0

И за довоенное время трудно привести соответствующие данные. Несомненно, однако, что хотя до войны и происходил процесс быстрого расширения промышленного, строительного и «народного» спроса за счет казенного (в частности железнодорожного), последний, тем не менее, и после этого продолжал

[1] Сравнение 1923—1924 г. с программой на 1924—1925 г., см. «Металлопромышленность в 1924—1925 г.», стр. 23 и след.

[2] По данным «Бюллетеня конвенции синдикатов металлической промышленности».

[3] По данным В. Добровольского.

[4] НКПС, Военное и Морское ведомства.

[5] «Промышленные предприятия и, в частности, нефтяная промышленность, сельмашстроение и пр., коммунальное хозяйство и другие государственные потребители».

[6] НКПС и другие ведомства.

сохранять большое значение.[1] Это должно быть признано правильным и для настоящего времени, при чем теперь к казенному спросу должен быть отнесен и спрос промышленный в своей главной части.

В настоящее время восстановление и расширение металлической и, в частности, металлургической промышленности выставлено ударной задачей нашей хозяйственной политики. В самом деле: основной капитал нашего сельского хозяйства и нашей промышленности сильно изношен и обветшал, и мы теперь вступаем в новый фазис нашего хозяйственного развития, когда его возобновление, не ограничивающееся одним ремонтом, но связанное с широкою постановкою нового строительства, становится самою очередною задачею. Такое строительство без развития металлургии невозможно. Между тем до настоящего времени металлическая промышленность в своем развитии отставала от остальных отраслей промышленности (не говоря уже о сельском хозяйстве): тогда как вся промышленность за 1923 — 1924 г. достигла уже свыше 60% довоенного производства,[2] металлопромышленность достигла, вероятно, лишь 30%, при чем особенно отсталою является железоделательная промышленность: производство чугуна в 1923 — 1924 г. достигло только 15,7% довоенного, производство мартена — 23,4%, производство проката — 19,6%; добыча руды подвигалась еще медленнее, составив в 1923 — 1924 г. лишь 9,9% довоенного. При таких условиях все усилия должны были быть направлены на то, чтобы поднять металлургическую промышленность на должную высоту.

При осуществлении этой задачи внимание необходимо было обратить как на сельский и городской рынок, так и на государственные заказы (главным образом, транспорт и государственную промышленность). В отношении сельского рынка многое было сделано в связи с произведенным за последние годы понижением цен, с предпринятыми организационными мерами в области приближения металлических изделий (сельскохозяйственных машин и орудий, гвоздей, кровельного железа и т. д.) к деревенскому «первичному» потребителю, а равно и с мерами поощрения мелкой промышленности, как городской, так и сельской. Не следует забывать и о городском потребителе. Но особенно

---

[1] По приблизительному расчету, накануне войны 60% металлических изделий приходилось на технические, транспортные и непосредственно промышленные нужды (в том числе 30% — на транспорт, 6% — на государственные, в частности военные, заказы, 13% — на коммунальное хозяйство и 11% — на промышленные заказы и строительство), 20% — на сельское население, ремесленников и кустарей и 20% — на городское население (Н. и Г. Х., стр. 218).

[2] Дзержинский, стр. 54.

важное значение имеет спрос государственный — для удовлетворения, главным образом, транспортных и промышленных нужд. И транспорт, и промышленность, в интересах дальнейшего развития нашей хозяйственной жизни, нуждаются не только в восстановлении, но и в значительном расширении. Увеличение их спроса зависит прежде всего от состояния государственного бюджета, оздоровление которого является одним из важнейших явлений последних лет.

Недостаточно, однако, чтобы возрастал спрос, — необходимо также, чтобы за возрастающим спросом своевременно следовало производство, и за последнее время центр тяжести перешел именно на эту сторону проблемы. Мы вступили в 1925—1926 год при наличии острого металлического голода. Спрос перерос производство, и дальнейшее расширение последнего становится задачею дня. Поэтому программа на 1925—1926 г. значительно повышена по сравнению с предшествующим годом.

Успешное выполнение этой программы зависит от целого ряда обстоятельств. Оно требует бесперебойного снабжения топливом и рудою, переоборудования заводов и своевременного ввоза необходимых для этого продуктов, выполнения широкого жилищного строительства для рабочих, быстрого увеличения контингента квалифицированных рабочих. Осуществление этих требований возродит нашу металлургическую промышленность и вернет ей в нашем народном хозяйстве то место, которое ей должно принадлежать.

А. Д. БРЕЙТЕРМАН.

МЕДНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Особенностью мировой медеплавильной промышленности, резко отличающей ее от железоделательной промышленности, является несоответствие географии потребления и географии производства меди. Главнейшие промышленные страны, будучи крупнейшими потребителями железа, в то же время обладают огромными запасами железных руд, являющихся одной из главных баз промышленной мощи этих стран. Между тем сколько-нибудь значительными запасами медных руд не обладает ни одна из зап.-европейских промышленных стран. Только одни щедро одаренные всеми минеральными ресурсами С.-А. Соед. Штаты, являющиеся крупнейшим в мире потребителем меди, обладают также огромными, хотя в части своей уже сильно истощенными, месторождениями медных руд. А между тем со второй половины 90-х гг. прошлого века обнаружился сильный и все возрастающий спрос на медь как раз со стороны наиболее промышленных и в то же время бедных собственной медью стран. Об этом дает некоторое представление хотя бы следующая таблица, содержащая в себе данные о росте потребления меди за последние 20 лет перед войной.

	(В тыс. метрич. тонн):[1]		
	1892 г.	1912 г.	Увеличение в %%
Мировое потребление	325,8	1040,2	219
В том числе:			
Германия	50,7	232,7	359
Соед. Королевство	77,4	144,7	87
Прочие европейск. гос-ва .	68,2	247,6	263
С.-А. Соед. Штаты.	119,6	371,8	211

[1] «Die wirtschaftlichen Kräfte Deutschlands». Herausgegeben von der Dresdner Bank. Berlin. 2. Ausgabe. 1914. S. 21.

Как видим, на долю европейских государств приходилось перед войной 625 тыс. тонн, т.-е. около $^6/_{10}$ всего мирового потребления меди. Между тем выплавка меди в Европе из собственной руды составляла немногим более $^1/_{10}$ мирового потребления меди.

Западно-европейская выплавка меди в общем находилась перед войной и находится сейчас в стационарном состоянии. В особенности ничтожна выплавка меди из собственной руды в Англии, где эта выплавка в последние годы перед войной составляла всего 300—400 тонн (т.-е. 18—25 тыс. пудов!) в год, при чем медь получалась в виде побочного продукта при выплавке олова. Почти вся английская выплавка готовой меди, составлявшая перед войной около 70 тысяч тонн в год, базировалась на иностранном сырье и полупродукте. Точно также слабы и внутренние медные ресурсы Германии, хотя они и гораздо обширнее английских. Несмотря на основательные геологические обследования, в Германии не удалось открыть новых запасов медных руд, и добыча их производится из старинных и сильно истощенных месторождений.

Единственным европейским государством, медная промышленность которого обнаруживала перед войной способность к быстрому развитию на собственных рудах, благодаря наличию значительных запасов медных руд в нескольких районах страны, являлась Россия.

Война и последовавшие за нею события еще более ослабили значение Европы в мировой выплавке меди и еще более усилили роль внеевропейских государств, и в особенности роль Африки и Южной Америки (см. табл. на след. стр.).

Как видно из приводимой таблицы, в течение рассматриваемого периода европейские производители меди сильно сократили свою выплавку. В то же время, в качестве крупных производителей меди, на ряду с С.-А. Соед. Штатами, выдвинулись Африка и Южная Америка (в особенности Чили). В 1924 г. эти два района выплавили 294,5 тыс. тонн меди, что составило 21,5% мировой выплавки.

Так как последнее обстоятельство оказало весьма крупное влияние на мировой медный рынок и, в особенности, на медные цены, то на нем необходимо несколько остановиться.

Если оглянуться на предшествующее развитие мировой медеплавильной промышленности, хотя бы с середины XIX века, то мы увидим, что это развитие происходит не спокойным и более или менее равномерно колеблющимся темпом, а с резкими и в некоторые периоды даже бурными колебаниями. Последние вызывались многими причинами и, главным образом, особенностями медных месторождений, которые в разное время и в разных местах дают медные руды с чрезвычайно резкими

Мировая выплавка меди (в тысячах метрич. тонн): [1]

	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924
Африка	25,4	24,0	27,3	34,6	45,1	31,1	31,4	30,6	38,6	52,8	72,9	104,1
Австралазия	47,3	37,6	32,5	35,0	38,1	33,8	16,4	26,6	18,9	12,5	18,1	14,3
Боливия	3,7	2,7	3,0	4,0	4,0	4,0	7,0	9,9	9,7	9,2	10,7	7,4
Канада	34,6	34,0	47,2	48,0	50,6	52,7	36,1	35,5	20,5	23,0	36,5	46,3
Чили	40,2	40,9	52,1	71,4	102,5	106,9	79,6	99,0	59,2	129,6	182,4	190,4
Куба	3,5	6,3	8,8	7,8	10,3	12,3	10,0	6,8	7,8	10,7	10,9	11,6
Германия	25,3	30,5	25,5	24,8	28,6	15,1	15,8	17,3	19,0	17,0	17,0	19,5
Япония	73,2	68,1	75,4	81,3	111,3	95,8	81,9	66,0	54,1	54,1	63,8	62,9
Мексика	52,8	36,3	31,0	55,1	47,5	75,5	60,5	45,2	12,3	27,1	54,9	44,6
Норвегия	11,8	—	2,9	1,2	1,8	2,9	0,4	0,6	5,7	9,6	8,0	9,9
Перу	25,7	23,6	32,4	41,6	45,3	44,8	39,2	33,0	33,3	36,4	44,2	34,9
Россия и СССР	34,3	31,9	25,9	20,9	16,0	5,0	—	—	—	2,0	2,0	3,3
Испания и Португалия	54,7	37,1	46,2	42,0	42,0	41,0	35,0	23,0	33,2	36,5	51,8	55,1
С.-А. Соед. Штаты	557,4	525,5	646,2	881,2	872,1	865,7	583,5	548,4	229,3	431,0	650,9	741,3
Прочие страны	12,4	25,4	14,9	15,3	23,1	15,3	12,2	11,3	15,0	15,5	21,6	21,1
Всего	1002,3	923,9	1071,3	1364,2	1438,3	1401,9	1009,0	953,2	556,6	867,0	1245,7	1366,7

[1] The Mineral Industry during 1922; The Mineral Industry during 1924.

различиями по степени богатства металлом, легкости переплавки, содержанию благородных металлов в меди и другим особенностям, приводящим к резким различиям в себестоимости меди.

По всем этим причинам условия конкуренции отдельных районов время от времени сильно меняются, что создает особо благоприятное положение для одних и крайне неблагоприятное положение для других районов. Так было в середине XIX века и в последующие десятилетия, когда на мировом рынке появилась дешевая чилийская медь, которая произвела сильные пертурбации на мировом рынке и оказала угнетающее влияние и на нашу медеплавильную промышленность, сократившую в течение третьей четверти XIX века свою выплавку почти вдвое. В конце 1870-х гг. опасными конкурентами оказались Испания с Португалией, возобновившие разработку своих старинных рудников, а с начала 1880-х гг. — С.-А. Соед. Штаты.

Аналогичное явление, хотя, повидимому, в гораздо менее сильной стенени, происходит и в настоящее время, в связи с появлением на мировом рынке дешевой африканской и южно-американской меди.

На возможность крупной роли африканской меди указывалось еще перед войной, и в настоящее время эти предсказания начинают осуществляться.

Самые крупные месторождения Африки, а может-быть, и всего земного шара, лежат в районе Катанга (Katanga) в Бельгийском Конго и принадлежат компании Union Minière. О темпе развития деятельности этой компании можно судить по тому, что выплавка меди компанией поднялась с 997 тонн в 1911 г. до 7409 тонн в 1913 г., 57 886 тонн в 1923 г. и 94 426 тонн в 1924 г.[1] Судя по опубликованным отчетам, компания имеет возможность доставлять в Европу медь по 50 фунт. стерл. за тонну, т.-е. около $7^1/_2$ руб. за пуд, при чем в будущем и эта цифра может быть понижена, в случае дальнейшего расширения выплавки меди, которая, по сообщению специальной печати, будто бы может быть доведена до 230 000 тонн. Если даже в приведенные цифры внести некоторую поправку, учитывая неизбежную в таких случаях «оптимистическую надбавку» со стороны руководителей предприятия, то и тогда придется признать серьезное значение для мирового рынка огромных африканских месторождений меди и построенных на них гигантских медеплавильных заводов.

Что касается Чили, которое, как упоминалось выше, одно время уже производило сильнейшие пертурбации на европейском медном рынке, выбрасывая туда огромные по тому времени количе-

[1] O. Letcher, «Katanga and its mineral development». «Engineering and Mining Journal-Press», February 14, 1925.

ства дешевой меди, а затем было оттеснено на задний план Испанией и С.-А. Соед. Штатами, то в последние годы усиленный приток сев.-американских капиталов в медеплавильную промышленность Чили восстановил былую славу этого района, который обогнал Японию, Мексику и Испанию и выдвинулся сейчас в качестве крупнейшего после С.-А. Соед. Штатов мирового производителя меди.

Как уже отмечалось выше, довоенная Россия являлась единственным европейским государством, которое перед войной обнаруживало способность к быстрому развитию своей медеплавильной промышленности на собственных рудах, и которое быстро приближалось к освобождению от иностранной зависимости в деле снабжения медью.

Базой развития нашей медеплавильной промышленности являются многочисленные месторождения медных руд, имеющиеся во многих местах нашего Союза: прежде всего на Урале, затем в Азиатской части Союза, главным образом в Киргизских степях и на Кавказе, в особенности в Закавказье. Кроме того, в обширном Приуральском районе имеются обширные месторождения медистых песчаников, пока еще не разрабатывавшиеся.

Наибольшее промышленное значение имели до сих пор и имеют особенно в настоящее время месторождения нашего старейшего медеплавильного района — Урала. Медные руды встречаются здесь как на западном, так и на восточном склоне Уральского хребта. Наибольшее значение имеют коренные месторождения восточного склона, встречающиеся в виде жил медного колчедана, медного блеска и других медных руд. На западном склоне Урала медные руды находятся во многих местах в виде гнезд в песчанистых слоях пермской геологической формации и отличаются меньшим процентным содержанием металлической меди.

Таким образом, все разрабатывавшиеся до сих пор медные месторождения расположены либо на далеких окраинах Европейской части Союза, либо в глубине Азиатской части, при чем некоторые месторождения (например, месторождения Киргизской степи или Зангезурского уезда в Закавказье) до последнего времени находились (и в большинстве случаев находятся и сейчас) в крайне тяжелых транспортных условиях, так как они иногда удалены на сотни верст от железных дорог и в подавляющем большинстве случаев лежат далеко от удобных водных путей сообщения. А так как процентное содержание меди в руде обычно невелико (у нас перед войной, в среднем, около 3%), то, во избежание крупных расходов по транспорту, руду приходится обрабатывать на месте. Вследствие этого, наши медеплавильные

заводы располагались у медных месторождений, т.-е. на далеких окраинах — на Урале, в Киргизских степях и в Закавказье.

Правда, медь, как продукт сравнительно дорогой, при современной технике транспорта выдерживает, хотя и не всегда легко, длинные перевозки. Но гораздо труднее проблема доставки на заводы топлива и других вспомогательных материалов. Так, например, уральским медеплавильным заводам приходилось доставлять из Донбасса кокс, закавказским заводам приходилось перевозить на большие расстояния нефть.

В то время как выплавка меди происходила на окраинах страны, переработка меди в готовые изделия сосредоточивалась, главным образом, в Московском и Ленинградском районах, отличаясь не только географической, но еще более сильной экономической концентрацией. В последние годы перед войной на русском медном рынке играли руководящую роль 5 крупнейших предприятий по обработке меди (объединенных специальным соглашением синдикатского типа), на долю которых приходилось около $^3/_4$ всей перерабатывавшейся в стране меди.

Отмеченное несовпадение географии выплавки и переработки меди в пределах нашего Союза, в связи с другими причинами, оказывало влияние на характер развития нашего медного дела и налагало свой отпечаток на организационную структуру медной промышленности (отсутствие вертикального объединения, крупная роль распределительных организаций и т. д.). Не входя здесь в детали этого вопроса, отметим лишь следующее.

Вследствие географического разобщения центров выплавки и переработки меди и в связи с недостатком средств у медеплавильных предприятий, в довоенной России не могли развиться предприятия, построенные по принципу вертикального объединения, т.-е. соединяющие выплавку меди с ее переработкой. Трудность образования таких предприятий усугублялась тем обстоятельством, что в первые годы после введения у нас электролитического рафинирования меди, которое предшествует переработке меди в изделия, это рафинирование производилось почти исключительно в Петербурге, на заводе бывш. Розенкранца. Только с притоком английского капитала в Кыштымский округ, здесь, в самые последние годы перед войной, на ряду с медеплавильным делом, был организован также и большой электролитный завод, выпускавший электролитическую медь.

Та же удаленность медеплавильных заводов от центров потребления меди благоприятствовала развитию влиятельных посреднических организаций. Обусловливаемый этой удаленностью более медленный оборот капитала усугублял недостаток оборотных средств у медеплавильных заводов и ставил эти заводы в большую зависимость от покупателей меди и прежде всего от посредников по ее распределению.

В качестве крупного покупателя-посредника в довоенное время на медном рынке играл выдающуюся роль Торговый Дом Вогау и К°, который был связан системой долгосрочных синдикатских договоров, с одной стороны, с объединением медеплавильных заводов и, с другой стороны, с синдикатом прокатных заводов.[1]

За последние годы перед войной наша медеплавильная промышленность испытала чрезвычайно быстрое развитие, в котором приняли энергичное участие все три главнейших района выплавки меди: Урал, Кавказ и Киргизские степи. Вот соответствующие данные о выплавке меди (в тыс. пуд.).[2]

Годы.	Урал.	Кавказ.	Киргизские степи.	Прочие районы.	Всего.
1901	217	247	22	30	517
1906	290	237	35	6	571
1907	445	306	52	7	811
1908	524	310	100	58	991
1909	519	410	110	47	1087
1910	651	477	157	43	1328
1911	769	526	202	84	1584
1912	1085	539	277	113	2074
1913	996	628	309	124	2057

Как видим, особенно быстрый рост выплавки начинается с 1907 г. и продолжается до 1912 г. С 1907 по 1912 г. размер выплавки увеличивается в $2^1/_2$ раза, за весь же рассматриваемый 13-летний период — почти в 4 раза. Если принять во внимание, что средняя ежегодная выплавка в пятилетие

---

[1] Чрезвычайно сложная и в то же время весьма своеобразная система синдикатских соглашений, имевших целью регулирование русского медного рынка, подробно разобрана автором в 3-й части монографии «Медная промышленность России и мировой рынок», написанной по поручению состоящей при Академии Наук СССР Постоянной Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС). Из этой монографии до сих пор выпущены в свет только 1-я и 2-я части (в 1922 г. и в 1925 г.).

[2] Таблица составлена по данным «Сборников статистических сведений по горнозаводской промышленности» за разные годы и «Общего обзора главных отраслей горной и горнозаводской промышленности». Петроград, 1915 г.

1901—1905 г. составляла 548 тыс. пуд. против 438 тыс. пуд. в среднем за 1896—1900 гг. и 301 тыс. пуд. в среднем за 1886—1890 гг., то окажется, что за один 1907 г. выплавка меди увеличилась почти на столько же, как за три предшествующих пятилетия. Таким образом, можно сказать, что, начиная с 1907 г., самый масштаб развития медного дела в России совершенно изменяется. О быстроте темпа развития нашей медной промышленности в последние годы перед войной можно судить по тому, что с 1906 по 1912 г. мировая выплавка меди увеличилась только на 43%, а выплавка меди в С.-А. Соед. Штатах — на 35%. Конечно, все эти удвоения и учетверения размеров производства в столь короткие сроки были возможны лишь потому, что абсолютные размеры нашей выплавки выражались в сравнительно скромных цифрах. Расширение одного крупного уральского предприятия (Кыштымского) привело к удвоению всей уральской выплавки меди на протяжении 4 — 5 лет. Рост кавказской выплавки также обязан своим существованием всего двум предприятиям. Тем не менее, все же надо признать, что по сравнению с предшествующей историей нашего медного дела последний период перед войной занимал совершенно исключительное место. К этому же выводу приводит сравнение итогов развития нашего медного дела перед войной с ростом выплавки меди в тех странах, которые в новейшее время также очень быстро развивали свое медное дело и по абсолютным размерам выплавки приближались к России. Вот соответствующие данные:

Страны.	Выплавка в тыс. тонн.		Прирост за 1906 — 1912 гг.	
	1906 г.	1912 г.	В тыс. тонн.	В %.
Канада	19,1	34,2	15,1	79,1
Япония	37,0	62,5	25,5	68,9
Норвегия	6,2	11,2	5,0	80,6
Перу	13,5	26,5	13,0	96,3
Куба	1,4	4,4	3,0	285,7
Россия	9,3	33,6	27,3	261,2

Как видно из этих данных, расширение русской медной промышленности происходило перед войной в 2 — 3 раза быстрее, чем в других государствах с выплавкой меди, приближающейся по своим размерам к русской. Только Куба с ее ничтожной выплавкой по темпу роста последней опережала Россию.

Обращаясь к рассмотрению причин быстрого подъема нашей медной промышленности перед войной, необходимо прежде всего заметить, что этот подъем происходил не только в России, но и на мировом рынке и, следовательно, имел в своем основании некоторые причины общего характера. Действительно, со второй половины 90-х гг. XIX века, в связи с огромным ростом применения электричества и развитием электротехнической промышленности, чрезвычайно усилился спрос на медь, что вместе с другими причинами (рост потребления меди для нужд машиностроения и других отраслей) создало повышательную конъюнктуру на мировом медном рынке. Медные цены, несмотря на чрезвычайно резкие колебания, весьма характерные для этого металла, в общем все время обнаруживали тенденцию к значительному повышению. Это повышательное движение отразилось и на русском медном рынке. Вот данные о средних годовых ценах иностранной штыковой меди на бывшей Петербургской бирже. [1]

Годы.	В золотых рублях за пуд.	В % к средней цене за 1890—1899 гг
1890—1899	12,85	100
1904	14,14	110
1905	16,08	125
1906	19,95	155
1907	20,16	157
1908	15,23	118
1909	15,01	117
1910	15,17	117
1911	15,05	117
1912	17,55	137
1913	17,97	140

Приведенные цифры свидетельствуют о явной тенденции к повышению, которая была усилена вступлением в действие в феврале 1906 г. новой таможенной пошлины на ввозимую из-за границы медь; эта пошлина была повышена с 3 р. 75 к.

[1] Составлено на основании «Свода товарных цен на главных русских и иностранных рынках».

до 5 р. (золотом) на пуд. Но значение этого повышения не следует преувеличивать. Достаточно беглого взгляда на приведенную выше таблицу, чтобы убедиться, что медные цены испытывали влияние гораздо более мощных факторов, чем изменение таможенной пошлины на 1 р. 25 к. В самом деле, в 1905 г., т.-е. до вступления в силу новой пошлины, цены повышаются почти на 2 р., в 1906 г. — почти на 4 р., в 1908 г. падают почти на 5 р., а в десятилетие 1900—1909 гг. стоят в среднем на 3 р. 18 к. выше, чем в 1890 — 1899 гг., т.-е. в период действия старой пошлины.

Тем не менее высокая таможенная пошлина держала медные цены на русском рынке на значительно более высоком уровне, чем на мировом рынке, хотя разница этих цен для крупнейших потребителей меди, покупавших последнюю у медного синдиката на основании долгосрочных договоров, не достигала полного размера таможенной пошлины.[1]

Высокие цены на медь совпали с огромным ростом ее потребления. Если ограничиться последним 6-летием перед войной, то картина роста потребления меди в России, по подсчетам бывшего медного синдиката (Акц. Об-во «Медь»), представится в таком виде:

Годы.	Потребление в тыс. пуд.
1908	1175
1909	1296
1910	1709
1911	1902
1912	2309
1913	2436

Если принять размер потребления меди в 1908 г. за 100, то потребление ее в последующие годы выразится в следующих цифрах:

1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
100	110	145	162	196	207

Таким образом, в течение рассматриваемого периода потребление меди увеличилось более, чем в два раза. Огромный рост потребления меди был вызван общим промышленным оживлением страны, в особенности же быстрым ростом применения электричества. Согласно официальному обследованию б. министерства финансов, с 1905 г. по 1913 г. количество электриче-

[1] Вопрос о политике цен медного синдиката подробно рассмотрен автором в 3-й части упомянутой выше монографии «Медная промышленность России и мировой рынок», выходящей в издании КЕПС'а.

ской энергии, полезно отпущенной центральными и частными станциями в России, увеличилось для освещения с 222 до 385 миллионов киловатт-часов, или на 73%, и для движения и других технических целей с 260 милл. до 1490 милл. киловатт-часов, или на 289%. Результатом быстрого развития применения электричества был все возрастающий спрос на медную проволоку, электрические кабели и другие изделия электротехнической промышленности. Хотя значительная часть последних (машины, приборы и пр.) доставлялись, главным образом, из-за границы, но некоторые производства (производство медной проволоки, электрических проводов и кабелей) прочно утвердились в России и поглощали огромную часть выплавлявшейся меди. Производство одной только медной проволоки поглощало свыше $^1/_4$ всей выплавлявшейся в России меди. К этому надо прибавить крупное количество меди, входящее в состав кабелей (от 7 до 30% общего веса последних).

О росте спроса на медь со стороны электропромышленности свидетельствует и возрастающее потребление так называемой электролитической меди, т.-е. меди, подвергнутой рафинированию посредством электрического тока. В то время как в 1909 г. из общего количества меди, потребленной в России, на долю электролитической меди приходилось всего 36,8%, а на долю обыкновенной — 63,2%, в 1913 г. доля первой поднялась до 60,5%, а второй опустилась до 39,5%.

Правда, электролитическая медь употребляется не только для нужд электропромышленности, но и в некоторых случаях, где вообще требуется химически чистая медь. Тем не менее приведенные сейчас цифры с несомненностью свидетельствуют об огромной и все возрастающей роли электропромышленности, как потребителя красного металла.

Значительное количество меди употреблялось, далее, для различных отраслей машиностроения, при чем, хотя медные части составляли относительно небольшую долю общего веса машин, роль этих частей была очень крупной, существенной и во многих случаях незаменимой.

Только-что было замечено, что внутренний рынок предъявлял спрос, главным образом, на электролитическую медь. Спрос на обыкновенную медь возрастал очень слабо, а временами и совсем не возрастал. Это обстоятельство грозило перепроизводством обыкновенной меди со всеми вытекающими из этого последствиями. Во избежание этого, а также по некоторым другим соображениям, русские медеплавильные заводы образовали в конце 1907 г. медный синдикат под названием Акц. Об-во «Медь», который, в целях урегулирования сбыта меди, поставил себе задачей организацию за общий счет (в Петербурге) электро-

лиза обыкновенной меди, т.-е. превращения последней в электролитическую. Электролиз меди снимал с рынка излишнюю обыкновенную медь и уменьшал возможные убытки от размещения этой меди на внутреннем рынке. Благодаря быстрому развитию у нас процесса электролитического рафинирования меди, Россия очень быстро освобождалась от необходимости ввозить иностранную электролитическую медь, доля которой в снабжении русского рынка резко уменьшилась. По подсчетам бывшего медного синдиката, участие русской и иностранной меди в снабжении нашего медного рынка выражалось в таких цифрах:

Годы.	Русская медь.		Иностранная медь.	
	В тыс. пуд.	В %.	В тыс. пуд.	В %.
1908	906	77	270	23
1909	1084	84	213	16
1910	1310	77	399	23
1911	1425	75	477	25
1912	1880	81	429	19
1913	2062	85	374	15

Как видно из этих данных, растущее потребление меди покрывалось все в большем размере металлом внутреннего производства. Приближался момент, когда внутреннее производство должно было превысить потребление меди. Отдельные предприятия уже готовились к экспорту меди. Но все эти планы и перспективы были совершенно разрушены войной.

Необходимо отметить, что в изображенном выше подъеме медного дела в России огромную роль сыграли иностранные капиталы. Импорт меди в Россию в последние годы перед войной только потому и уменьшился, что в это время происходил импорт иностранных капиталов, которые послужили одним из главных источников финансирования нашей медеплавильной промышленности. По подсчетам П. В. Оля, любезно сообщенным автору, акционерные и облигационные капиталы медеплавильных предприятий, в которые в той или иной форме были вложены иностранные капиталы, поднялись с 7,2 милл. золотых рублей в 1901 году до 14,2 милл. рублей в 1905 г., 23,3 милл. в 1906 г., 33,8 милл. в 1908 г., 55 милл. в 1912 г. и 61,4 миллионов рублей в 1914 г. Из последней суммы 6 милл. рублей приходилось на долю французских, а остальное — на долю англий-

ских капиталов. Насколько велика была роль названных капиталов в развитии нашего медного дела, видно из того, что почти весь прирост выплавки меди, имевший место перед войной, должен быть отнесен на долю, главным образом, английских и в меньшей мере французских капиталов. Роль германского капитала была гораздо более скромной и ограничивалась почти до самой войны участием в одном предприятии (бр. Сименс), не носившем акционерной формы. Так, например, из общего прироста уральской выплавки меди в период 1908 — 1913 гг., составившего 475 тыс. пуд., на долю одного Кыштымского Общества, финансируемого английским капиталом, приходилось 448 тыс. пуд. Еще большая роль принадлежала предприятиям с участием иностранного капитала на Кавказе. Фактически почти весь прирост выплавки меди в этом районе должен быть отнесен на счет двух иностранных предприятий — французского (Кавказское промышленное и металлургическое Об-во) и английского (Кавказское меднопромышленное Об-во). Такую же роль в развитии выплавки меди в Киргизских степях сыграло финансируемое английским капиталом Общество Спасских медных руд.

После постройки в последние годы перед войной упомянутых выше крупных медеплавильных заводов производительная способность нашей медеплавильной промышленности сильно повысилась и во время войны определялась официальной комиссией при Горном департаменте в 3 миллиона пудов меди в год, а с окончанием постройки Атбассарского завода — даже в $3^1/_2$ милл. п. в год.

По своему оборудованию некоторые наши заводы, как, например, Кыштымский, по отзыву специалистов, вполне стояли на уровне американской металлургической техники.

Таково было в самых общих чертах положение дела перед войной. Последняя предъявила огромный спрос на медь, потребление которой резко возросло и в 1916 г. достигло около 5 миллионов пуд., т.-е. увеличилось более чем вдвое по сравнению с 1913 г. (2,4 милл. пуд.). Казалось бы, Россия, являвшаяся единственной европейской страной с быстро прогрессирующей и имеющей все данные для дальнейшего развития медной промышленностью, должна была оказаться в выгодном и благоприятном положении хотя бы в области снабжения медью. Но этого не случилось. Вследствие непосредственного влияния войны на закавказские заводы и под влиянием недостатка рабочих, топлива (кокса) и вспомогательных материалов, обусловленного, в свою очередь, транспортными затруднениями и общим расстройством нормальной хозяйственной деятельности, выплавка меди во время мировой войны не только не увеличилась, а стала неуклонно сокращаться. В результате с первого же года войны мы стали страдать от недостатка меди и нуждаться в привозе огромных количеств этого металла из-за границы.

После Октябрьской революции сокращение выплавки меди пошло еще более ускоренным темпом, а затем, в связи с разразившейся в районах выплавки меди гражданской войной и общим хозяйственным развалом, выплавка меди и совсем прекратилась, при чем почти все медные рудники Урала были залиты водой. Лишь в мае 1922 г., после 4-летнего перерыва, был пущен в ход Калатинский завод, продукция которого в 1922 — 1923 операционном году составила всего около 100 тыс. пуд.

Предшествующее изложение показало, что наша медеплавильная промышленность выросла и окрепла в работе на собственных рудах и на обслуживании внутреннего рынка. На последнем решающее значение имел не массовый, так называемый «народный» спрос (как это имеет место, например, у текстильной промышленности), а промышленное потребление. Преобладающая часть меди находила и может находить сбыт на внутреннем рынке лишь при посредстве других отраслей обрабатывающей промышленности, главным образом электропромышленности и машиностроения. Поэтому и в настоящее время, после приступа к восстановлению выплавки меди в 1922 году, последняя находится и будет находиться в большой зависимости прежде всего от наших природных ресурсов (запасов медных руд) и затем от общего темпа того восстановительного процесса, который переживает наше народное хозяйство в последнее время.

Что касается первого условия, т.-е. природных ресурсов, то необходимо признать, что, несмотря на недостаточную обследованность наших недр, мы все же можем считать, что имеющиеся на территории Союза медные месторождения могут считаться достаточной базой для спокойной работы нашей медеплавильной промышленности на внутренний рынок в течение ближайших десятилетий.

По подсчетам Геологического Комитета, опубликованным 4 года тому назад,[1] запасы медных руд в главнейших месторождениях Урала (действительные, отчасти вероятные), имеющие промышленное значение, определяются в размере около $1^1/_2$ миллиарда пудов, с содержанием меди в руде от $1^1/_2$ до $5^0/_0$. Если не считать потерь меди при извлечении ее из руды (эти потери зависят от состояния техники), то общий запас меди в обследованных месторождениях составит около 30 — 35 миллионов пудов. Некоторые более поздние подсчеты увеличивают запасы разведанных руд в главнейших месторождениях Урала до $2^1/_4$ миллиардов пудов с содержанием меди в 42 миллиона пудов.[2]

По подсчетам, произведенным местными деятелями (правильность этих подсчетов подвергается сильному и, повидимому, спра-

[1] Журнал «Горное Дело», № 1—2 за 1921 г.

[2] М. Софронов, «Медная промышленность». «Экономическое Обозрение», вып. 14 за 1924 г.

ведливому сомнению со стороны компетентных геологов),[1] запасы медных руд на Урале превышают приведенные цифры более чем вдвое.

Необходимо, однако, иметь в виду, что разведанная часть Урала, на котором концентрируется сейчас вся наша медеплавильная промышленность, составляет лишь небольшую часть его территории, и что дальнейшая работа по использованию и изучению наших недр может изменить приведенные подсчеты.

Многочисленные месторождения Сибири и Киргизских степей в общем сравнительно мало увеличивают цифру уральских запасов. Более значительны запасы меди на Кавказе. По приблизительным подсчетам компетентных геологов, выясненные и предположительные запасы кавказских месторождений определялись несколько лет тому назад в размере 20 — 25 миллионов пудов меди.

В настоящее время эта цифра должна быть уменьшена, так как крупнейшее кавказское медеплавильное предприятие (Кавказское меднопромышленное общество), находящееся в Артвинском округе в 60 верстах от Батума и располагавшее крупнейшими выясненными запасами медных руд (около 400 миллионов пуд. 3%-ной руды), отошло к Турции. Но, с другой стороны, с проведением Баку-Джульфинской жел. дороги приобретают совершенно иное промышленное значение месторождения Зангезурского района, находившиеся до сих пор в крайне невыгодных транспортных условиях.

Переходя к экономическим условиям, необходимо признать, что постепенное оздоровление нашего народного хозяйства, восстановление и расширение оборудования и, в частности, хотя и медленное, но все же непрекращающееся движение в сторону электрификации страны, приводят к усилению спроса на медь. Еще 2 — 3 года тому назад, при полном прекращении выплавки меди, мы могли обходиться старыми ее запасами, накопленными во время мировой войны.

Насколько слаб был тогда спрос на медь, видно хотя бы из того, что летом 1922 г. в Петрограде на вольном спекулятивном рынке медь расценивалась не дороже железа. С тех пор положение резко изменилось. По приблизительным подсчетам ВСНХ, потребление меди в нашей стране за последние годы выразилось в таких цифрах (в тыс. пуд.):

1920 г.	250
1921—2 г.	602
1922—3 г.	776
1923—4 г.	1070
1924—5 г. (предполаг.) . .	1355

[1] В. Котульский, «Запасы медных руд и описание меднорудных месторождений Урала», «Горный Журнал», № 6—8 за 1924 г., стр. 576—8.

Рынок предъявляет крупный спрос на медь, в особенности электролитическую, для нужд электротехники, и на очередь выдвигается вопрос о значительном расширении выплавки меди.

Необходимо, однако, иметь в виду, что та обстановка, в которой происходит сейчас это расширение, сильно отличается от довоенной.

Прежде всего, в настоящее время выплавка меди пока сконцентрирована только в одном районе.

С самого начала мировой войны выплавка меди на Кавказе сильно пострадала, так как некоторые заводы (Дзансульский) оказались непосредственно в районе военных действий, а другие стали страдать от недостатка рабочих, вспомогательных материалов и т. п. Последовавшие затем события гражданской войны, по имеющимся сведениям,[1] окончательно вывели из строя медные предприятия Кавказа, для восстановления которых потребуется много усилий и материальных средств.

Киргизские предприятия, по тем же сведениям, в техническом отношении сохранились в удовлетворительном состоянии, но экономическая целесообразность пуска их в ход до последнего времени оставалась еще невыясненной, в связи с недостатком оборотных средств и затруднительностью снабжения районов продовольствием и вспомогательными материалами. Предприятия этого района, равно как и завод и рудник «Юлия» в Енисейском районе, находятся в состоянии консервации.

Таким образом, единственным районом, где в последние годы велась выплавка меди, является Урал. Выплавка эта сосредоточивается в одной организации — Уральском медном тресте («Уралмедь»), в состав которого входят месторождения медных руд бывшего Верх-Исетского округа, медеплавильные заводы Калатинский и Карабашский и Нижне-Кыштымский электролитный завод. Выплавка меди до 1925 г. сосредоточивалась на одном Калатинском заводе, успешность работы которого, согласно отчету ВСНХ III Съезду Советов СССР,[2] вначале ослаблялась вследствие недостатка водоотливных средств и неисправного состояния водоотводных магистралей. Самая большая шахта Калата в течение года не эксплуатировалась вследствие пожара. Слабая подача руд с рудников объяснялась недостатком перевозочных средств.

Медеплавильные заводы треста нуждались в дополнительном оборудовании. После осуществления этой меры действующий в настоящее время Калатинский завод мог бы поднять свою выплавку до 275—300 тыс. пуд.

---

[1] М. Софронов, цит. выше статья, стр. 78.

[2] «Русская промышленность в 1923 г.». Ежегодник ВСНХ. Год издания 3-й. Изд. РИО ВСНХ.

Но так как возрастающий спрос на медь не мог быть покрыт одним Калатинским заводом, то «Уралмедь», осуществляя намеченную программу по восстановлению уральского медного дела, после усиленных подготовительных работ, в мае 1925 г. пустил в ход крупнейший у нас Карабашский завод (бывшего Кыштымского Об-ва), в свое время рассчитанный на выплавку 500 — 600 тыс. пуд. меди в год. В настоящее время на Урале попрежнему остается один государственный трест «Уралмедь», который развертывается в три комбината: Калатинский, Карабашский и вновь создаваемый Богомоловский. Кроме того, решено восстановить выплавку меди в Киргизских степях (Атбассарское и Спасское предприятия объедияются в Атбассарский трест) и в Закавказье, предприятия которого объединяются в трест «Закавказская медь».

В отличие от довоенного периода, восстановительный процесс в нашей медеплавильной промышленности происходил до настоящего времени без участия иностранного капитала. Попытка привлечь на концессионных началах английский капитал (в лице Уркарта) к восстановлению выплавки меди в Кыштымском округе, как известно, оказалась неудачной, и в настоящее время восстановление выплавки меди в этом округе происходит на наши собственные средства и, конечно, в меру этих средств. Переговоры относительно другого округа оказались удачнее. В октябре 1925 г. нашим правительством заключен концессионный договор с английской компанией «Лена Гольдфильдс Лимитед». Одним из объектов этой концессии являются медные и железные предприятия и месторождения Сысертского и Ревдинского округов на Урале, в том числе Дегтяринское медное месторождение и Гумешевский медеплавильный завод. При полном развитии работ концессионер обязан выплавлять не менее 920 тыс. пуд. меди в год.[1]

Нынешнее развитие нашей медеплавильной промышленности, как упоминалось в начале, происходит и при совершенно иной, чем перед войной, конъюнктуре мирового медного рынка. С одной стороны, послевоенная депрессия, переживаемая мировым хозяйством, сдерживает рост потребления меди. С другой стороны, вследствие отмеченного выше усиления роли Африки и Ю. Америки, и в связи с происходившим поступлением на рынок огромных запасов старой меди (вследствие переплавки ненужных военных материалов), медные цены мирового рынка, начиная с 1921 г. и до настоящего времени, стоят в общем ниже довоенного уровня или около него. А так как общетоварный индекс сейчас превышает довоенный уровень приблизительно в $1^1/_2$ раза, то в результате на мировом рынке создаются медные «ножницы»,

[1] «Экон. Жизнь» ст. 15 XI 1925. г.

оказывающие неблагоприятное влияние на деятельность даже значительной части крупных американских предприятий, работающих с сравнительно высокими издержками производства. С этой точки зрения, помимо существующей у нас организации внешней торговли, для медеплавильной промышленности Союза крупное значение имеет высокая таможенная охрана, установленная тарифом 1924 г. в размере 37 рублей со 100 килограммов меди, что составляет 6 р. 6 к. с пуда меди. Таким образом нынешняя пошлина значительно превышает весьма высокую довоенную охранительную пошлину на ввозную медь, в размере 5 рублей с пуда.

PS. По предварительным данным, в течение истекшего 1924—1925 операционного года трестом «Уралмедь» выплавлено 6587 тонн черной (нерафинированной) меди против 2957 тонн в 1923—1924 г.; получено электролитической меди 5588,6 тонн против 2807 тонн в 1923—1924 г. Таким образом, энергичные усилия, делаемые для восстановления в Союзе ССР выплавки меди, уже начинают давать заметные результаты.

Согласно данным, опубликованным в 1926 г. уже после набора настоящего сборника, из всех заводов, действовавших перед войной, выбыло из строя 13 заводов, давших в 1913 г. 16 тыс. тонн меди, или 49,4% всей выплавки. Из них два завода отошли к Турции, остальные ликвидированы или ликвидируются, частью, вследствие отсутствия достаточных запасов руд, частью, вследствие полной устарелости оборудования или кустарного характера заводов (мелкие заводы). В частности, Спасский и Пышминско-Ключевский заводы будут еще на консервации до окончательного выяснения запасов руды. Остальные медеплавильные заводы (числом 6) и один электролитный (Н.-Кыштымский) или востановлены и пущены полным ходом (Калатинский, Таналыкско-Баймакский и отошедший в концессию Полевской), или восстанавливаются усиленным темпом с попутной выплавкой металла (Карабашский, Аллавердский и Зангезурский).[1]

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

[1] Материалы особого совещания по воспроизводству основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР. Серия I. Пятилетние гипотезы по отдельным отраслям промышленности. Под общей редакцией Г. Л. Пятакова. Кн. 1. «Цветная металлургия». Составили горные инженеры А. П. Иванов и И. Т. Гуштюк. М. 1926, стр. 16—17.